

WWW.FEISOVET.RU

Майна
Во Дворце...

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА

ЯНТАРЬ

В БОЛОТЕ

ПРОДАМАН.РУ
Самиздат для любителей прозы

Annotation

Огненная алатырница Алёна Еманова из рода пластунов жила и не тужила. Несла службу у Граничного Хребта, звёзд с неба не хватала и жизнь свою менять не хотела. Но волею главы Разбойного приказа Вьюжина она вынуждена оставить службу и ехать напрямиком в великокняжеский дворец, чтобы...

А вот зачем - не понять. Боярин Вьюжин что-то серьёзное задумал и рассказывать Алёне ничего не намерен, девицы из свиты княгини невзлюбили с первого взгляда.

Но, главное, есть тут человек, которого она пусть и мечтала, но не думала встретить. А княжеский дворец хоть и велик, да только судьбу всё одно - не обманешь!

-
- [Дарья Кузнецова - Янтарь в болоте](#)
 - [ГЛАВА 1. Княжеская воля](#)
 - [ГЛАВА 2. Княжеский дворец](#)
 - [ГЛАВА 3. Княжеская жена](#)
 - [ГЛАВА 4. Княжеский воевода](#)
 - [ГЛАВА 5. Княжеская дружина](#)
 - [ГЛАВА 6. Княжеское приглашение](#)
 - [ГЛАВА 7. Княжеская тропа](#)
 - [ГЛАВА 8. Княжеское внимание](#)
 - [ГЛАВА 9. Княжеская находка](#)
 - [ГЛАВА 10. Княжеский сын](#)
 - [ГЛАВА 11. Княжеский праздник](#)
 - [ГЛАВА 12. Княжеский двор](#)
 - [ГЛАВА 13. Княжеское сердце](#)
 - [ГЛАВА 14. Княжеская беда](#)
 - [ГЛАВА 15. Княжеская ноша](#)
 - [ГЛАВА 16. Княжеские смотрины](#)
 - [ГЛАВА 17. Княжеское слово](#)
 - [ГЛАВА 18. Княжеская милость](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [Об авторе](#)

- [Все книги автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Дарья Кузнецова - Янтарь в болоте

ГЛАВА 1. Княжеская воля

Дорогу к хозяйскому дому Алёне легко указали в ближайшей деревне. Словоохотливый мальчишка за недолгий разговор успел предупредить о жуткой ведьме, которая там живёт, жрёт заезжих путников и вообще страшна, как сердце Болота, и несколько раз спросить, зачем девушка туда едет. Та только отмахнулась от всех предостережений и вопросов – ведьм не боится, едет за надом, а от любопытства кошка сдохла.

Не говорить же пострелу, что и сама толком не знала, зачем провела в седле минувшую седмицу. Человек военный, подневольный, велено прибыть в господское поместье близ деревеньки Вершки, что к северу от города Старокузнецка Горького уезда, - она и поехала. Да ещё какой приказ пришёл – с великокняжеской печатью, на белоснежной бумаге с золотым тиснением, в руки брать страшно. Хотя лучше бы он был попроще, но поподробнее.

За время пути Алёна успела выяснить, что поместье принадлежит уездному князю Краснову и служит вдовьим домом, в котором коротает дни его старая мать. Говорили и о том, что князь, человек ещё нестарый и крепкий, совсем недавно умер, оставив молодую вдову бездетной. Версий его скоропостижной гибели на девушку за время дороги вывалили с полтора десятка, от дурной болезни до гнева духов, так что судить о правде она не бралась – чернук^[1] ногу сломит, где уж простому человеку понять.

Да и не волновала её судьба уездного князя. С чего его жалеть, чужого человека? Не за дело ли его к Матушке на поклон отправили прежде срока? Гораздо важнее было понять, зачем и кому в поместье вдруг понадобилась сама Алёна? Всю дорогу она себя об этом спрашивала, всю дорогу придумывала ответы и отбрасывала как глупые и невозможные, извелась совсем.

Но вот наконец и доехала, и, слегка робея, направила свою коренастую гнедую кобылу к настежь распахнутым воротам, с любопытством оглядываясь и всё больше разочаровываясь в увиденном.

Во дворе никого, но выметено чисто, и куры где-то совсем рядом квохчут, так что хозяйство точно не брошенное. Старый терем, добротный, но не так чтобы очень большой. Не княжеский, каким Алёна его себе представляла. Восьмерик в три этажа с высоким висячим крыльцом, справа к нему – большой сруб в два яруса с гульбищем понизу, подзоры и наличники с искусной резьбой, а больше и отметить нечего. Даже в родной станице Алёны дома побогаче попадались.

Рассудив, что, коль её сюда вызвали, можно в воротах не топтаться, Алёна спешила среди двора. Подобрала стремяна и повод, ослабила подпруги, в ответ на что Свечка шумно всхрапнула и несколько раз переступила задними ногами, словно приплясывая.

– Надеюсь, нас отсюда не выгонят взащей, а? – спросила Алёна, задумчиво похлопав кобылу по влажному от пота плечу.

Почистить бы её, бедную! И себя тоже. Лето в разгаре, дождя всю неделю не было, пылища аж на зубах скрипит.

– И вот с этим мне предстоит дело иметь? – Вдруг прозвучавший голос был старческим, резким, но сильным и громким.

Алёна вздрогнула от неожиданности, выглянула из-за преградившей обзор кобылы. И помянула деревенского мальчишку добрым словом, потому что иначе как злобной ведьмой стоящую на ступенях крыльца старуху не назвала бы и она сама.

Сухая, сморщенная, но спина прямая, как будто аршин проглотила. Чёрная юбка, чёрная душегрейка поверх чёрной рубахи, чёрный платок на голове – и как только не жарко в такую погоду! Опиралась старуха на кривую трость с блестящим набалдашником, рассмотреть который было невозможно.

– Здравия желаю, хозяйка! – ответила Алёна, привычно вскинула правую руку к левому плечу ладонью и коротко поклонилась. Старуха в ответ на это поджала губы куриной гузкой. – Хорунжий пятой Моховой заставы Алёна Еманова по княжескому приказанию прибыла!

– Помогите нам Матушка! – проворчала вместо ответа старуха и сотворила охранное знамение.

– Зря ты так, Людмила Архиповна, – прозвучал мужской голос, и из тени на крыльце выступил ещё один человек, до того остававшийся незамеченным. И явно не по невнимательности Алёны, она готова была поручиться, что без чар не обошлось.

Мужчина тоже был немолод, но, очевидно, всё же моложе хозяйки. Полноватый, с округлым сытым лицом, морщин на котором было совсем мало. Дугами выгнутые седые брови придавали ему добродушное, немного удивлённое выражение. Только оно не производило на Алёну того располагающего впечатления, которое могло бы: под пристальным взглядом голубых глаз девушке становилось всё больше не по себе и огонь в крови бурлил, волновался.

Одет мужчина был строго, но чувствовалось – богато. Блестящие сапоги из отличной кожи, по последним столичным веяниям узкие светлые штаны, шитый серебром по серому кафтан, снежно-белая рубашка тоже с серебром. Покроем кафтан был как войсковые парадные, вот только цветами и отделкой отличался. Мелькнуло смутное ощущение узнавания, будто когда-то что-то такое Алёна встречала или слышала, но ухватить эту мысль она не успела.

– Несправедлива ты. Девица с дороги, несколько дней в седле, – говоря это, мужчина не спеша спустился по лестнице, вальяжно приблизился. Свечка нервно всхрапнула, и Алёна шикнула на неё, хотя мысленно согласилась: ей этот тип нравился ещё меньше старухи. – В остальном – хороша. Стан стройный, румянец живой, и посмотри, какая корона смоляная богатая, никаких камней не надо!

– С кем имею честь? - не выдержала Алёна, стараясь не выпускать этого, второго, из поля зрения. А он двигался вокруг, разглядывая её словно кобылу на ярмарке.

– Зови меня пока Алексеем Петровичем, - представился он, чему-то улыбаясь уголками губ. - Хозяйка, а прислуга-то где? Лошадку бы забрать, Алёну в покои проводить. Забыла, что ли, в своей глуши правила гостеприимства? Накорми, напои, в баньке попарь, а потом расспрашивай.

Старуха повелительно стукнула тростью, и в ответ на это, как по волшебству, из неприметной боковой дверцы выскочили двое. Хмурый высокий мужчина средних лет, который молча взял лошадь за повод, Алёна едва успела подхватить с седла перемётную суму. Светловолосая молоденькая девушка, почти девчонка, в длинном сарафане и с зелёной атласной лентой в волосах остановилась рядом с Алёной, поклонилась хозяйке и мужчине и только потом обратилась к гостю, любопытно блестя глазами:

– Пойдёмте, сударыня, проведу в покои.

– Ступай, после разговора. – Алексей Петрович повелительно взмахнул рукой, блеснул камень на перстне – крупный, тёмно-красный, что запёкшаяся кровь. Опять мелькнула какая-то мысль и опять ускользнула.

Алёна по-уставному попрощалась и пошла за девушкой к крыльцу, мимо старухи. Та смотрела так, будто Алёна обокрала её или в чём-то ещё провинилась, – холодно, зло, с отвращением.

– Как тебя зовут? – обратилась она к провожатой, когда дверь терема закрылась за спиной.

– Марьяна, сударыня.

– А я Алёна, и давай на ты. Скажи, а Алексей Петрович, кто он?

– Не знаю, он только прошлого вечера прибыл, – охотно отозвалась служанка. – Но птица, по всему видать, грозная, тайной тропой пришёл и с хозяйкой вон как разговаривает, а она – терпит и не спорит. И страшный такой, как зыркнет – душа в пятки! Хотя держится вежливо, рук не распускает, да и языка тоже. Насмешничает этак снисходительно, но не обидно, не зло.

– Марьяна, а что с князем случилось? – попыталась алатырница^[2] воспользоваться возможностью и узнать ответ хоть на один из своих вопросов.

Девушка ещё больше оживилась и принялась с воодушевлением делиться тем, что знала. Впрочем, многого рассказать она не могла, умер князь не здесь, а в главном имении совсем в других краях. Но всё же ей было больше веры, чем встреченным в дороге болтунам. По словам Марьяны, умер Краснов от удара по голове прямо в доме, и случайностью это не было. То ли воры залезли, то ли враги какие-то – непонятно. Но то, что жена молодая князю в дочери годилась, служанка считала дурным знаком и хотя прямо о том не говорила, но вдову явно подозревала.

Алёна обсуждать это не стала, но сомневалась, что молодая женщина так стремилась лишиться богатого мужа. Успела бы наследника родить – другой разговор, а нынче ей одна дорога оставалась, обратно в отчий дом вместе со всем приданым. Нестыдная участь, но и сладкой не назовёшь. А с другой стороны, большой вопрос, каким покойный князь был человеком и с охотой ли бедняжка пошла за него замуж?

В одном только алатырница уже почти не сомневалась: приказ ей прибыть сюда как-то связан именно со смертью князя, потому что больше ничего интересного или важного окрест не случилось. И ещё какое-то дело, которое собиралась иметь с ней старая княгиня. Почему именно с ней? Наверяд ли поближе алатырников не нашлось, не такая уж она необычная, жёлтый янтарь – не редкость. Сильная, но и посильнее бывают. Коль уж жутковатому Алексею Петровичу нетрудно по надобности тайной тропой пройти, то огненного алатырника поближе сыскать нё проблема. А какой с неё ещё прок? И почему этот мужчина расхваливал её внешность?..

Дурное предчувствие и нехорошие подозрения горячили кровь и подзуживали плюнуть на всё, прыгнуть на лошадь да удрать отсюда так быстро, чтоб только подковы сверкали. Но – увы, княжеский приказ держал надёжнее кандалов.

Алёна утешала себя тем, что служба – это всё-таки служба, а не приговор, так что потребовать от неё чего-то мерзкого и от этой самой службы далёкого даже великий князь не сможет. И постаралась пока отогнать тревожные мысли, сосредоточившись на простом и понятном. Например, на возможности наконец смыть с себя дорожную пыль.

Тем более устроили гостью лучше некуда. Просторная светлая спальня, при ней отдельная уборная и мыльня с водопроводом и большой ванной, чему Алёна порадовалась особенно. Марьяна показала, как с чем управляться, и унесла с собой грязную одежду, заверив, что всё вычистят и вернут. Алёна и сама бы справилась с этим делом, но настаивать не стала. Кто по доброй воле откажется переложить стирку на чужие плечи?

С огромным наслаждением алатырница разобрала волосы, в дорогу тщательно уложенные вокруг головы, и задержалась в мыльне на добрый час. Здесь было всё что нужно: и душистое цветочное мыло, и мочало, и большой отрез хорошего белого льна, который мог бы стать нарядной рубахой, а здесь им предлагалось обтираться после мытья. Ну... князя, что с них взять. Ощувив наконец чистоту, выполоскав из волос пыль и смыв с кожи вьевшийся пот, она совершенно развежилась и успокоилась.

Жаль, баньку Алексей Петрович помянул только для красного словца. Растопить бы пожарче, да чтобы веничком кто-то отходил от души, а из неё – в озеро. Какая у них на заставе баня, эх!.. Но

жаловаться было стыдно, она бы и корыту да шайке тёплой воды от души порадовалась.

Тщательно просушив после мытья кожу и ещё тщательней – густые длинные волосы, заметно потяжелевшие от воды, сначала тканью, и только после – чарами, Алёна босыми ногами прошлёпала по чисто выскобленным доскам пола в спальню. Её сумки так и лежали, брошенные, в углу у резного сундука, а на сундуке кто-то успел разложить чужие вещи – исподнее из коротких штанишек на завязках и тоненькой сорочки без рукавов, белоснежную верхнюю рубашку, узорчатый голубой сарафан в пол. Гостья с интересом пощупала богатую ткань, застыла в нерешительности.

Наряд оставили явно для неё, тут и думать нечего. И в других обстоятельствах она бы только порадовалась такой красоте, и примерила, и перед зеркалом покрутилась, благо тут было подходящее – новое, светлое, в рост. Уж больно хорош наряд, руки так и тянутся. Служба службой, а за её пределами Алёна, как любая девушка, не прочь была принарядиться.

Но молодой алатырнице очень не нравилось, что происходило сейчас вокруг, а неприятности сподручнее было встречать в привычной удобной одежде. Тем более выбор-то ей предоставили, личные вещи не забрали, даже сапоги успели вычистить и вернуть.

Колебалась Алёна недолго и в конце концов полезла за своими вещами в суму. Приказа надеть сарафан не было? Не было и быть не могло, а значит, лучше поскромнее, но – своё. Матушка знает, чем за принятый подарок плату потребуют.

Смена белья, узкие тёмные штаны, чистая рубаха, сменный тёмно-зелёный кафтан – почти новый, его девушка берегла и в дорогу предпочла надеть старый, потёртый, залатанный, какой не жалко. Всё по одному привычному образцу, как пограничники носили. К поясу – длинный кинжал, который всё мытьё пролежал на лавке, под рукой: расставаться с оружием дед отучил крепко. Всегда приговаривал, что товарищ упадёт, друг предаст, а шашка да кинжал – до смерти верны. Шашка ей, как алатырнице, не полагалась, да и глупо это, не женское оружие. В учёбе одно дело, дед на всякий случай натаскивал старательно, но в серьёзном бою невысокая девушка настоящему воину не соперница. Так зачем дразнить судьбу? Другое дело – хороший, по руке, кинжал.

Волосы она собрала в тугую косу, крепко перевязала. Остригла бы во время учёбы по примеру некоторых других девушек, но рука не поднялась, жаль стало. Стриглись те, кому и беречь особо нечего было, не одарила Матушка хорошей косой, а ей богатство такое отрезать – настоящее кощунство. Да и бабка бы небось отхлестала за то, что красоту не сберегла. Тяжело носить и мыть морока, но если хорошо убраться – то почти и не мешают.

Сидеть просто так, да ещё голодной с дороги, и ждать, пока про неё вспомнят, Алёна не стала, сама вышла из покоя в надежде узнать путь к кухне, а там без ломтя хлеба да миски каши всяко не осталась бы. Но проходившая мимо с большой корзиной в руках крупная немолодая женщина, у которой алатырница намеревалась узнать дорогу, очень обрадовалась встрече, сказала, что гостью давно ждут, и проводила немного.

Горница, куда Алёну привели, была убрана богато, все стены в резьбе и затейливой росписи, но выглядела угрюмой норой. Окна через одно закрыты глухими ставнями, печь в изразцах – зелёных, под малахит, и мебель тёмная: частью из старого дуба, частью из густозелёного болотного дерева, ценного и дорогого, которое славилось своей прочностью и долговечностью, даже в постоянной сырости не гнило. Скамья с резной спинкой перед печью, тяжёлые сундуки вдоль стен, посередине – стол с шестью высокими стульями вокруг вместо привычных лавок. Его устилала богатая шитая скатерть, но отчего-то не белая, а тёмно-синяя.

Самым светлым пятном был резной, из солнечной липы, лик Матушки в красном углу, с тёплым янтарным светцем перед ним, окружённый идолами её старших детей. Алёна сначала вежливо поклонилась хранителям дома, потом – опять вскинула руку к плечу, приветствуя хозяйку.

Та сидела во главе стола, справа от неё – Алексей Петрович. Старая княгиня снова смерила гостью недовольным взором и опять молча поджала губы, а мужчина бросил на хозяйку насмешливый взгляд.

– Садись, девица Еманова, с дороги, должно быть, голодна, поешь. – Он небрежно махнул на стул напротив себя.

Алёна села куда велели и от еды не отказалась. Под колючим и недовольным взглядом «злой ведьмы» и насмешливым – её гостя кусок

в горло не лез и норовил встать поперёк, но девушка уставилась в тарелку и сосредоточилась на предложенных яствах. Взглядом княгиня не прожжёт, не алатырница, а остальное можно и потерпеть. И вскоре девушка сумела отвлечься от тех, кто сидел с ней за столом, благодаря голоду и вкусу блюд, который оказался выше всяких похвал.

Правда, ненадолго.

– Ну хотя бы аккуратная, – выцедила старуха, и Алёна едва не поперхнулась от неожиданности.

– Так не звали бы за общий стол, – огрызнулась она, прожевав.

– Не звала бы, – недовольно подтвердила та и метнула злобный взгляд на мужчину.

– Людмила Архиповна, – с мягкой улыбкой и ленцой в голосе заговорил он. – Если его великокняжеская светлость вынужден решать те проблемы, которые оставил после себя ваш сын, потрудитесь хотя бы изобразить благодарность к его усилиям.

– Стыдить покойника – ума не надо, – резко возразила княгиня.

– Вы желаете обсудить степени вины? Или имеете иное решение? Так поделитесь. – Алексей Петрович выразительно выгнул брови. Из глаз и уголков губ пропала улыбка, и словно стужей потянуло по горнице.

– Всё в воле княжеской. – Тонкие морщинистые губы старухи опять сложились в куриную гузку, но продолжать спор она не осмелилась.

– Славно. Скажите, Алёна... Ивановна, верно? Почему Ивановна, кстати?

– В честь деда, он мне отца заменил, – ответила алатырница, прочистив горло, чтобы голос не сорвался.

– Забавно совпало. Матушка ваша погибла в стычке с болотниками, а отец?

– Понятия не имею. – Алёна пожала плечами.

Поворот разговора ей совершенно не понравился. По дороге она об этом думала, но не всерьёз, а коли сейчас Алексей Петрович заговорил... Нет, лучше бы эти двое продолжали между собой собачиться!

Хозяйка дома скривилась ещё сильнее, и от внимания мужчины это не укрылось.

– Что, Людмила Архиповна, не одобряешь? Честно и явно – гадко, а когда никто, кроме кобыл на конюшне, не видит, как с конюхом на душистом сене обнимаешься, - и стыда не емлешь?

Взгляд старухи полыхнул жгучей ненавистью, но она смолчала и едва прикрытое оскорбление проглотила. Видимо, возразить было нечего.

Права была Марьяна, хозяйка гостя своего, по всему видать, боится жутко. И ненавидит. Да так, что Алёна на его месте в этом доме ни есть, ни спать не отважилась бы, а он ничего, насмехается. И никакого уважения к старой княгине не питает, и как будто с особенным удовольствием издевается над ней на глазах девушки, которую хозяйка с первого взгляда невзлюбила.

Видать, давно эти двое знают, и знакомство то простым не назовёшь.

– Не будем отвлекаться, – сам себя вернул к прежнему разговору мужчина. – Ты уже, должно быть, знаешь, что уездный князь Краснов был убит и прямых наследников не оставил?

– Слышала такое, - ответила Алёна.

– Есть два равноправных наследника, дядя покойного и племянник, сын родной сестры. Обоих великий князь знает, обоим не доверяет.

– И что нужно сделать мне?

– Помочь понять, кто из них замешан в убийстве князя, разумеется. - Алексей Петрович смотрел на девушку с такой мягкой и ласковой улыбкой, что невольно казалось: сейчас уголки губ растянутся до ушей, обнажатся два ряда острых треугольных зубов, пасть разинется и откусит Алёне голову. – Великий князь выбрал наследницей тебя.

– Вы думаете, моим отцом... – Девушка всё-таки попыталась озвучить это тревожное подозрение, но осеклась, бросив напряжённый взгляд на разгневанную хозяйку.

– Я не думаю, девица Алёна, я знаю, - веско проговорил мужчина. - И он прекрасно знал. Всё давно алатырниками проверено, не сомневайся. Видишь ли, встреча с твоей покойной матушкой оказала на молодого княжича сильное влияние, он долго не мог её забыть. Когда скончался его властный отец, решил свою прекрасную станичницу отыскать, но было поздно, нашлась только ты. Не

одинокая, сытая, в семье под приглядом, и вмешиваться никто не стал. Хотя родство он признал, пусть и тайно. За тобой эти годы присматривали, и сейчас ты оказалась очень полезна... Что такое, девица Алёна? Ты как будто не рада?

– Я не хочу быть чьей-то наследницей, мне и так неплохо, – не стала лукавить она.

– Дрянь безродная! – процедила старуха. - Ей княжество на блюдечке, а она ещё нос воротит!

– Да пропади оно пропадом, княжество ваше! – в сердцах ответила Алёна, едва сдержавшись, чтобы не вскочить на ноги. – Род свой я знаю, дед мой из лучших пластунов на Границе, и отец его был, и дед, и матушка моя – алатырница не из последних. А кто там в наш род со стороны приبلудился да семя бросил – так мне это знание без надобности!

– Мерзавка! – ахнула хозяйка, крепче вцепилась в свою трость – того гляди удар хватит. Или сама старуха хватит тростью языкастую внучку. – Как смеешь!..

– Силком княжий титул никто тебе не суёт, девица Алёна, – вмешался Алексей Петрович, когда старуха захлебнулась негодованием. Его не просто забавляла ссора, он поглядывал на обеих её участниц со снисходительной насмешкой и явно был крайне доволен. И, похоже, именно такого исхода ждал. – Приказ великого князя – поспособствовать установлению истины. А там, коли во вкус не войдёшь, передашь право невиновному.

– Как подсадную утку использовать хотите? – спросила алатырница, заставила себя расслабить пальцы и выпустить вилку, в которую во время разговора непроизвольно вцепилась, словно готовясь защищаться или даже нападать.

– Боишься, девица Алёна? - с улыбкой спросил он.

– Хочу знать, что делать нужно, – возразила та резко. Запоздало встревожилась, не попадёт ли ей за слишком длинный язык, однако задиристость и несдержанность её собеседнику, против ожидания, явно нравились.

– Похвально. А делать... вид, что очень хочешь княгиней стать. Жениха искать подходящего, родовитого. Должна понимать, девку молодую никто княжеством управлять не посадит, какого бы рода она

ни была. А если кто избавиться от тебя пожелает – так мы его сразу и возьмём за химо. Коли не струсишь.

– Не струшу, – заверила Алёна. – Только притворяться я не умею, дурная из меня лицедейка. И княжеская дочка справная не выйдет.

– Знамо дело, – согласился Алексей Петрович. – Я ж тебя давно подумывал к себе забрать, но потому и не стал: норов. – Он со смешком качнул головой.

– К себе? – насторожилась она.

– В Разбойный приказ, хорошие алатырники мне тоже нужны.

И Алёна наконец сообразила, с кем имеет дело, только легче от этого не стало. Но хоть ясно, чего от него так холодом тянет... Вот уж где говорящая фамилия!

Боярин Вьюжин командовал Разбойным приказом дольше, чем Алёна жила на свете, и слухи про него ходили самые разные. Редкого дара алатырник – синий янтарь, с ледяным пламенем в крови, одним взглядом заморозить может буквально, а не иносказательно. Поговаривали, власти у него в Белогорье побольше, чем у великого князя. Поговаривали, молодость на границе провёл и болотники крепко его боялись. Звали его бессердечным, замороженным, твердили, что жену свою уморил и детей чуть не в застенках сгноил. Но последнее вызывало особенно много сомнений, потому что даже количество этих детей в разных слухах не совпадало.

– Но ты всё же постарайся. А коли совсем кто не поверит в твоё желание княжить – скажи, великий князь тебя неволит. Краснов, мол, говорил, что тебе в нём доверия больше. О службе своей не болтай, и о даре тоже – скрытый, он пользу скорее принесёт. От роду тебе семнадцать, росла ты не как репей придорожный, а в хорошем доме, под приглядом, учили тебя всему нужному, – размеренно заговорил Вьюжин. Всё явно было продумано раньше, и всю беседу мужчина подводил именно к этому. – На юге, уж больно говор у тебя приметный, такой не спрячешь. Я оставлю бумаги, выучишь. А о том, чтобы достойно держалась в княжеском дворце и хоть видимость приличий блюла, любезно позаботится Людмила Архиповна в грядущие четыре дня. И если она вдруг позволит себе лишнего или окажется недостаточно старательной, я об этом быстро узнаю.

– Чтоб ты в болоте сгинул! – выплюнула старуха.

– Бывал, княгинюшка, не единожды, - по-волчьи улыбнулся Вьюжин. – А твоё старание, княжна, будет вознаграждено, не сомневайся. За сим позвольте откланяться, сударыни, служба.

Алёна проводила главу Разбойного приказа взглядом. На душе было тоскливо и маотно.

Собственную жизнь молодая алатырница любила. Любила заставу у Границы, любила, пусть порой и ругала, горные патрули, чаровать любила. Со жгучим жёлтым янтарём в крови, она была живым пламенем, ярким и сильным, а огонь болотники ой как не жаловали, так что девушку, отслужившую меньше двух лет, на заставе ценили.

Любила Алёна и родную станицу, и именно там хотела обосноваться потом, когда служба кончится. И на парней заглядывалась, да и как не посмотреть, когда они рядом – и все как на подбор, удалые да ладные! Правда, сердца никто не трогал, оно, глупое, другого безнадежно ждало. Но до недавнего времени эта беда была едва ли не единственной хоть сколько-нибудь заметной в её жизни и всерьёз ту не отравляла. А вот теперь...

Алёне совсем не хотелось в княгини. В станице над дворянскими нравами хихикали, женщинам сочувствовали. Слова в простоте не скажи, громко не смейся, с парнями гулять – и речи быть не может! Юбка в пол, очи долу... Алёна хоть и злилась на нежданно явленного отца, но и сочувствовала ему, и хорошо понимала. Да и мудрено ли понять, отчего таким вот кротким девам он предпочёл горячую и острую на язык алатырницу! А покойная матушка была именно такой, все говорили, дочь – точно её отражение.

Но Алёна прекрасно понимала, что желания её никого сейчас не волнуют. Решил великий князь зачем-то такую игру затеять – на то он и правитель. Подумала было удрать, но только это совсем трусость, пока ничего невозможного от неё не требовали. Странно, конечно, и непривычно, и неприятно, но лучше, чем многое из того, что она сама успела придумать. И если всё сложится хорошо, то князь, может, и впрямь отпустит ненужную больше алатырницу с миром. О прибыли Вьюжин напрасно заговорил, Алёна об этом и думать не собиралась: тут при своих бы остаться.

Погрузившись в размышления, она незаметно доела всё то, что было на тарелке, взяла ещё один пирожок с мясом. Они были маленькими, на два укуса, но зато вкусными – язык проглотишь!

Алёна рассеянно подумала, что надо бы познакомиться с местной поварихой и попросить поделиться секретом.

– Ты хотя бы девица ещё? Княжна, – нарушила тишину старуха, и последнее слово она буквально выплюнула.

– Нет, – спокойно ответила Алёна, пожав плечами. – Мне двадцать два, не больная, не кривая, с чего бы?

Последнее намеренно добавила, чтобы позлить. Желчной княгини она не боялась, обретению второй бабки не радовалась – они чужие люди, которые друг другу не нужны и не интересны. И если старуха не желала сдерживать недовольные гримасы, то и Алёна ничего изображать была не намерена. Грубить не собиралась, всё-таки княгиня гораздо старше, но и совсем удержать язык за зубами не могла. Да и не особенно хотела, что уж там.

Против ожидания, сильнее это хозяйку не задело. Она вновь поджала губы, ещё раз окинула внучку пристальным взглядом.

– Локти ближе. Не горбись и не наклоняйся так к столу, – чуть прикрыв глаза, твёрдо заговорила женщина.

Алёна едва не огрызнулась, но вовремя одёрнула себя, сообразив, что княгиня просто начала выполнять распоряжение Вьюжина. Алатырница выпрямилась, собрала руки, потом вообще сложила их на коленях, поскольку еда закончилась.

– Спасибо, было очень вкусно, – напомнила себе о вежливости.

Старуха открыла глаза, усмехнулась косо, на один бок.

– Хорошо. Правила поведения за столом начнём разбирать в ужин. Про твоё... девичество, – княгиня запнулась. – Надеюсь, мне не нужно предупреждать о том, чтобы в великокняжеском дворце ты юбку не задирала? Проверять твою добродетель никто не станет, но постарайся хотя бы изобразить неискушённость.

– Я умею не путать службу и развлечения, – возразила Алёна.

Объяснять старухе, что между невинностью и блудливостью есть множество разных других привычек и что большинство людей как раз так и живут, не стала. Зачем оправдываться перед чужим человеком, который к тому же и слышать ничего не желает?

– Надеюсь на это. Пойди для начала переоденься, там сарафан приготовили. Не верю, что из тебя выйдет толк и для великокняжеского дворца тебе найдут путную прислужницу, чтобы

одежду к случаю подбирала. Но я всё равно расскажу правила. Вдруг хоть что-то в голове отложится.

В Алёне шевельнулось любопытство. Она знала, чем и для чего отличалась одежда разных отрядов и воинов, почему в праздничном сарафане каждый день не походишь. А что же там ещё придумали?..

Оказалось, было бы желание, а запутать можно что угодно, и тонкостей дворяне изобрели великое множество. Наряды делились на утренние, вечерние и праздничные. Для дома, для приёма гостей, для выхода – по-разному. Для князей, для бояр и дворян – свои особенности. Одни вещи, как нормальные, можно было носить долго, пока вид хороший, другие надевались лишь раз.

Какой во всём этом смысл, Алёна не спрашивала, только на ус мотала. Во всякой избушке свои погрешности, и что там думала об этом одна алатырница, наверняка никого не волновало. Но по всему выходило, цель одна: показать своё богатство да выделиться среди прочих. Желание понятное, станичные девушки тоже любили похвастать друг перед другом обновками, вот только дворяне зачем-то усложнили себе жизнь, личную причуду – не сказать придурь – превратив в обязательное действие.

Про наряды княгиня вещала, стоя на верхушке внутренней лестницы, а Алёна, чтобы попусту не тратить время, ходила вокруг. По переходу прямо, по лестнице наверх, ещё пару десятков шагов, поворот – и обратно. Порой старуха прерывалась, чтобы прикрикнуть на подопечную, которая постоянно путалась в непривычно длинной юбке.

– Что ж ты за девка такая? Как мужик шагаешь! Короче шаги, мягче!

– Подол до колена не задирай! Ты ещё исподнее всем покажи!

– Плыть как лебёдушка, а не топтать как кобыла!

– Матушка, дай мне силы не отлупить эту дуру как сидорову козу!..

С каждым шагом Алёне всё меньше хотелось становиться княжной даже ненадолго. Через полчаса неспешного вышагивания по обрыдшему пути она сдерживалась от того, чтобы всё бросить, только из семейного упрямства и задетой гордости.

Наконец отчаявшись изобразить плывущую лебёдушку, она вспомнила «кошачий шаг», которому учил дед. Княгиня в первый

момент поперхнулась замечаниями, с минуту наблюдала за этим молча, после чего опять попросила сил у Матушки. Но после дело неожиданно пошло к миру, в следующий час замечаний стало гораздо меньше, а потом старуха милостиво махнула рукой, решив, что на сегодня пока довольно.

А впереди ещё ждал ужин и правила поведения за столом. И если поначалу Алёна ещё опасалась, что хозяйка дома послушается Вьюжина и попытается отыгаться за нанесённую им обиду на подопечной, то теперь стало ясно: отыграется она, как раз старательно, в точности исполняя его указания.

ГЛАВА 2. Княжеский дворец

Несколько дней в тереме княгини пролетели стремительно и очень Алёну вымотали. Казалось бы, ничего столь уж сложного от неё не требовалось: на память она не жаловалась, и наука невелика, научиться янтарём управлять было куда сложнее, но усталость ширилась и крепла.

Главная проблема была в том, что смысла доброй половины этих правил она просто не понимала. Почему девушке нельзя выйти из дома с непокрытой головой? Почему до полудня нельзя принимать гостей, кроме самых близких? Почему в домашнем наряде нельзя принять гостей, если наряд этот совершенно приличен? Почему утром дома и без гостей нельзя открывать плечи, а вечером на приёме с гостями – можно? А то ещё и грудь частично, так что Алёна поначалу смущалась. То есть в таком вот виде на люди – это невинной деве можно, а наедине с парнем оставаться ни в коем случае, даже если идёт самый спокойный разговор о погоде и видах на урожай?..

На заставе правила были простыми и ясными. Не станешь выполнять – погибнешь и товарищей подведёшь. Понятно, почему нельзя одной ходить в горы: случись что, и кто тебя выручит? Но почему нельзя надеть вечером светлый сарафан?!

Всё это сердило и заставляло строить планы о том, как поскорее поймать убийц. Алёна готова была как угодно их дразнить, вызывать на себя их злость и рисковать жизнью, лишь бы не задерживаться среди всех этих странных обычаев надолго.

При такой дурацкой науке сварливая старуха вскоре совершенно перестала вызывать неприязнь сама по себе, алатырница даже начала ей сочувствовать. Станешь тут злой и желчной, всю жизнь петляя между этими нелепыми запретами. Не говоря уж о том, что в таких тесных границах нечего и задумываться о замужестве по велению сердца: если и сумеешь с кем-то сблизиться, ещё неизвестно, подойдёт ли он тебе родом. Как собаки племенные, спаси их Матушка!

А радостей всех что? Шей да вышивай, да чинно по парку вышагивай, притом с малолетства. Ах да, ещё картинки малевать можно, песни петь и книжки читать. Пожалуй, книжки единственные

Алёну радовали: в школе, когда училась, библиотека была богатой, и девушка пристрастилась, а на заставе-то откуда их взять! А у князя небось этого добра довольно.

Сейчас, впрочем, читать алатырница успевала только те скудные указания, что оставил ей Вьюжин, затверживая их наизусть, и толстенный родословник, стараясь запомнить самые старые и важные семьи. Выучить всех она и не пыталась, всё одно без знакомства ни с кем заговаривать нельзя, но хоть теперь все княжеские роды знала, кто каким уездом командует.

Четырнадцать уездов – четырнадцать родов, а у тех в подчинении до трёх десятков волостей со своими городами да деревнями. Иными волостями командовали бояре, иные напрямую князьям подчинялись. Особняком стояли родовые боярские поместья, за которые хозяева могли держать ответ только перед великим князем, но и то если что совсем уж дурное случится. И боярских родов было больше тысячи, где уж тут всех упомянуть!

Глава Разбойного приказа постановил, что росла Алёна под приглядом наставницы в одном из удалённых и совсем маленьких великокняжеских поместий, имя своего отца знала и именно его должна была величать благодетелем. Никакой алатырской школы не кончала, и янтарь в крови надлежало прятать от сторонних глаз. Как именно – не уточнялось, и она надеялась расспросить Вьюжина. Что способы спрятать дар существуют, это она знала, вот только никогда не пробовала.

В общем, планы у князя на дочку с самого начала были, и именно такие, как у остальных высокородных: удачно выдать замуж.

Тут Алёна снова ужаснулась и испытала к покойному отцу искреннюю благодарность. А ведь мог же и так поступить! Хорошо, не был покойный князь Иван Никитич Краснов человеком расчётливым и излишне предусмотрительным, о чём алатырница узнала из всё тех же бумаг, где имелось среди прочего и его описание. Нравом он был крут, но отходчив, щедр, горяч, азартен, но – не без ума, умел остановиться. Остёр на язык, обаятелен без меры, хорош собой, любимец женщин. Как подобное сочеталось со строгими правилами, озвученными княгиней, Алёна не поняла, но махнула на это рукой – на месте разберётся.

За эти дни княгиня несколько смягчилась к своей приبلудной внучке, обнаружив, что алатырница внимательна и старательна, а кроме того, умеет не только чаровать, но ещё и шьёт недурно, и в готовке смыслит, и как дом в порядке содержать. И даже признала, что та небезнадёжна. Но на сближении не настаивала, и тёплых отношений у них не сложилось. А Алёна и не собиралась навязываться, с вопросами к ней старалась поменьше ходить и вообще не встречаться.

Из тех же бумаг, что оставил Вьюжин, следовало, что покойный князь со своей матерью близок не был. Выказывал ей сыновнее почтение, но прохладно, по велению долга. Об истоках этого отношения боярин умолчал, но тут нашлось кому просветить: Марьяна многого не знала, но тем, что знала, поделилась с удовольствием.

Она рассказала, что, когда умер старый князь, властная и честолюбивая княгиня попыталась взять бразды правления в свои руки, отчего-то полагая, будто двадцатипятилетний сын – всё ещё неразумный и добрый мальчишка. Вышла большая ссора, мать была сослана в этот вдовый дом и лишилась даже тех возможностей, какие имела. А теперь, со смертью сына, вовсе оказалась на птичьих правах, зависимая от воли будущего наследника.

К сожалению, подробностей не знала не только Марьяна, но и остальные немногочисленные слуги, с которыми Алёна быстро перезнакомилась. Все они были деревенскими, жили от столицы и главного родового поместья, где всё происходило, далеко. Нельзя сказать, будто алатырница не верила словам девушки или всерьёз намеревалась копаться в прошлом новообретённой родни, но что-то в этой истории не складывалось, и мысль об этом засела занозой.

Удивляло, например, то, что Людмила Архиповна, будучи достаточно умной женщиной, не могла не понимать, что её своенравный сын в двадцать пять лет – уже давно взрослый мужчина с трудным характером, он ведь и военную службу успел пройти. А если вспомнить отношение к ней главы Разбойного приказа, и вовсе закрадывалось подозрение, что сотворила княгиня что-то очень нехорошее, и с этой мягкой ссылкой, наверное, легко отделалась. Иначе не опасалась бы так Вьюжина, и вряд ли он бы так с ней разговаривал.

Все эти рассуждения не добавляли Алёне любви к старухе и желания сблизиться.

Вьюжин, как и обещал, явился за новоиспечённой княжной через четыре дня ровно, вскоре после обеда. Не один, в сопровождении молодого алатырника в зелёном кафтане, который девушка сразу узнала: такие в городах носили все стражи, что под Разбойным приказом ходили.

Наученная, Алёна коротко поклонилась, сложив ладони у сердца; сильно гнуть спину ей теперь полагалось лишь перед великим князем, а большинство вообще были достойны только наклона головы. Боярин ответил тем же, его спутник, опомнившись, кланялся в пояс.

Изменения в алатырнице Вьюжин встретил одобрительной улыбкой. Настоящая боярышня: тёмно-серый дорожный сарафан, синяя рубашка, голова и плечи покрыты белым платком с набивным рисунком и кистями. Последний надевать особенно не хотелось, но Алёна утешила себя тем, что это ненадолго, только до дворца. В небольшую холщовую суму уместились все её вещи, которые девушка решила не оставлять, раз уж прямого приказа не было.

– Прекрасно выглядите, ваше сиятельство, – сказал боярин.

– Благодарю, Алексей Петрович, вы очень добры, – вежливо ответила алатырница, чувствуя себя в этот момент крайне глупо. Не забыть бы, что «сиятельство» – это теперь она!

– На дорожку сидеть не будем, кони давно запряжены, сундуки и не снимали. Открывай, – велел молчаливому сопровождающему.

– Кони? – растерянно переспросила Алёна.

– Будет подозрительно, если вы явитесь со мной, да ещё тайной тропой. - Вьюжин легко и непринуждённо сменил манеру общения и держался с девушкой теперь так, словно она и впрямь была без медяшки княгиней. Наверное, привыкал сам и помогал привыкнуть ей. - С дальнего края Белогорья ехать не придётся, вас ждут в княжеском охотничьем доме, несколько часов пути.

Пока он всё это говорил, алатырник чаровал, и за ним Алёна наблюдала с гораздо большим интересом, чем слушала Вьюжина. Она никогда не видела белопенный янтарь за работой, против болотников живущий в них ветер бесполезен, а уж дорожники, способные ходить тайными тропами, и вовсе все при князьях. Ну или вот при Разбойном

приказе. Сложная это наука, мало кому даётся, тут талант особый нужен, ум острый и упорство.

Алатырник прикрыл ближайшую дверь, похлопал по ней ладонью, провёл кончиками пальцев по косяку у самой ручки. В глубокой задумчивости постоял, выводя на тёмном дереве невидимые рисунки, как будто повторял природный узор и запинался о сучки. Потом вовсе замер, держась за ручку, словно не решаясь открыть. Послушные его ладоням и воле, тонкие мерцающие бледные нити чар оплели деревянное полотно кружевной паутиной, и кружево это текло как живое. Не обладающие янтарём люди замечать их не умели, а Алёна сейчас смотрела очень внимательно. Янтарный взор, который позволял видеть чары в предметах, в воздухе и в людях и без которого невозможно чаровать самому, все алатырники учили в первую очередь. Понять что-то и не надеялась, но чужая тонкая работа восхищала.

– А что мне делать во дворце, когда приеду? – спросила она неуверенно, насилу отвлëкшись. – Меня встретят?

– Да, конечно. О вас известно, вас ждут.

Прозвучало зловеще. На тёплый приём рассчитывать не приходилось, а как отвечать на холодный – было неясно. Если следовать советам княгини, Алёне оставалось только молчать и улыбаться.

Тем временем безымянный алатырник распахнул дверь, и за ней вместо знакомой комнаты открылась густая дымка клубящегося тумана, столь сильно пропитанного чарами, что узор для неопытного к такому глаза сливался в сплошное полотно.

– Прошу, – пригласил Вьюжин, и Алёна без возражений ступила через порог, с любопытством озираясь и прислушиваясь к чужим чарам.

Пара шагов в тумане, и вот под ногой скрипнула половица, следующая, дымка растаяла как-то вдруг, и девушка оказалась в тёмной и прохладной пиршественной зале. Длинный дубовый стол пустовал, вдоль него тянулись лавки, посередине ближней к стене стороны – резное хозяйское кресло и два попроще по обе руки. Наверное, для князя, княгини и старшего княжича. Оштукатуренные каменные стены были густо расписаны цветами и диковинными зверями, под потолком парили, простирая крылья, птички чучела, в одном углу стоял могучий лось, в другом поднялся на задние лапы

матёрый медведь, стеклянные глаза которого вызывали едва ли не больше тревоги, чем кинжалы когтей.

Лучше осмотреться не вышло, следом из тумана на месте двери вышел Вьюжин и поманил её за собой. Алёна обернулась через плечо, чтобы увидеть, как последним в залу вошёл алатырник, замкнул за собой дверь, и туман тотчас опал.

В соседней горнице их поджидала незнакомка в скромном сарафане из небелёного льна и простой рубахе, была она без платка, в лаптях – обычная деревенская девушка. Конопатая, с собранными в недлинную косу рыжими волосами – где-то посчитали бы дурнушкой, а в Солёном уезде, наоборот, любили таких и говорили, что солнце расцеловало.

Только взгляд ярко-зелёных глаз совсем не подходил этой наружности: не девичий, очень тяжёлый, прямой, цепкий и внимательный. Перехватив его, Алёна усомнилась, а так ли уж юна эта девушка?

Потом рыжая заговорщицки переглянулась с пришлым алатырником, тот едва спрятал улыбку в уголках губ, а девица поспешила поклониться в пояс и затараторила с восторгом:

– Доброго здоровьичка! Стешей меня звать, хозяйюшка, служить буду верой-правдой!

– Не паясничай, - вдруг одёрнул её Вьюжин и обернулся к молодой княгине. – Степанида из деревни подле поместья, в котором ты выросла. Можешь доверять ей во всём. У себя в покоях еду и платье бери только из её рук, неважно, есть кто ещё рядом, нет ли. За княжьим столом, пожалуй, бояться не стоит, там и без тебя найдётся кому дурное в еде и питье заметить, столы в трапезных на то зачарованы.

– Но я сама могу почувствовать яд и чужие чары, - растерялась Алёна. Отравить алатырника вообще трудно, янтарь в крови не даст, а уж если янтарь тот – живое пламя...

– Заметить могут, – опередив поджавшего губы боярина, вставила Стеша. – Тебе что, не сказали? Прятать надо силу! Я тебя по дороге научу и помогу с этим, сама-то ты вряд ли сумеешь как следует силу скрыть, и чаровать нельзя будет. Я за тебя всё проверять стану.

– А деревенская девчонка с такими умениями никого не удивит? – усмехнулась Алёна.

– А я незаметно умею, – заявила та и язык не показала, наверное, только из-за присутствия дорожника, в которого то и дело стреляла глазами. Вьюжина странная девица, кажется, совершенно не боялась.

– Степанида, – устало проговорил боярин, немного прикрыв глаза.

Неожиданно это благотворно повлияло на рыжую, та собралась и перестала насмешливо и хитро улыбаться.

– Пойдёмте, Алёна Ивановна, кони уж копытами бьют.

Закрытый возок выглядел неказистым, но крепким, как и пара низкорослых гнедых мерингов, которые его тянули. А ещё и по нему, и по привязанным позади сундукам можно было уверенно сказать, что путь их был долгим и сложным. Алёна только восхищённо качнула головой. Небось, возок этот от того самого медвежьего угла до столицы и ехал. И даже девицу какую-то вёз...

Вокруг возка ходил, ощупывая и осматривая решительно всё, хмурый мужик разбойной наружности в выдавшей виды рубаше и портках, с бесформенной шапкой на голове, но зато в крепких, хоть и запylённых сапогах и с кистенем на поясе. Завидев девушек, молча открыл дверцу.

– Меня Петром кличут, – буркнул, когда Алёна проходила мимо, и на том знакомство завершилось.

– Он всегда такой хмурый? – спросила алатырница у попутчицы, с интересом разглядывая её в сумраке возка. Здесь пока прятать силы особого резона не было, и Алёна без стеснения ими пользовалась. Жёлтый янтарь в крови давал не только жар: доступный только огненным чародеям, светлый взор, позволявший видеть почти в полной темноте, был немногим сложнее янтарного.

– Не образчик обхождения, – охотно поддержала разговор Степанида, улыбнулась. – Зато надёжный и сильный, как медведь, хороший страж для двух слабых девушек. Ну и каково тебе быть княжной? Или ты уже княгиня?

– Сама толком не поняла, – проворчала Алёна. – Молю Матушку, чтобы всё это быстрее закончилось.

– Это ты ещё во дворце великокняжеском не была! – звонко рассмеялась Стеша и вдруг решила: – А ты ничего, твоё сиятельство. Не дура и не жадная.

– Алёна, хорошо? Хотя бы наедине, – вздохнула она. – Сиятельство я меньше седмицы, а Алёна – всю жизнь. А ты Вьюжина совсем не

боишься, что ли?

– А, что он мне сделает, – легкомысленно отмахнулась Степанида.
– Я слишком полезная.

– Зелёный янтарь, да? И странный такой! – задумчиво проговорила Алёна. – Я раньше только лекарей встречала, а о таком только в книжках читала...

– Неужели разглядела? – подозрительно нахмурилась рыжая.

– Догадалась, – не стала прибавлять себе лишнего Алёна. – Ты старше, чем кажешься, небось и меня старше. И с боярином Вьюжиным держишься уж слишком вольно, не стерпел бы он такой вольности от девчонки, пусть и полезной.

– Подружиться, – с удовольствием улыбнулась Сеша. – Слушай и запоминай. В княжьем дворце держи ухо востро. В том озере такие щуки зубастые плавают, что голову откусят и не поморщатся. Где смогу – помогу, но всегда рядом быть не сумею, так что держись. Тебя в свиту княгини отправят, туда многие незамужних дочек пристроить пытаются, верный путь к удачной свадьбе. Саму её не бойся, но и заступничества не жди, Софья себе на уме и к девочкам вроде тебя относится словно к зверям в зверинце: посмотреть издалека да и выкинуть из головы. А вот князя сторонись.

– Может заставить всё-таки остаться княгиней и выйти замуж? – встревожилась Алёна.

– Вряд ли, ему тоже незнакомая девица на этом месте даром не нужна, он больше уважает передачу наследства по мужской линии. Если бы ещё других не было, а так... Нет, не в том дело. Князюшка наш до баб уж больно охоч, – усмехнулась Степанида. Да так зло, колко, что Алёне на миг боязно стало. – А ты хороша собой, да и чернявых в княжьем дворце мало. Была бы впрямь девицей скромного нрава и строгого воспитания – ещё мог не полезть. А ты из служивых, и он о том знает. Ещё Вьюжин сказал, характер у тебя бойкий, его князю тоже поменьше показывай, чтобы не привлечь ненароком.

– Не побрезгует ли? – с надеждой предположила алатырница. Князя она ещё не видела, но в этот момент уже за глаза невзлюбила. И совершенно точно знала, что обойдётся без его внимания.

Надо же, каков! При живой жене, нимало не таясь...

– С чего бы? Чем ты сенных девок хуже?

– Бедная княгиня, – вырвалось у Алёны.

– Сама виновата, сама и хлебает заваренные щи полной ложкой, – пренебрежительно отмахнулась Степанида.

Такая резкость алатырницу удивила и покорила: это ж как она может быть виновата, если муж у неё оказался гулящим?! Но ввязываться в пустой спор Алёна не стала, всё равно не переубедит. Поэтому предпочла заговорить об ином:

– Стеша, а ты ведь умеешь лицо менять, верно? Почему же тебя вместо меня не отправили? Ты бы и сыграла лучше.

– Кровь, – коротко отозвалась она. – Если кто проверит и вскрыет обман, князю объясняться придётся. Сама понимаешь, никому такое и даром не надо, когда подходящая настоящая наследница есть. Ладно, давай мы лучше к делу. Попробуем понять, что княгиня с Вьюжиным полезного забыли или не успели тебе рассказать. А то боярин в девичьей жизни мало что понимает, а старуха за давностью лет – и того меньше, – улыбнулась она насмешливо.

К концу дороги голова у Алёны стала тяжёлой. От бодрой и звонкой болтовни Степаниды, от количества тех сведений, которые алатырница пыталась усвоить и увязать со сказанным старой княгиней, от тряской езды. Возок был достаточно хорош, и едущих внутри не швыряло из стороны в сторону, но в седле было бы куда проще и приятнее. Девушка не роптала и не жаловалась, но вздохнула с огромным облегчением, когда колёса застучали по брусчатке стольного града Китежа и повозка поплыла совсем легко, плавно. Выглядывать наружу через небольшие окошки, закрытые плотными занавесками, Алёна не стала, много ли там на ходу рассмотришь, но заметно приободрилась.

Стен Китеж не имел, так что начало города было очень размытым. Без надобности был стольному граду частокол: от врагов и всего дурного хранила его близость колдовского озера Светлояра, на берегах которого раскинулся Китеж и подле которого стоял великокняжеский дворец.

Взглянуть на это волшебное место Алёне тоже очень хотелось. Она не ждала всерьёз, будто что-то этакое увидит, но мысль о грядущей встрече всё же грела. Старшая и любимая дочь Матушки Озерица, дух озера, покровительствовала всем алатырникам, а на дне Светлояра, поговаривали, лежал сам сказочный Алатырь-камень, дающий чародеям силы. В это легко было поверить, иначе почему так

боялись зачарованного озера болотники и откуда на его берегах бралось столько янтаря? Сбором его промышляли все окрестные деревни, но меньше из года в год не становилось.

За несколько часов дороги Степанида успела многое рассказать, показать чары и почаровать, помогая новоявленной княжне скрыть янтарь в крови от чужих глаз. Алёна никогда такого не делала, для неё всё было внове, так что помощь пришлась очень кстати. Да и чары зелёной алатырницы поспособствовали, без них вряд ли удалось бы скрыть столько огня, с ней-то полностью не получилось. Но Стеша в конце концов решила, что так лучше: кто посмотрит – увидит слабенький, тусклый огонёк дара, который хозяйка не стала развивать, такое нередко встречалось, и не только у родовитых бояр и дворян, но и среди простого люда. И вряд ли кто-то станет вглядываться.

Кое-что из сказанного Стешей противоречило наставлениям княгини, и это поначалу путало. Например, по словам рыжей, гулять с парнями всё же можно было, и даже наедине, просто нельзя было уединяться в покоях, а если очень хотелось – достаточно было присутствия служанки. Или вот, например, оказалось, что про домашние наряды Людмила Архиповна рассказывала совершенно напрасно: во дворце они были не в чести, потому что домом он был только для великой княгини, которая по своему желанию в любое время могла зайти в любой покой на женской половине. И хотя этого не делала, но домашние наряды никто не носил, и для Алёны их шить не стали.

Конечно, Степаниде веры было больше, но и в обман со стороны княгини не верилось, поэтому Алёна постаралась расспросить спутницу. По всему выходило, старуха не врала, просто, как алатырница могла бы и сама догадаться, воспитание и семейные порядки в боярских семьях заметно различались, строгостью и требованиями к дочерям – в том числе.

А вот чем, кроме поисков женихов и рукоделия, занимаются при княгине молодые дворянки, даже Стеша не сумела сказать: выходило – ничем. Только Софья решала, будут у них какие-то обязанности или нет, и пока Софья лишь снисходительно наблюдала за их развлечениями, порой забавляясь устройством свадеб.

А вот для женщин постарше, поопытнее, имелись занятия поважнее. Они были её опорой, помощницами и единомышленницами,

и дел – настоящих, нужных, - хватало на всех. Княгиня ведала школами, кроме разве что военных, больницами городскими, уездными и поместными, а также судьбой сирот. Ещё она считалась проводницей воли Храма при князе и в прежние времена, бывало, получала через это немалую власть. Но сейчас жрицы старались держаться в стороне от княжеских дел и в жизнь Белогорья вмешивались только в том, что касалось обрядовых и духовных вопросов.

Когда возок въехал на княжеский двор и остановился, Алёна вдруг поняла, что, помимо ожидаемого волнения перед сложным и опасным делом, испытывает ещё и предвкушение, и нешуточный интерес: когда бы ей ещё довелось поглазеть на жизнь самого великого князя и его дворца! Может, если бы не угроза замужества, потому что до конца поверить Выюжину не получалось, она бы искренне радовалась такому приключению.

Неразговорчивый Пётр, не дожидаясь местных слуг, сам открыл дверь, помог выбраться наружу, и на несколько мгновений алатырница забыла о всех своих волнениях, зачарованно озираясь.

Алёна понимала, что великокняжеский дворец должен быть огромным, но всё равно оказалась не готовой к увиденному. Сложенные из белого камня хоромы охватывали широкий двор кольцом, и молодая княжна совершенно растерялась, пытаясь угадать, в какую сторону идти.

Высокие, в три, а где и в четыре этажа строения сложной формы. Иные стояли тесно друг к другу, между другими виднелись проёмы разной ширины, и тогда здания связывали крытые переходы. Обычно – поверху, над рядом колонн, за которыми было зелено, там явно таились от посторонних глаз сады или дворики. Лестницы, крутые крыши, бесчисленные окна от узких и маленьких, с частыми переплётками, до широких, с большими ясными просветами. Одних крылец девушка насчитала пять, и это только ярких и украшенных, парадных, которые бросились в глаза.

А сколько здесь было народу! По двору сновали деловитые слуги, стремительно и уверенно шагали какие-то мужчины в расшитых кафтанах и с очень важными лицами, проплывали небольшими стайками лебедушки... То есть девушки и женщины в нарядных сарафанах. Поодиночке они не ходили вовсе. И, проводив взглядом

трёх молодых красавиц, Алёна запоздало поняла, за что именно ругала её старая княгиня. Не умела алатырница так мелко шагать, чтобы почти не задевать колокольчика юбки! Глупо же и неудобно...

Пока она озиралась, к ним быстро, чуть не срываясь на бег, подкатился невысокий круглый человечек. Шёл он пружинисто, и большой живот его, туго обтянутый красным кафтаном, смешно подпрыгивал. За ним шагали двое дюжих молодых парней.

– Ваше сиятельство, радость какая, добрались! – он низко и удивительно ловко поклонился, и живот совсем не помешал. – Боярин Вяткин, Аполлинарий Никитич, его великокняжеской светлости покоевый ключник. Берите сундуки, да смотрите, осторожно! – прикрикнул он на парней, которые уже вместе с Петром отвязывали скарб. – Пожалуйста за мной. Притомилися с дороги, голубушка, ну да ничего, сейчас девки сенные ножки омоют, яств сладких откушаете, с дороги вздремнёте, и румянец расцветёт!

Вставить хоть слово он не давал, а вскоре Алёна и думать об этом перестала: круглый боярин Вяткин при недостаточной внешней представительности дело своё знал крепко и говорил вещи нужные. Каковы порядки во дворце, к кому с какими вопросами идти, где покои княгини, где – младших детей. Где светёлки для посиделок с рукоделием, где – залы для вечёрок, куда была открыта дорога не только девушкам, но и парням, и они там совместно проводили время под приглядом старших женщин. Алёна немного порадовалась за дворянских дочек, не сидят они всё же взаперти, как думалось.

Жило в княжеском дворце немало людей, но и не так много, как казалось по виду огромных палат. Бояре из Малой, или Тайной, Думы, ближайшие советники великого князя, их жёны и дочери, часть которых составляла свиту княгини. Жила здесь и личная великокняжеская дружина из родовитых дворян – потомственных, надёжных воинов, и старшие воеводы, тоже с семьями. Целая деревня наберётся, если подумать... Особняком стояла казначейская палата, где жили некоторые старшие чины, а остальные приходили на службу, и иные присутственные места.

– Ну вот и добрались, с Матушкиного благословения, – сообщил Вяткин. – Вещи ваши скоро принесут, а тут всё готовенько – и перина пуховая, и всяко-разно, что душеньке угодно. А прислужницу вашу я к остальным санным определю, неча ей...

– Я хочу, чтобы она со мной осталась, - опомнилась Алёна, когда Стеша из-за спины боярина замахала руками и сделала ей страшные глаза.

– Да на кой она вам? – опешил ключник – не то само возражение озадачило, не то открывшийся вдруг у княжны дар речи.

– Я к ней привыкла, она и расторопная, и умница!

– Да наши сенные лучше, зачем эту деревенщину-то рябую?

Степанида за спиной боярина опять сделала страшные глаза, скрестила руки на груди, показательно нахмурилась и изобразила, будто топает ногой.

– Я так хочу! – резко заявила Алёна, сообразив, что ей подсказывают. – Рябая, да знакомая!

Не то командный голос помог, не то капризные ноты, но на боярина подействовало, он почти перестал спорить, только спросил неуверенно:

– Но куда ж её тут?

Что Стеша подсказывала теперь, Алёна не поняла, пришлось той самой вмешаться.

– Благодарю вас, ваша милость, за ласку, за заботу, - залезбила она, выскользнув из-за плеча ключника и кланяясь в пол, – да не извольте волноваться, я не привередливая, я вот тут, в светёлке на скамье, зато при княженке нашей. Совсем она одна осталась, в целом свете сирота, – шмыгнула носом, даже пустила слезу, отчего Вяткин неожиданно растерялся, смешался и поспешил распрощаться, пообещав, что сейчас принесут еды – отобедать княгиня изволила раньше, ужин ещё не скоро.

Трапезы с княгиней были не столько обязанностью, сколько привилегией, это ещё старуха Краснова рассказывала. Никто не запрещал вообще их не посещать, и некоторые так и делали – например, те, кто предпочитал жить своей семьёй в отдельных больших покоях. Таких было немного, в основном из служивых дворян, а кто породовитей и побогаче – предпочитали свои столичные дома. Но само их существование Алёну немного приободрило.

Ей странен и неприятен был этот обычай, когда для женщин и мужчин строились отдельные терема, и ладно сам великий князь, но многие из живших здесь бояр следовали примеру, когда муж к жене только изредка заглядывал. Какая радость замуж выходить, коли муж

противен, чужой человек, неприятный и совсем не любимый? А жениться зачем, если с души воротит?

– Ух! Я уж думала, сейчас меня и отошлют! – проворчала Стеша.
– Ты ворон-то не лови, стоит как телок на верёвочке!

– Мне княгиня четыре дня о том говорила, что молчать надо и рта лишний раз не раскрывать, – недовольно возразила Алёна, которая уже понимала, что слепо следовать науке бабки не стоило, но ещё не могла сообразить, как нужно держаться.

– Так молчать-то с умом! – смягчилась рыжая. - При князе, при молодцах, при княгине. А если бы он сундуки нести отказался, тоже смолчала бы? Всё, иди-ка умывайся и запишись обязательно!

– Зачем?

– Любопытствующие сейчас потянутся, – заявила она и бросила вслед: – Косу намочить не забудь! Сушить-то её некому, помни, вдруг кто внимание обратит? На мелочи погореть – легче лёгкого.

Степанида оказалась права. Пока Алёна с удовольствием плескалась в тёплой воде, обернув косу вокруг головы и подвязав платком – вроде дорога недлинная, а всё равно утомила, - слышала, как рыжая с кем-то ругалась. Потом дёргали ручку, но задвижка оказалась крепкой, а потом Стеша вытолкала незваную гостью взащей. Кажется, силой.

Тишина воцарилась через четверть часа, и только тогда алатырница выглянула из мыльни. Помощница сидела на краю постели, беспечно болтала ногами и грызла большое румяное яблоко. Рядом был разложен богатый синий сарафан, рубашка к нему и исподнее. Сама девушка тоже успела переодеться в скромный зелёный сарафан и рубашку получше, башмачки достала – и уже как будто не деревенская девица, а городская, отличимая от прочих дворцовых слуг разве только веснушками.

– Что тут за побоище было? – спросила Алёна, на ходу обтираясь льняным отрезом.

– Родня твоя познакомиться желала, – хмыкнула Степанида. - И я думаю – за косу оттаскать. В лучшем случае.

– И мне в такой момент опять нельзя силу применять? – опешила алатырница.

– Силу – можно, чародейскую – нет. Ты ж из рода пластунов, нешто с бабой буйной не справишься? Одевайся, пойдём есть, там

запахи такие – не могу, аж живот подводит. Видишь, дверь закрыла, тебя жду.

– А что за баба-то?

– Тётка твоя, князя покойного старшая сестра Лизавета. Вздорная, спесивая, самолюбивая. Не столько сынок её, сколько она сама могла братца к предкам отправить. Но по мне – глуповата, не смогла бы всё так ловко повернуть, только при большой удаче, а я в такие чудеса не верю.

После этого девушки дружно решили не гнать коней и до беседы с великим князем никуда не ходить, чтобы ненароком не навлечь на себя новых неприятностей. Тем более за Алёной пришли быстро, и часа не прошло: не обманул Вьюжин, и правда ждали её.

Молодой долговязый дяк с непослушной рыжей копной на голове низко кланялся и держался очень вежливо, но со жгучим любопытством поглядывал на княжну и шагавшую за ней прислужницу. Но как бы ни хотелось, затеять разговор не посмел ни с одной ни с другой.

Путь оказался неблизким, пришлось миновать два узких перехода между отдельными постройками – те самые, которые Алёна рассматривала со двора.

Княгинин терем был светлым и тихим, с наборными полами, украшенный кружевными подзорами и нарядной росписью. А там, куда они пришли, царил совсем иной дух. Стены светлые и почти пустые, полы – тёмные, без узоров, потолки высокие, гулкие, по ним гуляет неразборчивая разноголосица. Много людей; больше мужчины, но и женщины встречаются, и явно не праздные, и одетые занятно – вроде и платье чиновничье, ровно как у мужчин, но по-женски скроенное и с юбкой. То ли выслужившиеся из простых, то ли...

Боярышни и дворянки тоже порой шли на службу, иногда по доброй воле, но чаще – от безысходности. Оставались без кормильца, других мужчин в доме, способных позаботиться, не имелось, вот и шли деньги зарабатывать. Грамоте учили всех без исключения, с цифрами управляться – тоже, домашние дела вести, так что и с чиновничьей службой справлялись. Но среди них это считалось страшным позором. Алёна, когда княгиня о том рассказывала, запомнила, но так и не сумела принять подобное отношение: она ничего недостойного в честной службе не видела.

Путь закончился в большой горнице перед высокими двустворчатыми дверьми. Здесь было особенно многолюдно, ожидавшие сидели на лавках вдоль стен, прохаживались, малыми кружками что-то обсуждали. По обе стороны от дверей со строгими лицами стояла пара стражей, по всему видать – из алатырников, а следом за ними сидели за столиками писари.

Когда провожатый направился, не сбавляя шага, сразу к двери, Алёна подобралась, ожидая недовольства или хотя бы ропота других просителей, ищущих княжеской милости. Но нет, встретили новоявленную княжну только любопытные взоры и шепотки.

Один из стражей окинул подошедшую троицу цепким взглядом и распахнул дверь. Дьяк с поклоном предложил Алёне пройти внутрь, и через миг дверь с тяжким вздохом затворилась, оставляя снаружи обоих рыжих. Тревога всколыхнулась, прошла холодом по спине, но алатырница решительно стиснула кулаки и с поклоном шагнула вперёд, ближе к мужчине на престоле.

Великий князь был переменчив, и просители между собой старались заранее выяснить, в каком он расположении духа, потому что в дурном на расправу был скор и нравом крут, неповиновения не терпел, а в хорошем – куда более сдержан и мягок. Вспомнив об этом, Алёна попыталась на глаз оценить настроение Ярослава Владимировича. По всему выходило – хорошее, взгляд его казался насмешливым и даже как будто приветливым.

Князь сидел не так, как рисовали его на портретах – гордым, с прямой спиной, орлиным взором и посохом в руке. Вольно откинулся на спинку, короткий посох – символ власти – держал обеими руками, опираясь локтями на подлокотники. Нестарый, сорока трёх лет от роду, крепкий мужчина. Волосы светлые, золото пополам с серебром, и глаза серые, ясные, умные.

Великий князь Ярослав Владимирович вообще оказался очень хорош собой. Не изнеженный, пресыщенный богач – витязь. Плечи широкие, ладные, лицом красив, да и одет иначе, чем многие из дворни: кафтан дорогой, богатый, алый, но золотом шит с умом, не заткан полностью, чтобы достаток показать, а только для красоты, без излишка. Золотой венец в волосах блестел тёмными, почти чёрными, как печёночная кровь, лалами.

При взгляде на эти камни вдруг вспомнилось кольцо на пальце Вьюжина, и Алёна поняла, почему оно показалось знакомым. Рассказывали о таких перстнях, зачарованном знаке особого расположения великого князя, который разрешал вершить оговорённые дела от его имени. Высоко Ярослав боярина ценил и доверял ему.

По правую руку от правителя за небольшим столом сидел еще один писарь. Лавки вдоль стен были почти пустыми, в дальнем краю только притулились двое совсем древних старцев в боярской одежде и словно бы дремали с открытыми глазами. А перед престолом стояло несколько человек, видимо та самая родня, с которой великий князь должен был познакомить наследницу.

Мужчина в годах, коренастый и массивный, весь седой, с тяжёлым взглядом, - должно быть, дядька покойного князя. Его племянница, Алёнина тётка по отцу, – статная, пышная, с густо подведёнными глазами и в таком разукрашенном сарафане, что за золотом и камнями не разобрать цвета ткани. Наверное, та самая, что со Степанидой ругалась. Сын её, тонкий и высокий паренёк моложе алатырницы, с мягкими светлыми кудрями и светлой кожей – наружность книжника. Чуть в стороне от них стояла молодая женщина в тёмном сарафане без шитья и с серым вдовьим платком на голове – по традиции скорбный наряд носили три года, если вдова осталась с детьми, и до трёх месяцев, если плодов брак не принёс.

Приблизившись на положенное расстояние и остановившись рядом с другими просителями, но – на полшага впереди, Алёна едва успела себя одёрнуть, чтобы не вскинуть ладонь к плечу, а сложить руки у сердца. Низко поклонилась.

– А вот и последняя родственница, – проговорил великий князь. – Поднимись, – разрешил ей. – Рад видеть тебя, Алёна Ивановна. Как дорога, спокойно ли добралась?

– Благодарю, ваша светлость, за заботу и ласку, всё волею Матушки благополучно, - ответила алатырница, вспомнив, что прямо пялиться на князя неприлично, и опустив взгляд на его сапоги. Потом искоса глянула на родню и встретила с лютой злобой в глазах тётки.

Янтарь в крови опалил нутро жаром, встревоженно откликнувшись на чужую злобу. Девушка насилу справилась и удержала пламя – скорее от неожиданности, чем от неумения, давно с

ней такого не случалось. Может, оттого, что прежде не сталкивалась со столь сильной и неприкрытой ненавистью к себе?

– А коли все в сборе, то пора и мою волю огласить, а воля такова. Наследницей покойного князя Краснова станет его незаконная, но признанная дочь Алёна. От сего момента и впредь звать девицу княгиней. Сроку ей обвыкнуться во дворце месяц, а по его исходе будет выбран для неё достойный муж, поскольку не дело это – девице одной уездом управлять. Если полюбится кто из боярских сыновей – не бойся, красавица, прямо говори, а коли нет – сам подберу тебе достойного мужа. Или ты против?

– Вверяюсь вашей воле, светлый князь, и принимаю заботу с благодарностью, – откликнулась Алёна и вновь поклонилась, в очередной раз утешая себя тем, что всё это временно и выходить замуж на самом деле её никто не заставит. Главное, пусть Вьюжин к исходу этого месяца убийцу поймают!

– Воля ваша, светлый князь, – заговорила тётка, и алатырница узнала голос: именно с ней ругалась Степанида. – А только нет ли ошибки? Не подменили девицу-то злодеи? Разве можно приبلудной какой-то на слово верить!

– Изволь, Лизавета Никитична, дело нехитрое. Вот алатырники мои, люди надёжные, сейчас и установят, есть промеж вами всеми кровное родство. Этого довольно будет? Или им ты тоже не веришь? – князь усмехнулся.

– Как можно, светлый князь! – кисло проговорила она. – Тем более сын мой – алатырник силы немалой, он мне, тёмной, всё и растолкует.

– Матушка!.. – просительно пробормотал тот тихонько, но Алёна услышала. И заметила, как смущённо порозовели скулы Афанасия, какой виноватый взгляд он бросил на князя.

— Ничего, зря мы, что ли, учителям такие деньги платим? И ты целыми днями за книгами просиживаешь! – разворчалась тётка.

Двоюродного брата стало жаль: он, похоже, удался не в мать и на первый взгляд казался неплохим парнем. Вот только Алёна изнывала от любопытства узнать, какой в нём янтарь. Не жёлтый, пламя робким не бывает, и не белопенный – ветер лёгок и игрив, не скромничает. Зелёный?..

Янтарный взор сил не тянул, у взрослых получался сам собой, и Алёне приходилось своей волей сдерживаться. Велели же дар не

открывать, а вдруг и такая малость привлечёт ненужное внимание?

Тем временем один из старичков, сидевших словно бы просто так, поднялся и приблизился к наследникам. Что чаровал – Алёна не понимала, оставалось только гадать. И волноваться: а вдруг Вьюжин ошибся и сейчас обман вскроется? Она даже успела немного на это понадеяться, тогда её бы сразу отпустили восвояси и не пришлось осваиваться в княжеском дворце. Всерьёз не верилось, но...

Тело на мгновение обьяло колким теплом, и алатырница вздрогнула от неожиданности. Одновременно с этим рядом ойкнула тётка, а старший из мужчин зябко повёл плечами. А потом всех четверых, кроме молчаливо стоявшей в стороне вдовы, окутало слабое тревожно-красное свечение.

– Родня, – скрипуче бросил старичок, как будто с разочарованием, и прошаркал обратно к скамье, не дожидаясь приказа или разрешения.

– Одобряешь, Лизавета Никитична? – с усмешкой спросил великий князь.

– Родня! – поджав губы, выплюнула та. – От девки сенной нагулянная!

Алёна только стиснула зубы, чтобы не огрызнуться, но от недоброго взгляда в сторону тётки не удержалась. И та это заметила.

– Ишь, зыркает! Что, правда глаза колет?

– Твои мысли на сей счёт, Лизавета, меня не интересуют. Краснов дочь признал, на что имеется бумага, – похолодевшим голосом оборвал её князь. Тётка аж качнулась назад от неожиданности и поспешила согнуться в глубоком поклоне.

– Прости глупую бабу, светлый князь, скорбь о брате сердце разъедает! – пробормотала она.

Алёна с трудом сдержала злорадную улыбку. Ещё старая княгиня рассказала, что великий князь в разговоре переменчив, и переменчив вдруг, как медведь: то вроде спокойный и вальяжный, а в другое мгновение – сожрёт с потрохами. И теперь вот старухина дочь, кажется, переполнила чашу княжеского терпения.

– Писарь, указ!

– Готово, ваша светлость! – Тот явно не терял времени даром и итога проверки не ждал, составил всё сразу. Вскочил, с поклоном поднёс князю бумагу на тонкой белёсой дощечке, вверху которой

крепилась подставка для алого самописного пера. Писарь пользовался при этом другим, обыкновенным, которое стояло у него на столе.

Князь в повисшей тишине прочитал написанное, одобрительно кивнул, поставил быстрый, размашистый росчерк тем самым алым пером, приложил печатное кольцо, блестящее на мизинце. Бледная жёлтая вспышка, повелительный жест, и писарь скользнул на своё место, чтобы аккуратно положить очередную бумагу в тонкую стопку на краю стола.

– Идите. - Новый небрежный жест, и двери распахнулись сами собой.

Продолжать спорить с князем никто не осмелился, и родственники потянулись к выходу. К счастью Алёны, тётка её дожидаться не стала, с видом и напором молодого быка двинулась прочь, увлекая за собой сына. Вдова немного замешкалась, оглянулась на новую княгиню, но тоже не задержалась, и алатырница спокойно вышла последней. Ждать её под княжескими дверями и устраивать там свары тоже никто не стал, и до своих покоев девушки в сопровождении всё того же рыжего дьяка добрались без труда.

ГЛАВА 3. Княжеская жена

– Стеша, а сын Лизаветы, Афанасий, он кто? – спросила Алёна, когда девушки остались наедине. – Правда алатырник? Я не рискнула глянуть, чтобы себя не выдать.

– Это правильно, - одобрительно кивнула рыжая. – Моя вина, забыла сказать, это же к делу не относилось. Костяной янтарь он. Сильный, старательный, полезный. К нему многие приглядываются, и Вьюжин тоже. Если мамка на службу отпустит, – усмехнулась она едко.

Костяной янтарь был одним из самых редких, он давал власть не только над нечистью и нежитью, как красный, но и над душами убитых, и даже позволял поднимать мёртвые тела, создавая нежить. Поговаривали, он к тому же открывал путь в Навий мир, в который уходят души, чтобы отбыть наказание или сразу подняться в Ирий. В сказках, когда витязи ходили в Навь спасать возлюбленных или, напротив, девицы за витязями или иной роднёй, именно костяной янтарь помогал миновать злую стражницу с костяной ногой. А в других – сама стражница была сильной алатырницей.

Алёна никогда в жизни не встречала ни одного костяного янтаря, и меньше всего в её мыслях он сочетался с тонким долговязым парнем одухотворённой наружности.

– Никогда бы не подумала...

– Молодой ещё, опыта мало, да и мамаша у него такая, что не всякий спорить сдюжит. Но янтарь своё возьмёт, как войдёт в полную силу. Ты и сейчас его телячьими глазами не обманывайся, мальчишка непрост. Умный, осторожный, что у него на уме – неясно. На месте смерти князя следов волшбы не нашли, но это не значит, будто её не было.

Обстоятельства гибели Ивана Никитича Краснова Алёна от своей помощницы знала, та поделилась по дороге. Князь был близок и дружен с правителем, но из-за крутого и упрямого нрава обоих они нередко ссорились. Особенно в последние годы. С появлением Граничного Хребта, отделившего Белогорье от вечного его врага, Великой Топи, Ярослав решил, что угроза теперь столь мала, что

можно подумать и о других границах. И занялся воплощением, как оказалось, давней своей мечты: собирался построить такие корабли, чтобы пересечь море и узнать, что там, за ним. Ну а Краснов, как и некоторые другие приближённые великого князя из числа бывших или нынешних военных, не одобряли нового увлечения Ярослава.

Последний спор две седмицы назад вышел особенно горячим и яростным. Разругавшись с великим князем в пух и прах, Краснов отбыл в ближнее своё поместье, что в двух часах пути от Китежа. Зол был страшно, всех слуг разогнал и остался в тереме один. Что потом происходило – никто не знал, но вроде бы видели в ночи некоего всадника, который спешно удалялся от господского дома. А то и двух, потому что время свидетели называли разное: один вроде ещё до полуночи, а другой – к утру.

Мертвеца обнаружила княгиня, прибывшая вслед за мужем на другой день. Сразу с ним она не поехала якобы из-за дурного самочувствия, и даже кто-то видел её доверенную служанку, знахарку, в ночи на кухне, она там с какими-то склянками возилась. Но Степанида не сомневалась, что это был простой и незатейливый расчёт. Долго сердиться Краснов не умел, и на другой день Светлана рассчитывала застать его подобревшим и поостывшим. Таким и нашла, причём в прямом смысле: лежавшее в сених тело было уже холодным.

Вот и выходило, что за ночь любой из недоброжелателей легко мог добраться от столицы до поместья и вернуться обратно.

Кто был первый всадник, кто – второй, связаны ли между собой, затесался ли среди них убийца, да и были ли они взаправду, - всего этого за минувшие дни доподлинно выяснить не удалось. Великий князь гневался, да и Вьюжин тоже был недоволен: весь Разбойный приказ не мог найти убийцу.

Вряд ли, конечно, кто-то из родственников сам марал руки, скорее, послали преданного слугу, и потому больше подозрений вызывал дядька покойного, Николай Остапович Краснов. Младший сын князя, не рассчитывающий на наследство, поднялся своим умом и доблестью, выслужился в войне с болотниками, слугами был любим и имел нескольких безраздельно преданных ему людей из числа бывших сослуживцев, которые вполне могли бы и на лихое дело пойти.

У Лизаветы Чесноковой таких слуг не было, но Афанасий, несмотря на вид слабого книжника, в седле держался хорошо, да и

приятелей у него хватало, пойдй пойми, не задолжал ли кто молодому боярину всерьёз.

От разговора девушек отвлѣк вежливый стук в дверь. Переглянулись, и Стеша пошла открывать, а Алѣна насторожѣнно уставилась на дверь, ожидая повторного явления тѣтки.

Что принесло родню – почти угадала. Хотя и глупо было ждать от Лизаветы такой осторожности, она бы не просилась – ломилась. На пороге стояла вдова князя, которую Степанида пропустила внутрь и подмигнула Алѣне. Мол, ну вот и начинается.

– Здравствуй! – неуверенно улыбнулась вдова. – Я поговорить хотела, ты не против?

– Здравствуй. Садись, – вежливо предложила Алѣна, с любопытством разглядывая гостью, которая отвечала тем же. У великого князя-то было не до того.

Имя Светлана очень подходило ей: кожа молочной белизны, глаза голубые, ясные, а из-под серого платка выглядывали золотистые прядки. Хороша – залюбуешься, неудивительно, что Краснов не смог пройти мимо. Грудь пышная, стан тонкий и гибкий, руки – белые, нежные, сразу видно боярскую дочь. Даже во вдовьем наряде Светлана была хороша, может получше, чем в богатых одеждах: простота платья оттеняла собственную живую красоту.

– О чём ты хотела поговорить? – первой не выдержала алатырница, устав попусту гадать.

– Признаться, ни о чём определённом, – смущѣнно улыбнулась она. – Познакомиться хотела, интересно. Я же, выходит, мачехой твоей побыть успела, а Иван мне ничего такого не говорил...

— Наверное, законного наследника ждал, – предположила Алѣна с кривоватой улыбкой.

– Да, наверное, – эхом откликнулась вдова, нахмурилась. Несколько мгновений висела неловкая тишина, и на этот раз разговор постаралась завести именно гостя. – Ты не думай, я зла на тебя не держу, ни в чём не виню и не хочу дурного. Ты или не ты наследница – неважно, это я не успела от мужа понести. А он меня еще успокаивал... – голос сорвался, Светлана глубоко вздохнула, явно стараясь справиться со слезами. – Я хотела с тобой познакомиться и, может быть, поддержать немного. Ты же здесь совсем одна, всё внове, трудно. Да ещё и с Лизаветой столкнуться без помощи – врагу не

пожелаешь! Она и меня травить пыталась, когда я за её брата вышла. А я боярского рода, за мной и семья родительская встанет, а ты...

– Спасибо за заботу, – осторожно ответила Алёна. – А какая тебе в том надобность? Только из одного сочувствия?

– Не только, – через пару мгновений Светлана качнула головой, опустив глаза, и тихо добавила: – Забыться хочу. Все вокруг о нём напоминают. И словами, и взглядами, и лицами... Тошно. Я ведь правда его любила, он хороший был. Как злится – так сразу мне уйти велит. Понимал, что в гневе крут, старался не обидеть ненароком, – она прерывисто вздохнула и поспешила достать платок, чтобы спрятать проступившие слёзы.

– Хочешь взвара ягодного? – не зная, что ещё сказать, предложила Алёна. Когда гостя кивнула, сама наполнила собственную чарку и протянула ей.

Степанида всё это время сидела в углу с шитьём и делала вид, что её тут нет вовсе. Только глаза порой любопытно взблёскивали, когда на вдову поглядывала. И сочувствия в них Алёна не видела ни на медяшку. Но не удивлялась: Степанида чувствительностью души явно похвастать не могла.

– Спасибо. Прости, что я тут со своей печалью, тебе, должно быть, и самой тяжело...

– Не настолько, – возразила Алёна. – Я Ивана Никитича почти не знала, он всего пару раз сам приезжал, и то давно. И уж всяко думать не думала, что князь такую волю выкажет! Иван Никитич хотел в моей судьбе участие принять, жениха подобрать из соседских дворянских сыновей, не больше. А чтобы в сам Китеж-град, да пред великокняжеские очи...

– Боязно?

– Боязно, – согласилась Алёна.

– Я с радостью помогу тебе, если позволишь подругой твоей стать.

– Буду очень этому рада!

– Скажи, Алёна, а кто-нибудь из соседей по сердцу пришёлся? – заметно оживилась Светлана, во взгляде появилось любопытство.

– Нет, что ты! – поспешила возразить Алёна. – Я их и не видела толком, мы очень уединённо жили, меня Иван Никитич прятал. Не

хотел прежде появления законного наследника обо мне говорить, берёг...

Если честно, она считала, что берёг князь исключительно себя и на прижитую на стороне дочку плевал, но не сердилась на него за это, даже благодарна была за ту жизнь, которой жила. Только не говорить же об этом случайной знакомой.

– Ты что же, совсем с парнями не гуляла? – вдова удивлённо выгнула брови.

– Как можно! – поспешила возмутиться Алёна. Может, слишком поспешила, но Светлана истолковала это по-своему:

– Бедная! Как же ты мужа выберешь?!

— На всё воля княжеская...

— Ну хоть присмотрись, сколько справных парней вокруг! А если князь какому-нибудь старику сосватает? Тебе же с ним жить, не ему! Нет, нельзя так, что ни говори. Я обязательно познакомлю тебя с достойными боярскими сыновьями!

Алёна и опомниться не успела, когда ближайšie её дни оказались распланированы от и до, да и о грядущем большом празднике, летнем солнцевороте – Озерице, до которой оставалось всего несколько дней, можно было не думать. Но последнему Алёна порадовалась, интересно было взглянуть, как празднуют его здесь, у Светлояра, вотчины озёрной девы.

Дома это был любимый праздник у молодёжи – разгульное веселье до рассвета, костры, купание при луне. Янтарь в эту ночь кипел внутри, и никакого хмеля не было нужно, чтобы почувствовать шальную радость жизни и отдаться духу праздника. Алёна понимала, что в княжеском дворце с дворянскими нравами всё происходило иначе, вряд ли так легко и весело, и с куда большим удовольствием встретила бы праздник где-нибудь на другой стороне озера, среди деревенских, вот где было бы здорово! Но кто же её пустит... Одна надежда оставалась: Светлояр рядом, не могло очарование праздничной ночи совсем не коснуться здешнего люда.

Но до Озерицы оставалось ещё несколько дней, а пока Алёне предстояло знакомство с княгиней и остальной свитой, тоже – повод для волнения. Точнее, был бы, если бы алатырнице оставили на него время: в возможность отвлечься Светлана вцепилась обеими руками и заговаривала свою почти падчерицу до самого вечера.

Она охотно и подробно рассказывала о подходящих женихах, на кого стоило обратить внимание, обещала познакомить при первой же возможности. Алёна поняла, что просто не сумеет сегодня уложить всё это в голове к тому, что разместила там Степанида, и спокойно пропускала болтовню мимо ушей. Она надеялась, что рыжая, которая тихонько слушала из своего угла, потом объяснит, на что из сказанного стоило обратить внимание.

Больше алатырницу занимал вопрос, как у Светланы скорбь о муже умещалась рядом с обещанием праздничного веселья. Кажется, блюсти траур так, как полагалось, молодая вдова и не думала, ну да алатырница не собиралась лезть не в своё дело и осуждать Светлану не спешила. В конце концов, та очень недолго прожила в браке, и Матушка знает, какие на самом деле были у них отношения с мужем!

Кроме парней, Светлана на все лады расхваливала своих подружек из свиты княгини и саму княгиню. Как она благодарна им за поддержку и заботу, как сложно было бы без них справиться с утратой, какие они добрые и надёжные. Здесь Алёна слушала внимательнее и от услышанного немного успокоилась. Предупреждения Степаниды она помнила, но и Светлана как будто не врала! Может, не так уж всё плохо выйдет?

Заинтересовалась новая знакомая и одеждой Алёны. Что-то похвалила, что-то одобрила, на что-то милостиво махнула рукой, а часть, особенно праздничную, разругала. То «так сейчас не ходят», то «слишком бедно», то «слишком закрыто». Предложила даже забрать всё это и прислать взамен новое, но тут Алёна проявила упорство. Прислать – пусть, коли хочется, а своё отдавать не станет. Люди шили, старались, как же это – ни разу не надетое выбросить? Она лучше перешьёт. Наверное. Потом. Благо иголку держать умеет. Светлана посетовала, что такая скарденность княгине совсем не к лицу, но настаивать не стала.

Алёна и сама бы не бросилась переделывать всё по указке новой знакомой, но, глянув на Стешу, встревожилась. Рыжая следила за вдовой недобро, каждую вещь провожала взглядом, а когда Светлана предложила их забрать – и вовсе едва сдержалась, чтобы не броситься на защиту. Успокоилась, только услышав, что подопечная не намерена разбазаривать добро, глянула на молодую алатырницу одобрительно и опять вернулась к шитью.

Алёне очень хотелось спросить, откуда такие разногласия, но не выгонять же ради этого гостью! А потом стало и вовсе не до того, пришла пора идти к великой княгине на ужин.

Обеденная зала своим устройством ничем не отличалась от виденной Алёной в охотничьем доме. Тот же длинный стол с лавками, те же резные кресла для великокняжеской четы. Только вместо чучел здесь в двух углах высились посудники, где стояли расписные тарелки, резные чарки и другая утварь. Ответ, для чего это здесь, нашёлся быстро: когда Светлана провела спутницу к общему столу и уселась вместе с ней с правой стороны спиной к входу, не рядом с местом княгини, но и не на самом краю, маячивший в отдалении слуга подхватил с ближайшей полки всё нужное и поставил перед ними.

Народу оказалось меньше, чем Алёна ожидала, больше половины стола пустовало. На левой стороне сидело восемь женщин постарше, видимо замужних, которые негромко о чём-то переговаривались, а на правой – всего три молоденьких девушки, напротив которых Светлана и устроилась.

Одна – редкой красоты, Алёна и сравнить с кем-то не бралась, словно духи благословили при рождении. С волосами цвета спелой пшеницы, но с тёмными бровями и ресницами, отчего лицо казалось ярче, чем у Светланы. Глаза большие, редкого цвета бирюзы, губы нежные, совершенные – в меру полные, в меру яркие. Она немного снисходительно улыбалась и держалась гордо, как будто великой княгиней была именно она. Её звали Людмилой, была она рода дворянского, дочерью одного из княжеских воевод.

Другая – словно её отражение в пыльном зеркале. Миловидная, и отдельно от своей соседки была бы хороша, но здесь казалась тенью. Волосы обычные светло-русые, глаза обычные серые, да и лицо слишком простое. Боярская дочка Павлина смерила Алёну странным тяжёлым взглядом, но потом улыбнулась и стала в этот миг заметно краше.

Третья была богата толстой медной косой и яркими зелёными глазами, но лицо имела бледное и неподвижное, словно неживое. Алёна не сразу поняла, что оно просто выбелено чем-то и сквозь побелку эту едва заметно проглядывали веснушки. Алатырницу это озадачило, она точно знала, что травники умели делать средства, которые заставляли конопушки пропадать. Стоило оно дорого, было

сложным, но неужто у боярской дочери золота нет? Один узорный платок на плечах стоил всяко дороже! Эту девицу звали Яной.

– Ты милая, – с улыбкой решила Людмила, когда Светлана всех назвала. – А почему у тебя такая тёмная кожа? Ты не успела с дороги в мыльню?

– Это не грязь, это загар, – вежливо пояснила Алёна, озадаченная таким странным вопросом.

– Загар? А отчего? – продолжила любопытствовать красавица, и Алёна озадачилась еще больше.

Нет, она, разумеется, знала, что боярских дочек учат чему-то другому, нежели алатырников, но никогда не думала, что настолько. Что таким вещам вообще нужно учить.

– От солнца, – терпеливо пояснила она.

– Ну надо же, – хихикнула Людмила, и обе подружки заулыбались, и Светлана, сидевшая рядом, тоже. – И что, у всех так?

– У всех. Если долго находиться на солнце, появляется загар, – ровно ответила Алёна, чувствуя себя очень глупо. Вроде и отвечать не откажешься – спрашивают вежливо, но всё одно ерунда какая-то. Издеваются они так, что ли? Выставляя себя дурами, простых вещей не знающими? Странно...

– А зачем ты долго находилась на солнце? – безупречные тёмные брови выразительно выгнулись в удивлении.

– Она, наверное, коров пасла, – хихикнула рыжая. – Все в деревне пасут коров!

Остальные тоже засмеялась, а Алёна только молча вздохнула. Если в деревне все пасут коров, то кто делает всё остальное?.. Но боярышни, похоже, деревни в глаза не видели, выросли здесь, в стольном граде.

– Я просто люблю гулять, – ровно сказала она без лишних подробностей. Выдумывать не хотелось, а правда... В карауле да патрулях к концу лета не так почернеешь!

– Зачем? – округлила глаза Людмила.

Но от ответа на новый нелепый вопрос Алёну спасло появление еще одной девушки, которая бросалась в глаза своей непохожестью на остальных. Небольшого роста, с богатой льняной косой в руку толщиной, одета она была скромнее прочих, и формы для юного

возраста имела очень пышные, этакая сдобная булочка – золотистая, круглая, румяная.

– Здравствуйте, - неуверенно улыбнулась она и села на скамейку рядом с Алёной.

– Здравствуй, – вежливо ответила алатырница, а остальные сделали вид, что обращались не к ним.

Людмила только выразительно закатила ясные глаза и заговорила со своей соседкой о каком-то Алексее.

– Это княжеского ключника Вяткина дочь, Улька. Она дурочка малахольная, не обращай на неё внимания, - не сбавляя голоса, сказала Светлана, неприязненно наморщив хорошенький носик.

Алёна так опешила, что с ответом не нашлась, только глянула растерянно сначала на саму вдову, потом на Ульяну. Та уткнулась взглядом в пустую тарелку, низко повесив голову, и уши у неё горели от стыда или обиды. Слышала злые слова, это ясно. Почему не возразила? И зачем вообще было такое говорить?! Намеренно задеть? Что же сделала бывшей княгине дочка ключника Вяткина?..

Тут прервались уже все разговоры, потому что слуга распахнул дверь, и вошла довольно молодая женщина с уложенными вокруг головы чёрными волосами, в которых блестел тёмными лалами венец – меньше и тоньше княжеского, но явно одним мастером сделанный. Рядом с княгиней Софьей, по правую руку, важно шагал вихрастый светловолосый мальчишка шести лет – второй княжеский сын, а по левую – русая девочка постарше, ей исполнилось десять, явно повторявшая материнскую походку и старавшаяся держаться как она. А второй дочке было всего четыре, мала ещё за стол со взрослыми садиться.

При появлении княгини все поднялись, чтобы поклониться, та кивнула, скользнув по лицам взглядом, и прошла к своему стулу. Дочь усадила по правую руку от себя, а место великого занял его сын. Никто не удивился, дело было явно привычным, а Ярослав трапезничал где-то в иных покоях, что больше прежнего утвердило Алёну в неприязни к здешним порядкам. В её родном доме ужин был тем временем, когда за одним большим столом собиралась вся семья, и дико было представить, что дед с бабушкой ели бы отдельно, да ещё в разных комнатах.

После княгини все сели, и к столу потянулась вереница слуг с блюдами. Алёна проголодаться ещё не успела, потому за проплывающими мимо яствами следила без жадности, рассеянно, думая о другом.

О княгине. Она была... странной.

Конечно, хороша собой. Статная, яркая, венец Софья несла гордо, но без надменности, и без венца было бы ясно, кто вошёл в обеденную залу. И не только в самой Алёне, далёкой от дворцовых порядков, но и в сидящих возле девушках, при всей их красоте, не было и на волос того странного, притягательного очарования. Величия живого, уместного, какое легко видеть в горах и старых деревьях, но неожиданно – в молодой женщине.

Да и вся её наружность... У надменной Людмилы было совершенное лицо, у княгини – нет, но именно её хотелось разглядывать. Карие глубоко посаженные глаза с поволокой, тонкий нос, острые скулы... Алёна не знала, почему великий князь, овдовев, взял эту женщину второй женой, но подумала, что остаться к ней равнодушным не смог бы никто.

Но взгляд Софьи пугал. Тёмный, словно бездонная трещина в скалах, и как будто такой же пустой, направленный внутрь. Потом княгиня о чём-то негромко заговорила с дочерью, и впечатление это смазилось: детей она любила искренне и крепко, любовью этой дышало и как будто изнутри освещалось всё её лицо. А те отвечали взаимностью, и это тоже было видно: в том, как охотно девочка что-то рассказывала, в том, как юный княжич с очень важным видом ухаживал за матерью, старался подать ей всё самое лучшее. И ворчал, наверное повторяя за кем-то старшим, что она совсем плохо ест.

Через некоторое время княгиня обратила своё внимание и на свиту.

– Девушки-красавицы, а расскажите, что за новое лицо появилось за нашим столом? – заговорила она, глядя прямо на Алёну. Голос был глубокий и очень красивый, чарующий, под стать облику.

Алатырница подскочила на стуле, но вовремя опомнилась, что докладывать по уставу совсем неуместно, растерянно замерла под смех девушек. Княгиня тоже улыбнулась, но не насмешливо, а по-матерински ласково, а потом Ульяна потянула Алёну за рукав вниз и прошептала тихо:

– Сядь, не надо.

– Можно я скажу? – звонко проговорила Людмила и продолжила, не дожидаясь разрешения: – Это Алёна, побочная дочка князя Краснова, она к нам из деревни приехала. Очень любит гулять по солнцу, так что это у неё не грязь, а загар.

– С коровами гулять, - хихикнула рыжая Яна.

Засмеялись и остальные, а Алёна только покривилась слегка – она ничего смешного в этих глупостях не видела. Княгиня продолжала вежливо улыбаться, с интересом разглядывая алатырницу. Было ли в том интересе что-то еще – одобрение или, напротив, недовольство, – Алёна не поняла.

– Новая княгиня Краснова, значит? - задумчиво проговорила Софья.

Показалось или и впрямь на этих словах по лицу Людмилы скользнула тень недовольства?

– Да, ваша светлость, – ответила Алёна, не до конца понимая, что именно княгиня желала услышать в ответ. Но молчать показалось невежливым.

– Добро пожаловать в Китеж-град. Надеюсь, тебе здесь понравится, – спокойно сказала Софья и, кивнув в ответ на вежливое «спасибо», вновь заговорила с дочерью.

Девушки напротив опять зашушукались, поглядывая на алатырницу – видно, её обсуждали и над чем-то посмеивались. Странные они...

– Попробуй рыбу, – тихо предложила рядом Ульяна.

– Какую рыбу? – растерянно переспросила Алёна, стряхивая задумчивость.

– Щука хороша, - приободрилась девушка. – Её здесь, на Светлояре ловят, свежая совсем. И кухарка княжеская с ней обращаться умеет. Её часто пересушивают. Ой, а вот пирожки эти лучше не брать, очень сала много. И лука. Невкусно. И нож так не надо держать, ты словно нападать на кого-то собралась. Вот так..

Щука действительно оказалась хороша, но чем дольше Алёна слушала свою соседку, тем маетнее и хуже становилось на душе. Она уже готова была согласиться, что болтушка Ульяна действительно дурочка, и от этого делалось противно. Потому что и остальные

боярышни приязни не вызывали, и кусок совсем не лез в горло, хотя всё было вкусно. На взгляд Алёны – и то, что ругала соседка, тоже.

В конце концов она извинилась перед княгиней и, сославшись на усталость с дороги, попросила отпустить её отдыхать. Та благосклонно кивнула, и алатырница с облегчением удрала из обеденной залы. Ей действительно требовался отдых от всех этих людей.

– Алёна, подожди! – Не успела она сделать и десяти шагов, как из залы следом выкатилась Ульяна.

– Что такое? – стараясь держаться ровнее и не показывать недовольства, Алёна обернулась.

– Светлана велела передать, что, как стемнеет, в Моховом покое посиделки будут, приходи. Будем шить, песни петь, – неуверенно улыбнулась боярышня.

– Велела передать? – удивилась алатырница. – А почему тебя?

— Ну... Почему нет, я же на краю сидела. – Ульяна неловко пожала плечами и опустила взгляд.

– Я постараюсь прийти, – как могла мягко сказала она. – Это всё? Спасибо.

Дождавшись ответного неуверенного кивка, Алёна опять двинулась в сторону своих покоев. А через пару мгновений её догнало запоздалое:

– Приходи, пожалуйста! Я буду ждать...

Лучше бы она промолчала, потому что от сказанного сделалось совсем уж гадко, как будто алатырница успела новую знакомую всерьёз обидеть, но не поняла когда и чем.

До покоев, по счастью, было недалеко, а там нашлась Степанида, которая преспокойно рукодельничала в углу, словно и с места не сдвинулась за всё это время. Однако разбросанные Светланой вещи вернулись в сундуки, да и грязная посуда пропала.

– Что-то ты быстро, – заметила Стеша, окинув внимательным взглядом подопечную. – Как прошло?

– Странные они все какие-то, – призналась Алёна. – Ну да Матушка с ними, мне просто есть не хотелось, а слушать их скучно.

– Напрасно, стоило бы послушать, – задумчиво проговорила рыжая. – Ты вообще побольше с ними старайся быть, знакомства среди боярских сыновей заводи. Чтобы видно было, что к словам князя ты отнеслась серьёзно, намерена быть хорошей княгиней, и всё такое.

– А зачем мне для этого с девицами общаться?

— Не только с ними, со всеми. Полезные знакомства никогда лишними не бывают. Вот с кем ты сегодня познакомилась за ужином?..

Алёна бесцеремонно улеглась на скамью у печки, которая оказалась достаточно широкой, но чуть коротковатой – ноги свисали. Сладко потянулась всем телом, закинула руки за голову и, прикрыв глаза, принялась перечислять. Предсказуемо полезным знакомством была признана только княгиня, а остальные имена заставили Стешу задуматься.

– И как тебе эти четыре девицы?

— Не знаю. Неладно. Дружить с ними я точно не хочу. А что?

– Это из совсем молодых, недавно тут, при дворце, - пояснила рыжая. – Я их не знаю. Ну, кроме Ульяны. Она у Вяткина единственная младшая дочка, четверо старших сыновей, так что любимица и отрада что материнская, что братская. Она в поместье под Китежем росла, там привольно, а сюда её отец привёз, чтобы мужа подостойнее подобрать. Всё-таки чин у него очень высокий, богатства немалые, может перебирать. А дочка... Ну, дочка как дочка. Тихая, робкая, даже как будто не балованная. Другие три... Узнаю. Отцов знаю, это да, а про самих боярышень поспрашиваю.

– Да, к слову о боярышнях, я же спросить хотела. Отчего Светлана ругала наряды? Что с ними не так?

– Не бери в голову, - недовольно отмахнулась Стеша. – Всё с ними хорошо, это со вдовой что-то неладно. То ли по одежде красивой соскучилась, то ли вкус у неё подурнел после кончины мужа. Или вовсе злобствует баба.

– Ты думаешь? – с сомнением спросила Алёна. – Почему? Мне она показалась искренней...

– Мне тоже показалась, но советы её дурные, – пояснила Степанида. – Оно, конечно, и то, что она говорила, можно носить, и прилично будет, но... Уж больно крикливо выйдет. Ты у нас княгиня, а не дочка разбогатевшего на самоцветах купца, чтобы камнями этими с ног до головы увешаться. В общем, говорю же, не думай о том. Ты ей правильно не дала собой помыкать, но могла бы и потвёрже на своём стоять. Или нет, – добавила через пару мгновений. – Где девочке из глуши решимости набраться, верно? В общем, не думай о ней.

– Значит, на посиделки к ним мне пойти стоит, да? – вздохнула Алёна и пояснила, не дожидаясь вопроса: – Сегодня вечером, как стемнеет. Позвали песни петь и шить.

– Иди,иди, нечего в покоях куковать, – насмешливо велела Степанида. – Нешто боишься девок боярских?

– Не подначивай, не поведусь, - отмахнулась княгиня. - Не нравятся они мне, да и только, а волков бояться – в лес не ходить. Лучше вот что скажи, а то я запомню, а ты спросишь, – она опомнилась, села на скамье. – Отчего Вьюжин со старой княгиней так странно держится? И отчего она ему спускает?

– А-а, это, - усмехнулась Стеша. – Старая история. Расскажу, она ух какая! Но не проболтайся Вьюжину. Не то чтобы тайна, но уже забылось, так и не надо вновь на свет вытаскивать. Бабка твоя по молодости хороша была – загляденье, от неё мужики головы теряли. Вот и Вьюжин тогда потерял. Только Людмила князя Краснова выбрала, князь повыгоднее второго боярского сына. И князя на себе женила, когда от него понесла. А могла и не от него, от Вьюжина.

– То есть погоди, она с обоими?.. – удивилась Алёна. - А что же мне говорила про честь девичью?!

– И как бы только с двумя, - насмешливо отмахнулась Степанида. - Привыкай. Тут, небось, половина девиц при дворце не девицы давно, но тайну блюдут. Здесь главное – что снаружи, не что внутри.

– Как-то это... нечестно, – с трудом подобрала Алёна слово.

– Честно! Ишь чего удумала, честность ей подавай! – Стеша пренебрежительно отмахнулась. – Ну ладно, ты дальше-то слушать будешь?

– А это ещё не всё?

– Самое начало! Вьюжин тогда шум поднимать не стал, а когда младенец родился – и вовсе оказалось, что угадала она, алатырник отцовство подтвердил. Или не угадала, а раньше проверила, некоторые лекари такое умеют. Вьюжин горевал недолго, женился, и поудачнее, чем князь Краснов. Да только с княгиней через шестнадцать лет столкнулся, когда та овдовела. Мужа она как будто к Матушке и не отправляла, там вроде бы чисто всё вышло, а вот отца твоего едва не уморила.

– Погоди, в каком смысле? Родного сына?! – еще больше растерялась Алёна.

– До власти жадная была, не хотела княжество передавать, задумала Ивана с ума свести, чтобы от его имени править. Ярослав его спас, тогда еще наследник. Заметил, что с дружкой верным неладное было перед отъездом в поместье, встревожился, видно, почуял что-то. Лекаря княжеского привёз, Вьюжина тоже, ну и вскрылось. С тех пор княгиня во вдовьем доме и кукует. Может, и стоило её куда подальше сослать, а то и вовсе казнить, но старый князь мудрым был. Для такой, как она, безвестность в глуши страшнее казни и застенков. Ты чего так скривилась? Не любя родня? – усмехнулась Степанида.

– Жила без такой родни двадцать лет, и ещё бы прожила, – честно ответила алатырница. – В голове не укладывается... Своего сына, первенца! Всякое в народе случалось, в голодные годы детей в лес относили, когда прокормить не могли. Колотят, бывает, кто без ума или пьёт без меры. Но вот так, чтобы холодным рассудком, своею волей, не от голода и безысходности... Никогда такого не пойму! Стеша, давай мы поскорее этого убийцу найдём, хорошо?

Рыжая в ответ рассмеялась, но обещать лишнего не стала.

К счастью, до вечера больше никого к новоявленной княгине не принесло. Посоветовавшись с помощницей, Алёна решила тратить время на посиделках не совсем уж попусту и кроме шитья взять ещё книгу. Библиотека в княжеских палатах была, и была она хороша и огромна, и сложнее всего оказалось не выдать себя и не спросить какой-то редкий том, о которых в алатырской школе рассказывали, но каких там не водилось. Но даже среди приличного для молодой княгини нашлось из чего выбрать. Сошлись в конце на сказаниях о начале времён, такого полного собрания Алёна прежде не встречала.

Рыжая потешалась над подопечной из-за размера книги, которая в корзинку для рукоделия не влезала, но всерьёз не спорила. Тем более, на счастье Алёны, над этим огромным трудом поработали и алатырники, так что весила книга много меньше, чем могла бы. И, видно, благодаря чарам же ценную старую книгу разрешили взять к себе: те защищали не только от порчи и грязи, но и от кражи, вынести её за пределы княжеских палат было нельзя.

Степанида тоже взяла себе что-то для чтения и провожать подопечную не пошла. Точнее, она предложила, но Алёна отказалась: не всегда же рядом будет нянька, надо и самой учиться. Язык, говорят, и до Китежа доведёт, а ей так далеко не надо, она уже тут.

ГЛАВА 4. Княжеский воевода

Молодой парень, совсем ещё мальчишка, который попался Алёне на пути и у которого она узнавала дорогу, вопросу очень удивился. Два раза переспросил, точно ли нужен Моховой покой, и под его изумлённым взглядом Алёна всерьёз засомневалась. А потом рассердилась и на себя, и на мальчишку. Есть такой покой? Есть. Значит, веди, нечего глупые вопросы задавать!

К удивлению алатырницы, повели её прочь из княгининого терема. От этого она ещё сильнее засомневалась, потому что посиделки как будто планировались в женском кругу, почему здесь? Но тут же себя успокоила: если окажется, что что-то не так поняла или запомнила, извинится и выйдет. Не к голодным же волкам её в клетку втолкнут!

– Вот, – шмыгнув носом, парнишка ткнул пальцем в высокую тёмную окованную дверь в хмуром тупике. Вот уж действительно – Моховой! Сразу с порога. И ведь как забавно совпало, практически по месту службы.

Алёна окинула дверь уважительным взглядом – не всякий таран возьмёт. Интересно, что же за такой прятали? Не казну, конечно, большие ценности всегда в подклети без окон хранят, но не просто же так эту дверь посреди терема поставили! Да и с посиделками явно какая-то путаница вышла, вряд ли тут найдётся тихая светлая горница.

Алатырница запоздало решила расспросить проводника подробнее, оглянулась – а мальчишки и след простыл. Осталось только пожать плечами и рискнуть.

Стучать она не стала, – тут колотушка нужна, чтобы внутри слышали! – просто потянула за ручку. Если никого нет и входить нельзя, то будет заперто, верно?

Дверь поддалась, и поддалась неожиданно легко, без подспудно ожидавшегося скрипа. Тяжёлое полотно мягко повернулось на петлях, впуская девушку в сумрачную комнату. Сразу стало ясно, отчего покой Моховой: пол выложен немного пористым, шершавым зелёным камнем, и стены зелёные с тонкими золотыми узорами. И мебель не то

из болотного дерева, не то ловко под него сделана. А впрочем, уж в великокняжеских палатах вряд ли найдётся место подделке!

Но обстановку полупустой комнаты Алёна отметила мѣльком, взгляд прочно зацепился за единственного человека, находившегося здесь. Нестарый, плечистый мужчина без бороды, с короткими рыжими волосами, с закрытым чёрной повязкой глазом, одетый попростому – рубаха, штаны тёмные, кабы не сапоги высокие – за слугу сошёл бы. Он вольготно расселся в кресле, согнув одну ногу и упираясь пяткой в сиденье, прямо на столе лежал кусок окорока и ополовиненная краюха хлеба, стояла тёмная бутылка. На глазах Алёны мужчина кинжалом – точно ведь кинжалом, не просто ножом! – отхватил от окорока шмат и бросил лежащему у ног огромному псу.

Тот гостью как раз заметил, но волнения не проявил и охотно отвлёкся на подачку, а там и человек поднял взгляд.

Алёна столько раз рисовала в воображении это мгновение, что напрочь забыла, где находится. Сделала шаг вперёд, легко перебросила корзинку с рукоделием в левую руку, правую вскинула к плечу и звонко проговорила затверженные за время службы слова:

– Хорунжий пятой Моховой заставы Алёна... – запнулась, не сообразив, какую фамилию нужно назвать, а потом и вовсе осеклась, понимая, что говорит совсем не то.

– Оригинальный подкат, - пробормотал мужчина.

– Что? – алатырница сказанного не поняла и оттого переспросила – быстро и бездумно, иначе точно не решилась бы рта раскрыть.

– Говорю, это что-то новенькое, – ответил он. – Кто подучил?

– Чему? - совсем растерялась девушка и обеими руками ухватилась за ручку корзинки, словно за спасительную верёвку, которая единственная могла вытащить из трещины.

Наверное, окажись здесь кто-то другой, Алёна бы просто извинилась и вышла. А сейчас стояла, хлопала глазами и не могла отвести взгляд. Потому что напротив сидел *он*.

Рубцов Олег Сергеевич. Первый княжеский воевода, прозванный Янтарноглазым. Чёрный янтарь редкой, удивительной, былинной силы. Не просто земля – то, что называется «соль земли». Он выиграл последнюю войну с болотниками, он поднял Граничный Хребет – скалистую гряду, отделившую Великую Топь от Белогорья надёжнее

любых чар. Он подарил приграничным землям и их жителям покой, какого они не знали никогда прежде.

Алёнин дед Иван Никанорович отзывался о нём с таким уважением, какого не питал ни к князьям, ни к кому другому. Пластун из рода пластунов, пестовавший мальчишек, познакомился с Рубцовым, прибывшим под его начало на заставу, четырнадцать лет назад. Дед не раз говорил, что не он учил новобранца, а сам у него многому учился: этот молодой парень в свои двадцать три знал и умел больше, чем опытный седой воин. Шашкой махал что дубиной, Иван Никанорович диву давался, но без оружия хорош был настолько, что впору за ним записывать.

Два года ушло у этого паренька, чтобы дослужиться до воеводы. Да, во многом благодаря удивительно сильному дару, и с появлением Хребта не то что простые крестьяне – ему князья руки целовать должны были!

Двенадцать лет назад Алёна видела его последний и единственный раз, когда приезжал проститься с дедом. Украдкой видела, нечего детям лезть, когда старшие о своём говорят. Даже не подумала за эти дни о том, что он окажется здесь, при княжьем дворце, хотя, казалось бы, где же ему еще быть – первому воеводе?

И за эти двенадцать лет он совсем...

Нет. Не изменился он там, в её голове, а сейчас перед Алёной сидел и он, и как будто совсем не он. Рыжие волосы всё так же коротко острижены, но теперь в них густая проседь. Откуда, ведь сорока ещё нет! И тогда, после войны, не было. А повязка через правый глаз – всё та же, простая чёрная лента. Алёна долго донимала деда, пытаясь выяснить, что с его глазом. Тот ведь знал, точно знал, но только отмахивался – не твоё дело. А она знала, что это не простая рана, да и рана ли вообще? Ровная кожа вокруг, ни царапинки, ни шрама, и ресницы под тонкой повязкой как будто двигаются...

И одежда эта... Удобная, понятная, привычная, но место ли ей здесь и сейчас? Должна быть другая. Красивая, нарядная, ладно сидящая на крепких плечах. И улыбка должна быть – та самая, живая, которой он улыбался деду и, казалось, ей самой, подглядывающей из-за занавески.

Но улыбки не было. Была косая, недобрая ухмылка, скривившая и словно разрезавшая лицо, крепко засевшее в памяти. Как будто

простое, как бабка говорит – пучок на пяточок. Но краше Алёна никогда не видела.

Радужка целого глаза – прежнего цвета, странного, оранжевого. Янтарного, тёплого. За него, говорят, и прозвали. В сумраке Алёна не видела, но точно это знала. А лицо... Лицо всё-таки как чужое. Похудевшее, бледное. Может, он нездоров?

– Эй, чернявая! – резко окликнул воевода, кинжал легко повернулся в ладони и на полвершка ушёл в дерево стола. – Ты меня слышишь вообще?

– Простите, воевода, я... случайно сюда вошла, - отмерла наконец Алёна. – Мне сказали в Моховой покой прийти, на девичьи посиделки, должно быть, попутала что-то. Я тут только первый день.

Она опустила глаза, встретила с умным и словно печальным взглядом карих собачьих глаз. Неделянская порода. Огромный пёс, какими медведей травили, с широким лбом и вислыми ушами. Серой, волчьей масти, но на волка не похожий совсем.

Пса Алёна тоже знала, воеводе подарили щенка у них. Не дед, его друг, он этих псов для охотников разводил, и были они, поговаривали, лучше великокняжеских.

– Первый день? – переспросил воевода. Сделал несколько глотков из бутылки, утёр губы тыльной стороной ладони – Алёна видела, украдкой вскинула на него взгляд, но тут же опустила вновь. Пёс у ног мужчины шумно, тяжело вздохнул. – Кто бы тебя сюда ни послал, добра он тебе не желал. Поменьше его слушай.

– Почему не желал? – девушка с таким искренним изумлением вскинула на него взгляд, что воевода в первый момент не нашёл, что ответить.

– Ты знаешь ли, кто я такой?

– Конечно, знаю! Первый его княжеской светлости воевода, Рубцов Олег Сергеевич. Янтарноглазый, соль земли. Это благодаря вам Хребет появился, вы нас от болотников закрыли!

Умолкнуть её заставило не то, что закончились слова, а искреннее удивление и недоверие на лице мужчины.

Но продолжить разговор не получилось, за спиной Алёны прошелестела, открываясь, дверь. Взгляд воеводы опять сделался колючим и недобрым, как в самом начале, когда алатырница нарушила

его уединение, а потом повисшую тишину разбил торопливый голос Светланы:

– Ну куда тебя занесло? – Вдова цепко ухватила Алёну за локоть. – Простите нас, пожалуйста, она всё перепутала! Не Моховой покой, а Малахитовый! Не сердитесь, мы уже уходим!

Алатырница бросила еще один взгляд через плечо, но прочитать выражение лица воеводы не успела, дверь хлопнулась.

– Ух! Алёна, ну как же ты так? Все же знают, что в Моховой покой соваться нельзя, там же этот! – возмущённо говорила вдова, таща спутницу за локоть прочь. – Он тебя обидеть не успел?

– Как обидеть? – растерянно переспросила Алёна и недовольно отдернула руку. – Пусти меня, что ты вцепилась?!

– Ох, извини, я так испугалась! Нагрубить, а то и кинуть чем или пса своего жуткого натравить, вот же чудовище! Да оба хороши, – ворчала Светлана. – А Улька дура, надо же было перепутать! Благо сейчас вспомнила, куда тебя отправила.

– Но это же воевода Рубцов! – пробормотала Алёна. – Это же он последнюю войну с болотниками выиграл...

– Что бы он там ни выиграл, а сейчас от него лучше подальше держаться, – вдова наморщила нос. – Пьяный, грубый и неотёсанный, вот уж вояка! И зачем ему великий князь дворянство только пожаловал!

– Но он же всех нас защитил!

– Да вот ещё, всех! – недовольно отмахнулась Светлана. – Они к Китежу на полёт стрелы не подойдут, болотники эти, Светлояр не позволит.

Алёна искоса зло глянула на вдову, собралась возразить, но в последнее мгновение передумала. Не о чем с ней говорить, и спорить тоже. Пустое. Не разговор – сердце пустое. И теперь, прежде чем верить этой родственнице хоть в чём-то, стоило крепко подумать. Если она и в самом деле не желает зла, то не обязательно ведь хочет добра. Да и надо ли Алёне такое добро?

Светлана ещё говорила, и спрашивала, и ворчала на Алёну за то, что та не дала ещё указания перешить свои вещи. Алатырница и здесь не спорила – она почти не слушала, думая о недавней встрече. И чем больше думала, тем горше становилось на душе.

Как бы ни злилась она сейчас на Светлану, но кое в чём та была права. Воевода и впрямь переменялся в сравнении с тем, каким она его помнила. И не в лучшую сторону. И стыдно уже было за свою детскую ревность, которую всегда питала, вспоминая этого мужчину. Да пусть бы он был женат, пусть орава детишек, но счастлив, а не... вот так. Да разве ж это воин? Кинжалом, своим кинжалом, верным защитником и другом – кромсать окорок?!

Некстати подумалось, что, не будь он пластуном, зарос бы серо-бурой бородой и выглядел ещё грязнее. Если иные мужчины отпускали бороды и считали своей гордостью, то пластуны всегда начисто выводили лишние волосы специальным зельем, да и головы часто брили. Они если и сталкивались с врагом впрямую, то только лицом к лицу, вплотную, а в такой сшибке лишние волосья – возможность для врага. Схватить за бороду, взмахнуть кривым острым ножом – и нет пластуна.

Нет, не случайно подумалось. Вспомнился один. Бирюком у них в станице жил, на окраине. Тихий был, но пил беспробудно и всё по окрестным лесам шатался. Так и сгинул по зиме, искали, но куда там! Говорили, бадзула привязалась – злобный дух, сводивший людей с ума, заставлявший опускаться и бродяжничать.

Глупость, конечно. И без чужого вмешательства люди оступаются. Был у них алый янтарь в станице, который духов и нечисть усмирять, так он бы заметил. И во дворце бы тем более заметили, если бы к воеводе этакая нечисть прицепилась. Сам он, точно сам.

Думать о том, что Янтарноглазый закончит жизнь так же, как тот пьяница, было невыносимо.

– Скажи, и давно он... вот так? – спросила Алёна наконец.

– Кто?

– Воевода.

– Ой, ты спросила! Да сколько его помню. Шатается по дворцу что леший по полю, – неприязненно отмахнулась она. – Изредка вон только к князю является по приказанию да по берегу, говорят, бродит ночами. Сейчас небось наберётся и пойдёт.

– Зачем? – не поняла Алёна.

– Да походи узнай, что у него на уме! К русалкам ходит, живые-то бабы от него бегают, – рассмеялась она. – Да что тебе до него за дело?

– Жаль его. Воин славный, алатырник могучий, и вот...

– Нашла тоже, кого жалеть! Или тебе наш медведь-шатун по сердцу пришёлся? - хитро, искоса глянула вдова.

Тут Алёна без труда сумела сдержаться. Она родным-то свою сердечную тайну не поверяла, что о случайных людях говорить! И давно научилась отвечать на такие вопросы ровно, не вызывая подозрений. Неопределённо повела плечами, слегка качнула головой.

– Откуда, я же и не знаю его! Так только, слышала. Нянюшка моя с приграничных земель была, а там про Янтарноглазого песни поют и детям сказки рассказывают.

Соврала, но за ложь совестно не было. Не говорить же, что девчонкой в него влюбилась, еще когда не знала, когда дедовы рассказы слушала и остальных стариков. А уж после, когда увидела... Как он смеялся, как глядел – чуть насмешливо, щурясь на солнце.

Алёна никогда не искала с ним встречи. Ну куда там? Он воевода, Янтарноглазый, а она что – простая станичница. Хорунжий. Да она даже на границу пошла не из-за него, честное слово. За неё всё янтарь решил: жгучее злое пламя не греет, оно создано сжигать, и против болотников вернее средства нет, боятся они его. И действительно старалась забыть глупое детское увлечение, найти кого-то рядом, поближе, попроще. Да только в сравнение с ним никто не шёл, ни на кого больше сердце не отзывалось.

И вдруг – эта встреча. Как же она не подумала, что он должен быть тут, при княжеском дворце?..

За разговором они незаметно дошли до нужного места, и обсуждение достоинств и недостатков княжеского воеводы на этом, к облегчению Алёны, прервалось.

В Малахитовом покое было очень светло, сразу видно, что собирались рукоделием заниматься. На высоких подставках ярко горели светцы – созданные алатырниками, они напоминали крупные куски льда и точно так же таяли, только исходили не на воду, а на свет. Делались легко, служили долго и в ходу были не только в великокняжеском дворце, но и в купеческих домах, и у крестьян, у кого хозяйство покрепче.

Резные скамьи вдоль стен, два больших ларя с непонятным содержимым. В дальнем углу стояла изумительной красоты прялка, но к ней никто из девушек не притрагивался. То ли не хотели, то ли вещь эта принадлежала лично княгине.

Рукодельниц набралось немного – все знакомые Алёны по ужину, и еще две девушки, которых там не было, держались особняком. Оглядевшись, алатырница поспешила занять место на краю. Пусть рядом со странной дочкой Вяткина, но зато и Светлана близко не устроится. Может, Ульяна и чудаковатая, но родственница чем дальше, тем большую вызывала неприязнь.

– Ульяна, ну и глупая же ты! – заявила вдова, остановившись в сажени от них и смерив Алёну недовольным взглядом.

– Но ты сама говорила про Моховой покой! – попыталась возразить та. – Я ещё удивилась, потому что все знают...

– Не выдумывай! – прикрикнула Светлана. – Вот и девушки могут подтвердить, про Малахитовый речь была.

– Про Малахитовый, конечно, - с мягкой улыбкой согласилась Людмила, и Ульяна опять низко опустила голову, почти уткнувшись в своё шитьё.

– Алёна, ну что ты там притулилась с этой малахольной? – всё-таки не выдержала вдова. - Иди к нам!

– Мне и тут удобно, – отмахнулась Алёна, раскрывая на коленях книгу.

– Ой, смотри! А вдруг это заразно?

– Будет не только грязной, но и глупой! – рассмеялась рыжая Яна.

– Зря ты так, – тихо проговорила Ульяна и взялась за иголку, ни на кого не глядя. - Они теперь и тебя заклюют.

– Клювы поломают. – Алёна недобро глянула на боярышень, тихонько, с хихиканьем, шушукавшихся на другом конце комнаты. – Зачем она меня туда вообще отправила?

– Ты не думаешь, что это я напутала? – Ульяна подняла на алатырницу удивлённый взгляд.

– Ты напутала, а она так быстро всполошилась? – Алёна усмехнулась. – Кстати, и впрямь быстро, отчего она так скоро за мной побежала?

– Наверное, не хотела весь шум пропустить, – предположила боярышня задумчиво.

– Шум?

– Воевода сейчас хоть и в унынии, но всё-таки он близкий друг князя, обласкан, одарен богатыми землями – наш князь умеет быть благодарным. - При виде интереса собеседницы Ульяна заметно

оживилась и расцвела, ей явно недоставало кого-то, с кем можно спокойно поговорить. Алёна вновь прониклась жалостью к боярской дочке: у неё самой была Степанида, да и ненадолго она здесь, а Ульяне и деться некуда. Малахольная она или нет, но хоть не такая ядовитая, как Светлана с подружками. – Сейчас воевода не так близок к его светлости, как раньше, у великого князя иные интересы, но и не в опале. Его светлость сейчас о кораблях думает, мечтает за море-океан заплывать! Там, говорят, другие земли могут быть, совсем как наша, а может, и другие люди, представляешь?

– Или другие болотники, - поддержала Алёна задумчиво. - Ну а шум при чём?

– Так воевода неженатый. И некоторые девицы, чаще из дворянских дочек, кто победнее, считают его подходящей парой. Ну и пристают. Приставали. Уже, наверное, с год никто не рискует. Он то вроде терпел-терпел, а потом рассердился и девиц этих, говорили, взашей выталкивать начал. Одну даже из собственной спальни, и та девушка кричала, что он её обесчестил, а он только ругался крепко и говорил, что, мол, чести там отродясь не водилось. И не женился, разумеется. Она вроде сама к нему голая в постель залезла, ох он и злой был!

– погоди, а откуда ты всё это знаешь? - удивилась алатырница. - Если это давно было.

– Мне брат рассказывал, он в княжеской дружине служит. Очень они воеводу Рубцова крепко уважают, но также крепко сердятся на него за то, что сдал в последние годы. Жаль его, чахнет он здесь, а князь от себя не отпускает – первый воевода же, должен быть при князе. А он ведь даже охоту не любит, вот и... – Ульяна грустно вздохнула.

– То есть ты думаешь, Светлана хотела посмотреть, как он меня взашей гнать будет? – переспросила Алёна.

– Ну да. Наверное. А что, не ругался?

– Рассердился поначалу, теперь понимаю отчего. Но я же к нему не липла, извинилась, и я его тоже очень уважаю... Но отчего князь его не отпустит? Нешто не видит, что погибает человек?

– Да может, и не князь это вовсе, может, он и сам никуда идти не хочет! – горячо возразила Ульяна, противореча самой себе. – Может, он

и не просился вовсе, всё одно никакой войны нет. Может, он бы и в другом месте так же пропал бы!

– Твоя правда, – согласилась Алёна.

Вот уж верное слово – пропадает. Действительно. И жаль до слёз, и совсем непонятно, можно ли чем-то помочь? И нужно ли?

Последний вопрос алатырница отсеяла сразу. Нельзя хотя бы не попытаться, нельзя бросить хорошего человека в беде, ясно же, что один он не справится.

А вот со всеми остальными было сложнее. И боязно, и совестно навязываться, да и чем помочь – неясно. И совета спросить негде. С дедом бы поговорить! Вот уж кто мог дельный совет дать и понял бы, как никто другой, – что внучку свою, что воеводу. Сесть с ним у самовара, поговорить не спеша... Он вообще очень умный, и рассудительный, и людей хорошо знает, и жизнь. Или с бабушкой, в ней житейской мудрости ещё побольше будет.

Но до родных далеко, а здесь была только Степанида. Алёна не настолько ей доверяла, что бы делиться сокровенными тайнами. И в чуткости её очень сомневалась: Стеша резкая, непримиримая, она, кажется, вообще на сочувствие не способна. Коли княгиню без оговорок полагала виноватой в том, что муж с девками блудливыми путается, то и здесь виноват будет сам воевода.

А даже если и так, и если действительно сам он виноват, и проблема в нём, что ж теперь, позволить человеку пропадать?

Можно бы было найти письменную шкатулку, наверняка у Степаниды что-то такое есть, и отписать деду. Но, подумав, Алёна всё-таки оставила это на крайний случай. В письме всего не скажешь, да и объяснять придётся, как она вообще умудрилась встретиться с Янтарноглазым, как во дворце оказалась, а такого Вьюжин всяко не одобрит.

Некоторое время алатырница и её соседка помолчали, занятые своими делами. Ульяна вышивала бесконечный сложный красно-золотой узор по белому гладкому полотну, Алёна – безуспешно пыталась увлечь себя книгой. Вскоре она обратила внимание, что собственно рукоделием занималась одна только боярышня Вяткина, остальные девушки даже не открывали корзинки. Оживлённо болтали двумя группками, то и дело слышались незнакомые имена и смешки, и

собрались девицы на эти посиделки, кажется, только чтобы посплетничать.

Пару раз Алёну попытались втянуть в разговор вроде того, который был за ужином, но она лишь невнятно отмахивалась, не прислушиваясь, и вскоре девицы потеряли интерес.

– Зря ты всё-таки так с ними, житья не дадут, - вдевая новую нитку, заговорила Ульяна.

– Захотят – и без этого не дадут. Тебе же вот не дают. Отчего ты у них на побегушках? Твой отец высокий чин имеет, при князе, и братья старшие есть, не бедная сиротка...

– Матушку расстраивать не хочу, – вздохнула Ульяна. – Она болеет сильно. Я вот для неё шью платок, красиво?

– Очень, – искренне похвалила алатырница. – А что с ней?

– Хворь у неё незаразная, – поспешила заверить девушка. – Но чахнет на глазах. Лекари руками разводят, уж кого только отец не звал! К Озерице самой на поклон ходил – не помогла. Сам не свой потом седмицу целую был, мрачнее тучи. Нам не сказал, но, думаю, дева озёрная велела с ней проститься, – вздохнула Ульяна.

– Сочувствую, - пробормотала Алёна, уже жалея, что затеяла этот разговор.

– Матушка очень переживает, что у меня подруг своего круга нет, да и замужней меня хочет увидеть, счастливой. Вот я и пытаюсь. Подружиться не вышло, но хоть для отца видимость. Это нетрудно, им главное не перечить, тогда злословить быстро надоедает. Не хочется матушку обманывать, но правда её слишком расстроит, пусть так. Ты не думай, они не такие уж плохие. Пока Людмила не появилась, тут спокойно было: мы хоть и не подружились, но и не ссорились. Яна очень из-за веснушек своих переживает, а отец сводить не велит – он из Солёного уезда сам и очень сердится, что здесь люди не понимают красоты солнечных поцелуев. У неё и матушка вся такая в крапинку. А Павлина очень молчаливая и тихая, сама в себе. Странная она, но за Людмилой хвостом начала ходить. Было ещё две девушки, но они замуж вышли, им уже не до наших посиделок. И Светлана вот теперь... Только, мне кажется, она очень ревнует, что Людмила тут надо всеми негласно встала, и злится, а спорить не может.

– Ясно. Спасибо, – пробормотала Алёна. Вот тебе и дурочка малахольная... Поболтать она любит, да только ума от этого не теряет.

- Значит, нам остаётся поскорее выйти замуж. У тебя есть кто на примете? - спросила без задней мысли, но Ульяна вдруг смешалась и даже как будто испугалась вопроса.

– Нет, что ты, какое там! Кому я интересна, когда рядом такие красавицы!

Говорила она будто по писаному, но именно потому Алёна не очень-то поверила. Точно имелась какая-то сердечная тайна!

Она было собралась спросить, но одёрнула себя. Зачем в чужую душу без приглашения лезть? Самой бы небось не понравилось, если бы её расспрашивать начали? То-то же!

Алатырница опять замолкла, опять уткнулась в книгу. Только буквы вновь разбегались перед глазами, а мысли вернулись к воеводе Рубцову.

Отчего-то в голове крепко засели, а теперь вдруг вспомнились слова Светланы о русалках. И вроде умом понимала, что ничего с Янтарноглазым не случится, коли не случилось за минувшие годы, но с каждой минутой тревога крепла. А ну как именно сегодня беда стрясётся? И Алёна никак не могла понять, не то впрямь янтарь в крови чувствует неладное, не то она придумывает сгоряча, потому что очень хочет опять увидеть воеводу.

Алатырница прекрасно знала, что речные девы бывают разные. Вблизи Топи в чудовищ превращались не только те мертвецы, что остались без последнего благословения Матушки и достойного погребения, но зачастую и похороненные по всем правилам, так что покойников там было заведено сжигать. В бесчисленных реках и озёрах Мохового уезда водилась сплошь злая на весь свет нежить – утопленницы, самоубийцы, жертвы нашествий болотников. Сколько их сгинуло с малыми сёлами и хуторами! Южные русалки заманивали, зачаровывали, душили, топили и жрали. Власть над взрослыми женщинами и девушками почти не имели, только девочкам могли навредить, а вот мужчину при встрече с русалками очень мало что могло спасти.

Им еще в алатырной школе рассказывали, что северные русалки куда чаще иные. Не вставшие покойницы, а водные духи, внучки Матушки и жёны водяных. Они гораздо спокойней и добрее, спасают тонущих, особенно детей, охраняют посева от засухи и могут разве что подшутить.

По-хорошему, возле самого Светлояра нежити вообще неоткуда было взяться, не позволило бы такого ни озеро, ни его хранительница. Но Алёна за годы учёбы и время службы слишком привыкла беречься от нежити и защищать окружающих, и сейчас мысль о возможной угрозе, да ещё не абы кому, грызла её изнутри.

В конце концов молодая княгиня поняла, что так просто успокоиться не сумеет. Даже если она сейчас уйдёт в свои покои, всё равно не уснёт и, пока не увидит Рубцова живым и здоровым, от мысли этой не избавится, так что решила хотя бы попытаться всё проверить. Она не станет никому мешать, она просто глянет одним глазком на берег озера, и если всё окажется спокойно – тихонько, незаметно уйдёт. Так что она распрощалась и отправилась к себе, что бы оставить рукоделие с книгой и взять платок: лето хоть и вступило в свои права, и днём было тепло, но ночью, тем более у воды, наверняка было еще зябко. Да и не чета здешнее лето привычному, южному.

Степаниды в покоях не оказалось, так что объясняться не пришлось, и Алёна сочла это хорошим знаком. Идти одна она не боялась. С явными опасностями легко справится жёлтый янтарь, а неявных у озера куда меньше, чем во дворце: там никто ни гадости говорить, ни козни строить, ни травить не станет.

Дворец в темноте не затих, как деревенские дома, но жизнь тут в это время не кипела, а едва теплилась. В основном на пути попадались спешащие по своим делам слуги, один из которых без лишних вопросов объяснил девушке, как выбраться к озеру. Благо княжеские палаты стояли почти на самом берегу, идти было недалеко.

Заднее крыльцо вывело в небольшой сад, где оказалось не так темно, как могло бы: под деревьями горели светцы. Совсем немного, но достаточно, чтобы по очень точным и подробным объяснениям слуги найти выложенную крупными камнями дорожку, ведущую к воде. В нескольких саженьях от крыльца светцы заканчивались и под деревьями смыкалась густая чернота, но Алёну это не беспокоило, здесь она позволила себе привычные лёгкие чары светлого взора.

У крошечной беседки вымощенная окатными камнями часть дорожки закончилась, между деревьями и густыми кустами запетляла обычная протоптанная тропа. Алёна встретила эту перемену с удовольствием, ступать по земле было гораздо приятнее. Сделала с десяток шагов и замерла, прикрыла глаза, прислушиваясь к ночи. На

несколько мгновений дала себе поверить, что она сейчас где-то недалеко от дома, в родной станице, вышла за околицу вечером. Душно стрекотали бессонные кузнечики, в траве кто-то шуршал, перекрикивались птицы. Да, холоднее, и пахнет иначе, и птицы не те, но... Как же тут было хорошо!

Собачий лай заставил Алёну вздрогнуть. Точнее, не лай, отдельный басовитый гав – глухой, раскатистый, явно крупной собаки. Наверняка того неделянца, который лежал у ног воеводы, вряд ли здесь так вольно гуляли княжеские псы или нашёлся еще один чудак, способный всюду таскать за собой охотничьего пса и приглашать его в покои.

Напомнив себе, зачем вообще вышла из дворца, Алёна неуверенно двинулась дальше, туда, где слышала собаку. Рассуждая о русалках, она совсем забыла про пса, а такой за хозяина и против нечисти пошёл бы, порода славилась храбростью, так что опасности не было вовсе. Но отчего не взглянуть ближе? Одним глазочком, издалека. И совсем не потому, что хочется ещё раз его увидеть, а потому, что нужно убедиться, что всё в порядке. И...

Ох, да кого она обманывает! Благослови Матушка, хочется увидеть, до смерти хочется! Вот и нашла повод, и никаких русалок она на самом деле не боялась. Просто до сих пор не верит, что он вправду тут!

Берег в этом месте был крутым, ива росла высоко над водой, но причудливо изгибалась в середине, чтобы макнуть длинные ветки в озеро. Лунный свет серебрился на спокойной глади, и та казалась бескрайней, словно море.

На изгибе дерева, купаясь в лунном свете и расчёсывая серебряным гребнем длинные белые волосы, сидела молодая девушка, одетая в одну лишь нательную рубаху до колен. Она лениво болтала ногой и, вытянув носочек, порой разбивала пальцами спокойное отражение.

Воевода сидел спиной к ней прямо на земле, у комля. Рубаха ярко белела в жидком сумраке, а тёмные штаны и сапоги – терялись, и на беглый взгляд могло почудиться, что есть только половина человека. Рядом была воткнута в сырую землю потёртая шашка, подле лежали ножны. Косматый огромный пёс сидел перед хозяином, вывалив язык

и блаженно щурясь от ласки – он всегда был не против хорошо почесаться.

Устав теревить тяжёлую шкуру, мужчина взял ножны и швырнул куда-то в темноту. Силы в руке было более чем достаточно, так что снаряд только обиженно свистнул в воздухе и почти беззвучно исчез где-то в кустах.

– Шарик, апорт! Ну! Принеси!

Пёс укоризненно глянул на хозяина, но всё-таки поднялся и вяло потрусил в темноту. Невзирая на рост и массу, под кустами он пробирался бесшумно.

– Что ты, милый друг, не весел, что головушку повесил? - пропела девушка.

Голос – нежный, как звон серебряных колокольчиков. Нечеловеческий голос.

– Издеваешься? – мрачно спросил Рубцов. Грубый мужской голос в сравнении с девичьим прозвучал хриплым простуженным карканьем, и воевода недовольно поморщился. Стоило промолчать.

– Отчего же? – мягко возразила она, легко соскользнула с древесного ствола.

Гребень разбился о воду лунным бликом, с шелестом опали до того приподнятые ветки дерева и занавесили луну. Вода под узкой стопой не дрогнула, застыла, давая опору, потом поднялась мягкой тугой волной, вынесла девицу на берег. Приблизившись, она прислонилась бедром к дереву, провела ладонью по коротким волосам мужчины, совлекла ленту-повязку. От прикосновения воевода поморщился, но уворачиваться не стал.

– Грустно смотреть на тебя, Олежка.

– Не смотри, - огрызнулся он.

Девушка на грубость не обиделась, только вздохнула и принялась развязывать узел ленты. Невдалеке победно гавкнул пёс, отыскав ножны, и шумно затрещал ветвями на обратном пути.

– Я же не глазами смотрю, сердцем. А его не зажмуришь.

– И после этого ты спрашиваешь, зачем я повязку ношу? – ворчливо спросил Олег. – Так хоть немного легче.

– Мне не тяжело, – возразила она. - Мне грустно. Зря я тебя, что ли, спасла?

– Выходит, зря.

Тонкие пальцы опять пробежались по коротким волосам, но на этот раз мужчина выразительно отклонился, а потом и вовсе встал. Подошёл к кстаги подбежавшему псу, потрепал по широкому затылку, почесал за ушами, забрал поноску.

– Дурень упрямый, – пробормотала себе под нос девица и добавила громче, твёрдо, повелительно: – Подойди ко мне!

Олег вздохнул и обернулся. Она не злилась всерьёз, скорее ворчала, он вообще ни разу не видел её разгневанной и не знал пределов терпения. Но испытывать их не хотелось: остатки здравого смысла подсказывали, что зрелище это не для простых смертных. И тем более не для него. Кто жизнь дал, тот и обратно забрать может, наверное, так?

А пожить, что бы он ни говорил, всё же хотелось. Олег плохо понимал зачем и для чего, если каждый новый день всё серее и тоскливей предыдущего, но пока ещё держался. То ли надеялся на что-то, то ли упрямство выручало, а то ли нежелание проявлять трусость. Поэтому спорить не стал, вознамерился исполнить повеление.

Только не успел и шага сделать . На берег откуда-то из кустов сбоку, роняя на ходу шаль, выскочила девица – обычная, в сарафане, с тёмной длинной косой, а лучше в темноте не разобрать . Платок зацепился за куст и там остался.

В первое мгновение все замерли от неожиданности, даже пёс, а потом оказалось, что девица не так проста. В ладони полыхнуло яркое, жгучее, почти белое пламя, и всю девицу очертил слабый огненный ореол.

– А ну отойди, нечисть! – зло выщедила пришелица. Левая рука метнулась к поясу, впустую скользнула по узорам дорогого сарафана. Ругнулась девица так, как не пристало боярышне, и загородила воеводу собой. Во второй ладони тоже полыхнуло. – Не трожь его!

Алёна твёрдо думала поступить, как собиралась изначально: глянуть издалека да уйти. Но как услышала резкий, колдовской приказ – так и поняла, что мешкать нельзя, и бросилась на помощь. Русалки Алёна не боялась совсем, пусть и была эта русалка какой-то неправильной.

Только дальше всё пошло не так, странно. Воевода и к нечисти не пошёл, ослушался, но и назад с места не двинулся, как будто не до

конца очнулся. А русалка и вовсе продолжала стоять на прежнем месте, смотрела на алатырницу со странной улыбкой и пальцами медленно расчёсывала длинные белоснежные волосы.

– Да уйди, дурень, что ты встал?! – бросила Алёна через плечо.

А русалка в ответ рассмеялась. Звонко, радостно, и алатырница, растеряв боевой задор, чуть опустила руки, да и пламя на ладонях заметно опало, хотя и не исчезло совсем.

– Вот видишь, Олежка, не я одна о тебе так думаю! – радостно заявила русалка, перебрехала волосы за спину и небрежно взмахнула руками. – Убери, слепит.

Алёна ощутила сырость на коже, как будто шагнула в густой туман, и огонь на ладонях вдруг сам собой потух. Алатырница испуганно отпрянула.

– И что ты мне по этому поводу предлагаешь? – угрюмо спросил воевода, поймав едва не налетевшую на него девушку за плечи. – Да не шарахайся ты, что ей твой огонь? Эй, буратина! Ты живая? – он слегка встряхнул замершую под его ладонями девушку, развернул к себе.

Алёна ещё успела увидеть лукавую улыбку на губах странной русалки, как будто та легко поняла причину замешательства алатырницы, а после уткнулась взглядом в ворот рубахи.

Надо было встряхнуться, отступить, что-то сказать. Но твёрдые ладони на плечах жгли огнём сквозь тонкий лён, и такая робость одолела, что Алёна никак не могла поднять на воеводу взгляд. Только пробормотала растерянно:

– Бура... что?

– У меня на родине так алатырников огненных называют, – с непонятным выражением ответил мужчина, а русалка рядом опять звонко рассмеялась. – Оззи, ну что ты ржёшь? Девчонку вон совсем перепугала...

– Эту девчонку сложно напугать, – возразила та, посерьёзнев. – А я просила не называть меня этим глупым именем.

– Ты же не русалка? – тихо спросила Алёна у ворота мужской рубахи.

Обернуться бы, стряхнуть чужие ладони, снова огонь призвать, но сердце торопливо колотилось аж под ключицами, и слова давались с большим трудом.

– Не русалка, - согласилась за спиной беловолосая дева. – Озерица я, Алёнушка.

– Простите, я... – пробормотала алатырница, обмирая от стыда. Подумать только, на озёрную деву едва не кинулась!

– Эй, так это опять ты, что ли? Хорунжий пятой Моховой заставы, – сообразил воевода, попытался поймать её за подбородок, но тут Алёна стряхнула оцепенение. Рыбкой ловко выскользнула из его рук, бросила на ходу новое извинение и метнулась под деревья.

– Стой, куда тебя... – окликнул её Олег, бессознательно шагнул следом. Лежавший в стороне пёс, который на появление алатырницы и всю возню людей и внимания не обратил, на этот раз насторожённо поднял голову, двинул вислыми ушами, ожидая команды.

– Пусти, – дева озера поймала воеводу за локоть, второй ладонью махнула псу, и тот послушно расплющил морду на лапах. – Нечего за незамужней девицей по ночам по саду да по палатам гоняться, люди невесть что подумают.

– Да плевать...

– Я не о тебе, о ней беспокоюсь, – оборвала его Озерица, но локоть выпустила. – Тем более ты её узнал, и вон шаль висит, возьми, вернёшь. И ленту свою забери. Или так девица понравилась, что на минутку из глаз не выпустить?

– Ага, вроде того, - отмахнулся от подначки воевода. Но послушно подошёл к кусту, аккуратно освободил от веток платок. - Боярышень же чарам не учат, разве нет?

– Вот у неё и спросишь.

– Ладно, пойду, ночь уже. – Он махнул Озерице рукой, поднял ножны, вытер рукавом лезвие шашки, свистнул псу и зашагал в сторону дворца.

– Сладких снов, Олежек! – с весёлой улыбкой напутствовала его дева озера. - Сладких, сладких, – пропела себе под нос. - Уж я о том позабочусь.

Озерица не имела дара предвидения, над судьбами людскими не властвовала, а уж над чувствами – тем более. Алатырь хранила, озером своим повелевала, а это сила была немалая, но – иная. Над дождями и плодородными землями тоже владовала, но как помощница братьев – Мокролива и Пашича. Исцелить кого-то порой могла, это

верно, но так редко, что каждого из таких людей старалась беречь и опекать дальше, приглядывать, как судьба сложится.

Олег был из таких, Озерица вернула ему здоровье и жизнь. Вот только душу врачевать она не умела вовсе, словами помочь не могла, и лишь с горечью наблюдала, как один из её названных сыновей губит себя по дури. Сколько она с ним говорить пыталась, занять, как дитятю малого, делом каким – всё без толку.

А тут смотри, какой подарок своими ногами прибежал! У девицы сердце горит так – глядеть больно от жара и света, и воевода явно это почуял. Вон как потянулся к ней сразу! Несколько мгновений, и кручину как рукой сняло, подобрался, нос по ветру, что волк на охоте.

Упустить такую возможность решить давнюю проблему Озерица не могла. Да, выйдет из этого что-то хорошее или нет, она наперёд не знала и знать не могла. Однако дошло до того, что любая перемена казалась к лучшему, и дева озера без сомнений решила подтолкнуть своего подопечного.

Чуть-чуть, в меру собственного разумения и возможностей, просто немного помочь Олежке не потерять интерес. Всерьёз туманить рассудок и морочить Озерица тоже не умела, чистая вода – честная вода, только правду показать может, а обманом сестрица Тумара ведала, с которой по такому пустяку путаться не хотелось. Но один маленький, крошечный сон, который совсем не нужно мешать с явью, - тут много таланта не требуется, поймать да зачаровать дрёму и слабый алатырник сумеет. Ну а подослать кому надо... зря, что ли, с ним всегда её подарок?

А вот если бы кто-то спросил Озерицу, отчего сон она выбрала именно такой, зачем решила подразнить Олежку и почему нельзя было придумать что-то иное, озёрная дева легко бы ответила: можно, но не нужно. Так ей надоело нянчиться с этим мальчишкой, за которого чувствовала себя ответственной, что если бы не жалела так – то непременно рассердилась бы. И отчего бы не отыгаться на нём малой шалостью?

ГЛАВА 5. Княжеская дружина

До своих покоев Алёна долетела на одном дыхании, не заметив дороги, и платка потерянного хватилась только в конце пути. Огляделась, не видит ли кто, прижалась лбом к прохладному дереву двери, сиюсь остудить разгорячённую голову. Можно было бы войти, но вдруг Степанида вернулась? Точно ведь спросит, что случилось, а ответить спокойно и неправду алатырница сейчас не могла.

Совершённая глупость жгла стыдом. Ну как можно было саму Озерицу с обыкновенной русалкой спутать? Ведь не похожа совсем! Испугалась за воеводу, и все наказания Вьюжина из головы вылетели. Да как тут в стороне остаться, когда он в опасности?! Благо озёрная дева не рассердилась...

Колола изнутри ежом глупая ревность. О чём воевода с Озерицей говорил? Для чего пришёл на берег? Уж не любовь ли к деве озера заставляет его так тосковать? Говорят же, порой духи снисходят до простых людей, но радость та коротка и горечью кончается... И от этих мыслей становилось нестерпимо стыдно – и перед ним, и перед ней.

Но сильнее прочего душу бередило согревшее через рубашку тепло чужих рук. Он ведь почти обнял её, и сердце от этого воспоминания сладко замирало в груди.

Алёна обхватила себя руками за плечи, сжала, глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться и унять торопливый стук в груди. Сердце, глупое, так трепетало, словно возлюбленный в ответных чувствах признался, а не чужой человек чуть придержал для своего удобства. Сердцу было не объяснить.

Постояв у двери, алатырница немного взяла себя в руки и заставила шагнуть через порог, а то не хватало, что бы её кто-то посторонний такой встрёпанной увидел! Лучше уж пусть Степанида.

Та нашлась в покое. Спросила, поверх книги глядя на молодую княгиню, где пропадала, но удовлетворилась коротким ответом, мол, свежим воздухом вышла подышать, всё хорошо. Не поверила, кажется, но смолчала, проводила взглядом в опочивальню.

Только там, оставшись в одиночестве, Алёна смогла окончательно перевести дух.

Если подумать, она почти и не соврала Стеше: ничего не произошло. Во всяком случае, такого, что могло бы навредить порученному Вьюжиным делу. Ну узнал Рубцов, что она алатырница, так и что? Она ему и про службу свою сболтнуть успела, тайной больше, тайной меньше... Языком чесать воевода не станет, это она знала твёрдо, Озерица тем более всё про всех ведаёт, от неё пытаться дар прятать – верх глупости и самонадеянности.

А вот то, что произошло с нею самой и никого постороннего не касалось, так просто выкинуть из головы не выходило. И вроде не девица, не боярышня скромная, парней не сторонилась, но вот так замирать и млеть от одного простого прикосновения ей прежде не доводилось.

Кажется, за минувшие годы её чувства только окрепли. Затихли внутри и, когда Рубцова не было рядом, почти не напоминали о себе, отдавались лишь светлой грустью воспоминаний. Да только влюбиться вновь не позволяли: она всё сравнивала парней с воеводой, и всё не в их пользу. Умом она и тогда, и сейчас понимала, как глупо влюбляться в того, кого видела своими глазами всего раз, кого себе без малого придумала. Только это не мешало сердцу трепетать и обмирать, стоило вспомнить встречу на берегу озера.

Алёна прежде не задумывалась, а Олег, оказывается, очень высокий, она ему и до подбородка макушкой не доставала. И плечи широкие. И ладони твёрдые, горячие. Может, глупости всё, что про него говорят? Преувеличивают по злобе, и не так уж он...

На этом месте мысль запнулась, потому что Алёна вспомнила то, на что поначалу и внимания не обратила: шашка, воткнутая в землю, и ножны в зубах пса. Никогда воин такого не допустит, ни за что на свете! Но руки-то верные, сила в них есть... Как же так?

Запоздало вспомнилось, что воевода был без повязки на лице, и она отругала себя, что не разглядела. Стояла совсем рядом, но так и не решилась посмотреть ему в лицо. Заметила только мельком, что глаз точно целый, но зачем его закрывать? Может, просто незрячий, с бельмом?..

Алатырница заставила себя переодеться ко сну и лечь в постель, но уснуть никак не получалось. Она перебирала в голове мысли и

переживания, а перед глазами въяве стояла простая белая рубаха без шитья по вороту, обрисовавшая широкие плечи. Всё сильнее Алёна корила себя за нерешительность – не посмела коснуться, поднять взгляд, да даже заговорить толком не смогла! Мямлила едва слышно, отчаянно стеснялась, а теперь лишь в воображении дорисовывала то, что могло бы быть .

Сначала в мыслях, а потом и во сне, потому что, когда она забылась, почти ничего не изменилось. Только во сне она не сбегала, а зажмуривалась, когда он поднимал её лицо за подбородок, чтобы поцеловать. Но и поцелуя не следовало, сон смешивался, и то воевода куда-то пропал, то сама она вдруг бежала по какому-то дикому лесу и ветки стегали по лицу, то хохотали вокруг русалки, увлекая её в свой хоровод.

От мутного сна Алёна просыпалась несколько раз за ночь, и до рассвета ещё открыла глаза с пониманием, что выспаться не выйдет. Да и не только выспаться: сердце вновь трепетало так, словно она только-только сбегала с берега.

Алатырница выбралась из постели, прошлась босиком по остывшему за ночь полу. Сна не осталось ни в одном глазу, да еще сила внутри была ключом и искала выхода: жёлтый янтарь не любит неволи, ему надо свободно пылать, ему воздух нужен, иначе задыхается и злится. И так было маетно, а из-за того, что силу никак не выходило успокоить, ещё и буквально нехорошо – поташнивало, голова кружилась.

Такое своё состояние всерьёз встревожило Алёну, и она решила обратиться за помощью, выглянула в смежную комнату.

– Стеша, ты спишь? - позвала тихо.

– Уже нет, - ворчливо откликнулась та. Рыжая уместилась на лавке, кажется, вполне удобно, так что ни вставать не спешила, ни даже глаза открывать . – Чего тебе, горемычная, понадобилось? Ещё первые петухи не пропели.

– Маетно, – честно ответила Алёна, прошла в комнату и забралась с ногами на ближайший стул. – Огонь внутри злится. Я боюсь, что не смогу его больше прятать .

На этих словах Степанида всё-таки села на своей постели, окинула Алёну цепким взглядом, нахмурилась.

– И впрямь. Беда с тобой...

– Прости, – повинулась та. – Как теперь быть?

– Да мы тоже хороши! – вздохнула Стеша. – Не подумали. Молодая, горячая кровь, какие уж тут прятки... Вот что, надо тебе жар немного остудить, видать засиделась ты в четырёх стенах. У старухи княгини небось тоже не выходила? Так и сидела подле её юбки?

– Да. Велели же учиться. А как его остудить? Пойти к озеру да просто огонь выплеснуть?

– Ну да, что бы вся стража на твои чары набежала, злодея ловить, который на князя и покой дворцовый покушается, – недовольно проворчала Степанида. – Нет. Тут не обязательно живому огню выход давать, разные способы есть. Например, любовника можно найти надёжного, проверенного, что бы не болтал, но ты ж небось не согласишься? – усмехнулась она хитро, как будто проверяла.

– А какие еще есть способы? – поспешно спросила Алёна, надеясь, что торопливость эту спишут на гордость и упрямство, а не на то, что слишком легко ей вспомнился один такой, желанный да надёжный.

– Разные, – вздохнула Стеша, кинула взгляд на окно, за которым серели сумерки, рассеянно потеревила хвост косы. – Ладно. Раз ты росла в деревне, привольнее городских барышень, может у тебя и слабость быть. Ты же хорошо в седле держишься?

– С трёх лет! – не без обиды заверила Алёна.

– И впрямь, кого я спрашиваю! И сегодня как раз среда, оно и к лучшему будет... Одевайся. Штаны, сапоги, рубаху короткую, небось не забыла? – усмехнулась она. – И сарафан поверх надень, нечего по дворцу шататься в мужском!

– Я мигом! – Алатырница соскочила со своего места, кинулась к двери в опочивальню, где лежала её сумка, но на пороге обернулась. – А отчего к лучшему, что сегодня среда?

– Одевайся, кому сказала! – Степанида, которая уже выбралась из-под одеяла, топнула ногой, и Алёна послушно юркнула в спальню. Вдруг Стеша разозлится и передумает?

А вскоре она и вовсе выкинула лишние вопросы из головы, предвкушая хорошее утро. Отчего Степанида вдруг смилостивилась, её не очень беспокоило, главное, что решение нашла, да какое!

Одеться много времени не заняло, дольше алатырница провозилась, укладывая косу вокруг головы. Под платком всё одно

особо не видно, а в седло с вольной косой лезть – без головы остаться можно.

Идти в этот раз пришлось далеко, да ещё вокруг: по дворцу Стеша свою подопечную не повела, девушки выбрались наружу через узкий проход для слуг и чёрную лестницу. Сад просыпался и чирикал на разные лады птичьими трелями, но его обошли по краю и двинулись дальше. Мимо непонятных сараев и каменных построек, мимо птичника и скотного двора, расположенного от дворца поодаль, мимо конюшен – к большому открытому загону, засыпанному песком. Земля там была неровной: где-то зияли широкие пологие ямы, где-то на низких столбах держались перекладки, вдоль дальней части тянулся ряд соломенных чучел.

– Матушка, кого ты мне послала! – Степанида выразительно закатила глаза и подхватила спутницу за локоть, что бы протащить дальше. – У девок так глаза горят при виде каменьев самоцветных, шитья золотого или уж хотя бы молодцев добрых, а эта ещё до лошадей не дошла, уже чуть не приплясывает! Чую, пуцу я козу в огород...

– Ты сама предложила! – возразила Алёна и сама ускорила, сообразив, что идут они к ещё одной конюшне. В пройденной, наверное, княжеские да боярские лошади стояли, а здесь – дружинные.

– Остап Егорыч! – крикнула Степанида, приблизившись к воротам. – Остап! Да где ж его носит?..

Искомый Остап Егорович, щуплый мужичок с хитрыми глазами и лысой головой под круглой шапкой, нашёлся за конюшней, у колодца, откуда он тягал воду – наверное, коней поить.

– Вот ты где!

– А вам-то, девки, чего понадобилось? - обернулся он к пришелицам. - Ну-ка брысь отсюда! Сейчас парни прибегут, никакой с вами работы не будет!

– Не ной, а поди сюда, - властно оборвала Степанида.

Но подошла сама, поманила пальцем, шепнула несколько слов на ухо и быстро показала какой-то знак-подвеску, вытянув его из ворота рубахи. Спрашивать, что за тайны, Алёна не стала, ясно же, что рыжая – не простая сенная девка. Небось, лично Вьюжина или Разбойного приказа какой-то знак, особый. Своими глазами их алатырница не

видела, но слышала, что есть такие значки с гравировкой и княжеской печатью, их в Разбойном приказе сыщики носили.

– Кхм. Ну коли так, – крякнул конюх. Сбил шапку на затылок, поскрёб лоб, обвёл рыжую странным взглядом. - Ну коли надо... А чего надо-то тебе?

– Лошадку бы, девушке вот покататься.

– Покататься? - Остапа Егоровича мало что не перекосило. – Ну пойдём, подберём тебе кобылку поспокойней...

– А можно я сама выберу? – попросила Алёна, понимая, что видит перед собой конюх и какую кобылку даст.

Он хотел возразить, но запнулся о насмешливый Стешин взгляд и махнул рукой.

– А, бери что хочешь! Только шею свернёт твоя девушка – меня не вини. В левом проходе по левую руку двоих не бери, один дурак совсем, его только под оглоблю ставят, когда отвезти что надо, а рыжий хромает, лечим. И последнего в том же ряду не бери, хозяйский он. Уздечки вон при входе висят, бери любую да выводи седлать.

Последнее было сказано с насмешкой, Остап Егорович явно ждал возможности потешиться, как боярская дочка выбранного коня взнуздывать будет, но бахвалиться Алёна не стала. Молча кивнула и прошла в конюшню, где первым делом сняла сарафан и скинула платок, чтобы повесить их рядом с уздечками – нечего по конюшне хорошую вещь тереть. Выбрала сбрую и пошла знакомиться. Со всеми, включая запретных.

Дурак оказался пегим и злющим, рыжий выглядел грустным и напрашивался на ласку. Алёна пожалела, что не взяла с собой никакого лакомства, чтобы к незнакомому коню подлизаться, ну да уж чего не было – того не было.

Поглядела на хозяйского, он оказался чудо как хорош – вороной, грива блестящая, волосок к волоску, шерсть лоснится, мощный, тонконогий. Кто бы ни был его хозяин, а в лошадях он толк знал, да и заботился о своём товарище от души. На этом красавце Алёна бы точно не отказалась покататься, но прямой запрет нарушать не стала. Мало ли кто там хозяин!

Мелькнула мысль, уж не рыжий ли воевода, но её алатырница поспешила отогнать и отошла от коня, двинулась по соседнему ряду. К некоторым заходила в денники, что бы вблизи осмотреть стати и

оценить норов. Выучку так не понять, но Алёна надеялась, что среди дружинных лошадей негодящих не держат.

Выбрала в итоге шестилетнего рыжего жеребчика, который мордой почему-то напомнил Остапа Егоровича. Конь казался дружелюбным и игривым, а там уж оставалось уповать на везение.

Конюх, увидев, кого незваная гостя вывела, вздохнул:

– Как есть убьётся!

– Как его зовут? И что про него надо знать? – спокойно спросила Алёна, когда мужчина вернулся с остальной сбруей.

– Зовут его Алтыном. Конь добрый, умный, только ошибок наезникам не прощает. Может, другого глянешь, а? – Остап Егорович смерил девушку новым взглядом. Правда, больше любопытным, чем недовольным. Всё-таки с уздечкой она управилась легко, коня держала уверенно, а без сарафана, в сапогах, штанах и подпоясанной рубашке казалась уже не такой смешной.

– Ничего, мы договоримся, - заверила Алёна. – А где Стеша?

– Ушла, сказала, сама за тобой придёт. Пойдём, ворота открою. Ох, доведут они меня когда-нибудь...

– Кто они? - полюбопытствовала девушка.

– Вы, – буркнул конюх.

Остап Егорович остался у забора поначалу из беспокойства. Приказ – он и есть приказ, но не хотелось, чтобы девчонка взаправду покалечилась. А потом осталось только восхищённо присвистнуть, опять сбив шапку на затылок: в седле пигалица держалась не хуже дружинников, и даже лучше многих.

Вскоре стали собираться и парни. Большинство вели коней в загон молча и занимали своё место в смене, лишь искоса поглядывая на странное явление – тренировку никто не отменял, не до развлечений, а держалась незнакомка хорошо и мешаться под ногами не должна была. Кое-кто присвистывал заинтересованно и окликнуть пытался, а самый ретивый поравнялся с девчонкой, что бы познакомиться, но быстро получил от старшего товарища кнутовищем поперёк спины – не больно, но обидно. А правильно, нечего строй нарушать!

– Дядька Остап, а это кто ж такая? – живо спросил молодой хозяин вороного жеребца, прибывший в числе последних.

– Да почём я знаю! – отмахнулся тот. – Из дворцовых, пришла – дай, говорит, покататься, я умею. Ну и вот. Кто ж знал, что и вправду

умеет! Дмитрий, ты за парнями пригляди, чтоб не забижали, а? Сейчас-то не полезут, а после житья не дадут. Поперёк твоего слова-то не осмелятся.

– Вот уж будь спокоен, постерегу! – хохотнул тот и присоединился к остальным.

Вся княжеская сотня, сторожившая дворец, конечно, одновременно тут хороводить не могла, упражнялись десятками. Сейчас был черёд первого, в котором десятником значился наследный княжич Дмитрий, и к делу своему он подходил ответственно, за что его в дружине уважали и любили.

Остап Егорович даже и не удивился, когда в десяток странная девчонка уместилась как родная. Она и команды все знала, и строй держала, а уж когда джигитовка началась – тут конюх и дивиться устал, потому что многого княжеские дружинники повторить не могли вовсе. Оно понятно, у них и надобности нет таким вот выкрутасам учиться, но где этому научилась чернявая пигалица, он и предположить не брался. Что к чучелам не поехала – это её снова с лучшей стороны показало. Прыти в ней много, а вот силёнок не как во взрослом воине. Зато с самострелом управлялась ловко, на равных.

– Это что у тебя за отрок такой прыткий появился? - Прозвучавший рядом голос заставил конюха дёрнуться и обернуться.

– Тьфу! Чего подкрадываешься, чернуков выкормыш? Ишь, нарисовался с ранья! Честь нам какая, сам первый княжий воевода пожаловал! – разворчался Остап, вновь возвращаясь взглядом к всадникам.

– И тебе здравствуй, – не обиделся тот, облокотился о забор рядом. - Кто таков-то? Вон этот, за княжичем скачет. Ловкий мальчишка.

– Совсем глаза пропил, – буркнул конюх. – Какой это тебе мальчишка? Девчонка это. А откуда – и сам не знаю.

– Ну ладно тебе, чего взелся? Не с той ноги встал? - поморщился воевода.

– Да на тебя у меня вообще зла не хватает! – отмахнулся Остап. - Ты сам когда последний раз шашку в руке держал? А на коня садился? Небось на рысях кулём свалишься! Во-е-во-ода, - протянул презрительно.

– Положим, вот так я никогда и не умел, - возразил Олег. - Сам говорил, в двадцать с лишком на коня первый раз садиться – ничего путного не выйдет. А вот на кулаках со мной слабо потягаться? То-то же. Тут уж кто чему учился.

– Пять лет назад, может, и слабо было бы, а сейчас не уверен. – Конюх ответил недовольным взглядом искоса. – Совсем дурной стал, смотреть тошно. Хуже князя.

– А князь-то тебе чем не угодил? – опешил воевода. – Или тоже с дружиной должен на коне скакать да шашкой махать?

– Должен! – непримиримо заявил Остап. – А он в кораблики играет! Как мальчишка со щепочкой у вешнего ручья! – Он ругнулся и сплюнул под ноги. - Хорошо, наследник парень ладный. Вон как ловко с шашкой управляется!

– И кто из нас еще что пропил! – вздохнул Олег. – Ты чего разворчался-то, не пойму? Ха! Слушай, а знаю. Ревнуешь.

– Чего? – опешил конюх, даже шапка вместе с бровями приподнялась. - Чего это ты выдумал? Чего я ревную?

– А то, что девка эта половчее любого из твоей любимой первой сотни будет, это даже мне видно, – довольно ухмыльнулся воевода. – Вот тебе за них и обидно.

– И чего это мне обидно? И ничего мне не обидно! Мне за Белогорье обидно, что князь у нас непутёвый и воевода первый ему под стать!

– Глупости говоришь. Если князь будет на коне скакать, Белогорьем кто управлять станет? – возразил Олег. – Нет, Ярослав всё по уму поставил. Каждый своим делом занят. Князь княжит, законами занимается, ты вон кобылам хвосты крутишь, я... – он запнулся, тут же пожалев, что вообще себя помянул, потому что Остап не замедлил сесть на прежнего конька.

– Горькую пьёшь от безделья. Был бы моим сыном, так бы отходил тебя хворостиной, мало не показалось бы! И не посмотрел, что здоровый лоб!

– Но ты не мой отец, – резко осадил его воевода – больше не голосом, который прозвучал ровно, а злым, острым взглядом.

– Ну ладно, не серчай, – тут же пошёл на попятный Остап. Вспомнил, что на слова о родителях Олег всегда отвечал зло и грубо.

Причины конюх не знал, но ясно – не от большого счастья. Померли, видать, вот и горюет. – Чего тебя впрямь так рано-то принесло?

– Не спалось, воздухом подышать решил, - криво усмехнулся Рубцов, рассеянно потёр загривок, поскрёб щёку.

То есть правды не сказал, это Остап по нему тоже хорошо помнил. Врал первый воевода совсем плохо, когда что-то скрывал – вот так дёргаться начинал, будто блохи его едят. Но конюх хмыкнул и в душу не полез, всё равно ж не ответит.

Правильно рассудил, не рассказал бы. Но и не так уж соврал, если разобраться. Спалось ему как раз хорошо, и сны ого-го какие снились, но после такого осталось только влезть под холодную воду, что бы смыть пот и иные последствия уж больно яркого сна, а главное – голову остудить. Ну а после – только воздухом дышать, где уж там досыпать. Давненько ему не являлись во снах нагие девы, а уж так, что бы девы знакомые, да еще чтобы сразу в вечер знакомства, да ещё в столь откровенных видах, – и вовсе никогда.

Когда кругом полно всевозможной нечисти и прочих колдовских созданий, часть которых Олег так и не выучил, а о части и вовсе не слышал, хочешь не хочешь – а возрастишь в себе осторожность, невольно выискивая в любой странности колдовской след. Однако даже со своей взлелеянной подозрительностью воевода дурного не заподозрил, тут Озерица очень ловко подстроила.

Олег только взбодрился да посмеялся над своей неловкостью. Ничего странного он в таком сне не нашёл. Ну сколько он без женщины, пару лет? А тут эта чернявая...

Отношения с женщинами у него во дворце складывались странно. Поначалу льстило внимание весёлых вдовушек и неверных жён, которые с известной целью липли к нему, словно мёдом было намазано. Казалось забавным видеть их насквозь, их простые и понятные желания, их самодовольство и глубоко запрятанную снисходительность – ему от них тоже многого было не надо. Девиц же избегал всеми правдами и неправдами, потому что их желания простирались дальше, их толкали тщеславие и жадность, а жениться он точно не собирался. И в тех и в других виделось столько дряни, что никакого желания знакомиться ближе не вызывала ни одна. А чистых и светлых душ он избегал уже с другой целью: не хотелось портить кому-то жизнь из-за собственной сиюминутной прихоти.

Потом стало совсем уж тошно от этих лиц и этих желаний, и он начал захаживать к продажным девкам, в Китеже была целая улица Косая, вдоль которой они жили и работали. Это было честнее: вроде мысли и желания те же самые, но никто их прятать не пытается. А ещё, на удивление, приятней, потому что среди них попадались гораздо более искренние особы, чем боярыни во дворце.

К одной такой – глупенькой, но весёлой, которая от души любила свою «работу», - Олег ходил довольно долго. Пока она в какой-то момент не пропала, а другая разбитная красотка честно сдала товарку, сообщив, что та лечится от дурной болезни, и когда долечится – непонятно. Благодаря дару Озерицы к воеводе никакая зараза не липла, но вдруг запоздало проснулась брезгливость, и всякое желание посещать Косую улицу пропало. Вдовицы к тому времени нашли себе новые увлечения, только какие-то отдельные упорные девицы попадались, но их отвадить было несложно, главное – рыкнуть позлее.

Олег находил забавным, что, оглядываясь назад, и сам понимал, как оказался там, где оказался. Всё как в сказке: воду прошёл, огонь прошёл, а медные трубы провалил с треском. Льстило внимание и обожание, нравилась привольная сытая жизнь. Потом незаметно отдалились те, кто был в этих чувствах искренним, а он и держать не стал – видел ложь, видел притворство оставшихся, только тогда почему-то всё это не волновало. А потом стало, и разогнал от себя остальных.

И остался один на один с воспоминаниями. Оказалось, он очень многое мог вспомнить, только вот приятного среди этого попадалось маловато.

Был ещё, конечно, Шарик, добрый верный пёс, который вздыхал над непутёвостью хозяина и клал на колени тяжёлую лобастую голову, проникновенно заглядывая в глаза. Но Шарик помочь не мог, а вот вино – помогало. Ненадолго, потому что дар озёрной девы оставался при Олеге и даже напиться толком не позволял, не говоря уже о том, чтобы спиться, но оно хоть время убивало. Пил бы что покрепче, но крепкое имело такой мерзкий сивушный привкус, что от одного его ещё тошнее делалось .

Летом было ещё ничего, летом можно было на весь день уйти в лес или на озеро, и время проскакивало незаметно. А вот по зиме –

хоть вешайся, да еще озёрная дева в это время дремала вместе с одетым в лёд Светлояром, на разговор шла редко и неохотно.

Порой, обычно стараниями Озерицы – единственной, кто не отвернулся и кого он сам не оттолкнул, - Олегу становилось стыдно, и он задумывался, что так жить нельзя. Но путных идей в голову не приходило, мысль опять забывалась, и каждый новый день становился унылым и привычным отражением предыдущего.

После всего этого было глупо удивляться, что появление в его однообразной затворнической жизни чего-то нового так запало в душу, что вчерашняя девица даже приснилась. В первый раз, когда она вбежала в Моховой покой, который давно все, кроме слуг, обходили десятой дорогой, он толком и не понял, отчего не рыкнул на незнакомку. Ну ошиблась и ошиблась, на шею не полезла – и то ладно. И из головы он её выкинул тогда очень легко.

Зато во вторую встречу наконец рассмотрел то, что давно отвык видеть в людях. И только там вспомнил, отчего ему так легко и спокойно рядом с Озерицей. Совсем не из-за её природы и не оттого, что он ей жизнью обязан, нет. Свет не свет, тепло не тепло, но что-то приятное, согревающее душу ощущалось от них обеих. Искренность. Чистая, яркая душа, какие он разогнал от себя в первую очередь. А теперь вот невольно ухватился, встретив.

– Ишь ты! – Олег негромко присвистнул, когда привлёкшая внимание своей ловкостью девушка рысью проскакала мимо. И не удивился, узнав в ней ночную грёзу.

Грёза при свете дня была ещё лучше, чем вечером, и даже лучше, чем ночью. Раскраснелась от скачки, волосы слегка растрепались, конец косы выбился из короны и шею щекочет. Талия тонкая, гибкая, а ноги... ух! Давно он девушек в штанах не видел, не принято у них тут при дворце, срамом считается. И от такого зрелища опять опалило жаром, сны вспомнились ярко и живо, и осталось только порадоваться, что рубаха длинная и никто ничего не заметит. Одно дело наедине с собой, но позориться перед посторонними совсем не хотелось.

Но наваждение схлынуло быстро, стоило увидеть, как с девушкой поравнялся наследник и завёл о чём-то разговор. На место восхищения и желания пришла досада, хорошо остудившая голову.

Это была не ревность, просто Олег не любил старшего княжича. Не за что-то определённое, он и не знал его почти, не видел в нём

особой гнили и черноты, а Дмитрий с воеводой держался уважительно и вежливо. Дело было в самом Олеге, сквозили в этом отношении отголоски прошлой жизни, прошлых обид и унылой застарелой зависти. Золотой мальчик, рождённый с серебряной ложкой во рту – так, кажется, про таких говорят? Обласканный любимец всего дворца, надежда Белогорья, отцовская отрада...

– Никак, глаз положил? – Конюх недобро глянул на Олега.

– Тебе что за печаль? – Воевода пожал плечами. – Или вон для него бережёшь достойную пару?

– А хоть бы и так. Перейдёшь княжичу дорогу, так князь этого уже не спустит.

– Остап, не пори горячку. Сам ты на неё смотришь тоже в желании княжичу дорогу перейти? Хороша же, что мне теперь, зажмуриться?

– Извини, сгоряча ляпнул, – через мгновение признал конюх. – Зол я на тебя, Олег, давно зол. Только ты, почитай, уж года три сюда не заходил, чтобы с тобой по душам поговорить. Аж странно, что сейчас явился...

– А проку со мной говорить? – усмехнулся воевода. – Оставь. Пойду я, не буду тебе глаза мозолить. Бывай. – Он свистнул пса, развалившегося неподалёку в тени, и двинулся прочь.

– Олег! – окликнул его Остап Егорович через несколько шагов и добавил, когда обернулся: – Вечером приходи. Я тебе коня свежего придержу. И только попробуй не явиться! Ты меня знаешь... – добавил, когда воевода усмехнулся, неопределённо махнул рукой и продолжил путь куда-то в сторону озера.

Знал, конечно. Знал, что Остап только на словах такой суровый, а на деле над каждой лошадкой своей трясётся, и дружинники ему все как родные, и ничего он воеводе не сделает, если тот не явится. Но всё-таки задумался. А отчего бы и не прийти? Будто у него дел слишком много! Лошади – они похуже собак, но всё же и не люди, с ними несложно.

Да и завидно, честно сказать, стало. Как обычно, когда Олег наблюдал за джигитовкой местных опытных наездников, сразу хотелось как они. Мол, а он-то чем хуже? То есть Остап в первый же день знакомства объяснил чем, на двадцать лет раньше стоило начинать, но всегда просыпалось упрямство. Вот и сейчас. Чернявая

Алёнка столь лихо в седле сидела, словно родилась так. А уж когда свешивалась до земли, а то и под брюхо лошади на всём скаку – вообще хоть отворачивайся, что бы не представлять в красках, что копыто лошади с человеческим лицом сделать может. И ведь не боится, пигалица! А он чего трусит?

Когда на поле начали выезжать дружинники, Алёна встревожилась – как отнесутся? Всё-таки порядки у них тут другие. К тому же десятник их оказался слишком молодым, да еще хозяином вороного жеребца – явно птица высокого полёта. Но волнения оказались напрасными. Даром что совсем молодой, но дело десятник знал, остальные его уважали и слушались, а лишнего всадника быстро взяли в свой хоровод. И алатырница с каждым кругом с облегчением ощущала, как успокаивается внутри пламя, как становится свободнее, словно с неё невидимые оковы снимали.

А в конце, когда шумно дышащих лошадей вышагивали, десятник поравнялся с ней. Был он ладен и очень хорош собой – волосы что чеканное золото, а глаза серые, внимательные. Держался уверенно, знал и стать свою, и что девицам нравится. Однако и без лишнего нахальства, чем сразу вызывал уважение и приязнь.

– Лихо ты! – похвалил десятник. – Где ж такому научилась?

Вопроса этого она ждала и даже объяснение придумала:

– Я же в деревне росла, что там развлечений? У нас конюх был, он и воспитывал, а нянька не спорила. Она из дома почти не выходила, не видела толком, чему меня учат.

– И чьих же ты будешь, такая ловкая? И кто?

– Алёна меня зовут, князя Краснова внебрачная дочь. А ты?

– А я княжий десятник, Дмитрием звать, хочешь – Митькой. Так это, стало быть, о тебе девки гудят? - усмехнулся он.

– Может, и так, – равнодушно пожала плечами алатырница. На девок этих она вчера насмотрелась, и что они там о ней думали, её не интересовало совсем. – А ты так-таки простой десятник? Молодой, да с дорогушим жеребцом, которого никому брать не велено?

– Ну, не простой, только ты же сейчас глупости говорить начнёшь... Княжич я старший, Ярослава сын. - Парень глянул искоса, с любопытством и настороженностью, ожидая, как поступит.

Алёна ответила таким же испытующим взглядом – не врёт ли? Но в старшего княжича верилось куда легче, чем в простого десятника. А ещё, если присмотреться, можно было заметить сходство с отцом. Не на одно лицо, но глаза точно его, да и стать, и волосы.

– Это какие такие глупости я должна говорить? – спросила она.

– Не знаю. Обычно говорят, – светло улыбнулся Дмитрий. – Как же, мол, так, не бережёшь себя, надежда наша! – кривляясь, передразнил он кого-то, Алёне неизвестного.

– Ты же княжич, это твой долг – военное дело знать. А если всю жизнь в покоях прятаться, так кто уважать будет? Ярослава Владимировича за то в войске ценят, что от встречи с болотниками не бежал, а если князь трус – какая ему вера?

– Ты прямо как дядька Остап говоришь, – усмехнулся княжич и кивнул на стоящего у изгороди конюха. – А как же другие науки, если военная впереди всех?

– Ну это уж тебе виднее, – не поддалась на подначку Алёна. Ещё она княжича, которого с молодых ногтей к тяжёлой ноше готовят, его делу учить будет! – А я то говорю, что простые люди думают.

– Не сердись, Алёна. Расскажи лучше, как тебе здесь, во дворце? Не обижают?

Алатырница поначалу держалась осторожно и отстранённо, но дружелюбие и открытость княжича подкупали, и вскоре она с удовольствием втянулась в разговор, тем более тот быстро вернулся к вещам интересным и безвредным – о лошадиных статях и умениях наездников. Тут главное было не проговориться о деде и станице. Но потом ничего, освоилась, тем более знатоком Дмитрий был отменным. Нахваливал вороного, но тут Алёна только кивала – сама она к другим лошадям привыкла, в деле таких красавцев не видела, оставалось только верить хозяину. Прыгал вороной отлично, выучен был на славу и слушался хорошо, а всё остальное только в поле узнать можно.

От лошадей перешли к охотничьим собакам, но в них девушка понимала гораздо меньше, как и в охоте вообще, так что могла только рассказать чужие байки. Княжич понятиливо не стал надоедать, хотя клятвенно пообещал взять новую знакомую на охоту, которую собирался устроить после Озерицы. Алёна не так уж стремилась познакомиться с этим развлечением, но возражать не стала. Зверей

бить никто не заставит, а покататься верхом по лесу она была совсем не против.

Общество наследника помогло еще в одном: остальные дружинники даже подходить к ней не стали, не то что вопросы задавать. Ни на тренировочном поле, ни потом в конюшне. Обихаживали лошадей всадники самостоятельно, это тоже было понятно и привычно, так что от предложенной задумчивым конюхом помощи Алёна отказалась, а больше никто и не полез.

Закончив с конём, она и умылась вместе с остальными на заднем дворе, у колодца. Княжича не было, но дружинники продолжали держаться вежливо и отстранённо, что её вполне устраивало. Кто-то полил алатырнице на руки из ковша, кому-то она полила, потом прошла через конюшню и надела сарафан, набросила на плечи платок. Очень хотелось помыться целиком, но для этого надо было вернуться в покои, в предвкушении чего Алёна и вышла на двор скорым шагом. Там у ворот обнаружился княжич, явно поджидавший её, а ещё честно вернувшаяся за подопечной Степанида.

– Ну что, накатались? – заговорила рыжая, шагнув к ней. – Пойдём, я...

– Поди прочь, девка, – резко оборвал её княжич, также приближаясь. – Я сам твою хозяйку до палат провожу и пригляжу, что бы никто не обидел. А ты ступай, ступай, чего смотришь?

Алёна на мгновение замерла, замешкавшись с ответом. Не ожидала, что княжич вдруг соберётся её провожать, но главное, уж больно внезапной вышла перемена – только что он тепло улыбался и казался приятным, обходительным, а тут вдруг – и взгляд холодный, сверху вниз, и голосом впору воду студить. Таким он на наследника великокняжеского престола походил куда больше, чем весёлым десятником и таким рубахой-парнем, но Алёна успела привыкнуть к последнему и не ожидала такой перемены. Стеша, однако, и взглядом не показала удивления или недовольства, как и положено служанке, поклонилась в пояс.

– Как прикажете, ваша светлость, – ответила княжичу. – С вашего позволения, ваше сиятельство, буду в покоях ждать, я вам свежее платье приготовлю, переодеться, – обратилась к Алёне, а после преспокойно направилась в сторону дворца.

– Пойдём? – мягко улыбнулся Дмитрий, в мгновение ока опять превращаясь в того, с кем Алёна только что с удовольствием разговаривала о разном.

Алатырница кивнула и сделала вид, что не заметила предложенной руки, просто зашагала рядом. Возникшее было очарование улыбкой и обхождением княжича столь же быстро развеялось. Сердиться на него всерьёз не выходило: будущий князь, высокородные с детства привыкали с чернью разговаривать вот так, какой с него спрос! Но и легко держаться уже не могла, ощущая неловкость. Она-то сама временно княгиня. И что же выходит, Дмитрий с ней временно столь уважительно держится, а как станет опять обыкновенной станичницей – тоже превратится в «девку-поди-прочь»? Не то чтобы её пугала или всерьёз волновала эта перемена, ровней наследному княжичу она себя не мнила, да и неприятно было не столько из-за него, сколько...

Алёна особенно остро почувствовала сейчас, что занимает чужое место и притворяется той, кем никогда не станет. И вроде её желания никто не спрашивал, но – вот же досада! – стыд за обман испытывала именно она.

ГЛАВА 6. Княжеское приглашение

Дмитрий опять попытался затеять лёгкий разговор, выпрашивая о том, как Озерицу празднуют у Алёны на родине, но беседа не клеилась, молодая княгиня никак не могла справиться со смятением. Спасение к ней пришло неожиданно: откуда-то из-за птичника на них буквально выкатилась запыхавшаяся и покрасневшая от бега Ульяна с ворохом какого-то тряпья.

– Алёна! Ох! Успела! – девушка остановилась, держась за бок и шумно отдуваясь.

– Что случилось? - встревожилась алатырница.

– Да ничего не случилось, я хотела тебя встретить и провести так, что бы по дороге ни с кем не столкнуться, потому что... Ой! – осеклась она, когда наконец достаточно отдышалась и заметила стоящего рядом княжича. Тот насмешливо и тепло улыбался, разглядывая Ульяну.

– Здравствуй, боярышня Вяткина.

– Здравствуйте, ваша светлость! – Ульяна коротко поклонилась .

Опять алатырнице бросилась в глаза разница между его обхождением с прислугой и людьми более высокого рода, и она ещё больше порадовалась появлению боярышни. Её-то княжич небось не прогонит так легко, а там и Алёна не собиралась теряться и упускать протянутую руку помощи.

– Спасибо, Дмитрий, что проводил, мне неловко дольше отвлекать тебя от важных дел, – поспешила она заговорить, пока княжич не опомнился. – Мы лучше с Ульяной пойдём, не будешь же ты украдкой на женскую половину пробираться!

– И то верно, – нехотя согласился он. Вежливо кивнул, пожелал хорошего дня и зашагал вперёд, а Алёна ухватила боярышню за локоть, чтобы не спешила бежать следом.

– Не представляешь, как ты кстати! – с облегчённым вздохом тихо призналась алатырница, когда Дмитрий пропал из вида. – Спасибо! Но я всё равно не поняла, что стряслось и почему ты ко мне бежала.

– Мне брат восточку послал, - созналась Ульяна, которая и сама порадовалась, что спешить больше не надо: бегала она явно очень редко, так что сейчас с трудом переводила дух. Не дожидаясь вопросов,

она протянула на ладони смятый клочок бумаги, сложенный птичкой. - Вот. Мы все пятеро с белым янтарём в крови уродились, только два средних брата очень одарённые, а все остальные – ни то ни сё, всерьёз нас учить – только время тратить. Но вот такие мелочи мы все наловчились делать, очень дома удобно было. Поместье большое, куда как проще птичку сложить да отправить, если что-то кому-то надо. Даже слугам посылали, - разулыбалась она. – Здешних не пугаем, они непривычные.

– Действительно, здорово! – с лёгкой завистью похвалила Алёна.

Таких птичек воздушные алатырники могли зачаровывать и крепче, чтобы летели далеко и слушались любых рук, но было это сложно и потому стоило дорого. У них на заставе несколько хранилось, но только на крайний случай, предупредить соседние заставы и город, если вдруг серьёзная беда приключится.

– Так о чём тебе брат написал? - напомнила она, жестом предлагая боярышне всё-таки двинуться к дворцу.

– Так о тебе же. Он вечером заходил, он всегда ко мне заходит пожелать доброй ночи, батюшке некогда, он весь в заботах, а Мирослав считает, что его братский долг за мной приглядывать, я же по его мнению совсем непутёвая. - Ульяна тепло улыбнулась. – Я ему про тебя рассказала, ну, что ты у нас появилась, и что ты хорошая, на всех других не похожая. Он же как раз в первом десятке под началом наследного княжича служит. Сегодня вот тебя узнал и птичку мне отправил, чтобы я тебя проводила тишком, я янтарём умею чувствовать, есть ли кто поблизости или нет. Ну и вразумила ещё.

– Вразумила?!

– Нехорошо будет, если узнают о твоём этом увлечении. – Она виновато вздохнула, словно лично была ответственна за такую несправедливость. – Брат писал, что ты с лошадью очень ловко управляешься, но... ты же княгиня, нельзя так. У княжича хороший десяток, не болтуны, но всё же вдруг кто прознает?

– Княжич вон не считает это чем-то постыдным, – возразила Алёна больше из желания услышать, что ответит боярышня, чем всерьёз протестуя. Она прекрасно поняла, о чём толковала собеседница и от чего пыталась предостеречь.

– Так то княжич, ему можно. И... ты только не обижайся, хорошо? Но княжич вряд ли на тебе женится, – с неожиданной

рассудительностью очень тихо проговорила она. - Ты ведь вне брака рождённая. Великий князь не позволит наследнику выбрать такую, да и сам Дмитрий...

– Что – Дмитрий? – любопытствовала Алёна. - Такой молодой, а уже бабник?

– Немного, – смутилась Ульяна. – Ты не подумай дурного, он девушек не обижает и почём зря не портит, он хороший, правда. Но переменчивый. Сейчас ему с одной интересно, а завтра с другой. Ты не такая, как остальные, ты очень смелая. Я лошадей вообще-то даже немного боюсь, а о тебе Мирик, то есть брат мой, очень уважительно отозвался, а он за так хвалить не будет. Но...

– Ты считаешь, что княжичем движет любопытство? Потому что он таких, как я, прежде не видел. Но вскоре чувство новизны пройдёт, и ему наскучит, так?

– Так. Ты не сердисься? – Ульяна глянула на неё виновато.

– Нет, что ты. Я тоже не думаю, что это у него всерьёз и такая любовь, чтобы жениться поперёк родительской воли! – уверенно отмахнулась Алёна. – Но ведь между людьми не только любовь или равнодушие бывает. Отчего мне с княжичем, например, не подружиться?

– С парнем? – с сомнением протянула боярышня.

– Ну ты же с братьями дружишь, отчего нет? В названные сёстры я княжичу набиваться не стану, не волнуйся, и с дружбой навязываться не намерена, это я так, к примеру. Пока мы вот с ним просто поговорили о лошадях да об охоте, и только.

– И он вызвался тебя провожать, да? А представь, что бы было, если бы кто вас вдвоём увидел!

– Ну да, змеищи бы не порадовались, - улыбнулась Алёна. – Небось, Людмила-то высоко метит? Может, и на княжича холостого поглядывает, да?

– Не знаю, я же у неё не спрашивала. Но она любит командовать, да...

– Ульяна, спасибо, что пришла за мной и постаралась предостеречь, – после недолгого молчания сказала Алёна. - Я очень благодарна тебе за заботу. Правда.

– Пожалуйста, - светло улыбнулась та, слегка порозовев от смущения.

Ещё немного они прошагали в молчании. Алёне подумалось, насколько обманчивым бывает первое впечатление: боярышня Вяткина поначалу виделась странной и недалёкой, а вблизи оказывается – хорошая добрая девушка.

– Ульяна, а как здесь празднуют Озерицу, ты не знаешь? Мне кажется, совсем не так, как в деревне, - через несколько шагов завела алатырница новый разговор, отвлекая спутницу от прошлого обсуждения.

И себя заодно, потому что слова и предупреждения Ульяны при всей их кажущейся простоте стоило обдумать, и обдумать спокойно, не здесь .

Ладно сама она, за четыре дня не выучишься всё делать правильно и княгиней не станешь, да и янтарь в крови утром жёгся так, что она вообще ни о чём больше думать не могла. Но Степанида?.. Она умная, хитрая, дворцовые нравы знает и людей вообще. Не могла она не подумать о том, что сказала сейчас Ульяна! Шила в мешке не утаишь, и Стеша не стала бы всерьёз рассчитывать, будто удастся сохранить эту прогулку в тайне. Даже если дружинники не из болтливых, но клятву молчания с них никто не брал, и княжич такого приказа не давал, а у всех – сёстры, друзья, матушки, у тех же – свои знакомства, что-то да разойдётся.

Однако Степанида сама предложила пойти на конюшню и даже не осталась приглядеть. Ну или осталась, но где-то вдалеке, и ни разу не вмешалась – ни когда Алёна только с конём знакомилась, ни потом, когда совсем уж разошлась на радостях. Да и после, когда преспокойно ушла, оставив её с княжичем и взглядом не намекнув, что стоит отказаться. Хотела бы – нашла способ, в этом Алёна не сомневалась, а её почему-то не взволновало, как отнесутся все вокруг, если в покои княгиню Краснову проводит наследник и кто-то это заметит.

Старая княгиня все уши за четыре дня прожужжала, что нужно блюсти приличия и лишних слухов не допускать, а Степанида вдруг в минуту всё переиначила, и возможные сплетни её не тревожат. Или вовсе – радуют. Знать бы, что изменилось? И можно ли ей вообще доверять, раз уж всё так оборачивается? Может, не такой уж надёжный она человек, как представлялось Вьюжину?

Так и этак покрутив тревожные мысли, Алёна решила не выдумывать заговор на пустом месте, для начала спросить прямо. И

потом, послушав ответы, решать, бежать ли за помощью, и если да, то к кому.

Про Озерицу во дворце Ульяна точно сказать не могла, она сама здесь жила недавно. Но предположила, что, скорее всего, праздновали точно так же, как их семья прежде, до болезни матушки. Вяткины ездили в гости к уездному князю, с которым отец семейства дружил и который устраивал большие гулянья, хотя и вполнину не такие весёлые, как привыкла Алёна в станице и алатырской школе. Пировали, танцевали, в большом зале или на поляне в саду играли в игры. Потом плели венки из загодя припасённых слугами цветов, чинно прогуливались к мосткам на реке, чтобы с благодарственными песнями пустить «рукоделие» по воде. Девушки ещё оставались гадать, но Ульяне это не нравилось.

Ни прыжков через костёр, ни купания при луне не было. И парни своей удалью не хвастались и, уж конечно, не воровали у девиц ленты, а то и башмачки, чтобы обменять на сладкий поцелуй. И тем более не крали сарафаны, за которые выкуп обычно брали куда дороже. Если не боялись. Деревенские девицы, да ещё на Озерицу, куда боевитей и решительней всяких боярышень, и если воришка был не по нраву, с любой бы сталось продолжить веселье как есть, в одной нижней рубашке. И стыдиться тут приходилось не обокраденной девушке, а промахнувшемуся парню. У Алёны так три года назад случилось, и сарафан вскоре с поклоном преподнесли дружки вора, а того весь вечер позорили.

Но если попадалась девица стыдливая и без надёжных подруг – тут прямая дорога в родительскую избу огородами. Главное, принудить никто ни к чему не мог, святое правило. Потому что праздник, потому что Озерица непременно покарает негодяя, а скорее свои же камнями побьют – гневить деву озера дураков нет, так и с голоду помереть недолго, если она из обиды землю иссушит.

Впрочем, рассказ Ульяны лишь подкрепил изначальные подозрения, Алёна и так не ждала здесь большого веселья. Ну и ладно. Считай, в караул попала, всё одно бы в станицу выбраться не удалось, а на заставе служба, там не до гуляний.

До покоев, благодаря талантам Ульяны, добрались, почти никого по дороге не встретив, не считая пары слуг. Женскую половину дворца боярышня знала очень хорошо, даже все чёрные лестницы. На вопрос

Алёны, зачем ей это, смущённо призналась, что для брата: если бы его заметили, могли быть проблемы, так что сначала Ульяна сама все ходы выяснила, а потом и его проводила.

Слушая рассказы Вяткиной, алатырница не уставала приятно удивляться близости и теплоте отношений в семье боярышни и с нежностью вспоминать свою родню. У Алёны братья и сёстры только двоюродные были, но это не мешало всех их любить как родных. Ссорились, и до драк доходило, но между собой, а против чужих – друг за друга горой.

У покоев Алёна еще раз поблагодарила свою спутницу за помощь и условилась встретиться после завтрака, чтобы вместе пойти погулять по саду и окрестностям. Им обоим не очень-то хотелось сталкиваться с Людмилой и остальными, причём Ульяне до такой степени, что она предпочла позавтракать у себя. Кажется, найдя в лице алатырницы приятельницу, боярышня решила, что наказ матери исполнила.

– Стеша, ты здесь? Хорошо, я спросить хотела... – заговорила Алёна, обнаружив рыжую в покоях.

– Потом спросишь, мойся иди! – шикнула на неё Степанида. – Ты что думаешь, вешним лугом после конюшни благоухаешь?

– Но ты можешь рассказать, пока я мыться буду, – попыталась настоять на своём алатырница.

– Ладно, леший с тобой, только ныряй уже, княгиня не поздно завтракает, а после неё являться – невежливо! Я тебе вон и воды набрала. Что там у тебя за печаль?

– Почему ты разрешила мне на конюшню пойти и с княжичем обратно вернуться? Мы больше не боимся слухов, мне уже не надо изображать добропорядочную княгиню?

– Пх! Я думала, случилось что! – проворчала Стеша. - Не учли мы твой янтарь и его норы, теперь вот исправились. Открывать точно нельзя, это заставит злодея осторожничать куда сильнее, и поймать его станет сложнее. Значит, надо сделать так, чтобы ты сдерживалась легко, и показать тебя необычной княгиней, которая на лошади в мужских портках скачет, меньшая из жертв. А с княжичем всё того проще: его к тебе интерес скорее привлечёт внимание негодяя.

– То есть мне можно не опускать кротко очи долу? - улыбнулась Алёна. Она успела раздеться, разобрать косу, залезть в воду и теперь торопливо мылась .

– Вот уж нетушки! – рассмеялась Стеша. - Если я разрешу, ещё неизвестно, что ты натворишь. Так что старайся, у тебя пока хорошо получается. С лошадьми смелая и горячая, а люди здесь во дворце для тебя новые, большие и важные, и ты при них робеешь. А кроткой девы вроде твоей Ульяны из тебя не выйдет при всём желании, уж всяко не за несколько дней.

– Ульяна, кстати, не такая уж и кроткая, – вступилась за девушку Алёна.

– Да, да, она матушку расстраивать не желает, – махнула обеими руками Степанида. – Не хочу про эти глупости! Да не мучайся, давай помогу, прислужница я или как?

В четыре руки промыть волосы оказалось куда быстрее и проще. Без спешки раз в седмицу Алёна и одна управиться могла, а чаще полоскаться ей в голову не приходило. Да и нужды не было, перед кем там красоваться? После Стеша же помогла их собрать, милостиво разрешив просушить чарами.

Едва девушки вышли из мыльни, послышался стук в дверь – спокойный, деловитый, настороживший обеих – они никого не ждали. Но ничего страшного, впрочем, не случилось, просто один из слуг передал для Алёны подарок – небольшой, мягкий и лёгкий свёрток. Прежде чем распутывать бечёвку, Степанида едва не обнюхала бумагу в поисках подвоха, но ни яда, ни вредоносных чар не нашла, поэтому разрешила распаковать.

Внутри оказалась какая-то ткань – тончайшая, полупрозрачная, в богатых кружевах, шитых золотом. Алёна с недоумением потянула за краешек и выудила нижнюю рубашку, изумительно красивую, но столь же изумительно неприличную – если её надеть, вещь бы не скрыла ничего. Низко посаженную, короткую, не достающую до колен, на узких ляпочках из золотого кружева, тончайшей работы, но представить себя в этом Алёна не смогла бы никогда.

– Кто это тебе такие подарки делает? – задумчиво спросила Степанида.

Но Алёна только и сумела молча пожать плечами, а в следующий миг без стука распахнулась дверь и на пороге возникла Светлана. Алатырница бросила укоризненный взгляд на прислужницу, которая не заперла задвижку, вдова же стремительно приблизилась.

– Доброе утро! Я гляжу, ты встала? Ой, красота какая! Смотри, а тут записка...

Схватить бумажку прежде неё не успели. Алёна только заметила, как недобро сверкнули глаза рыжей, и приготовилась выслушивать, что там написано, вместе с большой долей насмешек. Даже успела подумать, какие слухи пойдут после этого гулять по дворцу. Но лицо Светланы удивлённо вытянулось, а радость на нём сменилась искренней обидой.

– Ничего не понимаю, пусто... – пробормотала она, покрутила обрывок в руке.

– А что должно быть? - спросила Алёна.

– Ну как же? Слова от дарителя. – Вдова так явственно растерялась и расстроилась, что не стала протестовать, когда Степанида аккуратно вытянула у неё бумажку и спрятала в карман передника.

– От какого такого дарителя, ваша милость? То ж от белошвейки принесли заказ, я по поручению моей госпожи вот только вчерашнего дня к ней бегала, – заявила Стеша, забрала из рук княгини обновку и шагнула с ней к ларю, в котором лежало прочее исподнее.

И так спокойно и уверенно у неё вышло, что Алёна почти засомневалась, вдруг рыжая впрямь сама в лавку бегала и недоверие её к подношению почудилось?

– Но как же... – обиженно пробормотала Светлана.

– Как же что? - Уже и алатырница вполне очнулась и взяла себя в руки.

– Так, ничего, - смущённо отмахнулась вдова. – Ты идёшь завтракать?

– Вот прямо так? – насмешливо спросила Алёна, которая была после мытья обнажена и завёрнута только в отрез льняной ткани. – Ступай, я чуть позже приду, как оденусь .

– Может, тебя подождать?

– Не нужно, спасибо тебе большое.

Стеша всё же выпроводила незваную гостью, заперла дверь и только после этого тихо, рассерженно заявила:

– Вот же змеищи! Мерзавки какие, а! – Она уперла руки в бока и возмущённо качнула головой.

– Что случилось?

– А ты не поняла? – вздохнула Степанида и протянула Алёне ту самую бумажку. Буквы на которой всё-таки имелись и складывались в очень неожиданную и однозначную надпись: «Спасибо за сладкую ночь, следующей хочу видеть тебя в этом».

– А она же сказала...

– Я ей глаза отвела. То-то дрянь удивилась! – Стеша злорадно ухмыльнулась .

– Я всё равно ничего не поняла, – призналась Алёна. - Ты же ничего не покупала, к швее не ходила, откуда это?

– Да девки эти тебя ославить захотели, - проворчала Стеша. – Тебя не удивило, что ли, что она сразу за посыльной явилась? Да и записку небось сама и подложила, чтобы не рисковать, а то вдруг мы бы её сразу заметили. Ну и гадина, а! Не понимаешь? По всему дворцу бы разнесла, что у тебя любовник, который срамные подарки делает, тебе бы житья не дали! Такие подарки жёнам тишком подносят, а с такой записочкой – только девкам продажным... Тебе что, княгиня про уместные подарки не говорила ничего?! – возмутилась она.

– Про уместные говорила, про такие – нет. - Алёна вздохнула и принялась одеваться. – Я и не думала, что подарком можно вот так опозорить...

– Чем угодно можно, девичья честь – штука такая, хрупкая. Кто из боярышень поумнее, всерьёз её берегут, а не встречаются с полюбовниками украдкой... Ты чего? – осеклась она, потому что на этих словах алатырница скривилась, и движения её стали порывистыми, злыми.

– Ничего, – отмахнулась недовольно.

– Да ладно тебе, поругайся, легче станет! – всерьёз заинтересовалась Степанида.

– Мерзость какая! – всё-таки не выдержала Алёна. – И глупость. Что, вся дворянская девичья честь в том, чтобы с мужчинами до свадьбы не знаясь? И всё? Можно врать, можно подлости делать, хоть в спину бить, только бы девкой оставаться? И вот это – честью называют?! Стеша, поймите вы поскорее этого убийцу, ладно? Не хочу я здесь больше...

– Не сердись . – Степанида участливо погладила её по плечу, помогла оправить сарафан, высвободить из-под него косу. - Есть же еще порядочность, в самом деле! Не у всех, конечно, но есть. Если

подумать, оно и впрямь странно, что для витязя честь и для девицы из благородной семьи – совсем о разном, я и внимания не обращала. Но так уж сложилось, ничего не поделаешь. И это ведь не значит, что все тут мерзавцы, уж поверь моему опыту, всяких полно, как везде, – заверила она. - А убийцу поймаем, куда денемся. С нас князь иначе голову снимет.

– А вот с этим подарком? Так и спустить ей? – спросила Алёна, взяв себя в руки.

– Ну той же монетой отплатить ты не согласишься, – пожалала плечами Степанида. – Имею в виду, тоже подлость какую-нибудь учинить тишком. Или ты настолько на неё сердита?

– Не настолько, - со вздохом согласилась алатырница. – Но неужели никакую управу найти нельзя?

– Мороки много, шуму много, - отмахнулась Стеша. – Можно узнать, кто записку эту накропал, в Разбойном приказе есть умельцы. Но, честно сказать, не хочется возиться и занятых людей отвлекать от действительно важных вещей. Да и подозрительно это смотреться будет, откуда бы тебе такие знакомства взять?

– Да, ты права, – снова согласилась Алёна. - Но, наверное, она на этом не остановится? Или они, вряд ли Светлана одна это выдумала.

– Уверена, не остановятся. Ну да предупреждён – подготовлен, зубы эти мерзавки обломают, не на тех напали. Ладно, ступай, а то впрямь опоздаешь.

Ожидание подвоха, однако, оправдываться не спешило, за столом Алёну не подначивали и не пытались завести с ней разговор. Светлана сидела рядом хмурая и задумчивая, три девушки напротив, как и все остальные, обсуждали совсем другие вещи, с новоявленной княгиней не связанные. Вряд ли провал их остановит, и вдова наверняка захочет отомстить, когда перестанет думать о пропаже чернил с записки, но хоть аппетит Алёне никто не испортил.

А вот после случилась неожиданность, потому что сразу на выходе алатырницу перехватила какая-то девушка из числа прислуги.

– Ваше сиятельство, соблаговолите за мной пройти, вас очень прийти просят, – с поклоном заговорила она.

– Кто? - растерялась алатырница, подозрительно оглядевшись в поисках Светланы или кого-то ещё, кто мог бы попытаться её куда-нибудь заманить.

– Их светлость княжич Дмитрий.

Алёна сначала насторожилась, отчего бы это княжичу хотеть её видеть, да ещё вот так звать, но потом сообразила, что на женской половине ему вообще-то лишний раз появляться странно, а уж тем более – бегать за девицами. Наверное, так и должно быть. Однако шла алатырница всё равно настороже, готовая в любой момент отпрыгнуть в сторону, уходя из-под удара, или пробудить янтарь в крови вопреки наказам Стеши.

Однако напрасно боялась, прислужница не обманула, вывела её с женской половины и пригласила в одну из комнат. Та пустовала и, по всему виду, использовалась редко. Пыли не было, но воздух казался спёртым и остро пах железом – на стенах тут были развешаны самые разнообразные ножи, мечи да шашки, вплоть до кривых некованных орудий болотников, похожих на когти или на серпы.

И даже пара болотников нашлась, стояли в углу. Не живые, но такие настоящие, что Алёне в первый момент показалось, будто это искусные чучела. Она шагнула сначала к ним, не сразу заметив, что в комнате кто-то ещё есть. Княжич, сидевший в кресле в стороне, со смехом поднялся.

– Обидно! Первый раз девица-красавица мне этих страхолюдин предпочла.

– Доброе утро. Тебя я сегодня видела, а их – впервые, – спокойно возразила Алёна. Почти не соврала: болотников живых и мёртвых встречать доводилось, а вот такую искусную работу и впрямь – никогда.

– Здорово, да? Есть у нас тут в Китеже мастер, что людей, что этих тварей как живых делает. Он их из дерева режет, а потом как-то хитро воском сверху покрывает, разукрашивает – от живых и не отличить, да?

– А ты их живьём видел? – полюбопытствовала алатырница.

– Пару раз, когда великий князь с ними разговоры разговаривать пытался и меня с собой брал, - не стал впустую бахвалиться княжич, и Алёне это понравилось. – Образины жуткие.

Алатырница не ответила, только улыбнулась. Не видал он, значит, жутких образин! Вот упырь какой-нибудь перележавший – это да, редкая гадость, а тут что нос морщить?

Болотники походили на людей и на лягушек. Круглая лягушачья голова, гладкая зелёная кожа, требующая влаги, большие выпуклые глаза, широкие щели ртов, жабры на коротких толстых шеях и перепонки между пальцами. Особенно на ногах, те вообще здорово напоминали ласты. Не жуткие и не мерзкие, скорее, на человеческий взгляд, несурзные, что не мешало им быть опасными врагами.

Кузнечного дела болотники не знали и вообще боялись огня, но их оружие не сильно уступало стальному. Да, прямого столкновения с шашкой их невесть из чего – не то из дерева, не то из кости – сделанные клинки не выдерживали, но и воевали они всё больше исподтишка. И как бы ни любили станичники лошадей, как бы ни состязались между собой в ловкости джигитовки, в бой с болотниками шли пешими: лошади на болоте ещё хуже, чем человеку. Пластуны со своей выучкой да алатырники там были самой грозной силой.

– Жаль, отец не хочет продолжать воевать, чтобы совсем их перебить, – продолжил наследник через пару мгновений. – Омерзительные существа. Как они вообще на свет появились?

– Но ведь это их земля, – растерялась Алёна от такой непримиримости. – Это мы тут чужие, пришельцы, это нас Матушка сюда привела вместе со старшими своими детьми. А у них свои боги. И красота, верно, своя...

Болотников она тоже недолюбливала, да и как любить тех, с кем твой народ всю жизнь воюет! Но так, чтобы всех перебить? Земли-то на всех хватает!

– Да и плевать, – отмахнулся княжич. – Была их земля, а теперь наша. Ну да ничего, даст Матушка, оттолкнёмся от Хребта и всех сметём, – добавил себе под нос, с неприязнью разглядывая фигуры.

– Ты зачем звал-то, что сказать хотел? – Алёна предпочла заговорить о другом, чтобы не затевать пустого спора.

– Я хотел позвать тебя на прогулку. – Княжич улыбнулся. – Ты наши места не знаешь, небось считаешь, тут один город и ничего похожего на родные просторы? А вот нет. Не хочу, чтобы ты про Светлояр и Китеж так думала.

– Но как же... вдвоём? – растерянно проговорила Алёна первое, что пришло в голову. – Я не думаю, что ты что-то дурное сделаешь, но люди...

– Не смущайся, – заверил Дмитрий. - Я уж понял, что утром зря за тобой потащился до терема, чуть беды не вышло. Ты подружку с собой возьми какую-нибудь, а то и несколько, чтоб точно никто ничего дурного сказать не мог. И я тоже не один приду.

– Хорошо, я согласна, – решила она. – Но я одну возьму, это не очень плохо?

– Не бойся. Слово даю, ничего дурного не сделаю, и пальцем не трону, и друга хорошего возьму, надёжного. У нас такая славная тропка есть вдоль озера, если по ней до конца идти – можно в рыбачий домик попасть, его мой дед построил, очень он любил с удочкой посидеть у воды, и чтобы тихо было, никто не мешался. Её так и называют, рыбной тропкой. Она по берегу высокому тянется, красота такая – залюбуешься. Китеж, он от дворца в другую сторону, а тут великого князя земля, на ней ни селиться нельзя, ни охотиться никому, кроме князя, поэтому тихо. Только туда надо к вечеру выбираться, а то утром очень любят всякие кумушки прогуливаться. До рыбачьего домика далековато, но до Чёрного плёса доберёмся, очень он красивый. Хорошо? Тогда, как на звоннице пять пробьют, мы вас будем ждать у садового крыльца, там прудик есть зелёный, с кувшинками и большим белым камнем.

– Мы придём, – заверила алатырница.

На том и распрощались, и Алёна в задумчивости отправилась на женскую половину, а княжич – убежал по каким-то своим делам, мало ли их у наследника.

Девушка колебалась, не зная, с кем посоветоваться. Сказанного, понятно, не воротишь, но нелишне дельный ответ услышать, как теперь с данным обещанием быть. Вряд ли княжич дурное против неё замыслил, да и Степанида была за то, чтобы с ним подружиться, но всё-таки...

Выбор и советчика, и спутницы был невелик, знала она тут только Стешу да Ульяну. Начать решила со второй, всё равно они условились после завтрака встретиться, вот и спросит заодно, и позовёт с собой. Ну а если боярышня не согласится, придётся расстроить княжича обществом рыжей служанки.

Ульяна нашлась в своём покое, на который указала одна из сенных девок, в непонятной тоске и задумчивости чахнувшей над разложенным на коленях платком. Платок был хорош до невозможности, даже

Алёна, которая скорее могла залюбоваться доброй лошастью, чем шитыми узорами, насилу отвела взгляд. По синему атласу – серебром, лазурью и чёрным, с искорками крошечных самоцветов.

– Какая красота! Это ты сделала?

– Нет, я бы так не смогла, - вздохнула боярышня, огладила лепестки диковинного цветка. - Это подарок.

– От твоего тайного поклонника? – поллюбопытствовала алатырница, присела на лавку рядом.

Трогать изящную вязь не рискнула: еще заляпает, мало ли за что могла схватиться по дороге! Но любовалась вполне искренне. Только это не помешало заметить, как ступала от такого вопроса боярышня.

– Да неважно, всё одно носить не стану, мне не к лицу, – заявила она неожиданно твёрдо, резко, очень на себя непохоже, и принялась порывисто и неаккуратно складывать платок. – Я вот его лучше матушке на Озерицу подарю, пусть порадует.

– А разве можно подарки передаривать? – удивилась Алёна, озадаченная непонятным поведением Ульяны.

– Такие можно, - непреклонно заявила та, замотала платок в белый льняной отрез, а после в бумагу, в которые он, наверное, был завернут изначально.

– Тот, кто это подарил, чем-то тебя обидел? - предположила алатырница, хмурясь.

– Давай не будем об этом, – отмахнулась Ульяна, сунула сверток в дальний угол ларя. Потом нервно развернулась и, теребя косу, попросила тихо, жалобно: – Ты только не говори о нём никому, хорошо?

– Не скажу, конечно, – заверила Алёна.

– Идём, мы же гулять собирались? Ой, а ты без платка... Хочешь, я тебе какой-нибудь из своих дам? Или к тебе зайдём.

– Давай, мне без разницы. – Алатырница совсем забыла об этой мелочи, и хорошо, что боярышня напомнила.

– Вот, пусть будет красный! Смотри, какой нарядный! Ты яркая, тебе хорошо будет, – Ульяна в непонятном, суетливом оживлении сама накинула его Алёне на голову, расправила, завязала ловко, с ясно заметным опытом, которого недоставало в этом самой алатырнице. – Ох, а ты же и одета негоже для выхода, сарафан бы переменить...

– Матушка с ним, не хочу, и так сойдёт! – не выдержала Алёна мысли об очередном переодевании. Раз она из деревни и не обязана пытаться изобразить идеальную княгиню, то и стараться в таких мелочах не станет. – А мы можем в город выйти, это не запрещено? Я бы хотела Китеж посмотреть, хотя бы вблизи княжеского терема.

– Можем, отчего нет. На площади перед дворцом красиво, там и гостинные ряды недалеко, они очень нарядные, и чем там только не торгуют! Даже и просто побродить интересно бывает. Пойдём, я с удовольствием, – заметно оживилась Ульяна, привесила к поясу небольшой кошель и повинилась со смущённой улыбкой: – Не умею глазеть на лавки и ничего не покупать, хоть ниток каких-нибудь возьму красивых.

Они не спеша двинулись прочь, опять новой дорогой, и тут Алёна полностью доверилась спутнице: она сама до сих пор не сподобилась как следует осмотреть великокняжеский дворец, даже его женскую половину, и запомнить, где что находится. А построен он был явно не в один присест, и разобраться с лёту было очень сложно. Дорогу-то запоминала хорошо, помогал опыт службы, а вот по наитию тут что-то найти не стоило и пытаться.

Ульяна, поначалу взбодрившаяся, опять погрузилась. Алатырница поглядывала на неё растерянно. Как назло, в голову не шла ни одна тема для разговора, которым можно было бы развлечь и отвлечь боярышню. И об утреннем поступке Светланы не расскажешь, потому что пустую записку не объяснишь. Да и словами о странном подарке не хотела лишний раз напоминать о злосчастном платке. А надо же было еще как-то о предложении княжича рассказать!

Однако её затруднение вскоре разрешила сама Ульяна, удачно заговорив именно о том, о чём требовалось. К этому моменту девушки перешли в соседний терем, где народу и шума было заметно больше – сновали писари да посыльные, спешили просители.

– А почему ты передумала идти в сад?

– Потому что сегодня в пять часов вечера мне обещали показать рыбную тропку и Чёрный плёс, говорят, там в это время... Здравствуй, тётушка! – Алёна осеклась и сладко улыбнулась попавшейся навстречу Лизавете. Ту заметно перекосило от злобы, но она высокомерно задрала нос и на приветствие не ответила.

– Кто обещал? - через десяток шагов продолжила разговор Ульяна, вежливо не сказав ничего про случайную встречу и поведение как своей спутницы, так и её родственницы, словно не заметила.

– В этом главная беда, - вздохнула алатырница. - Княжич Дмитрий. Он сказал, что если я приглашу подругу, то будет вполне прилично, это правда? Я как раз тебя позвать хотела.

– Пойдём, - решительно согласилась боярышня. - Ничего дурного и вправду нет. А что именно ты хочешь посмотреть сейчас?

– Не знаю, я же здесь никогда не была. Показывай!

ГЛАВА 7. Княжеская тропа

Прогулка вышла очень хорошей, Алёна ни на миг не пожалела о том, что предпочла знакомство с городом выходу в сад. Ей всё было внове, всё интересно, и обилие впечатлений даже утомило. Зато Ульяна развеялась и повеселела.

Китеж оказался не только очень большим, но очень ярким и шумным городом, уж в той его малой части, которую успели не спеша обойти девушки, – точно. Белокаменный княжеский дворец, в красно-белой штукатурке гостинные ряды, крашенные в нарядный жёлтый цвет присутственные места, а тесно прилепленные друг к другу дома в два-три этажа – и вовсе всех цветов радуги. Сочные, чистые, густые краски – одно удовольствие смотреть. И всё основательное, из камня, ни единой деревянной постройки.

Каменная набережная и вовсе привела не видевшую ничего подобного алатырницу в искренний восторг, так что ушли они оттуда нескоро, когда вдоволь нагулялись, налюбовались и покатались на лодке по небольшому живописному заливу с кувшинками.

Вместо обеда перекусили купленными у лоточницы пирожками и запили их душистым малиновым морсом. Алатырница искренне удивлялась, что её спутница преспокойно согласилась на такую простую еду, но удивлялась молча и недолго, до тех пор, пока не увидела, как ласково и уважительно Ульяна разговаривала со старенькой лоточницей.

Невольно вспомнился княжич, и сравнение вышло не в его пользу. И оттого, что Дмитрий разговаривал со своими слугами, а Вяткина сейчас – с чужим человеком, ничего не менялось. Алёна не сомневалась, что и у себя дома Ульяна такая же. Она при всём старании не могла представить боярышню, говорящую с кем-то грубо и свысока.

Поначалу Алёне было очень стыдно за то, что она, в отличие от спутницы, не взяла с собой денег на эти развлечения. Ульяна отмахивалась, что алтын – не деньги, но сошлись в конце на том, что Алёна просто вернёт всё во дворце.

В покои добрались поздно, всего за час до встречи с княжичем. За день они так нагулялись, что продолжать совсем не хотелось. Моглось, если надо, Алёна была к такому привычной, Ульяна тоже неожиданно показала себя крепче, чем можно было подумать, но хотелось остаться в покоях, провести вечер в тишине, за рукоделием и осмыслением минувшего дня. Но отказываться было уже поздно и невежливо, и алатырница успокаивала себя тем, что в лесу будет тихо и спокойно, и это тоже хороший отдых.

Девушки условились освежиться, переодеться в вечернее и встретиться в покоях боярышни, которые были ближе к нужному крыльцу. Заодно и платок Алёна вернула хозяйке.

От подробного доклада о деталях Степанида отмахнулась, удовлетворившись отсутствием неприятностей, благословила нагуливать аппетит и неожиданно предупредила, что великий князь изволит ужинать с семьёй. Так что княгинина свита вместе с ней вечером отправлялась в Озёрную залу, расположенную в общем тереме. Посещение такого ужина как будто не было обязательным, но негласно оправданием для его пропуска могла служить только какая-то очень весомая причина вроде болезни. А у Алёны вообще не было выбора, ей нужно было мозолить глаза возможным злодеям, и неожиданное большое сборище казалось хорошим подспорьем.

Но всё это предстояло вечером, а пока девушки неспешно двинулись к месту встречи, успевая аккуратно вовремя.

Друга княжича звали Владиславом, и впечатление он производил приятное. Высокий, крупный от природы и, наверное, сильный, с тёмно-каштановыми волосами и совершенно обычным, незапоминающимся лицом, он казался спокойным, сдержанным, основательным. Был он на несколько лет старше наследника – во всяком случае, со стороны так казалось. В беседе участвовал мало, но по делу, глупостей не говорил, на девушек поглядывал ласково, спокойно и как-то особенно, непривычно, отстранённо любясь. Ульяна улыбнулась ему тепло и радостно – оказалось, с этим бояричем они давно были знакомы, их поместья находились рядом.

Тропинка оказалась целой дорожкой, достаточно широкой, чтобы идти по ней вдвоём. Наверное, тут очень уютно прогуливались парочки, но алатырница предпочла не понять намёк и зашагала рядом с Ульяной, пришлось парням подстраиваться. Дмитрий двинулся

впереди, то и дело оборачиваясь, а то и вовсе ступая спиной вперёд, а Владислав – неспешно топал следом.

Тропа тянулась вдоль озера, порой ныряя глубже в лес, чтобы полюбоваться огромными кряжистыми дубами и липами, порой – выходила на самый берег, к песчаным отмелям и камышовым заводям, окружённым плакучими ивами. И каждый раз Алёна замирала, любуясь. Не берегом, самым озером. На юге озёр было много, но все крошечные, враз переплывёшь, а тут – дальнего берега не различить, и волны настоящие, словно в море, которое алатырница как раз видела: чародейская школа находилась недалеко от побережья, и ученики порой выбирались искупаться.

Назначая прогулку именно на это время, княжич явно знал что говорил, народу им попадалось совсем немного. И никто, к облегчению Алёны, не косился осуждающе, только вежливо раскланивались и бросали любопытные взгляды. Отношение дворцовых обитателей не очень-то её заботило, больше тревожила расплывчатость и переменчивость правил. Она никак не могла понять, что здесь всё-таки запрещено, что – допустимо, а что – само собой разумеется? Понимала, отчего так выходило, но легче от этого не делалось.

Разговаривали о необременительной ерунде, шли нога за ногу, спокойствие и тишина почти дикого леса радовали глаз и услаждали слух, и после долгой прогулки по Китежу это впрямь выходил отдых. Алёне было легко и уютно, повода задуматься о дурном или тревожном не возникало, прежняя скованность с княжичем тоже прошла. Да и Ульяна держалась много спокойнее и увереннее, чем с девушками – верно, сказывалась привычка к общению с братьями.

И до поры всё было тихо и благостно. Но вдруг ветки сбоку затрещали, в лицо пахнуло холодом и гнилью. Княжич в растерянности замер, словно что-то почуял, попятился. Алёна не успела задуматься, отчего запах этот и ощущения кажутся знакомыми, но чудом удержалась от того, чтобы пробудить янтарь. А через мгновение они оказались окружены.

Оглушительно завизжала Ульяна, ругнулся Владислав. Алёна подхватила подвернувшуюся под ногу палку и постаралась прикрыть собой голосащую подругу. Она отчётливо понимала, что проку от

сухой тонкой ветки не будет и жалела, что княгине не положено носить при себе кинжал.

Слаженно вышло, через мгновение Ульяна оказалась в середине небольшого круга.

Двух кругов. На тропинке, хрипя и ворча, топталась целая стая мрунов – нежити, поднявшихся зверей. Самый большой страх припозднившегося одинокого путника: словно красные угольки в глазницах, проявление чар. Зловеще и жутко выглядело даже теперь, среди бела дня, а уж в ночи такое увидеть – не приведи Матушка.

Со всего леса небось собрались. Больше всего тревоги вызывал огромный медведь с облезлой шкурой и гнилыми боками, из которых на землю падали куски с шевелящимися внутри насекомыми: гнилой или нет, а когти будь здоров! Пара волков – один посвежее, почти не тронутый разложением, и один уже полускелет, державшийся на одних только чарах. Несколько собак: одна крупная, охотничья, и три мелких, безродных, не больше лис. Которых тут тоже было штук пять.

От зловония резало глаза. Ульяна, быстро сорвав голос, со всхлипом закрыла лицо ладонями.

– Отчего не нападают? – задала Алёна самый важный сейчас вопрос, невесть к кому обращаясь.

Она была спокойна и насторожена и мрунов не очень-то боялась: твёрдо решила плюнуть на наставления Стеши и, если кто бросится, сжечь к чернуку под хвост. Но нежить отчего-то медлила, не стала спешить и алатырница.

– Не знаю! – нервным, дрогнувшим голосом ответил княжич. Он держал в руке кинжал, до того висевший на поясе, но неуверенно, неловко, и острие едва заметно выплясывало. – У меня оберег есть, может, он держит? – опомнился, полез за ворот, переложив оружие в левую руку.

– Не доставай и не трогай, вдруг собьётся. Дай! На. – Алёна решительно забрала кинжал и сунула взамен палку, а Дмитрий так растерялся, что даже не попытался воспротивиться, послушался легко и сразу, сжал новое оружие обеими руками. – Заговорённый? – спросила она придирчиво.

– Должен быть... – В голосе наследника не было ни малейшей уверенности.

Алёна только молча кивнула. Примерилась к неудобному, не по руке кинжалу – слишком длинный, слишком тяжёлый. Покрутила в пальцах, перехватила половчее и быстрым движением полоснула по горлу ближайшего волка. Тот захрипел, отступил, красное пламя в глазницах мигнуло.

Заговорена сталь оказалась на совесть.

– Надолго чар хватит? - спросил Владислав, он тоже был с кинжалом и держался не в пример лучше Дмитрия.

И оставалось только порадоваться дворцовым порядкам и дворянским обычаям, благодаря которым мужчины почти всегда носили при себе оружие.

– А леший знает! – отозвался княжич. В голосе его отчётливо звучал страх, но Дмитрий пока держался. - Стража где, должны же почуять?! – пробормотал он себе под нос с отчаяньем.

Алёна понимала страх княжича: простым людям без янтаря в крови такая свора – смерть. Именно поэтому она не стала говорить, что стража могла и не заметить чар, поднявших мрунов, если их хозяин подобное предусмотрел. Это сложно, но всяко не сложнее, чем поднять и натравить этакую ораву. Зачем пугать ещё сильнее? Она с мрунами справится, не таких бивали, но пока ещё медлила и тянула время. Вдруг стража всё-таки заметит?

Когда на дорожке впереди молчаливой тенью возник ещё один пёс, алатырница не сразу поняла, что собака живая, а не отставший от товарищей мрун. Только когда зверь с разбега грудью сшиб волка, повалил, с рычанием вгрызся в гнилое горло – уверенно, как обученный. Челюстям неделянца вполне хватало силы и размера, чтобы оторвать нежити голову, а значит – разрушить держащие её чары.

Алёна не удержалась от радостной и облегчённой улыбки при виде неожиданной помощи. Если пёс тут, где-то рядом должен быть и его хозяин! А вот остальные мруны не обратили внимания на нового врага: у них, притравленных, имелась ясная цель. Но заволновались, скаля зубы в беззвучном рыке: оберег княжича, кажется, совсем истощился.

Всё произошло одновременно. Второй волк прыгнул прямо на Алёну, та шагнула навстречу и вбок, уклоняясь, полоснула ножом. А в нескольких саженьях впереди на тропинке появился хозяин пса,

пронзительно свистнул, но его резкий приказ «Замри!» запоздал на долю мгновения.

Алатырница всё же неловко дёрнулась, пытаясь остановить движение, но не успела. Земля под ногой провалилась и раздалась в стороны, будто Алёна ухнула в холодную воду.

Дыхание перехватило не от страха, от неожиданности. На мгновение она замерла, не зная, что делать, а потом что-то мягко толкнуло снизу, выпуская на поверхность. Не до конца, ноги и юбка застряли, но тратить время на освобождение алатырница не стала. Неловко приподнялась, попыталась обернуться, чтобы встретить нового мруна кинжалом, – и опустила оружие. Всё было кончено, мрунов поглотила земля. На поверхности теперь торчали только две мёртвых головы, медвежья и собачья. Угольки в глазах потухли, но выглядело всё равно жутко. А там и Янтарноглазый подоспел.

– Все целы? – спросил коротко, опустился на колени рядом с Алёной. – Не дёргайся, сейчас, – обратился к ней, подхватил под мышки и поднялся, потянул её вверх. Вынул легко и аккуратно, словно из воды, бережно поставил на затвердевшую землю. Перехватил за плечи. – Как ноги, не поломалась?

Алёна только головой качнула, отводя кинжал, чтобы ненароком не поранить мужчину. Из его хватки освободиться она не спешила, а он – будто и не замечал этого, и тоже рук не разжимал.

– Дмитрий?

– Ты вовремя, Олег Сергеевич, мы тебе жизнью обязаны! – Княжич уважительно склонил голову. – Милость Матушки, что поблизости оказался, а то разорвали бы!

Воевода бросил на Алёну задумчивый взгляд, он-то понимал, что спасение было совсем рядом и без него. Но смолчал, про янтарь в крови девушки не заговорил и не стал спрашивать, отчего она медлила и таилась. Алатырница была за это благодарна, но также понимала, что объяснения не избежать, и вопросы Рубцов обязательно задаст, когда они останутся наедине.

А она и не возражала, даже украдкой радовалась тому, что они обязательно ещё встретятся. И встретились сейчас.

– Кто ж это, интересно, обнаглел настолько, чтобы тебя нежитью у самого дворца травить? – мрачно проговорил Янтарноглазый.

Сейчас Алёна смотрела на него прямо, без давешнего оцепенения, и наконец сумела разглядеть лицо без повязки. Правый глаз действительно имелся, под целым веком, вот только был он очень странным. Без зрачка и белка, оранжевого цвета, ещё и светился слегка, как кусок прозрачного янтаря перед свечкой. Вот его, видать, за что прозвали-то! Интересно, что это такое и откуда взялось?

Опомнившись, Алёна опустила взгляд, чтобы не таращиться слишком уж откровенно и прямо, но совсем отвести глаза не могла и потому пользовалась возможностью рассмотреть его – настоящего, живого – вблизи. Тем более посмотреть было на что: примчался воевода в одних только мокрых подштанниках, видать, крик услышал и из воды выскочил.

Алёна с облегчением поняла, что так не может выглядеть забулдыга и пропойца, глупости, значит, про него говорили. Плечи широкие и ровные, тело крепкое и совсем не оплывшее, тут одного взгляда было довольно, чтобы понять: себя воевода, невзирая на слухи, держит в порядке. Только алатырница больше не статью молодецкой любовалась, а отчего-то цеплялась взглядом за следы на коже, которых, как у любого витязя, было в изобилии. Своеобразная летопись, многое способная рассказать о мужчине и его удаче.

Вот на боку шрам – длинный, прямой, резано-рваный, - от ножа болотника, таких Алёна за свою жизнь насмотрелась во множестве. А что оставило на левом плече такое странное, почти ровное круглое пятно с медяк размером, предположить не смогла. И справа тоже – на груди, на плече, – непонятные рваные узоры, будто трещинки на камне. И на когти не похоже, и не ожоги, что же это такое?

Но долго полюбоваться у Алёны не вышло, да и разговора у мужчин не получилось: всех снова отвлекла Ульяна. Поначалу она стояла подле Владислава, который неуверенно, слегка обнимал её одной рукой и глядел с тревогой – так, как глядят совсем не на случайных знакомых. А боярышня на него не смотрела и как будто не замечала, только тихонько утирала глаза платком, а потом, глянув в сторону спасителя, вдруг громко ойкнула, залилась пунцовой краской и отвернулась, спрятав лицо на груди парня.

– Ты чего? - спросил он мягко, приобняв её за плечи. – Ульяна?

Та что-то непонятно проямлила в ответ и замотала головой, но и только.

Первой сообразила, что не так, Алёна.

– Держи, княжич, спасибо тебе! – Она вернула кинжал хозяину и потянула с головы платок.

Остальные опомнились только тогда, когда алатырница принялась прилаживать платок воеводе на пояс. Широкий, плотный, он закрывал гораздо лучше, чем мокрые подштанники. Алёна обернула узорчатое полотнище Рубцову вокруг талии, на два раза хватило, завязала концы на боку. Воевода отчего-то не возражал и не пытался ни помешать, ни помочь. Ну а Алёна изо всех сил старалась не думать о том, что пару раз она к нему почти прижалась, что руки его опять легли на её плечи и через тонкое полотно рубахи ощущались горячо и ярко. Почти нестерпимо хотелось махнуть на всё рукой, обнять по-настоящему, прижаться, сделать вид, что очень испугалась и ищет теперь утешения у спасителя...

– Портки я прихватить не подумал, это да, - со смешком проговорил Олег. Вид в женском платке у него был потешный, но почему-то всё равно внушительный и грозный.

– Постой, воевода, возьми, - запоздало сообразил Владислав и, явно нехотя выпустив из рук боярышню, принялся стягивать кафтан. – Я ростом поменьше, но в плечах ладно должно быть.

– Да брось, я сейчас за своими вещами схожу, тем более, чую, помощь скачет, – отмахнулся Рубцов. Но одежду взял, и Алёна нехотя отступила.

Кафтан оказался немного свободен, а через пару мгновений и остальные услышали стук копыт, и вскоре на тропе появились всадники.

– Воевода? - изумился старший из них. – А вы тут как?!

– Сгною к лешему! – прорычал княжич, не дав тому ответить. – В дальние гарнизоны поедете, в Железный уезд, волков от рудников гонять! Пожизненно! Дармоеды! Вас где носит?! Вьюжина сюда, быстро, со всеми его хвалёными мастерами! Нежить в пяти минутах от дворца, а эти прохлаждаются!

Дружинники благоразумно не стали перечить, только вскинули ладони к груди, принимая приказ.

– Стой, погоди, служивый! – улучил Рубцов мгновение, когда наследник запнулся, выдохшись. - Езжайте вдвоём, девушек отвезите, нечего им тут маяться.

– И верно, – хмуро кивнул княжич. – Девушек заберите!

Алёне совсем не хотелось уезжать, и в себя приходиться тоже, она бы лучше рядом с Янтарноглазым осталась. Но, конечно, смолчала и без возражений позволила Олегу посадить себя на лошадиный круп боком, позади одного из дружинников.

– Второй! – с тихим смешком бросил воевода, выразительно потерев край платка.

Алёна украдкой улыбнулась в ответ, но тут же отвлеклась, чтобы ухватиться за ремень витязя, который не мешкая пустил коня широким шагом. Она оглянулась и поймала задумчивый, очень серьёзный и внимательный взгляд воеводы. Был в нём, правда, совсем не любовный интерес, а обещание того разговора, о котором алатырница и сама успела подумать.

Объясняться перед воеводой придётся, но как? Правду нельзя, вряд ли Вьюжин разрешит, но и врать совсем не хотелось. И со Степанидой не посоветоваться: Алёна не хотела сознаваться, что так неосторожно, по-глупому открыла свой янтарь Рубцову. Так что ей было о чём подумать по дороге.

А Олег, оставив пса сторожить, вернул кафтан хозяину и отправился за собственной одеждой, на ходу развязывая платок. Зелёный, в пару вишнёвому, который лежал у него в комнате. И хозяйка этих вещей занимала его сейчас куда больше, чем странное нападение у самого дворца, хотя должно было быть наоборот. Нежить натравили, это было ясно, но также ясно было, что дело это – Разбойного приказа. А вот девица Алёна...

Хоть и думал он в момент удара про нежить и про то, как людей от неё защитить, но и остальное не укрылось от внимания. И то, как уверенно держалась чернявая, и то, что кинжалом она орудовала лучше обеих парней. То есть в учебной драке-то наверняка княжичу уступила бы, но то человек против человека, а вот нежити она не боялась, в отличие от своих спутников. Настолько не боялась, что не спешила спалить её дотла, хотя могла: он же вчера видел, в ней жёлтого янтаря много, на мрунов бы с лихвой хватило. Такое на ровном месте не возникает, только лишь учёбой и волей не добьёшься, и ответ тут был один: чернявая уже не раз сталкивалась с нежитью, в отличие от княжича и его друга, которые ратному делу учились здесь, во дворце, и в глаза живого врага не видели. И мёртвого тоже.

Как она там назвалась? Хорунжим? Ну да. Это он не подумав решил, что очередная девица пошутить над угрюмым воеводой вознамерилась, а сейчас понимал, что сказала она тогда правду. Да и приветствие вышло уж очень отработанным, обыденным. Дворцовая девица ни за что не стала бы с этим морочиться и такие мелочи не учла. Хихикала бы небось или потом рассмеялась, отгарабанив выученное, а Алёна вытянулась как перед старшим по званию – привычно, не задумываясь.

Моховой уезд, места болотистые, слабое Хребта. Не странно, сильный жёлтый янтарь – куда её еще слать? И нежити там полно, самое беспокойное место, и лазутчики из Топи попадаютя нередко даже сейчас, когда Ярослав с переменным успехом пытается с соседями мирный разговор завести.

Силой своей управлять обучена и после учёбы всяко не меньше года отслужила: учёба и начинается и кончается осенью – страда. И отдых в школе весной и осенью, чтобы в самую горячую пору могли родным помочь на полях. Но и не больше пяти, а то уже сотником бы была, да и нет в ней еще той матёрости, которую за пять лет службы обретают.

Но если смотреть по ловкой джигитовке и чёрной косе – сама она родом откуда-то из степей, с юга, станичница. По говору можно было бы уточнить, но Олег этого не умел: слуха у него не было, и разницы он не чуял, даже когда ему на них прямо указывали более сведущие люди.

Оставалось два вопроса. Что она забыла здесь, во дворце, и отчего янтарь в крови скрыла? Нет, три вопроса. Какого лешего вокруг неё наследник увивается?

Или она вокруг него? То вон на поле явилась одновременно с его десятком, и теперь...

Последняя мысль зацепила и разом испортила настроение. А не намеренно ли её к княжичу подослали с какой-то недоброй целью? Хоть бы вот на нежить вывести или ещё в какие-то неприятности втравить. Сам Олег в ней никакой гнили не увидел, да и Озерице девушка понравилась, но это ещё ничего не значило, её с тем же успехом могли втёмную использовать.

Кто? Да хоть бы сторонники княгини. Сама Софья мараться бы не стала, она женщина осторожная. Но у неё и друзей, и сочувствующих

полно, было бы желание, а исполнить кому – найдётся. Потому что с пасынком мачеха живёт... Как мачеха с пасынком, любовью и родственным теплом там не пахнет, так что плакать о наследнике, если тот сгинет, она не станет.

Не то чтобы Олег действительно всерьёз подозревал здесь и сейчас грандиозный заговор, но возможность такая была. А главное, умалчивая о талантах Алёны, он заговорщикам пособничал, и мысль об этом неприятно зудела.

Но пока воевода сходил к берегу, пока оделся, пока обратно вернулся, успел поостыть и поругать себя за горячность и поспешные выводы. Перед тем как подозревать заговоры и бросаться обвинениями, стоило выслушать, что по этому поводу сама девица скажет. Может, всему этому есть какое-нибудь простое и мирное объяснение. Он вон и фамилии её не знает, а туда же, разоблачать!

Если в первый раз на крик воевода бежал сломя голову, помогая себе чарами, то во второй раз ходил не спеша, дорога с одеванием заняла больше четверти часа. Оставшийся дружинник, огненный алатырник, привязал лошадь в стороне, а сам, сидя на корточках, разглядывал торчащую из земли нежить. В таком полузатопленном состоянии Олег оставил добычу намеренно, чтобы не искать потом место повторного захоронения. Чары из мрунов давно ушли, земля – чистая, не болотистая, да ещё рядом со Светлояр, – быстро вытянула из нежити силу, но вдруг ищейки захотят взглянуть? Какие-то следы чар на них всё равно могли остаться.

– Олег Сергеевич, а не достанете этих наружу? – вежливо попросил воин.

– Достать достану, но лучше, наверное, людей из Разбойного приказа подождать, – предположил он. - Я их работы не знаю, вдруг вот так сподручнее.

– Тоже верно, - согласился дружинник раздумчиво и поднялся.

– Воевода, а что у тебя всё-таки с глазом? Мне давно интересно, а к слову никак не приходилось, – спросил княжич, маявшийся рядом. Он вполне успокоился после нападения, поглядывал на мёртвые головы без страха и явно едва сдерживался, чтобы не пнуть.

Другого бы Рубцов с такими вопросами послал далеко, но не наследника же! Да и стало вдруг стыдно перед княжичем за своё к нему отношение. Ничего дурного Дмитрий не сделал, сейчас вообще

смотрел с искренним уважением и интересом, а Олег огрызается на ровном месте. Нельзя так.

Но правду всё равно не сказал, они с князем давно ещё условились, что он болтать не станет. Не потому, что секрет великий, а чтобы дураков всяких убересть.

– Нет его, - спокойно ответил Олег, рассеянно потёр щеку. – Накололся еще пацаном, стеклянный справил, чтоб не так противно было. А повязку ношу, чтобы народ не пугать.

Княжич поскуchnел от столь простого объяснения такой загадочной особенности, задумчиво посмотрел на сложенный платок, который воевода держал в руке.

– Я могу передать его Алёне, – он выразительно дёрнул головой.

– Спасибо за предложение, твоя светлость, но раз девушка мне его повязала, то мне и возвращать, – отмахнулся Олег, пытаюсь сдержать недовольство.

Но, видимо, плохо вышло, потому что наследник в ответ улыбнулся широко и насмешливо.

– Что, воевода, приглянулась княгиня?

– Княгиня? – так удивился Рубцов, что даже на подначку внимания не обратил.

– Так весь дворец уж второй день гудит! – отчего-то заметно оживился княжич и заговорил странно торопливо, охотно, словно стремился побыстрее поделиться подробностями, хотя прежде за ним страсти к сплетням не водилось. – Князь Краснов умер, и отец всё тянул с объявлением его наследника. А за эти дни, оказалось, отыскал где-то его внебрачную дочь, князем ещё при жизни признанную. Её княгиней и назвал. И месяц дал, чтобы мужа себе достойного нашла, потому что не дело это, чтобы девчонка одна уездом управляла. Так что, коли понравилась девица, дорога прямая! – улыбнулся он опять, широко и странно.

Олег поспешил отмахнуться от непонятого удовлетворения, которое возникло внутри на этих словах, и хотел огрызнуться на навязчивые намёки, а потом, сообразив, едва себя по лбу не хлопнул. Дурень! Княжич перед ним, нет ли, а мальчишка еще совсем зелёный, первый раз в глаза смерти заглянул, вот его и несёт абы куда. Второй вроде более спокойный, выдержанный, такой в себе

всё переваривать будет, а этот – дёргается. И на воеводе сосредоточился только потому, что именно тот его и спас.

Рубцов с ходу вспомнил несколько народных способов быстро привести такого в чувство. Макарь княжича в озеро чреватое, не объяснишься потом, поить – нечем, да и нехорошо как-то. А вот ещё один...

– На, поддержи. – Он сунул платок стражу, отошёл на два шага, жестом поманил Дмитрия за собой и, когда тот приблизился, велел: – Бей.

– Да ты в своём ли уме, воевода? – опешил тот. – Из-за девки, что ли?..

– Да плевать на девку, бей сказал! Ну! Мне первому ударить? Это что, удар? Бабу свою так гладить будешь! Мужик ты или нет? А то, может, тебе этот платок повязать? Бей!

Несколько раз княжич махнул неубедительно, а потом его наконец прорвало, и под изумлёнными взглядами княжеского друга и стражника на воеводу посыпался град ударов. А тот только отступал, частью уворачивался, но больше на блоки принимал. Несколько ударов в корпус вовсе пропустил, отчего сразу вспомнил слова Остапа и его ворчание. Прав был конюх, совсем Олег в одиночестве одичал и сноровку потерял, чудо ещё что плесенью не покрывался и мхом не оброс.

Выдохся Дмитрий столь же неожиданно, как вышел из себя. Молотил отчаянно, яростно, в полную силу, а потом вдруг замер, тяжело и сипло дыша, опустил руки, сжимая и разжимая кулаки. Его мелко трясло, на лбу выступил пот, волосы топорщились, одежда сбилась, но зато взгляд стал куда более осмысленным.

– Достаточно? – спросил он напряжённо.

– Кажется, да, – спокойно согласился воевода. – Легче?

Вместо ответа Дмитрий несколько раз удивлённо хлопнул глазами, явно не понимая, о чём речь, неопределённо повёл плечами.

– Ты молодец, – сказал Олег твёрдо, сжал плечо парня. – Правда молодец. Первый раз с нежитью столкнуться и не испугаться – дорогого стоит.

– Я не первый, нам показывали, – дрогнувшим голосом ответил тот, но всё-таки нервно кивнул.

– Ну, значит, не зря показывали. Я после первой встречи с упырём под ближайшим кустом блевал, – со смешком признался он.

– Правда?

– Чистая.

Ещё бы нет, если такая вот гниющая жуть на тебя прёт, а ты полчаса назад считал её суеверием и старшим не верил, будто такие тут действительно встречаются! Зато всякие сомнения отбило разом, как бабка отшептала, и ко всем другим суевериям Олег начал относиться куда более уважительно и внимательно.

Княжич повеселел. Всё-таки правильно заметил Рубцов, наследник был самолюбив, и, наверное, больше всего его сейчас угнетало не нападение как таковое, а то, что он сделать ничего не смог. И, может, ещё то, что чернявая пигалица лучше него держалась.

Управились они вовремя, аккуратно через пару минут опять застучали копыта, и к месту происшествия явилась подмога, сам глава Разбойного приказа с двумя подручными. Ну и то правильно, на наследника же напали, это абы кому не поручишь.

Вьюжина Олег сторонился, но уважал. Слишком много крови этот тип у него в своё время выпил, душу вынул, осмотрел и обратно вложил, зато Рубцов сумел на собственной шкуре оценить крепость хватки, хитрость, ум и изворотливость. Своё место Алексей Петрович занимал долго, сидел на нём крепко, и одно это о многом говорило, а дело делал старательно и честно, что подкупало. Олег вообще с особенным пиететом относился к людям, которые при большой власти за дело радели, а не только за личное благополучие.

Вьюжин с ходу схватил быка за рога и приставил людей к делу. Первый, не алатырник, взялся подробно расспрашивать княжича, самописное перо так и мелькало в пальцах. Рубцов мысленно похвалил себя, как вовремя встряхнул наследника: вряд ли в ином случае из этого разговора вышло бы что-то путное. На то, что девушек отправили во дворец, поворчал и сам Алексей Петрович, и его подручный, но без злости, с пониманием.

Второй же, костяной янтарь невеликой силы, но явно огромного опыта, начал с изучения трупов, которые по приказу Олега исторгла из себя земля. Копался он в них с таким живым интересом на лице, что воевода отстранённо порадовался пропущенному обеду.

Много времени осмотр не занял, и после алатырник взял след, что твоя ищейка. Воеводу Вьюжин на всякий случай отправил с ним в качестве силовой поддержки. Только далеко идти не пришлось, и помощь никакая не понадобилась. Лёжка нежити нашлась буквально в нескольких саженьях от тропы, за густыми кустами лещины, в заботливо очерченном на земле круге, отбивающем запах. А еще немного в отдалении нашлось место, где своё грязное дело совершал алатырник, поднявший мрунов.

– А это с нежитью всегда так? - любопытствовал Олег, с почтительного расстояния разглядывая рисунок на расчищенном участке земли, сделанный ножом или чем-то вроде. – Ни разу не видел, чтобы чары каких-то подобных ухищрений требовали, даже очень сильные.

– Да сила тут ни при чём, – отмахнулся сыщик, аккуратно собирая в бумажные кулёчки какие-то камни, перья, щепотки земли и прочий мусор. – Всё просто и про другое. Янтарь – камень чистый, живой, нежить ему глубоко противна. Если бы я взялся её упокоить, то сделал бы это почти как вы. То есть тонкости там свои, но обошёлся бы без такого вот творчества. А напрямую заставить янтарь поднимать нежить нельзя, не работает так его сила, вот и приходится подпорки городить, собственный дар обманывать.

Олег задумчиво покивал. Прежде ему доводилось сталкиваться только с нерукотворной нежитью, и про неё он знал довольно много. И про то, что её Топь поднимает, отторгая чуждые её магии человеческие тела, и про то, что болотники никогда нежитью не встают, и про то, что с животными такое случается исключительно редко, обычно с подачи южных соседей. Может, при нормальном обучении в школе и такую тонкость упомянули бы, но он с личным учителем занимался и только со своим янтарём ладить умел, про другие знал мало.

– И что, можно установить, кто здесь чаровал?

– В этот раз да, нетрудно. Я запомнил его янтарь и сразу пойму, только встретив. А чтобы не быть голословным, я вот и земельку для доказательства взял, она всё расскажет. И на кого тварей притравливали, тоже найдём, это не менее важно. Вот, полюбуйтесь. - Он с удовольствием показал лист бумаги, сложенный уголком, в котором лежало несколько длинных чёрных волос.

– Но это же не княжича, – растерянно пробормотал Олег.

– Занятный поворот, а? – подмигнул сыщик. – Пойдёмте-ка порадуем нашего боярина. Это большая удача, что вы оказались поблизости, управились с нежитью и колдуна спугнули. После того как нежить сделала своё дело, он бы тут всё затёр, и ничего бы мы не нашли.

Олег готов был поклясться, Вьюжина не удивило то, что жертвой нападения планировался не княжич, а некая обладательница длинных чёрных волос. Однако радовать занятого разговором наследника этой новостью он почему-то не поспешил, только кивнул, когда сыщик показал ему находку, и заметил задумчиво:

– Есть у меня на примете один ловкий малый, которого стоит проверить в первую очередь. – Потом добавил костяному янтарю еще несколько слов тишком, тот коротко кивнул, спешно вскочил на лошадь и с места пустил её в намет. – Думаю, здесь больше нечего делать, можем возвращаться.

Спорить никто не стал, и длинная процессия потянулась по тропе в сторону дворца. Впереди – княжич с Вьюжиным, следом Олег с Шариком, а дальше все остальные, ведущие лошадей в поводу. От предложения поехать верхом глава Разбойного приказа пренебрежительно отмахнулся, что спешить некуда, как раз пока дойдут, соберутся все нужные люди, а он, дескать, с удовольствием прогуляется и полюбуется красотами.

– Кто же на нас напал, Алексей Петрович? – спросил Дмитрий. Был он недоволен, хмур, но уже явно держал себя в руках.

– Немного терпения, княжич, скоро всё прояснится. Я, разумеется, прошу тебя присутствовать при разговоре с предполагаемыми злодеями. Я уверен, это окажет на них должное воздействие. И тебя, Олег Сергеевич, тоже. Особенно если вот с таким же лицом.

– Я могу ещё более зверское состроить, надо? – невозмутимо предложил тот.

– По обстоятельствам. – Вьюжин улыбнулся уголками губ. – А то ещё повязку снимешь и вообще аки Вий будешь.

– От меня не убудет.

Отказываться от предложения поучаствовать в представлении Олег не собирался: ведь такой замечательный способ удовлетворить любопытство и выяснить всё из первых рук! Он плохо знал нынешних придворных и потому довольно смутно представлял, кому за два дня

успела помешать чернявая алатырница, и сейчас мучился любопытством. И уже не пытался отмахнуться от понимания: вся эта история интересует его только потому, что связана с загадочной Алёной, окажись жертвой та же Ульяна, ему было бы наплевать.

Впрочем, если подумать, предположение находилось легко, на основании одного только здравого смысла: княжеский титул и наследство – отличный повод для ненависти со стороны тех, кому всё это богатство не досталось. Кто там, правда, ещё есть из наследников, Олег не знал, но был готов познакомиться. И заодно посмотреть на Вьюжина в деле, тот был весьма остроумен и умел работать красиво, а сейчас явно замыслил нечто этакое.

Ну и, чем леший не шутит, на Алёну тоже посмотреть хотелось, вряд ли разбираться с покушением на неё Алексей Петрович станет в её отсутствие. Правда, на чернявую хотелось бы смотреть в другом виде, но и в сарафане тоже неплохо.

Поймав себя на последней мысли, Олег не сдержал нервного смешка. Вот подтрунивал над ним княжич, и Озерца намедни тоже, и отгрызался он очень убеждённо. Но ведь правы оба, зацепила его эта девчонка, и крепко зацепила. Не такая она, как остальные здесь. Причём сейчас думал он не о чистой душе, ясном взгляде и том тепле, которое ощущал рядом, а о чём-то более общем и широком. Не хуже и не лучше, а словно степь с горами сравнивать. Вот уж точно хорунжий, из простых, боевая и серьёзная девушка. То ли соскучился он по таким за минувшие с войны годы, пока тут сиднем сидел, то ли...

– А ты, воевода, к слову, как сам-то здесь оказался? – Вьюжин бросил на него задумчивый взгляд через плечо.

– Плаваю я тут, - спокойно ответил Олег. Не был бы глава Разбойного приказа самим собой, если бы все мелочи не подмечал. – Под тройной ивой приятный заход в воду, с песочком, вот оттуда до Горелого острова и обратно, пока не надоест.

– Это почитай версты полторы будет? – прикинул боярин. – И быстро ли плаваешь?

– Не жалею, но в тот момент, о котором ты спрашиваешь, я как раз на берег вылез обсохнуть. А тут девка в крик, ну и Шарик встревожился, я не стал раздумывать, побежал. Ты меня в чём подозреваешь-то, Феликс Петрович? Сразу скажи, а то уж больно издалека зашёл.

– Подозревать тебя – дело неблагодарное, воевода. Какой из тебя заговорщик с такой дырявой памятью, что имя моё выучить не можешь? - вздохнул он с показной грустью, но и княжич, с интересом слушавший старших, и Олег могли поручиться, что боярин про себя посмеивался.

– Могу. Но не хочу, – возразил Рубцов. - Так честнее. Ну и Железный Феликс звучит всё-таки лучше, чем Железный Алекс.

– Имя-то какое чудное... Феликс, - не утерпел княжич.

– Хорошее имя. Значит «счастливый», - пояснил Олег.

– А почему непременно железный должен быть? - продолжил любопытствовать Дмитрий.

– Исключительно из большого уважения к твёрдости, надёжности и несгибаемости, – невозмутимо ответил Рубцов, а Вьюжин всё-таки рассмеялся.

Алексей Петрович прекрасно знал, о ком говорил Олег. Он вообще о первом княжеском воеводе знал не многим меньше, чем тот сам о себе мог вспомнить, разве что детством почти не интересовался. Вот как раз со времён того непродолжительного, но очень утомительного знакомства Олег и звал его Феликсом.

– Нет, воевода, ты точно не своё место занимаешь. Шёл бы ко мне в шуты, а?

– Благодарю покорно, для шуток у меня мозгов недостаточно. Тем более тебе одному почему-то смешно, мне вот перед княжичем немного стыдно.

– Так я и зову к себе, не к князю, – спокойно отозвался Вьюжин. – А княжич еще молод, у него иные забавы, что ему стариковы потехи? А вот до моих лет доживёт – начнёт ценить этикие мелочи.

ГЛАВА 8. Княжеское внимание

Всю дорогу Алёна тревожно поглядывала на Ульяну, ожидая то ли слёз, то ли криков. Та цепко держалась обеими руками за пояс всадника, шмыгала носом и неподвижно смотрела прямо перед собой, натянутая как тетива, и казалось – вот-вот сорвётся. Боярышня, совсем не готовая к таким приключениям, здорово перепугалась на тропинке, да и потом посыпались потрясения – вроде и поменьше, но успокоиться не получалось. То явление почти голого мужчины, тоже удар для добропорядочной девицы, теперь вот приходилось трястись на лошадином крупе... Она вообще верхом-то хоть когда-нибудь сидела?!

Но до дворца доехали без новых происшествий. Алёна соскочила с лошадиной спины сама, «её» дружинник помог спуститься Ульяне. Потом алатырница коротко поблагодарила мужчин, подхватила словно замороженную боярышню под локоть и быстрым шагом повела ко дворцу. Вяткина не сопротивлялась, плелась нога за ногу, и Алёну это уже пугало.

И Степаниду напугало, когда девушки появились на пороге.

– Матушка помилуй! – всполошилась она и кинулась к Ульяне, обхватила ту за плечи, потащила к скамье. - Что у вас стряслось?!

Алёна посторонилась, глядя на рыжую с надеждой. Она же зелёный янтарь, и пусть не целительница, но вдруг сумеет привести Ульяну в чувство? Или хоть скажет, где здесь лекаря искать и надо ли вообще.

– На тропе нежить напала. Задеть никого не задела, но она перепугалась очень. Нас спасли, там случайно сильный алатырник рядом оказался, – пояснила она.

– Хорошо. Кликни кого-нибудь, пусть взвара подадут травяного, вечернего, с пряниками или чем-нибудь ещё сладким.

Спорить Алёна не стала. Пока нашла служанку, пока объяснила, что и кому надо, – минут пять на это ушло. Вернувшись же, обнаружила Ульяну горько рыдающей на плече Стеша. Взволнованно шагнула ближе, хотя слёзы пугали куда меньше, чем прежнее оцепенение. Рыжая в ответ махнула рукой, веля сесть и не маячить.

Продолжая рыдать, боярышня торопливо и сбивчиво заговорила, вываливая на Степаниду подробности происшествия, Алёна дополнила сумбурный рассказ известием о том, что к месту драки намеревались позвать кого-то из Разбойного приказа. Вот и вышел, считай, подробный доклад о происшествии, от которого Стеша совсем успокоилась: всё закончилось хорошо, да и ладно, а остальное не её забота.

Потом и слуга с подносом подоспел, и еще через четверть часа боярышня окончательно успокоилась. Нос распух, глаза покраснели, но зато взгляд стал ясным и живым.

– Ты, Алёна, такая смелая! Ужас! Не знаю, как я не обмерла вовсе при виде этих образин, - проговорила Ульяна, обнимая ладонями кружку с горячим чаем, словно у неё озябли руки. – А ты так спокойно держалась, удивительно...

– Мы уединённо жили, всякое бывало, вот и наловчилась за себя стоять. Не всегда можно ждать помощи, – нашлась алатырница.

– Вам бы умыться пойти, ваша милость, а то всё лицо красное, - мягко вмешалась Степанида. Ульяна всполошилась и поспешила в мыльню, а Стеша, только того и ждавшая, обратилась к Алёне: – Хорошо, ей такая сказочка сойдёт. Что воеводе врать будешь, придумала? И княжичу с бояричем.

– Да то же самое, вряд ли они многое заметить успели. Если успели... Скажу, тот же конюх и научил, что в седло меня усадил, – легко отмахнулась алатырница. На самом деле, что говорить воеводе, она еще не придумала, но Степанида в этом деле помощницей не была.

– Ты помнишь, к слову, что Озерица через четыре дня? – пожав плечами в ответ, рыжая перескочила совсем на другое.

– Так скоро? – растерялась Алёна, которая и о празднике, и об оставшемся до него времени успела за всеми последними событиями забыть. – Да и Матушка с ней, – решила с неодобрением в голосе. Всё одно тут скучно будет, никакого веселья, никаких гуляний настоящих.

– И что, даже сарафан глянуть не хочешь, к этому приготовленный? – лукаво стрельнула глазами Степанида.

– А у меня есть сарафан специально для этого? - удивилась алатырница. Науку старой княгини о разных платьях она помнила, но совсем не подумала озаботиться праздничным нарядом. Хорошо,

Стеша была предусмотрительней. – А как вышло, что я его ещё не видела?

– Его только сегодня закончили и прислали, это ж тебе не рубаху мужицкую кроить, работа тонкая, шитья много. Красота получилась невероятная! Но я его тебе сейчас не покажу, всё одно от Вьюжина скоро придут! – Степанида, дразнясь, показала язык.

Только Алёна на дурачество это не повелась, лишь кивнула коротко и спросила серьёзно, задумчиво глядя на рыжую:

– Стеша, а сколько тебе лет? И кто ты вообще такая?

Та лишь загадочно улыбнулась, а когда молчание затянулось, от ответа её спасла вернувшаяся Ульяна, стало не до откровенного разговора. Боярышня всё вспоминала стычку с мрунами и переживала, алатырницы на два голоса заверяли её, что Разбойный приказ во всём разберётся и поймает того, кто такое во дворце вытворять взялся. За этим бесконечным разговором они успели выпить душистый взвар с крепким запахом мяты. А потом и вовсе, как предрекала Степанида, явился посланец от Вьюжина и с поклоном попросил пройти за ним.

Алёна не сомневалась, что Алексей Петрович зовёт их для того, чтобы выслушать рассказ о происшествии. На тропе ещё оставались Владислав и наследник, которые всё видели и рассказали то, что смогли, но вряд ли Вьюжин этим удовлетворился бы. Тут гораздо разумнее со всеми потолковать, мало ли кто что успел заметить, и вряд ли глава Разбойного приказа этого не понимал. Ещё она могла ждать от Алексея Петровича выговора, если, по его мнению, повела себя в момент нападения как-то неправильно.

Не угадала ни с первым, ни со вторым, потому что привели их в большую светлую горницу, где было неожиданно много народу: и все, кто был в лесу, включая воеводу, и сам Вьюжин, и двое незнакомцев, и совсем уж неожиданно – тётка Лизавета с сыном. Она сидела посреди скамьи у стены, угрюмо набычившись, Афанасий рядом выглядел бледным, напуганным и жалким. Тётка хлестнула молодую княгиню злым взглядом и надменно отвернулась.

Княжич восседал в отдельно возвышавшемся резном кресле, как на престоле, с видом немного величественным и довольным. Вьюжин стоял у окна, сцепив за спиной руки.

Если учесть таланты двоюродного брата, сложить один и один оказалось легко, а вот поверить в правильность предположения –

трудно, даже несмотря на то, что именно душегуба на Алёну и ловили. Афанасий не выглядел способным на такое и уж тем более на то, чтобы убить князя Краснова. Да и Лизавета тоже, хоть и злая баба, но неужели именно она всё это устроила?

– А вот и наши красавицы! – Вьюжин широко, но одними губами улыбнулся вошедшим, отчего у Алёны засосало под ложечкой. Алатырница понимала, что боярин ей сейчас не враг, но с такой гримасой на лице, похожей на плохую маску, он был пострашнее мрунов. – Садитесь, садитесь, не стойте, голубушки, и без того натерпелись. Не следовало бы вас беспокоить, но хочется разобраться в присутствии всех причастных. У нас здесь не судилище, но первый наследник светлый княжич Дмитрий Ярославович сумеет рассудить не хуже батюшки. – Боярин поклонился «престолу», а княжич довольно приосанился и кивнул. – Встаньте, Афанасий Андреевич.

Тот замешкался, потерянно поглядел на мать.

– По какому такому праву... – важно поднявшись, начала та, но Вьюжин оборвал:

– А вы сядьте, Лизавета Никитична. Вы ещё получите слово, когда за себя ответ держать станете.

Алёна была уверена, что увещание это, сказанное негромко и ровно, на крикливую тётку не подействует. Однако пугал Вьюжин, кажется, не только непривычную к нему Алёну, на других его взгляд действовал не хуже. Лизавета неожиданно умолкла, побледнела, вся как-то сжалась, словно стала меньше ростом, и тихонько осела на лавку.

– Афанасий Андреевич, – повторил боярин.

Молодой алатырник медленно поднялся. Губы его дрожали, будто он едва сдерживался от слёз, но руки сжались в кулаки, плечи приподнялись и ссутулились – Афанасий словно готовился броситься в драку или принимать удар.

– Вот, ваша светлость, полюбуйтесь, – размеренно заговорил Вьюжин, обращаясь к княжичу. – Именно так нынче выглядят изменники и предатели. Сын старого боярского рода, редкого дара алатырник, с образованием, всё есть, что сердцу любо. Знай себе науки постигай, с девицами под луной гуляй да молодости радуйся. Но нет же, не любя спокойная жизнь...

Алёна всё это время внимательно наблюдала за Алексеем Петровичем и немного за его жертвой, которая к концу короткой отповеди нервно втянула голову в плечи и уткнулась взглядом в пол, опустив залитое краской лицо. Но в какой-то момент осмотрела остальных и задержалась на княжиче, удивлённая случившейся с ним переменой. Только что Дмитрий сидел, распушив перья, что твой петух, улыбался довольно, и вдруг – насупился, посмурнел, глядит напряжённо, тревожно. Только теперь понял, что его убить пытались, и поверить в это не может?

Хотя тут Алёна его понимала, она тоже удивилась речи боярина. Увидев здесь Лизавету, она уверилась, что хитрость Вьюжина удалась в полной мере и ровно так, как планировалось, и мысль о покушении на княжича даже в голову не пришла. Но глава Разбойного приказа был так уверен, так явственно сердит...

– Ваша светлость, за покушение на великого князя, равно же его супругу и детей, что полагается по закону? Как и за посягательство на княжеский престол.

– Смерть, – резко ответил Дмитрий, напряжённым взглядом буравя и без того поникшего Афанасия.

– Что же вас подтолкнуло к этому поступку, Афанасий Андреевич?

– Матушка велели, – едва слышно пробормотал тот.

– Ба! Так тут целый заговор? – протянул боярин.

– Не губи, батюшка! – Лизавета не выдержала, сорвалась с места, бросилась к княжичу. Едва не налетела на заступившего дорогу Вьюжина, от которого на всю горницу потянуло холодом, рухнула на колени перед ним и заголосила, цепляясь за полы кафтана и хватая за руки. – Не губи, благодетель! Не знали мы, что там княжич будет! Девку гулящую, дрянь паршивую извести хотела, чтоб её нежить пожрала, чтоб имя брата мерзавка не пятнала, да! Не знала, что надёжа наш княжич светлый рядом окажется! Матушкой клянусь, жизнью своей клянусь, не замышляла ничего против князя! Назвал бы его светлость дядьку наследником – приняла бы со смирением, но шавка же подзаборная! Не губи, батюшка! – Она вовсе упала Вьюжину лбом в ноги.

Алексея Петровича вопли не тронули. Он стоял неподвижно, смотрел равнодушно, с какой-то отстранённостью, будто слушал

скучнейший и ненужный ему доклад. Унять и поднять женщину не пытался, только отступил, брезгливо поджав губы, когда та потянулась к его сапогам.

– Значит, считаешь, сын твой больше княжеского места достоин, да, Лизавета?

– Достойн, батюшка, жизнью клянусь. Уж он и умница, уж он и...

– Клятвами не бросайся, дура, – отмахнулся Вьюжин, поднял взгляд на Афанасия, который и так готов был провалиться сквозь землю от стыда. – Князь! – сказал как сплюнул. – Двадцать лет, всё за мамкину юбку держишься. Что ж ты с этим княжеством делать-то будешь? Ну уездом за тебя мамаша править, положим, худо-бедно сумеет. А наследника тоже она за тебя жене твоей делать будет? А то ж дитятя маленький совсем, не справится!

– Да мне и даром оно не нужно, княжество это! – вспыхнул тот, мазнул злым взглядом не то по боярину, не то по матери. – Провались оно пропадом! Кой леший дядьку без детей побрал, так всё хорошо было!.. – пробормотал в повисшей тишине и окончательно стушевался.

– Княжество, значит, не надо. А чего же ты хочешь тогда? – спросил Вьюжин спокойным, без малого ласковым голосом.

– С нежитью бороться, – буркнул себе под нос Чесноков, не поднимая глаз.

– Борец выискался! – взвилась его мать. – Да у тебя же...

– Цыц! – одёрнул её боярин. – Ты что могла сказала и сделала, дай вот... князю высказаться. Хоть раз в жизни.

– Батюшка, так мальчишка же ещё совсем, несмышлёныш. Не губи-и! – вновь завыла Лизавета, переступила коленями по полу, кажется пытаюсь поймать и облобызать боярину сапог.

Вьюжин опять соорудил брезгливую гримасу, уклонился и оборвал вой холодным, недобрый голосом:

– Однако князь из него, по твоему мнению, получится хороший. Или всё же не о нём хлопотала, а о собственной жадности? – продолжил раздумчиво, глядя на женщину сверху вниз с нескрываемым отвращением. Потом задумчиво посмотрел на красно-белого, пятнами, Афанасия. – Значит, с нежитью... Я похлопочу перед князем, что ты желаешь вину кровью искупить. Всяко лучше острога, верно?

– Батюшка! – ахнула Лизавета. – Какой же острог, коли мы...

– Ты княгиню пыталась убить и в том сейчас созналась, - холодно возразил боярин. – Да и без признания твоего всё ясно было, наследили вы по дури изрядно. Что ты там себе думаешь о той княгине – дело твоё, однако великий князь своё слово сказал. Али ты считаешь, будто Ярослав дурак и не знает, что делает? За сына твоего я похлопочу, дар у него ценный, может, выйдет что путное. А ты... Князь милостив, молись о ссылке. Но, будь уверена, подальше от сына.

И как живо, радостно вскинулся на этих словах Афанасий! Словно ему не ссылку предложили, а исполнение самой заветной мечты в жизни.

Алёна сочувственно покачала головой и вновь с теплотой и благодарностью вспомнила бабушку и деда. И хоть от первой порой доставалось тряпкой по рукам, а от второго – ремнём по седалищу, но за дело. А как еще управиться с оравой неслухов, из которых добрая половина с янтарём в крови, да ещё многие с горячим, жёлтым? Оба дядьки, мамины братья, несли тогда службу на разных заставах, и единственным в большом доме взрослым мужчиной, способным приложить руку к воспитанию детворы, был дед. И управлялся как-то со всеми двенадцатью, и вот до такого ни с кем не дошло, чтобы с такой злостью на него дети и внуки глядели. А может, потому и не доходил никто, что было их много, тут же – единственный наследник, свет в оконце...

Закончив на этом неожиданное судилище, Вьюжин по-простому прошёл к двери и толкнул её.

– Стража!

Те караулили поблизости, поэтому в горницу сразу вошли трое. Несколько коротких распоряжений, и народу заметно поубавилось – увели тётку с сыном, ушли двое незнакомцев, так и не названные. Княжич сидел на своём месте странно задумчивый, мрачный, неподвижный, будто бы даже сердитый, он не заметил, как вывели Чесноковых, как засобирались остальные.

А Вьюжин, закончив с распоряжениями, невозмутимо подошёл к алатырнице.

– Пойдёмте, Алёна Ивановна.

– Куда? – растерялась она.

Беспомощно глянула на Ульяну, зацепилась взглядом за замершего в стороне воеводу, и сердце подскочило к горлу, затрепетало в

непонятном восторге. Рубцов держал в руке её сложенный платок, но , поймав взгляд, едва заметно улыбнулся, качнул головой и выразительно завёл руку за спину. Отдавать вещь просто так, походя, при свидетелях он явно не собирался, о чём недвусмысленно сообщал сейчас.

– К князю, конечно. Ему интересно будет услышать о ваших приключениях.

– Моих? – продолжила недоумевать алатырница. - Но ведь я была не одна...

– Однако убить намеревались именно вас. Идёмте. – Вьюжин выразительно поманил рукой и двинулся в сторону выхода. Ничего не осталось, кроме как последовать за ним.

– Алексей Петрович, а можно спросить? – через десяток шагов заговорила Алёна, рассудив, что за спрос не бьют, а если она даже не попробует – потом будет маяться от любопытства. Вьюжин бросил на неё задумчивый взгляд и кивнул. – А зачем вот это всё было? Вы же и так знали, что это сделал он и чего именно он хотел добиться. Ну, что Афанасий не покушался на княжича.

– А на что походило? – уголками губ улыбнулся глава Разбойного приказа, хотя глаза опять оставались холодными. Кажется , по-другому просто не умел.

– На скоморошьё представление, – честно ответила Алёна и слегка втянула голову в плечи, ожидая отповеди за нахальство.

Но Вьюжин только явственнее улыбнулся.

– Близко, - кивнул он. – А зачем скоморохи свои потехи показывают?

– Чтобы люди развлекались и деньги платили.

– Так! – чему-то еще больше обрадовался Вьюжин. - Вот и я зрителей собрал, чтобы потешились,и выгоду кой-какую получил. Лизавета – баба наглая, изворотливая, с ней одной разговаривать – мучение. Торговаться бы стала как на базаре, громче всех вопила , а при людях вон наглости-то в ней поубавилось. Князь бы такое развлечение устроить не позволил, сразу имений лишил да сослал бы обоих подальше, а вместе их послать – окончательно дар загубить. Дмитрий же хоть и молодой совсем, зелёный, но на своём месте посидел с пользой. Может, и с Ярославом бы вышло договориться, но дольше возиться пришлось.

Разъяснял он с явной охотой, и Алёна поймала себя на том, что слушает с живым интересом и даже как будто меньше боится Вьюжина. Всё же и он бывает человечным, когда говорит о том, чем увлечён. А дело своё, видать, пуще всего прочего любит.

– Значит, всё потому, что вы хотели дать Афанасию возможность исправиться? - уточнила Алёна.

– Пожалуй. Он и вправду редкого дара отрок, жаль такой ценный янтарь терять и разменивать попусту.

– Но моего отца всё же не они с тёткой убили, да? – продолжила она расспрашивать, осмелев.

– Не они, это точно. Теперь нужно убедить в этом князя.

– Я вам для этого нужна? - спросила Алёна осторожно.

– Не только. Князь наш девок красивых любит...

– Да вы в своём ли уме?! – взвилась она от такого прямого намёка.

– Ишь, гордая какая! – Вьюжин не обиделся, улыбнулся насмешливо. - Не ори как ушибленная, никто тебе ничего эдакого не предлагает. Ему нынче всё одно не до тебя, - неодобрительно скривился он, но странного утверждения не пояснил, а продолжил: – Но при тебе Ярослав сдержится, помягче будет и выслушает спокойней. Да и хотел он на тебя без лишних людей глянуть, любопытно ему, вот и совместим. Ты только помалкивай больше и на рожон не лезь.

Слова эти немного успокоили, но желание расспрашивать дальше отбили, так что остаток пути прошёл в молчании. Да и недалеко уже оставалось идти, как оказалось. Они миновали небольшой полутёмный закуток, где стояла пара лавок и пустой стол – ни стражи никакой, ни дьяков поблизости не было. Вьюжин постучал в одинокую, ничем не примечательную дверь, выждал пару мгновений и толкнул её, запросто вошёл.

Алёна хоть и услышала слова боярина про «посмотреть без лишних людей», но всё равно не подумала о том, что всё так буквально. В обыкновенной горнице, небольшой и очень светлой, отделанной медового цвета деревом и расписанной солнцами, Ярослав был один. В простой, почти без вышивки, рубахе из белого льна, без кафтана и посоха, он казался совсем другим, не похожим на себя самого; и не скажешь, что великий князь, больше на сотника похож.

Он сидел за столом над какой-то огромной старой книгой, внушающей уважение тяжёлым кожаным переплётом и пергаментными страницами, покрытыми вычурными рукописными буквами с красивыми завитками. Недовольно поджал губы, увидев посетителей, но ругаться не стал, смерил Алёну оценивающим взглядом и спросил у Вьюжина с усталым вздохом:

– С чем пожаловал? Неужели другого времени не нашёл княгиню показать?

– Происшествие у нас тут, рассказать хочу, пока глупостей каких кто не донёс, – сообщил Вьюжин, без приглашения устраиваясь через стол от князя, и махнул рукой алатырнице, веля тоже сесть рядом.

И вскоре Алёна поняла, что очередная хитрость боярина удалась. Когда глава Разбойного приказа принялся рассказывать о том, как он разобрался с преступниками, князь недовольно нахмурился, зло скрипнул зубами, но глянул на алатырницу и смолчал, только резко поднялся с места и отошёл к открытому окну. Алёна тоже было дёрнулась, чтобы вскочить на ноги, всё-таки при правителе сидеть не положено, но Вьюжин молча удержал её за плечо.

– А ты уж всё решил, да? – задумчиво спросил Ярослав, когда Вьюжин кончил рассказ. – Уже и суд от моего имени провёл, и место ссылки для Чесноковых обоих присмотрел! Что бы она ни хотела, а на сына моего покушалась, – князь недовольно качнул головой, испытующе глядя на боярина. – По Чесноковой, между прочим, давно если не топор, то плётка плачет. Ещё с тех пор, как она мужа своего уморила.

– Суров ты больно, княже. Муж её к бутылке пристрастился задолго до женитьбы, – возразил Вьюжин. – Лизавета – баба вздорная, но под её рукой Чесноков куда дольше прожил, чем мог бы без, по миру не пошёл. И хозяйка она, что ни говори, крепкая, поместье мужнино из лучших в уезде будет.

– Ты ещё скажи, что её помиловать надо! И поблагодарить, – недовольно скривился князь. – Про мальчика её согласен, глядишь и выйдет толк без её власти, кровью искупит свою глупость. Кровь не водица, возьмёт верх Красновская порода. А с мамашей его лобызаться – уволь. Твоя рачительность порой чрезмерна. Отчего ты уверен, что не она Ивана угробила?

– Да будь у неё на примете надёжный человек, нешто стала бы она единственного сына в убийство впутывать? – рассудительно возразил Вьюжин. – А он, если бы пошёл князя убивать, то только тем же способом, каким сейчас с Алёной Ивановной пытался покончить, по голове бить – это не про него.

– Беспокойный ты человек, Алексей! – вздохнул князь и вернулся на место, явно взяв себя в руки. – Вот же тебе готовый злодей, хватай да радуйся, нет, всё что-то копает. И девицу бы домой отпустил, а то чахнет ведь, – усмехнулся он. – А, Алёна? Не по нраву тебе мой дворец.

– Почему вы так решили? – не сдалась так сразу алатырница, но смущённо опустила взгляд.

– Да уж знаю, что у меня под носом происходит, – отмахнулся он со странной усмешкой.

– Нам злодея изловить надо или абы кого вздёрнуть? – спросил Вьюжин о своём. – Так я тебе хоть сейчас пяток душегубов найду. Сам сроку месяц дал, а теперь...

– Так я слова и не забираю, охота – лови. Только кого же ты теперь ловить станешь? Один Краснов остался, смотри, доиграешься, что и впрямь придётся этой девчонке на княжество садиться. – Он едва заметно усмехнулся, когда Алёна на этих словах испуганно вскинулась.

– Есть у меня одна мыслишка, – увильнул боярин. – Дозволь, княже, всё как задумано сделать.

– Матушка с тобой. Лизавету пока в острог отправь, посидит с крысами, глядишь, нрав смирит, я подумаю, как её уму-разуму поучить. А сына Чеснокова забирай, коль он так тебе глянулся, что ты ради него этак извернулся.

– Ты, княже, скажи ещё, что это я его мамаше в голову мысль вложил, что от княгини новой избавиться надо! – почти искренне возмутился Вьюжин.

– Не скажу, – отозвался тот со смешком и внимательно посмотрел на девушку. – Ну так что, Алёна Ивановна? Не по душе тебе дворец и место княгини? Да говори, я же сам спрашиваю. Что тебе Вьюжин такое про меня наплёл, что ты ни жива ни мертва сидишь? – усмехнулся князь. Улыбка у него оказалась хорошая, светлая и живая, гораздо приятнее, чем у боярина.

– Предостерёг, чтобы глупостей не болтала и в чужой разговор не лезла, – сказала Алёна честно. Немного замешкалась перед следующим ответом, но всё же и тут лукавить не стала: – Не по душе, ваша светлость. Мне моя служба по сердцу,и, когда Алексей Петрович поймает злодея, я бы очень хотела на заставу вернуться.

– Небось, и возлюбленный есть? Парни-то на заставе хороши? – продолжил допытываться он.

– Парни хороши, да никто не глянулся пока, – заверила Алёна.

Но опять опустила взгляд, потому что воевода Рубцов встал перед глазами как живой и словно въяве ощутила на плечах тепло больших ладоней.

– Нехорошо князю врать, - со смешком укорил Ярослав. А потом вдруг посерьёзней и спросил строже: – Ты, надеюсь, не на княжича глаз положила?

– Нет, что вы, ваша светлость! – Алатырница испуганно встрепенулась. - Нет, я... другого люблю, - созналась тихо, смущённо. – Я давно его знаю, и мне он люб,да только вряд ли я ему по сердцу.

У девушки непроизвольно вырвался слабый горький вздох, и князь смягчился. А Вьюжин наблюдал за разговором с живым интересом и чему-то едва заметно улыбался.

– Это хорошо. А то у княжича и так одни кони да игрища воинские на уме, не хватало ему ещё девицей такой же увлечься, – сказал Ярослав доверительно. - Вот как его к наукам счётным, дельным приучить?

– Я тебе, княже,давно говорил: пошли его на границу, хлебнёт службы полной ложкой – глядишь, за ум возьмётся, – сказал Вьюжин вкрадчиво, осторожно, куда мягче, чем прежде.

– Вот ещё вздумал. Это игрушки, что ли? Не для того столько людей надрывались и жизнью рисковали, чтобы княжич дурь свою тешил, и довольно об этом, – раздражённо отмахнулся Ярослав явно не в первый раз и опять обратился к Алёне: – Я рад, что ты достаточно разумна и не лезешь выше головы. Отслужишь тут оговорённый срок, а там Вьюжин убийцу поймает или поражение признает,и домой отправишься с чистой душой. Неволить не стану, обещаю. Ступай, мне с боярином еще парой слов перемолвиться надо.

– Благодарю, ваша светлость! – Алёна не заставила себя упрашивать и поспешила откланяться.

Выйдя за дверь, девушка глубоко вздохнула и медленно пошла в сторону женской половины, переводя дух. Разговора с князем она побаивалась и сейчас радовалась, что всё обошлось, что сам Ярослав оказался куда человечней, чем представлялось, а данное им обещание и вовсе согрело душу. Подозревать его в лицемерии у Алёны повода не было, так что о будущем своём она перестала беспокоиться и вместо тревожных мыслей о княжеской доле попыталась угадать планы Вьюжина.

Наследник остался один, и Алёне не верилось, что именно на него боярин расставляет ловушку. Но если нет, то на кого? Кому еще мог помешать князь? Вороватого управляющего за руку поймал, нагрянув без предупреждения? Или вовсе его случайные грабители пристукнули? Или какие-нибудь давние враги воспользовались случаем? Он же был богат, а где деньги – там всегда желающие их заполучить.

Всё это звучало правдоподобно и, наверное, могло быть, но не объясняло главного для алатырницы: зачем выдавать её за княгиню теперь? Поначалу, когда Вьюжин с ней разговаривал во вдовьем доме, слова его звучали разумно и план казался простым и понятным. А теперь-то зачем продолжать? И вот на этот вопрос ответа не было вовсе.

Алёна училась на боевого алатырника, и училась не только тому, что касалось янтаря, чар и всевозможной нечисти и нежити, с которой могла столкнуться служба, но и неколдовским воинским премудростям, в числе прочего – всевозможным хитростям и уловкам, призванным запутать и загубить противника без потерь. Большинство таких приёмов были придуманы против болотников, но кое-что и против нечисти помогало. А самое главное, наставники пытались научить молодых алатырников правильно думать и развивать смекалку.

Только вот Алёна никогда не любила эти уроки, потому что давались они с трудом. Не умела она загадывать, хитрить и плести сложные сети. Уважала тех военачальников, кто на такое был способен, понимала важность подобных умений, любила весёлого старичка-наставника, который постоянно сыпал прибаутками вроде любимой присказки «загад смекалкой горазд»: мол, как бы хорошо ты ни продумал какое-то дело, непременно что-то пойдёт не так, и расчёт твой хорош только тогда, когда он легко правится и подстраивается под

новые обстоятельства. Еманова искренне восхищалась теми, кто умел применять эту мудрость к делу, но никак не могла освоить сама. Было проще сразу принять, что выше сотника ей не подняться, чем научиться.

Да и не собиралась она, если честно, всю жизнь связывать со службой, и зачем жилы рвать на нелюбимом и не таком уж нужном деле? Лет десять: обязательные пять лет после учёбы, потом ещё пять за деньги, пограничников князь не обижал, а там можно и замуж, и хозяйство, и детей.

Но то она. А вот Вьюжин наверняка владел искусством хитрить и продумывать сложные планы в совершенстве и, кажется, очень это дело любил. Алатырница нутром чуяла, что у него не просто мыслишка есть, о чём он князю говорил, а уже почти уверенность. Только, наверное, доказать не может или за руку схватить хочет. Но понять его замысел не могла, как ни старалась.

Может, и правда вдова в этом замешана, раз больше всё равно никто в голову не приходит? Но чем ей вдруг муж помешал и почему нельзя было потерпеть, пока понесёт? С любовником поймал? Но как и когда, если Светлана оставалась во время его отъезда во дворце?.. Если Краснов был крутого нрава, то мог и бить, и мучить жену, и то, что она говорила про его заботу, вполне могло быть ложью. Но всё равно непонятно как и когда, если она во дворце оставалась?! Таких негодяев убивают обычно в горячке, защищаясь, но не вот так. Да и на доведённую до отчаянья жертву вдова совсем не походила.

Пока дошла до покоев, успела все свои придумки раскритиковать и отбросить, оставшись под конец с носом. В горнице Степанида не преминула насесть с расспросами, и Алёна вкратце всё пересказала, не видя причин скрывать, а после сама попробовала добиться ответов на вопросы и услышать хоть что-то о планах главы Разбойного приказа от той, что наверняка знала больше.

– Стеша, но ты ведь понимаешь, чего Вьюжин хочет. Кого он подозревает? Зачем я ему теперь? Я уж голову сломала, ничего путного не придумывается.

– Да Матушка его знает! Он же скрытный, - рассеянно отмахнулась Степанида. – Конечно, после такого Краснов-старший, даже если племянника убил, вряд ли против тебя пойдёт, он неглуп и не настолько самонадеян. Разве что кто-то из его детей по молодости-

глупости. Да ты не волнуйся, Алексей Петрович ничего просто так не делает, это ясно, и если решил оставить тебя княгиней – что-то придумал.

– То есть ты не расскажешь? – вздохнула Алёна, и рыжая в ответ рассмеялась.

– Ну ладно, ладно! Верно говоришь, в самом деле кое-что знаю. Но не расскажу, чтобы ты ничего не испортила. Могу поклясться, что он ничего дурного тебе не сделает. Да и вообще, ты у него сейчас больше про запас, на всякий случай, он на других людей и другие дела рассчитывает.

– Мне-то ладно дурного не сделает, тут главное, чтобы он вообще чего плохого не замыслил, – проворчала алатырница. – Против великого князя, например.

– Об этом точно не волнуйся! – Предположение вызвало у Степаниды новую вспышку веселья. – Уж в этом его подозревать последнее дело, Ярославу нашему Вьюжин предан с потрохами. Вот что, не кручинься ты, а иди-ка умойся, да к ужину переодеваться будем, а то ещё опоздаешь. Тебе ещё девочку эту, Ульяну, с собой взять надо, ей одной оставаться пока не стоит, среди народа лучше будет.

– Что с ней? – помрачнела Алёна.

– Ничего такого уж страшного, просто перепугалась здорово. Она уже бы получше себя чувствовала, но её ещё что-то гнетёт, вот и сложилось. Я в душу не полезла, что это – не знаю, но видно.

Алатырница только понимающе кивнула в ответ, а говорить о том, что у Ульяны имеется какой-то тайный сердечный интерес, не стала. На то он и тайный, чтобы не молоть языком, всё равно ничего не изменится и никому не станет лучше, если Степанида узнает.

Ульяна к приходу Алёны успела принарядиться, очень тщательно причесаться, надеть красивое очелье, расшитое мелким речным жемчугом. Была она при этом хмурой, расстроенной, на вопросы отвечала невпопад – наверное, это было то самое, о чём предупреждала Степанида, сказывались последствия испуга вместе с сердечной тоской. Вскоре алатырница отчаялась растормошить спутницу и оставила в покое, так что в нужную трапезную они вошли в тягостном молчании.

Озёрная зала была немного больше виденных Алёной во дворце прежде и, наверное, самой красивой. Синий, голубой, белый и тёмное

серебро – стены, частью расписанные , а частью выложенные тщательно подобранным камнем, хотелось разглядывать, не отвлекаясь на остальное. Казалось, что всё в комнате находится под водой, ощущение это усиливали искусно нарисованные на сводах морские чудовища и висящие под потолком серебристые рыбки, каждая из которых держала во рту светец.

Столы тут стояли буквой П, вместо скамей имелись стулья без подлокотников и с резными спинками, но гости не спешили рассаживаться. Звучал смех, оживлённые разговоры. Сильнее всего радовалась молодёжь, девицы из княгининой свиты старательно пользовались случаем и наслаждались обществом мужчин. Молодых парней тоже было немало – кажется, друзья княжича.

Один из кружков собрался возле наследника. Он тоже казался отстранённым, и хотя улыбался окружающим, но не в такт, и почти не слушал красавицу Людмилу, которая что-то ему рассказывала. Алёну он заметил, приветливо улыбнулся и кивнул, улыбнулся и Владислав, который стоял с ним рядом и по своему обыкновению помалкивал. Он вообще понравился Алёне основательностью и немногословием, которое шло явно не от отсутствия ума.

Но понравился и понравился, ей вообще много кто нравился. Только всё равно взгляд невольно пробежался по лицам, безрезультатно отыскивая то самое. Часть мужчин, которые постарше, сидела у стола, часть – равно как молодёжь, собралась в кружки по интересам, многие были с жёнами.

– Алёна, идите к нам! – окликнул её княжич, и повода отказаться не нашлось, не стоять же столбами посреди залы. - Вот, новая княгиня Краснова, - представил он её окружающим, и от алатырницы не укрылся злой взгляд, каким смерила её прерванная княжичем Людмила. - Самая храбрая девушка, какую я когда-либо видел. А уж как она в седле держится – залюбуешься!

– Да брось, захвалишь, - неодобрительно проговорила Алёна в ответ. Не подумала она, что княжич станет болтать о её умениях, да ещё с таким искренним удовольствием.

– И впрямь залюбуешься, – похвалил один из парней, статный красавец с густыми чёрными волосами, собранными в хвост, и холодной улыбкой. На вид он был постарше княжича, лет двадцати пяти – сильный, жилистый. Обвёл Алёну взглядом, от которого янтарь

в крови полыхнул злостью, насилиу сдержала. – Я бы на своём жеребце покатал.

Алатырница не ждала от друзей княжича такой грубости и замерла, не найдясь с ответом: то, что рвалось с языка, сдержала, помня, где находится, а вот как на такое положено княгине отвечать?

А Дмитрий словно и не заметил двусмыслицы, улыбнулся легко и весело.

– Да вот на Уголька и посадим, он же тоже твоих конюшен. Василий – сын Василия Сафронова, ты не могла не слышать, их конезавод в Озёрном уезде лучший в Белогорье.

– Слышала, как же, – медленно кивнула алатырница, порадовавшись такой подсказке. И хотя вороным княжича тоже любовалась, но смолчать не могла. – Статью сафроновские кони из лучших, да только нагайки вечно просят.

– А ты с норовистыми не справляешься? – ухмыльнулся Василий.

– Норов от огня бывает, как у рыжих степняков, а у сафроновских – от дури и трусости. Конь в первую очередь надёжным другом должен быть и верным помощником, а красоваться перед девицами изгибом шеи да лёгкостью ног – невелики достоинства.

– Это ты с Угольком не знакома! – явно обиделся за своего любимца княжич. – Вот завтра и попробуешь! Он знаешь какой?..

– Ну ладно, будет вам про лошадей! – капризно надула губы Людмила, разглядывая Алёну со странным блеском в глазах – небось задумала что-то. – Неужто других интересных вещей нет? Например, Митя так и не сказал, отчего его батюшка вдруг решил вечерку тут собрать.

– Да почём я знаю? – недовольно отмахнулся княжич. – Экая важность, решил и решил. Будто он передо мной отчитывается.

– Может быть, просто захотел провести вечер с женой? – неуверенно предположила Алёна и осеклась, уж больно странное действие возымели эти слова.

Ульяна, стоявшая рядом тихо, словно тень, цепко сжала локоть алатырницы, хотя лицо её осталось неподвижным и спокойным, будто маска, – неожиданно для обычно очень живой и искренней боярышни. Наследник посмурнел и только отмахнулся, Василий неопределённо усмехнулся, а Людмила, переглянувшись со стоявшей рядом Яной,

окинула Алёну снисходительным взглядом. Остальные кто глаза отвёл, кто ухмыльнулся.

– Видишь ли, Алёнушка... – медленно, с издёвкой в голосе заговорила Светлана, но закончить не успела. По зале прокатилось взволнованным рокотом негромкое «идут», и все без суеты двинулись к столам – уверенно, они откуда-то точно знали, где им положено сидеть. Если бы не Ульяна, потянувшая алатырницу за собой, та бы так и стояла в растерянности до появления княжеской семьи.

Только усаживаясь, Алёна с удивлением обнаружила, что устроились они совсем не рядом с остальными княгиниными «подружками», а на краю, в конце одной из ножек буквы «П». Спросить почему, тоже не успела, двери распахнулись, и вошли князь с княгиней – вдвоём, без младших детей. Чинно, рука об руку, спокойные и величественные, прошагали мимо стоящих придворных к своим местам. Ярослав вежливо помог супруге устроиться, только после этого сел сам и повелительно махнул рукой. Расселись остальные гости, потянулась вереница слуг с яствами, поплыли приятные запахи, загудели негромкие разговоры

Алёна искренне залюбовалась красивой парой, но через несколько мгновений чувство это смазлось какой-то неприятной тенью. Девушка еще немного посмотрела на них, пытаясь понять, что не так, а потом сообразила: тоскливая чернота из глаз княгини не исчезла, стала только гуще.

Софья улыбалась супругу, вела с ним негромкий разговор, но не светлела лицом, как рядом с детьми. Да и Ярослав, хоть и держался с княгиней приветливо, и даже улыбался, смотрел всё больше не на неё, гостей разглядывал. Не было любви и лада в великокняжеской семье, не было, и все о том прекрасно знали и, наверное, потому на слова Алёны так странно ответили.

Словно в ответ на это рассуждение князь перевёл взгляд на алатырницу, улыбнулся уголками губ, а глаза полыхнули жарко. Девушка опешила, отвернулась... И вдруг поняла, что смотрел Ярослав не на неё, а на ту, что сидела рядом. Щёки Ульяны тронул румянец, глаза заблестели, она вмиг стала намного краше и лучше, как это часто бывает с влюблёнными. Ярослав отвёл взгляд почти сразу, никто, кроме алатырницы, и не заметил, и боярышня тоже неохотно принялась за еду.

И вдруг Алёна поняла, что напоминала ей синяя, богато расшитая узорами рубашка князя: платок, виденный у боярышни. Стало пакостно и гадко на душе. Она помнила слова и Стеши, и остальных про княжеские интересы, но... Слова же, ну что слова? Мало ли что про кого говорят! Конечно, сказанное, например, Вьюжиным неизмеримо больше весит, нежели болтовня Светланы, но всё равно видеть такое подтверждение слухов оказалось неприятно. И особенно неприятно, что сейчас Ярослав положил глаз на Ульяну.

Но князь чужой, а вот как теперь к боярышне относиться, она не знала. Круглолицая, добрая девушка успела Алёне понравиться, показалась куда более искренней и настоящей, чем остальные. А вон как всё повернулось... Вон она, значит, о ком грезила.

Сразу вспомнились всякие мелочи – и горячность, с которой Ульяна заступалась за князя, и как она о нём отзывалась. И стало горько. Потому что девушка не искала в этом никакой выгоды и не хотела огласки, иначе бы платок дарёный надела, и, кажется, искренне влюбилась. Как её за такое судить? Как бы вела себя сама Алёна, если бы воевода оказался женат?

Последняя мысль совсем уж смутила и заставила алатырницу понуро уткнуться в тарелку. Еда сначала казалась вкусной, а тут кусок в горло не полез, и только и оставалось, что ждать окончания обеда.

Девушка не жила в маленьком и совершенном мирке. Да, бабушка с дедушкой, заменившие ей родителей, друг друга любили, но случалось всякое, и люди вокруг были разными, и Алёна приучилась не лезть в чужие дела. Но тут всё равно разочаровалась.

Она попыталась отвлечься от Ульяны и князя, но стало только хуже. Мысли суетливо заметались, сменяя друг друга, перескакивая с одного на другое. Кто убил Краснова и что Вьюжин задумал? Как с Ульяной теперь держаться? Поговорить или не совать нос не в своё дело?

А еще воевода, и как с ним быть – совсем уж не понятно. Когда он оказывался рядом, сердце заходило так, как ни с кем другим. Нестерпимо хотелось сблизиться с ним, узнать лучше и, самое главное, опять оказаться в его руках, поцеловать... Но страшно до дрожи, до желания зажмуриться и по-детски спрятаться под одеялом. Вдруг и он окажется на поверку совсем не таким, как Алёна думает и надеется?

Не слушая и не глядя, что происходит вокруг, не чувствуя вкуса еды, она с трудом высидела до момента, когда князь с княгиней ушли, когда можно было бы тоже не задерживаться за столом. Большинство гостей не спешили расходиться, разговоры продолжились и после ухода Ярослава с женой, но Алёна, извинившись перед соседкой, поспешила удрать. В покои она не пошла, понимая, что слишком взволнована для того, чтобы уснуть. Выбор был невелик, и алатырница предпочла прогуляться по саду, в надежде, что свежий воздух и чистое небо над головой помогут развеяться и успокоиться после длинного, суетного дня.

ГЛАВА 9. Княжеская находка

Выйдя под сень деревьев, Алёна вздохнула полной грудью. На душе вмиг сделалось спокойнее, показалось, что за спиной остались не только стены дворца, но даже часть сложных вопросов и неприятных мыслей. Вдруг перестал так заботить нрав князя, Алёна искренне подивилась, отчего так расстроилась, ей ведь с Ярославом детей не воспитывать. Да и от размышлений об убийстве она сумела отмахнуться: Вьюжин явно знает что делает, и Матушка ему в помощь, а она совсем не годится в сыщики, ну и пусть.

Снаружи было хорошо. День склонился к закату, сладко пахло цветами и разнотравьем, где-то далеко и смутно слышались чужие голоса, а здесь – только шелест листвы над головой да птичий посвист. Ещё на дворе было светлее и свежее: всё же под каменными сводами дворца, несмотря ни на какие ухищрения зодчих с чарами, постоянно царила немного сумрачная сырость. В дневную летнюю жару это было кстати, но не сейчас.

Возвращаться внутрь расхотелось совсем, и Алёна пошла куда глаза глядели. Позади дворца раскинулся целый маленький мир, по которому алатырница успела пройти уже несколько раз, но всё поспешая, почти не оглядываясь по сторонам. Ну и ладно, зато вот теперь могла это исправить.

Живая изгородь отделяла парадную часть от большого хозяйства, но никто не мешал гуляющим придворным забредать сюда, на изнанку. Знакомой дорогой Алёна не пошла и сумела найти ещё один дивный сад с ледяным источником, извилистым ручейком и резными горбатыми мостиками над ним. Встретила небольшую кузницу, нашла псарню, а потом неожиданно для себя самой вышла с другой стороны к знакомой конюшне и огороженному полю перед ней. Подивилась, как затейливо вились здешние тропки, и собралась пойти дальше, но – замерла, увидев, что поле не пусто, и без труда узнав того, кто гарцевал внутри на гнедом.

Ну то есть как – гарцевал?.. Оказалось, воевода не очень-то ловко держался в седле, даже немного смешно. Конюх Остап же был куда прямее в словах: не заметив Алёны, он с такой душой и удовольствием

брания Олега, что даже привычной к крепкому слову алатырнице стало неловко. Подумалось, что, если бы дед так учил её саму, ничего путного могло и не выйти, только слёзы да обиды. А Рубцов – ничего, на грубость внимания не обращал, знай себе коня подбадривал, и даром что в седле кулём сидел, но держался крепко.

Алёна немного постояла у ограды, облокотившись, а потом и вовсе забралась внутрь и вскарабкалась на забор вблизи столбика, придерживаясь за него для удобства. Скакал мужчина по небольшому кругу на ближнем краю поля, и до стоящего спиной конюха отсюда было всего несколько сажень, так что девушка прекрасно слышала всё – и его голос, и ответы воеводы, и дробный топот коня, и его шумное дыхание. Даже странно, как её до сих пор не заметили.

– Да что ты руки растопыриваешь, как лядь ноги?! – воскликнул Остап. – Вместе держи, как честная девка!

Алатырница от такого сравнения захихикала, а воевода не нашёл другого момента, чтобы её заметить. Навряд ли услышал, просто двигался ровно на неё, вскинул взгляд – и повернул лошадь, заводя на круг.

– За языком последи, – бросил конюху.

– Итить какой нежный. Что ж у тебя руки как...

– Да мне-то без разницы, княгини постыдись, – насмешливо ответил Рубцов, намеренно не перебивая, а дождавшись, пока Остап Егорович выскажется, и мотнул головой в сторону сидящей на заборе Алёны.

Конюх обернулся, смерил её взглядом, сплюнул под ноги и что-то процедил, девушка издали не расслышала.

– Ну и леший с тобой, будешь перед девкой позориться. Она-то не как пень корявый в седле держится, – без особого труда нашёл он новые, менее бранные выражения.

– Так меня и наставляли другими словами, – не удержалась Алёна.

– С ним другими не помогает! – отрезал Остап. – Ишь ты, глянь, приосанился. Сойдёт, уже лучше. Никак стыдно стало перед девкой, а?

Алатырница поспела почти к самому началу и потому успела насидеться на заборе и насмотреться на предмет своих дум вдосталь. Когда воевода пускал коня в намёт посмеивалась, сидел тот и впрямь слишком неуклюже, чтобы этого не замечать, а вот на шагу и на рысях – любовалась. Не столько посадкой, сколько ладной фигурой всадника.

Простая рубаха из белёного льна с подвёрнутыми рукавами и расстёгнутым воротом обрисовывала широкие плечи, длинные ноги в тёмных штанах и высоких сапогах крепко сжимали бока коня... Сосредоточенный, собранный, напряженный – и совсем уже не тянет смеяться над его неуклюжестью.

Наконец Остап решил, что на сегодня довольно, и, велев ученику шагать, ушёл с поля, махнув рукой. Олег пустил коня вдоль забора и придержал его, поравнявшись с алатырницей.

– Ну здравствуй, Алёна, – окинул её внимательным взглядом. – Какими судьбами тут? Да ещё одна.

– Погулять вышла, – отозвалась она, чувствуя неловкость. Он её уже дважды обнимал, а поговорить толком вот только первый раз и выходит... – Случайно сюда забрела. Как вышло, что вы так плохо держитесь в седле?

– Ну вот так, – он пожал плечами. – Поздно начал учиться, да и когда начал – всё через пень-колоду, не до того было. Почему ты скрываешь янтарь от людей? – не стал он ходить вокруг да около и сразу задал самый важный вопрос. – Ты бы ту нежить мигом спалила.

– Ну вот так, – неловко пожала она плечами. – Вам коня выхаживать велели, нельзя ему стоять...

Воевода окинул алатырницу новым взглядом, усмехнулся как-то странно и решил:

– А мы совместим.

Что именно – спросить Алёна не успела. Олег выпустил поводья, потянулся и легко стащил её с забора, только охнуть от неожиданности и успела. А через мгновение оказалась сидящей боком на холке коня, благо лука у седла была низкая. Воевода одной рукой приобнял её, невозмутимо прижав к себе, второй – собрал поводья и тронул коня пятками. Тот шумно вздохнул и лениво зашагал вдоль забора.

– Что вы делаете?... – растерянно пробормотала Алёна, вцепившись обеими руками в широкое предплечье.

Было неудобно и ей, и, наверное, коню, а ещё смущало, как близко воевода опять оказался и что обнимает и прижимает к себе. И опять сердце зашлось едва ли не под горлом, и голос вдруг пропал...

– Совмещаю, – спокойно ответил Рубцов. – Ты же сказала, коню ходить надо, а на шаге он нас обоих немного покатает, не убудет. Ну так что? Почему ты прячешь янтарь?

– Не могу сказать, это не моя тайна, – ответила она.

А ведь придумывала же что-то, мол, негоже девице колдовские умения показывать, и ей велели, чтобы легче было жениха найти. Но то она придумывала для простого разговора, а не когда... Вот так!

– А чья?

– Олег Сергеевич, я правда не могу...

– Продолжишь выкать – поцелую, – со смешком оборвал он, и Алёна почувствовала, что у неё горят уши. Уж очень заманчиво было продолжить. – Ты Вьюжину то же самое на допросе будешь говорить?

– Он и так знает! – раздосадованно отмахнулась алатырница и тут же прикусила язык.

– Вон оно что! – протянул воевода. – Так это его интриги опять.

– Его... что? – переспросила Алёна.

– Козни. Коварные замыслы, – с непонятным весельем пояснил Олег. – Если ты ещё дашь слово, что он против князя ничего не замыслил, я с этими вопросами отстану.

– Откуда мне знать, что он замыслил? – Алатырница честно ответила и на это. – Но что до меня – князь тоже знает про мой дар.

– И про службу?

– И про службу, – подтвердила она. К этому мгновению уже пообвыклась в руках воеводы, уняла бешеный стук сердца и немного расслабилась, прислонившись к широкой груди. Склонить бы еще голову на плечо, но на это она не решилась. – А откуда вы все эти диковинные слова берёте? Ой! – негромко воскликнула от неожиданности, когда Олег вдруг звонко чмокнул её в висок. – Это что?.. – спросила, повернула голову, чтобы видеть его лицо.

– Предупредил же, будешь выкать – поцелую. – Рубцов улыбался уголками губ.

– Так это ж разве поцелуй? – вырвалось у неё.

Улыбка Олега стала шире, и Алёна вовсе задержала дыхание, залюбовавшись. Он словно скинул прошедшие годы, и опять вспомнилось, как сидел с дедом в горнице, смеялся, с золотыми искорками во взгляде, такой живой и такой... родной?

А ещё вот так, вблизи и при ярком свете, оказалось, что у него есть веснушки. Совсем тусклые, едва заметные сквозь негустой загар, они мелким крапом рассыпались по щекам и переносице. Алёна совсем не помнила их по прежней встрече, и от этого вдруг стало по-

особенному радостно, по сердцу мёдом растеклось неожиданное тепло. Вот же он, настоящий, совсем рядом! Не мечта, не воспоминание, обнимает её, сильный и тёплый, и... с веснушками.

– Смотри, додразнишься, – подначил воевода насмешливо. – На себя потом пеняй.

– А что ж вы тогда грозите, если исполнять не намерены? – улыбнулась она в ответ и поразилась, куда вся робость пропала. А сама глаз от этих веснушек отвести не могла, и нестерпимо хотелось их расцеловать.

– Это что еще такое?! – прервал их разговор возмущённый оклик конюха. – Тьфу! Оставил козла в огороде! А ну шуруй сюда, отдавай коня да проваливайте, нашли место миловаться! И псину свою забери, вот же дурная зверюга, морковку лошадиную ворует!

Остап Егорович волок за ошейник пса, который топал рядом лениво, но без возражений – показывал тем свою доброту и расположение, вряд ли такую собаку невысокий конюх стащил бы с места без её на то позволения. Серая морда довольно улыбалась, вывалив длинный розовый язык.

– Буду должен, – не то пообещал, не то пригрозил воевода Алёне и направил гнедого к воротам. – Не ори, Остап Егорыч. Жалко тебе, что ли? Подумаешь, покатал девушку. Или завидуешь?

– Если бы ты её на своём горбу катал – слова бы не сказал! – возмутился тот. – Нечего коня мучить, он и так тебя вон сколько терпел!

– Тебя-то как-то терпит и не шарахается до сих пор, – весело возразил Олег. – И на Шарика не ори, последняя твоя морковка, что ли? Пожалел псу казённой морковки, как не стыдно!

Шарик плюхнулся на попу у ноги остановившегося конюха и поднял на него укоризненный взгляд. Мол, видишь, что хозяин говорит? Можно морковку-то есть!

Подъехав, воевода легко спрыгнул с коня, передал поводья Остапу и аккуратно снял с лошадиной спины девушку, которая как раз прикидывала, как бы половчее спуститься, да так, чтобы сарафан до пояса не задрался. На мгновение задержал ладони на её талии, и Алёна опять ощутила смущённое предвкушение. И досаду: ну что Остапу Егоровичу стоило явиться чуть позже?!

– Поговори у меня ещё! Завтра тоже ждём,имей в виду, – перескочил конюх на другое. – А то ты и прежде наездник аховый был, а за столько лет и чему научился – то растерял.

– Постараюсь, – пообещал Рубцов и почесал за ушами приветственно застучавшего хвостом пса, а Остап Егорович молча вскочил в седло и направил коня шагом вдоль забора. – Ну что, пойдём?

Алёна кивнула. Некоторое время они шли молча, наблюдая за Шариком. Он то лениво топал рядом, то бодро трюхал впереди, утыкался носом в кусты и деловито задира лапу. То отставал, заинтересовавшись чем-то особенно сильно, и тогда хозяин окликал его коротким свистом, пёс вздыхал и нехотя догонял людей.

Немного удалившись от конюшни и поля, Олег заговорил:

– Ну рассказывай, хорунжий пятой Моховой заставы.

– Что рассказывать? - не поняла алатырница.

– Откуда ты? И как получилось, что вдруг оказалась наследницей Краснова?

Когда Алёна раньше украдкой мечтала об этом мгновении, она всегда представляла, что скажет про деда, и воевода непременно будет его помнить, и может даже узнает её – видел же, пусть и мельком. А тут застеснялась. Ну что она, в самом деле, навязываться будет?..

– Да я сама не знала, – призналась негромко. – Отца не видела никогда, мать не сказала ничего, да и сама умерла, когда я ещё маленькой была. Вдруг оказалось, что князь про меня с самого начала знал, приглядывал издалека. Велели вот приехать, наследницей его назвали, мол, веры у князя другим нет. Не очень-то хотелось, но что я могу против княжьей воли! А вы были знакомы с Красновым?

– Были, – кивнул он. – Хороший был мужик, честный, жаль его.

– Кто мог его убить? – алатырница глянула на спутника искоса, с надеждой.

– Почём я знаю! – поморщился воевода. - То ли кто из наследников, то ли из тех, с кем он тут ругался. А ругался со всеми вплоть до князя.

– Что,и князь мог?

– Вряд ли. Если бы это с великокняжеского повеления устроили, подчистили бы аккуратнее. Упал бы с лошади,и всего делов.

– Вы так спокойно это говорите. – Алёна глянула удивлённо. - Что князь вообще мог бы...

– Он же человек, не добрый дух, а некоторые вопросы, бывает, иначе и не решить. Впрочем, я утверждать не могу, что он хоть с кем-то действительно так поступил, это просто рассуждения, - спокойно пояснил воевода. Умолк, глянул насмешливо и бросил: – Два.

– Что два?

– Два должен, – ответил невозмутимо. – Да не стал бы великий князь его убивать, просто сказал для примера. Тут уж скорее наоборот, Краснову было за что злобу держать. Твой отец не был сторонником перемирия с Топью, и увлечение Ярослава кораблями ему не нравилось. Да даже мне понятно, Краснов же самострелы делал, небось не хотелось деньги терять и другим отдавать, кто лесом торгует. И иных врагов небось хватало, на великом князе свет клином не сошёлся, но тут я тебе ничего сказать не могу, не интересовался.

– Скорей бы Выюжин со всем этим разобрался, - тоскливо вздохнула алатырница.

Предположить, кто всё это учинил, было полдела, его же ещё на чистую воду надо вывести, а об этом Алёне совсем не думалось. Хорошо, что от неё ничего такого и не требовалось.

– А ты, значит, сирота? - задумчиво проговорил Олег после недолгого молчания.

– Ну да. Но у меня другой родни полно, – поспешила она вступить за близких. – Дед, бабушка, дядья и тётки, и никто меня не обижал никогда. А вы? Откуда?..

Воевода усмехнулся, глянул на неё насмешливо, осмотрелся по сторонам. Но вместо того, чтобы ответить на вопрос, тихо проговорил себе под нос:

– Этак я совсем в долгах погрязну. Не дело.

Не успела Алёна опомниться, как вновь оказалась в его руках. Одна ладонь легла на талию, другая – на затылок, губы коснулись губ.

И, наверное, тем бы всё закончилось, но ответила девушка не так, как воевода мог ожидать. Обвила руками шею, подалась навстречу, прижалась доверчиво, и простое прикосновение, призванное больше напугать упрямую девицу, стало настоящим поцелуем. Жарким, сладким, горячащим кровь и ускоряющим её бег. Давно Олег не чувствовал ничего подобного, давно так остро не желал. Прижать бы

упрямицу теснее, стащить эти расшитые тряпки, сделать так, чтобы давешний сон оказался совсем уж в руку...

Мысль эта и собственная несдержанность вдруг отрезвили и почти напугали. Что ж он набросился-то на девушку, которую, считай, второй раз в жизни видит?!

Это оказалось к лучшему, Олег взял себя в руки, решительно прервал поцелуй, ослабил хватку, распрямылся.

– Алёна... – и забыл, что хотел сказать, поймав её тёмный, с поволокой, взгляд. Едва не склонился к губам вновь, но своевременно себя одёрнул и почти разжал руки.

Но вместо того, чтобы испуганно отпрянуть, она, наоборот, подалась ближе. Спрятала лицо у него на груди, вцепилась обеими руками в рубашку...

Олег ощутил непривычное смятение и робость, неуверенно обнял узкие плечи.

Не в поцелуе было дело; воевода уже напомнил себе, что это при дворце нравы строгие, а в народе-то попроще. В чувствах. В том, как охотно, с какой радостью и искренностью она отвечала. А он и думать забыл, что такое бывает... Словно холодной ключевой воды хлебнул и умылся после долгого пешего перехода по степи под палящим солнцем. И в голове вместо мутной липкой тяжести – звенящая прозрачная пустота.

Зарекался он с хорошими девушками дело иметь, да вот что-то зарок весь вышел.

– Извини. Я тебя поддразнить хотел, но... увлёкся, – всё же покаялся он, потому что надо было хоть что-то сказать, а продолжать отвлечённую болтовню показалось неуместным.

– Это ничего, – Алёна подняла взгляд, – я на вас не в обиде.

А в глазах – прокуды^[3] трепака пляшут. Задорно, с огоньком, вприсядку.

– Доиграешься же! – Должно было прозвучать веско, с угрозой, но губы против воли растягивала улыбка, и Олег сам удивился, как мягко вышло и ласково.

А вот тут Алёна смутилась, отвела глаза, отступила на шаг. Удерживать воевода не стал, несмотря на всколыхнувшееся внутри сожаление. Или благодаря ему в первую очередь. Странно на него

влияла эта девушка, непривычно, тянуло к ней так, что дух захватывало.

– Вы так и не ответили, - продолжила она, когда Олег свистом подозвал запропастившегося где-то пса, и они зашагали дальше по тенистому, тихому саду, который окутало вечерним сумраком. – Откуда вы?

– Вот же упрямая девчонка, - он хмыкнул себе под нос. - Что мне сделать, чтобы ты выкать перестала?

– А поцелуй как же? – Алёна бросила быстрый хитрый взгляд из-под ресниц.

– Нехорошо целовать девушку, которая к тебе так уважительно, со всем дочерним почтением, – ехидно ответил он. - Я и так старше тебя невесть на сколько и чувствую себя из-за этого... В общем, нехорошо чувствую. Так что хочешь целоваться – прекрати выкать. Для начала.

Алёна рассмеялась в ответ, ощущая жар внутри – и на щеках.

– Как же я перестану, коли почти ничего о вас не знаю?

– Лиса, – хмыкнул он беззлобно. Посерьёзnel. – Да на кой тебе это? Откуда... Оттуда. Откуда взялся – там больше нет. Родных никого нет, дома... ну тоже, можно сказать, нет, не считать же его домом, – кивнул в сторону дворца. – Ну чего ты скуксилась? Я ж говорил, ничего интересного.

– Я не хотела вас расстраивать. Не подумала, - виновато пробормотала она, ругая себя за глупое любопытство. Так хорошо шли, смеялись, а тут... Ну ясно же, если он один здесь живёт – наверное, больше никого и нет, могла бы и промолчать!

– Да не кисни, меня трудно задеть, если поругаться настроения нет, – усмехнулся воевода. – Спрашивай, что ещё тебе любопытно было? А впрочем, я и так угадаю. Про глаз, больше во мне ничего интересного-то и нет.

– Неправда, - обиженно вскинулась Алёна и опять смешалась под насмешливым взглядом.

– Неправда – не про глаз?

– Неправда, что больше ничего интересного нет, - упрямо возразила она. - Например, мне непонятно, почему вы здесь, если вам тут плохо?

– Хороший вопрос, – рассеянно пробормотал Олег. – Проблема-то не во дворце, проблема вот тут, – он выразительно постучал себя

костяшками пальцев по лбу. - Оно без разницы где, вряд ли в другом месте лучше станет.

– Ну почему же? Мне вот как раз в месте дело, – проворчала Алёна.

– Так то у тебя. Сама говоришь, куча родни, друзей небось тоже, оторвали от любимого дела, сунули в этот гадючник.

– И никогда не хотелось что-то изменить? Уехать отсюда?

– Хотелось, только недолго. Куда? И зачем? Меня никто нигде не ждёт, – он пожал плечами, покосился на идущую рядом девушку, насмешливо фыркнул. - Тьфу! Ну вот ты еще сильнее расстроилась. Совсем я раззанудился и разучился юных красавиц очаровывать.

– А вы про глаз правду расскажете? – Спорить и пытаться переубедить его Алёна не стала, предпочла всё-таки воспользоваться случаем и задать этот вопрос. – Или тоже ерунда, было и было?

– Да я бы рассказал, князь не велел болтать, - отозвался Олег рассеянно. Покосился на расстроенную спутницу и всё-таки продолжил: – Подарок это, от Озерицы.

– Подарок? – изумилась Алёна. – Что же она, сама...

– Нет, она его не выбивала, наоборот, жизнь спасла. Так бы помер или, хуже того, калеккой остался, а она мне янтарь этот подарила. Потому Ярослав и просил помалкивать: дури в людях хватает, найдутся же и те, кто ради дара озёрной девы себя покалечит. А она не всякому помочь может.

– Только пришлым, – за него закончила Алёна, замерла от неожиданности, подняла на воеводу не то испуганный, не то восхищённый взгляд. – Так вы через Светлояр пришли! То-то я понять не могу – и слова странные, и в седле вы как...

– Вот еще от тебя я не выслушивал, как кто! – со смешком перебил её Олег, который конечно тоже остановился. – Ну да, через него.

– А... как? - выдохнула она, с новым интересом и жадностью разглядывая мужчину.

– Да леший знает, - воевода пожал плечами. - По-моему, и Озерица не понимает, как и почему это работает. Там... Тяжело раненный в реку упал. Ехали мы, потом шарахнуло как... Сильно, в общем. Боль, ощущение полёта и темнота, ледяная вода – а очнулся на берегу, и надо мной этакая белокурая красавица участливо склоняется.

Поначалу глазам своим не верил, но она со мной по душам поговорила, успокоила. Объяснила, что спасти меня смогла только благодаря тому, что я чужой, нездешний, и из-за большой силы в крови, хотя я так и не понял, откуда та взялась. Сказала, что назад вернуться если и получится, то только без её подарка и янтаря в крови, трупом. Я и рыпаться особо не стал, так, книжки кое-какие посмотрел для надёжности. Померла так померла, – чему-то усмехнулся он. – Пойдём, потёмки вон какие. Потеряют тебя, проблем не оберёшься.

Алёна кивнула, с трудом заставила себя стронуться с места. В голове теснилась тьма вопросов, которые рвались с языка, но она никак не могла выбрать. Знать-то ей хотелось, вот только боялась опять о дурном напомнить и ещё хуже сделать. Теперь-то ясно, отчего он тут один как перст!

– Ты только обо всём этом не особо болтай, – попросил Олег. - Не сказать, чтобы это была страшная тайна, но...

– Я понимаю, – заверила Алёна. – И так бы не стала, без вашей просьбы.

А придумать, что именно можно спросить, она так и не успела: как бы неторопливо они ни шли, а до крыльца всё же добрались.

– Доброй ночи, - не дав времени на раздумья, первым попрощался воевода.

Алёна обернулась, только теперь сообразив, что когда-то успела начаровать себе светлый взор и потому отчётливо видела в жидкой летней темноте лицо собеседника. И лицо, и сосредоточенно нахмуренные брови, и задумчивый взгляд.

– Доброй ночи, - ответила всё-таки и решительно двинулась к ступеням крыльца.

Очень хотелось, чтобы воевода ещё раз поцеловал на прощание, пусть совсем легко, или даже просто обнял, но просить об этом не решилась. И так он о ней, наверное, дурного подумать успел. Матушка знает, к каким женщинам он привык здесь! И там, откуда принёс его Светлояр.

Ну и пусть, ей пока довольно того, что от воспоминаний дрожь по всему телу и на душе светло, радостно, несмотря на все опасения.

А Олег, проводив девушку взглядом, опустил на корточки, обнял севшего рядом пса за шею. Шарик забил хвостом от удовольствия, поспешил лизнуть хозяина в лицо. Тот, несмотря на

невнятную муть на сердце и сомнения, засмеялся, от души потрепал вислые собачьи щёки, широкую грудь, мощную шею. И как будто легче стало.

– Ну что? Дай, друг, на счастье лапу мне? Лапу дай, говорю!

Шарик, лениво переступив, плюхнул человеку на колено лапищу – немногим меньше медвежьей. Другой бы, наверное, повалился от такого, а Рубцов ничего, привык. Ещё немного повозился с псом, поднимая настроение и себе, и ему и заодно напоминая команды.

Сколько себя помнил, Олег всегда мечтал о большой собаке. Правда, ни денег, ни места для содержания такого зверя не было, поэтому мечтал со стороны и без особой надежды. И здесь воплощение этой мечты стало одним из тех моментов, которые примирили с новой жизнью. Порой казалось – самым важным.

– Как думаешь, я совсем дурак и просто в конец озверел от одиночества или этой девчонке действительно можно доверять?

Пёс, конечно, не ответил, только с удовольствием лизнул опрометчиво подставленный нос.

– Тьфу! Ну и слюняв ты, парень! – засмеялся Олег, утёрся рукавом, поднялся и зашагал в сторону другого, мужского крыльца, чтобы не стеснять никого своим блужданием по коридорам. Не побьют и даже взащей не выгонят, к его грубости все привыкли. Но сейчас не хотелось, чтобы хоть кто-то задавал вопросы.

Да и подышать свежим воздухом – всяко лучше, чем шагать по тёмным гулким коридорам. Благо света хватало. Толком ничего не разглядишь, но дорожку видно, не заблудишься – яркая полоска между неопределённо-тёмных громадин, как речка промеж гор.

– Горы слева, горы справа, посередине Хулхулау... – пропел он себе под нос на ходу. Запнулся, словно на стену налетел, выругался и побрёл дальше гораздо медленнее.

Песню эту он не то что не любил – откровенно ненавидел. Потому что не знал. Застряла в голове одна эта дурацкая строчка, которую сидевший рядом сержант напевал. Последнее, что он вообще услышал перед взрывом. Может, потому и запомнилась так.

Откуда Петрович всё это брал? Сам выдумывал? И не узнать теперь уже никогда, и сержанта того нет в живых, и самого Олега, можно сказать, тоже. А строчка засела осколком, и если вспомнится –

то ноет, ноет, ноет, зараза, хоть головой об стену бейся! Горы слева, горы справа...

– Да чтоб тебе! – не сдержался, ругнулся опять, потрянул головой – как будто это могло помочь. – Вот же... Напомнила, чернявая! И впрямь не разговаривать надо было, а целовать.

Пёс, пыхтя, топал рядом, двигал ушами и поглядывал на хозяина – слушал. Жаль, не понимал и посоветовать ничего путного не мог.

Олег остановился в задумчивости, прикидывая, куда идти дальше. Тут и гадать нечего было: если вспомнилось – бессонная ночь обеспечена. Или того хуже, опять кошмары до рассвета будут терзать. Сколько он тут? Пятнадцать лет? Шестнадцать? Ну хоть бы какое разнообразие или хоть немного померкло! Нет же, всё одно и то же. Ни разу местные болота не снились, хотя тоже пришлось хлебнуть лиха, особенно поначалу. А вот горы...

Горы слева, горы справа, посередине – Хулхулау.

Воевода снова ругнулся, развернулся и решительно зашагал в сторону озера. Не к его хозяйке, Озерица тут помочь не могла, спрашивал. Он знал два более-менее толковых способа: напиться до беспамятства или вымотаться до того же состояния. Второе сейчас было ближе, да и... надо сказать, про вино Олег вспомнил только у воды, стаскивая рубашку. Хмыкнул растерянно, махнул рукой и, быстро раздевшись до конца, с разбега прыгнул с высокого берега. Ближайшие окрестности озера Рубцов за годы изучил отлично и знал, что именно здесь глубина начинается обрывом сразу.

Плавать он любил и умел. С детства ещё, когда два летних месяца после смены в лагере проводил у бабки в деревне и с другими пацанами из тамошнего озера почти не вылезал – погода не погода, какая разница мальчишке в десять лет.

Он вообще любил воду, даже странно, что янтарь в крови оказался чёрным. В свою спасительницу тоже по молодости влюбился, но это со временем прошло, как немного освоился и на новую войну отбыл. Мир-то другой, а кроме как воевать – он ничего толком и не умел больше. Наверное, потому и маялся сейчас, неприкаянный.

Или не только сейчас. Озерица тогда говорила, что Светлояр принимает далеко не каждого, значит, дома ему места не осталось. Вот как сказочное озеро было связано с горной рекой – этого Олег уже не понял. Нет, озёрная дева что-то рассказывала о волшебной сущности

Светлояра, о том, что бел-горюч камень Алатырь на его дне – это метафора, и сила на самом деле во всём озере, и не столько в нём... В общем, оказалось проще принять объяснение «так получилось».

Жаль было только мать, да и то не настолько, чтобы рвать жилы и переворачивать мир ради возвращения.

Отношения у них давно не ладились, как отец без вести пропал. Точнее, с тех пор, как она очень быстро после этого утешилась, и года не прошло. Нашла другого, выскочила замуж, ещё двоих детей родила... Вот ими небось утешилась, когда его не стало. Поплакала, всё же мать, но отчим давно её к этому готовил. Он чуть не с самого начала звал Олега пережитком прошлого и ископаемым и не то предсказывал, не то мечтал, что ждёт того повторение отцовской судьбы. И ведь накаркал. Страна, считай, была уже другая, война другая, а тоже... Горы слева, горы справа и – «пропал без вести».

Когда Олег сюда попал, он какое-то время надеялся, что, может быть, и отец тоже... Но недолго, до того, как набрался решимости спросить у Озерицы прямо, она-то всех знала, кто через Светлояр прошёл.

На счастье Рубцова, о таких, как он, здесь слышали. Больше того, местные были уверены, что когда-то сами пришли вместе со своей богиней через то же колдовское озеро в поисках нового места для жизни. Причём из какого-то другого мира, похожего на родной Олегу, но – иного. Озерица уверяла, что их несчётное множество. Рубцов не очень хорошо знал историю, но слишком уж многое отличалось.

Да и бежали люди от какой-то неизвестной ему страшной беды, грозившей уничтожить мир, когда, как говорили летописи, «земля содрогнулась, белым днём стало темно, как ночью, солнце погасло, наступила стужа лютая, воздух стал ядовит и горек». Озерица сверх того ничего не смогла сказать, только что чар в этом не чувствовалось и источник беды был далеко. То ли вулкан взорвался, то ли метеорит упал – местные духи не были всемогущими и всезнающими.

Да и потом были еще путешественники – немного, но все вроде прижились. Сказок же и слухов в народе ходила уйма.

Олег плыл по лунной дорожке без спешки, сильными редкими гребками рассекая прохладную воду, едва уловимо пахшую тиной. Чтобы устать – недостаточно, а вот подумать...

Верно ведь сказала Алёнка, нельзя так жить. Или не сказала, подумала только? А то он и без неё этого не понимал! Понимал, только что и как изменить можно – не знал.

Всё же здорово разбередила чернявая душу. Мысли о будущем посещали Олега редко и обычно быстро изгонялись тем или иным способом, а сам он привычно плыл по течению. А смысл барахтаться? Всё вроде и ладно. Говорят, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, ну вот он и... Не генерал, целый маршал! Беспольный, правда, отработанный, но раньше это отчего-то не ощущалось так остро. И то обстоятельство, что служба эта слишком мало внимания требовала – тоже. Он же не один воевода во всём Белогорье, да ещё остальные постарше и поопытней в своих делах, Олег и не лез к ним со своим уставом, так только, старался держать руку на пульсе. А после войны еще и войско заметно уменьшили, вот и оказался он свадебным генералом. Разговоры с князем порой разговаривал, заставы иногда обходил, было дело, но много ли времени это займёт с парой хороших дорожников?

Попробовал с другой стороны зайти: если так нельзя, то как – можно? Однако в голове на это ответила звенящая пустота. У него всегда желания были поближе, попроще, и мечтать он толком не умел. Нельзя же желание выжить считать главной мечтой жизни!

И обратиться к общечеловеческому опыту не очень-то помогало. Как обычно видят счастье люди? Любимое дело, семья, крепкий дом. Только единственным делом в его жизни была война, которая давно осточертела, а всё остальное... ну с техникой еще возиться любил, да только не настолько он в ней понимал, чтобы принести что-нибудь полезное в этот мир. Двигатель внутреннего сгорания представлял, рассказал в своё время об этом Вьюжину, а проку? А то он со своими восемью классами вспомнит, как из нефти бензин делают!

И семья, как ни старался, не представлялась, только чушь какая-то в голову лезла. Обрывки из полузабытых песен, фильмов и леший знает, откуда ещё. Четыре сыночка и лапочка-дочка... Откуда вот? Тоже песня, наверное.

И леший же знает, на кой ему вообще нужны дети. Что с ними делать-то? Он в жизни разве что с младшими общался, братом и сестрой, и то всё больше со стороны, издалека. Раз шуганул дворовых пацанов, когда брата цепляли. Сестру встречал, если поздно шла, а он

был в отпуске. Не обижал никогда. Вот на отчине старался оторваться, бесил его жутко, а мелкие... Что с ними воевать? Они-то в чём виноваты?

Да он даже о жене не мог подумать дальше постели. Вот там да, там он знал, что с этой женой делать, и особенно охотно представлялась на том месте чернявая алатырница. Ну а потом?

Рубцов знал, как люди живут, не слепой же, и вроде не дурак, и не бирюком в лесу обретался. Умом понимал, но только к себе примерить не мог.

Дома наверняка бы спился, если бы выжил. Да и здесь попытался, но вот не дали...

Горло сдавила злая безадресная досада. Олег набрал в грудь воздуха, нырнул и поплыл так, в густой черноте, закрыв глаза, чтобы окончательно потерять, где верх и низ.

В ушах молоточками стучала кровь. Плыл долго, изо всех сил, пока хватало воздуха. Минута, две, три, пока лёгкие не начало жечь огнём, пока не застучал в затылке тревожный набат, и немного после. Вынырнув на поверхность, не дал себе передохнуть и погрёб в сторону берега так, словно на мировой рекорд шёл или от этого его жизнь зависела. Доплыл, развернулся и – вновь по лунной дорожке, пытаясь выбросить из головы все мысли, вымыть тошнотворную горечь из души.

Вымотался в конце до того, что еле выбрался на берег, дрожащими от усталости руками натянул на мокрое тело одежду. От той разило конским потом пополам с собственным, что особенно остро чувствовалось после озёрной свежести. Но смены захватить не догадался, пришлось перетерпеть. От ночной зябкой сырости слегка потряхивало. В воде ещё ничего было, а на берегу – стыло. Сапоги на мокрые ноги сразу не полезли, и Олег плюнул. Насмешливо потыкал мыском ноги задремавшего пса и потрусил ко дворцу рысцой, как был босой и с сапогами наперевес.

Шарик нагнал вскоре и тяжело запыхтел рядом. Пёс был в солидном возрасте, попусту бегать не любил, чай не щенок, но и хозяина одного в его глупостях не бросал. То сиднем сидел, а теперь ишь – забегал! Дурной же, пропадёт без пригляда...

До покоев своих Олег добрался, никого по дороге не встретив – ночь глубокая, даже слуги спали. Чего хотел, он добился, устал

здорово: больше часа в седле провёл, Остап Егорыч с него семь потов согнал, а потом ещё сам себе устроил заплыв с пробежкой. Пришлось приложить усилие, чтобы заставить себя вымыться, но наличие крана с горячей водой стало решающим. Как тут работал водопровод, Олег никогда не вдавался, он и дома-то представлял это смутно. Есть – и ладно, и хорошо, потому что иначе он бы точно лёг как был.

Завалился спать воевода как подкошенный, даром что в голове продолжала издевательски побрякивать голосом давно мёртвого сержанта заевшая строчка. Горы слева, горы справа, посредине Хулхулау... Ухнул в сон сразу, не ворочаясь и не обращая внимания на унылое предчувствие новой встречи со старыми кошмарами.

Только, к удивлению, те изменили себе и не явились. А снилась Олегу вторую ночь кряду чернявая алатырница, и спал он, может, беспокойно, но – сладко.

ГЛАВА 10. Княжеский сын

Степанида свою подопечную успела потерять и почти начала волноваться, так что ворчала на вернувшуюся Алёну долго и нудно, напомнив тем бабушку. Всё же она точно старше тех лет, на какие выйдит, и намного! Узнать бы всё-таки, кто такая?

Брюзжание алатырница слушала смиренно, большей частью пропуская мимо ушей, на вопросы отвечала коротко и невпопад, и Степаниде это в конце концов надоело. Она махнула рукой на рассеянную девицу и прекратила что поучать, что пытаться расспрашивать – вернулась, и живая, а в остальном её, Стеши, дело сторона. Алёна тому только порадовалась, села в уголок с книжкой и затихла. Правда, страницы переворачивать забыла, глядя и не видя ни единой буквы.

Губы ныли, сердце трепетало, было томно и маетно. И горько, стоило вспомнить его слова. «Меня никто и нигде не ждёт». Да, говорил ровно, без боли, но оттого ещё горше делалось. От смирения, от привычности к этому беспросветному одиночеству. И нестерпимо хотелось поспорить, сказать, что – ждали. Она ждала, все эти годы!

Но хорошо, что смолчала. Он ведь не о том говорил, и что ему мечты чужой девчонки? Он её знать не знает, второй день знакомы. А что поцеловал... Ну так сама напрашивалась, чего теряться? И не нужно видеть за этим иного.

Не нужно, но как же хочется!

Насилу отвлекла себя от этих мыслей, да только прочие были не лучше, и Алёна не знала, за что хвататься и куда бежать. И когда спать легла, легче не стало, так и промаялась полночи. Янтарь в крови волновался и обжигал, вторя беспокойству и окончательно прогоняя дрему. Забылась она только к утру неровным, обрывочным сном, в котором то мчалась куда-то, загоня коня, то, оскальзываясь, бежала среди скал над пропастью.

– Засоня, ты вставать-то собираешься? - разбудил её голос Степаниды.

– Что, уже утро? – сонно пробормотала Алёна, села в постели, потёрла кулаком глаза. Зевнула.

– Да уж к полудню! – насмешливо отозвалась рыжая. – Мне всё интереснее, чем же ты таким вечером занималась, что теперь так спишь?

– К полудню?! – охнула алатырница, пропустив остальное мимо ушей. – Что ж ты меня не разбудила?

– А зачем? – пожала плечами Стеша, наблюдая за метаниями подопечной с явным удовольствием. – Спешки-то никакой нет. Я и так тебя разбудила только потому, что тебе подарок принесли.

– Подарок? Какой? – Алёна замерла от неожиданности на пороге мыльни.

– Безопасный, – вредным голосом отозвалась Степанида. – Поди умойся, никуда он от тебя не сбежит. Когда только успела себе поклонника завести? – покачала она головой и вышла.

А Алёна всё же метнулась в мыльню. Подгоняло прежде всего любопытство, потом волнение, предвкушение и – робкая надежда. Ей приходил на ум единственный мужчина, от которого мечталось получить подарок, пусть и сущую безделицу. И вроде понимала, что вряд ли это воевода, но как же хотелось ошибиться!

Дар действительно оказался безопасным – со всех сторон. Ни чар на нём Степанида не обнаружила, ни зелий или ядов каких, и ничего непристойного или многозначительного, вроде как в подаренном Ульяне князем расписном платке. Просто ленты в волосы. Красивые, блестящие, красные и зелёные, с тонкой узорной вышивкой на концах. Не дешёвые, но и не чрезмерно дорогие. Самый невинный дар, какой мог преподнести незамужней девушке любой, желающий оказать внимание, от родственника до очарованного случайного знакомца.

Однако никакого знака, позволявшего судить о дарителе, не было, ни малейшего намёка. Кто бы ни прислал эти ленты, он лишь хотел показать приязнь и старался ничем не обидеть. И имя своё показывать не хотел, подарок под дверью оставили. Записка только коротенькая была, «красавице для красоты», и почерком совсем другим сделанная, нежели прежняя гадость. Вдруг и впрямь – воевода?.. Алёна подумала, что как раз он мог бы так поступить, но постаралась не обнадёживать себя понапрасну. Однако зелёную ленту в косу всё-таки вплела, благо и сарафан подходящий имелся.

Степанида вопросов не задавала и против того, чтобы подарок принять, не возражала, помогла с косой, даже как будто смотрела на

всё это с одобрением. На самом деле желала Алёне здесь мужа найти?

Завтрак с княгиней алатырница пропустила и сейчас мелочно этому порадовалась, как и тому, что Ульяна сама не пришла. Или приходила, но застала её спящей, расспрашивать Стешу Алёна не стала. Она пока ещё не придумала, как держаться с боярышней : как прежде не могла, сомнения одолевали, но и обидеть её невольно не хотелось. Оставалось надеяться, что передышка поможет примириться с новостями и успокоиться.

Она едва успела позавтракать, чем с видом строгой нянюшки озаботилась Степанида, когда в дверь постучали. Явившаяся прислужница передала, что княжич Дмитрий просит прийти княгиню в известный ей покой. Алёна встретила эту новость с облегчением: из всех, кого она знала здесь и кто мог захотеть встречи, с ним сейчас было проще всего. Даже проще, чем с воеводой, потому что с ним алатырница после вчерашнего очень боялась себя выдать и натворить каких-нибудь глупостей.

А княжич что, к нему она ни приязни особой не питала, ни наоборот. Просто чужой, малознакомый человек, с которым можно поговорить о лошадях и о чём-нибудь еще интересном и после без сожалений выбросить из головы.

– Здравствуй, Алёна! – Княжич искренне обрадовался её приходу, алатырнице немного совестно стало за своё равнодушие. – Ты так быстро вчера ушла, я и попрощаться не успел.

– Я не привыкла к многолюдным собраниям, – ответ нашёлся легко. – У княгини-то сложно, а здесь... Надеюсь, я никого этим не обидела?

– Нет, что ты! Я вообще не об этом, просто к слову пришлось. Я хотел позвать тебя погулять, верхом покататься. В прошлый раз как-то глупо вышло, но я всё же надеюсь, что молния дважды в одно дерево не ударит. - Улыбнулся он светло и немного виновато, мальчишески. – Здесь очень красивые места есть, я с удовольствием покажу! Ты дурного не подумай, я тебя и пальцем не трону. Ты очень хорошая, и красивая, но у меня к тебе совсем другой интерес, – улыбка стала хитрой и шкодливой.

– Какой? – искренне удивилась алатырница и словам, и той неожиданной прямооте, с которой они были сказаны.

– Просто поговорить по душам, - продолжил улыбаться княжич, но уже совсем невесело.

– А почему именно со мной? - ещё больше удивилась она. - У тебя же друзья есть. Влад, например, мне показался неплохим... Разве нет?

– Зануда он, – недовольно отмахнулся Дмитрий. - Хочется хоть ненадолго отсюда вырваться, сил моих больше нет с этими бумажками сидеть, тьфу! Я бы и один пошёл, но вдвоём всяко веселее. Хочешь, я тебе Уголька дам? - предложил с отчаянной надеждой.

И Алёна вдруг поняла, что княжич в свои восемнадцать – совсем еще мальчишка, даром что выглядит как молодой воин. Вроде небольшая у них разница в годах, а поди ж ты... До сих пор она о том не задумывалась, а тут вдруг вспомнила, как прошлый раз дома на побывке была и как вились вокруг братцы-погодки пятнадцати и четырнадцати лет – старшего дядьки дети. Вот точно как княжич, только они ещё и выглядели голенастыми, как жеребята, а Дмитрий как будто возмужал.

Ей стало жаль его. Алёна хорошо помнила свою учёбу, и как тяжело было поначалу проводить круглый год за книжками, так что осенняя и весенняя работа в поле казалась за благо. Не телу тяжело, душе. Янтарь жёгся, ему мало было тех заданий, что давали наставники, и смиряться он не хотел, и на волю рвался если не выплеснуться лесным пожаром, то хоть пустить горячего коня в намёт наперегонки с ветром – от этого становилось легче дышать. А княжичу тяжелее, с него больше требуют.

Наконец вспомнилась жалоба Ярослава на сына, и алатырница вздохнула, сдаваясь под гнётом сочувствия:

– Хочу. Я согласна. – Да и самой ей, если честно, претило сидеть сейчас в четырёх стенах, так что соглашалась она с лёгким сердцем.

– Через полчаса встречаемся у конюшни! – просиял Дмитрий и умчался, а алатырница отправилась к себе за сменой одежды, не в сарафане же по лесу скакать.

Степаниды опять не было, так что собралась Алёна быстро и никому ни о чём говорить не стала. Навряд ли кто-то попытается убить её теперь, а если попытается – уж как-нибудь справится. Да и ничем в таком случае не поможет предупреждение, а запрещать прогулку рыжая, скорее всего, не станет. Она вообще почему-то ничего не

запрещала, хотя имела на то полное право, и алатырница окончательно перестала понимать, для чего она Вьюжину нужна.

У конюшни её ждали. От нетерпения приплясывали Уголёк, его хозяин и тонконогий, изумительной красоты игрневый жеребчик с длинной и шелковистой белой гривой. Рядом с ними стоял очень хмурый и недовольный конюх Остап Егорович, который на приветствие алатырницы не ответил, смерил её тяжёлым взглядом и отвернулся к Угольку, похлопал того по крутой шее и сделал вид, будто жутко занят конём.

Переделалась Алёна в деннике вороного, там же, у яслей, припрятала и свою одежду, чтобы случайно никому в глаза не бросилась. Косу убирать не стала, только подвязала хвост к основанию, чтобы не прищемить нигде ненароком – они же гулять ехали, не джигитовкой заниматься.

Конюх не сказал ей ни слова и теперь, одарив новым недобрый взглядом, словно сердился на что-то, и Алёна не смогла выбросить это из головы.

– За что он так на меня злится? – спросила она, когда кони достаточно отошли от конюшни. Они явно радовались прогулке не меньше княжича, который сидел в седле с улыбкой в уголках губ и счастливо шурился на яркое солнце, их не подгонять приходилось, а даже немного сдерживать – сами шли широким, торопливым шагом и не прочь были перейти хотя бы на рысь.

– Кто злится? – встряхнулся Дмитрий.

– Остап Егорович.

– А-а, он-то, - протянул княжич насмешливо и широко улыбнулся.

– За то, что мужиками вертишь как хочешь, а мы, дураки, только глазами хлопаем.

– Я верчу? – искренне изумилась Алёна, отчего собеседник развеселился пуще прежнего. – Кем?

– Ну мне он только про воеводу ещё говорил, мол, мозги все пропил, а теперь что останется – то... – он запнулся, смутился и закончил скомканно : – Потеряет, в общем. Из-за тебя. А ты перед обоими хвостом крутишь и никак выбрать не можешь.

– Я?! – задохнулась от обиды алатырница. – Да он... Да как...

– Ну это он больше меня предостерегал, - с напускным спокойствием продолжил княжич, хитро поглядывая на спутницу. -

Чтобы я с воеводой не вздумал из-за бабы ссориться. Любит он Рубцова, хотя и ругает.

– Да за кого он меня принимает?! Чтобы я с двумя сразу гуляла? Да он!..

– Ну со мной вот гуляешь, улыбки раздаёшь ласковые, с воеводой, Егорыч сказал, тоже обнимаешься, и он на тебя, дескать, щенячьим взглядом смотрит. Коварная, хитрая жадина!.. – продолжил зубоскалить княжич над раскрасневшейся девушкой.

– Да я тебе сейчас покажу жадину! – возмутилась Алёна, сгоряча взмахнув хлыстом. Конюх был далеко, а вот княжич со своими подначками – совсем рядом.

Пожалела об этом девушка в следующее же мгновение: хлыст, хоть и лёгкий, не «взрослая» злая нагайка, так и перед ней совсем не ровня, а великокняжеский сын! Остановить замах не успела, но, по счастью, Дмитрий не обиделся совершенно, с хохотом увернулся от удара и шлепок звонко щёлкнул по крупу коня. Игреньевый поддал задом и с места прынул в намёт, но наездник сумел его сдержать и через несколько саженей развернул назад.

– Прости, пожалуйста! – испуганно попросила алатырница. - Я...

– Грозная ты, – улыбнулся княжич. – Не сердись, я тоже не со зла. Такое у тебя лицо было!

– То есть Остап Егорыч ничего подобного не говорил?

– Да он вообще поговорить любит, не бери в голову, – посерьёзnel Дмитрий, задумчиво глядя вперёд, на вьющуюся между деревьев тропу. Здесь она была широкой, два коня рядом вполне помещались. – Я не о том хотел, не сдержался просто. Говорю же, ты хорошая, но я в тебя не влюбился. А если бы влюбился, всё равно под венец не поволоку, не бойся.

– А почему я должна этого бояться? – нахмурилась Алёна.

– А ты разве сможешь вот так? - он глянул искоса, дёрнул головой куда-то назад. – Как все эти.

– Я не понимаю...

– Ты другая, – коротко ответил Дмитрий, глядя не на девушку, а куда-то в летнюю зелень. - Не как они. Они домашние, они привычные, сидят сиднем в светёлках, в пальцы иголками тычут, и всё нормально. Великая княгиня должна быть такой, ей нельзя вон как ты джигитовать да из самострела в цель бить. А тебя нельзя в золотую

клетку, я же понимаю, – он улыбнулся уголками губ, глянул на неё снисходительно. – И Олег Сергеевич это тоже поймёт. Он хоть и впрямь сдал в последнее время, и отцовские эти глупости с кораблями поддерживает, но не обидит. Да он и сам такой, вот и чахнет в этом... болоте.

– Ты так говоришь, как будто меня ему отдать – дело решённое и вы с ним сговорились, – ещё больше насупилась алатырница, пытаюсь скрыть смятение и вострепённую в груди надежду. Неужто правда?..

– Откуда, я же не сваха! – слегка смутился княжич. – Или тебе воевода не люб? – опомнился он.

– Люб, – тихо призналась Алёна, опустив глаза. – Да и разве может быть иначе?.. – пробормотала, но тут же одёрнула себя: – Да ладно, довольно об этом! О чём ты поговорить хотел? Неужели о воеводе?

– Нет, это вон Остап Егорыч с панталыку сбил. Я хотел поговорить о тебе. Расскажи, откуда ты? Я же вижу, ты не просто в глуши где-то жила, что я, таких девиц не видел? А ты больше на дружинницу похожа. Обещаю, я никому не расскажу.

Алёна немного помялась, но потом всё же рассказала почти правду. О жизни в станице, о молодых пластунах, с которыми училась и дружила, о друзьях с заставы. Однако и так откровенничать, как с воеводой давеча, не стала. Про службу, про янтарь – про это всё смолчала, и уж тем более о кознях Вьюжина с его непонятными планами. Не хватало ещё их нарушить своей болтовнёй! Мол, жила в станице, но вот князь позвал, рассказал об отце и его смерти, и теперь предстоит наследницей стать.

– Это несправедливо, – нахмурился Дмитрий.

– Мне тоже кажется, что лучше было выбрать другого наследника, они всяко больше к этому готовы, – согласилась алатырница.

– Да какое? Леший с ними, с наследниками! К тебе несправедливо! Он не имеет права заставлять тебя выйти замуж! Хоть он и князь, но таких вещей Матушка не одобрит!

– Так никто и не заставляет, он же просто велел присмотреться, вдруг кто по сердцу придётся? – Алёна опустила взгляд. От горячего ответа княжича стало стыдно: он так искренне за неё переживал, а она его обманывала.

– И всё равно, я поговорю с ним, он...

– Не надо, Мить! – так встревожилась она, даже что назвала его коротким именем. - Правда не надо, всё хорошо! Времени еще довольно, глядишь и к лучшему всё обернётся. Ты сам вон говорил, что воевода на меня заглядывается, так, может, он и... – закончила и отвернулась, чувствуя, как горят от такого признания щёки.

– А ты, значит, не против воеводы? – подначил княжич.

– Не против, – буркнула тихо и поспешила заговорить о другом : – Отчего тебя это так беспокоит?

– Очень хочется помочь тебе, – ответил он. - Мне жаль, что тебя сюда притащили, а вступить за сироту некому. Ладно у кого от рождения выбора нет, это тяжело, но можно привыкнуть, а ты...

И алатырница наконец сообразила, отчего княжич может так близко к сердцу принимать её положение.

– Тебе не нравится здесь, да? – тихо спросила она.

– Не нравится, - легко огласился он. Но подробнее рассказывать не стал – да и то верно, зачем? – Что мы плетёмся как улитки? Ай-я! – прикрикнул он на коня, свистнул хлыст и игрневый прынул вперёд.

Уголёк сорвался за ним безо всяких команд, и алатырница не стала сдерживать жеребца, наоборот, подбодрила его ногами и пригнулась ниже к шее, уклоняясь от веток.

Наверное, Дмитрий не просто так подстегнул коня именно здесь, не только из-за трудного разговора, потому что через несколько мгновений скачки лес вдруг оборвался и всадники выскочили на узкую длинную прогалину.

Вороной летел пущенной стрелой, едва ли касаясь земли, а топот копыт катился сбоку, словно рядом кто-то стучал в барабан – или вовсе билось в ушах сердце. Из головы вмиг выдуло все мысли до единой, и Алёна рассмеялась от счастья. Как давно она вот так не летала и как здорово, что удалось теперь! То служба, то учёба, то вот это чужое место...

Игрневый отставал, но не сильно, а к концу прогалины кони сами замедлились, сбились на рысь, а там и вовсе – на широкий шаг.

Немного проехали молча, и Алёна наконец поняла, что движутся они по крутому берегу небольшой речки. Голая прогалина закончилась, но и то, что пошло дальше, сложно было назвать лесом – так, отдельные купы деревьев.

– Жаль, что ты совсем не знала Ивана Никитича, - нарушил молчание Дмитрий. - Мне кажется, вы бы поладили. Я понимаю, отчего он не стал забирать тебя к себе, но странно, почему сам не приезжал? Не хотел внимание привлекать?

– И почему не стал забирать? - озадачилась Алёна. Она тоже об этом знала, но уж очень странно прозвучали слова княжича.

– Хотел для тебя лучшей доли, чтобы ты росла не здесь, а на свободе.

Алатырница не нашлась с ответом. Прозвучало настолько глупо, что она сперва не поверила, что слышит всё это от вроде бы разумного княжича. А с другой стороны – с такой убеждённой и верой в сказанное, что даже на мгновение усомнилась : вдруг и правда?

Алёна нахмурилась, рассеянно потрепала коня по влажному от пота плечу.

Она никогда не была хитроумной и прекрасно это понимала, но даже ей суждения Дмитрия казались очень наивными. С чего бы князю жалеть дочь? Ну ладно взрослую забирать из родной семьи, но младенца? Вырастит бы такую, как надо, и не горевала бы она ни о чём. Вон боярышни живут, и хорошо живут, и счастливы, и им бы в голову не приходило грезить о деревенском босоногом детстве. Неужто княжич этого не понимал?

Вспомнился совет Вьюжина, данный князю о его сыне, что того стоило бы отправить на границу, и алатырница в очередной раз подумала, что боярин – очень проницательный человек и наследника, кажется, видит насквозь.

Дмитрий ведь наверняка быстро передумает и запросится домой, оказавшись где-нибудь среди скал и болот, без привычных с детства вещей вроде горячей воды безо всяких дров, сна вдосталь и возможности вот так, по малейшему желанию, сесть на коня и удрать куда-нибудь в поля, наплевав на обязанности. Сколько-то, наверное, на одной гордости протянет, но вряд ли из этого выйдет что-то путное. И если вскоре с умом позвать его обратно, так, чтобы гордость не задеть, вернётся как миленький.

Жаль, что не понимали этого ни князь, ни княжич. Но пытаться открыть им глаза Алёна не собиралась. Это не младший брат, не случайный дурной сверстник из школы и не сосед. Князь вон и Вьюжина не слушал, а Дмитрия она своими попытками переубедить

только разозлит и оттолкнёт, ругаться же с ним не хотелось – и просто потому, что Алёна вообще не любила ссоры и споры, и потому, что он княжич и мало ли как поведёт себя в обиде.

Вместо всего этого она поддержала более мирный разговор о своём покойном отце и с немалым удивлением выслушала обильные восторги на его счёт. Княжич не просто уважал Краснова, он явно им восхищался и любил едва ли не больше, чем родного отца. Иван Никитич не только занимался производством самострелов, но и управлялся с ними лихо, получше многих служивых, и именно он учил наследника стрелять, когда тот был совсем мальчишкой. Тогда-то и возникла их привязанность, причём, вполне возможно, взаимная. Жаль, что Краснов так и не завёл сына, из него бы мог получиться хороший любящий отец.

Слово за слово, настроение у обоих выправилось. Алёна рассказывала разные пограничные байки, всё больше чужие, чтобы лишнего не сболтнуть, Дмитрий – о дворцовых обитателях и местных легендах.

Например, алатырница наконец узнала, откуда рядом с княжеским дворцом такие уголья и почему Китеж не растёт в эту сторону. Оказалось, земли эти считались заповедными, и не то что строить дома, но вообще въезжать сюда мало кто имел право. Разумеется, княжич входил в число избранных. Как он сказал доверительно, охота для него была отдушиной и, если бы не она, вообще непонятно как жил бы. Да только вдоволь резвиться нельзя было даже ему: хозяин здешних лесов был строг и в вотчину свою пускал неохотно.

То они шли пешком, то опять посылали коней в намет взапуски, то легко рысили по едва заметным тропкам. Потом лес незаметно сгустился, деревья сблизилась, и ехать получалось только шагом друг за другом или на расстоянии – рядом кони помещались не везде, но лес был чистым, без завалов, рачительный хозяин ему достался.

– А мы куда-то в определённое место едем или просто прогуливаемся? - спросила алатырница, с удовольствием вглядываясь в зелёную лесную тишину и вдыхая тёплый древесно-прелый запах.

– К реке, – отозвался княжич. – Там место красивое и водяной добродушный, очень лошадей любит, и поговорить тоже. Да и лошади в воде поиграть не прочь, Уголёк так точно.

Дружески беседовать с водяными Алёне не случалось, природные духи очень не любили жёлтый янтарь и всячески его избегали. Те из них, что не злые и не пытались путников губить, вообще редко себя людям показывали, только красный янтарь и мог их вызвать для беседы, но там у них и выбора особого не было, сила чародейская не позволяла увилить. Выходило, что княжичу редкое почтение оказывали.

В Алёне вступили в противоборство любопытство, потому что с водяным познакомиться хотелось, и тревога: она была не уверена, что от духа удастся спрятать янтарь так же, как от людей. Последнее в конце победило, и она задумалась, как бы заставить спутника отказаться от такой прогулки, но её опередили.

Где-то сбоку громко, надрывно завизжала женщина, а следом за тем – оглушительно, жутко затрещало, словно там одно за одним падали деревья. Кони шарахнулись, заплясали, затрясли мордами, но всадники сумели справиться, осадить их.

– Здесь всегда так? – спросила Алёна в растерянности.

Визг повторился, кажется, ближе. В той стороне громко ухнуло, деревья вокруг заходили ходуном, как в бурю. Уголёк опять шарахнулся, заржал тоненько.

– Первый раз, – растерялся княжич.

Алатырница, мгновение поколебавшись, повернула коня к источнику шума. Вороной заартачился, привстал на дыбы, но несколько злых, с оттяжкой, ударов хлыста под тихую ругань его убедили. Волей-неволей Алёна вспомнила свои же вчерашние слова о конских статях и норове: как в воду глядела! Эх, как там её добрая, верная, надёжная Свечка? Не обижают ли в княгинином доме? С виду она неказиста, да только и не так пуглива, как этот красавчик!

С игреневым княжич управился вскоре, нагнал. Кони по-заячьи петляли по лесу, норовили уклониться с дороги. Алёна сквозь зубы на все лады костерила вороного и просила его не споткнуться : не хватало ещё ему ногу сломать! Тот порой оступался, цепляясь за корни, но пока везло.

– Помогите! – крик раздался совсем рядом, и из леса на взмыленной хрипящей лошади им наперерез вылетела какая-то женщина.

Заметив всадников, она повернула к ним и лихо осадилась рядом трясущегося не то от скачки, не то от страха коня. Алёна с огромным изумлением узнала во всаднице Светлану, князя Краснова вдову.

– Что там? – спросила алатырница резко.

– Леший, – отозвалась Светлана, тяжело дыша. На княжича с его спутницей смотрела странно, но о постороннем тоже не заговаривала. – На Павлинку разозлился!

– Стой, Алёна, куда?! – окликнул алатырницу княжич, не отважившись следовать за ней.

– Лесника зови! – бросила та через плечо, нахлёстывая коня. – Давай, давай, Уголёк, не позорь славные конюшни! – цедила сквозь зубы.

С каждым скоком коня лес темнел, словно дело стремительно шло к ночи. Кругом выло и хохотало, скрежетало и гулко ухало, ветки как живые цепляли за одежду, хлестали по лицу. Пришлось перейти на рысь, а там и на рваный, дёрганный шаг с припрыжкой, пока конь не упёрся окончательно, заплясал и начал пятиться.

Алатырница подобрала стремя и прыгнула на землю, держа поводья. Уголёк, почуяв свободу, заметался сильнее, забил ногами, замотал головой, чудом не сдёргивая Алёну с места. Косил дикими глазами, прижимал уши и не ржал – всхлипывал. Она едва сумела отстегнуть повод от уздечки, чтобы конь ни за что не зацепился, и тот сорвался прочь с места в намёт.

Смотав повод и начаровав светлый взор, Алёна упрямо зашагала вперёд, туда, где бесновался рассерженный леший. Матушка знает, чем боярышня так его разозлила, но бросать всё как есть и ждать, пока княжич лесника найдёт, алатырница не собиралась. Видела она, что мог сделать разгневанный лесной хозяин с человеком, притом напрямую ему не вредя. Если Павлина ещё жива, то в любой момент могла обмереть от страха.

Заклинать домовую и природную нечисть Алёне никогда не доводилось, дар не тот, но знала, как это делается и что можно им противопоставить. Боевых алатырников учили и тому, как подобных духов усмирять, поэтому сейчас она шла вперёд с твёрдым намерением отобрать у взбешённого лешего добычу. Не жёлтому янтарю леса бояться, это он пусть трясётся и пощады просит!

Алёна сделала не больше десятка шагов, когда ветки заплели путь, корни обхватили сапоги, а хохот леса стал издевательским.

– Ах вот ты как? А мы вот так! – воскликнула она азартно, и на ладонях полыхнуло пламя.

Махнула рукой – листья на окрестных ветках запеклись и пожухли, осыпались пеплом тонкие сучки, корни, как живые змеи, расплзлись в стороны, попрятались под листвой.

По лесу прокатился низкий стон, и будь у Алёны шерсть, она бы на холке встала дыбом. Но алатырница упрямо стиснула зубы, набычилась и двинулась вперёд – молча, не таясь, твёрдо ступая.

Коли нечисть лютует – по-доброму с ней нельзя, поглумится только, заморочит, и сгинешь безвестно, – так говорил наставник в школе. Коли сила есть, так надо вынудить духов просить, и вот тогда уже – разговоры разговаривать.

Сажени не миновала, опять дорогу застили ветки – колючий, тёмный шиповник с острыми колючками. И новый взмах, опять пламя не подводит, опять преграда осыпается пеплом.

Стон, скрежет совсем рядом, но Алёна и к такому была готова, и падающее дерево истлело, не успев коснуться земли. Алатырницу обдало волной белого пепла, она упрямо тряхнула головой. Ещё несколько шагов сквозь чёрный, яростный, жуткий лес...

– Пош-што лес гу-убиш-шь? – прикатилось со всех сторон злое, шелестящее, с треском сучьев и уханьем совы.

– Выйди, лесной хозяин, поговорить надо! – звонкий девичий голос прокатился эхом, запутался в гневном гвалте рассерженного леса.

Мгновение, и деревья впереди заскрипели, склонились в стороны, пропуская тёмного великана, живую гору – прелые листья и еловая хвоя, даже светлым взором целиком охватить не получалось. Только горели красными угольями большие глаза в вышине – в трёх, а то и четырёх саженях. Надвинулся, навис, развёл огромными руками ветки над головой. Стращал.

И Алёне вправду стало страшно. Силой такой от лешего тянуло, что в ногах появилась слабость, по спине мороз прошёл, а сердце замерло и оборвалось. Но она лишь шире расправила плечи и зажгла огонь на второй ладони.

– Чего тебе, ж-шёлтый алатырь-камень?! – прогудел леший. – Пошто явилась?

– Отпусти девушку, которую удерживаешь, и мы миром разойдёмся. Я заберу её и уйду. - Хоть и тряслись поджилки, а голос звучал твёрдо, упрямо.

– Букаш-шка! – проскрежетало со всех сторон. – Торговаться смееш-шь?!

Замахнулся огромной лапищей, попытался прихлопнуть. У Алёны сердце упало в пятки, она втянула голову в плечи и вскинула руки, закрываясь щитом. Часть удара тот принял, но прогнулся, алатырница рухнула на колени.

Но и хозяин леса за горячность поплатился сполна. Обжёгшись, отдернул руку. Ухнуло, словно весь лес разом приподнялся да и упал обратно. Земля дрогнула, Алёна рухнула набок, на опад. Вокруг засвистело, заулюлюкало, зарокотало дробно. Алатырница тотчас спешно вскочила на ноги, расставила их шире для удобства.

– Я не драться пришла, хозяин! – крикнула, не убирая пламени. - Отдай её и мы уйдём! Не хочу я твой лес жечь и ругаться не хочу!

Леший подтянул пораненную руку к животу, качнулся вперёд. Тёмная гора с угольками глаз придвинулась почти вплотную. Смелости Алёны не хватило бы устоять на месте, непременно отпрянула бы, и Матушка знает, чем бы кончился разговор, покажи она свою трусость. Вот только страх тут сыграл ей на руку: он сковал ноги, и те просто не двинулись с места.

Голова лесного хозяина оказалась похожа на медвежью, не человеческую. Алатырница замерла, боясь моргнуть лишней раз. Потому не пропустила, как хозяин леса вдруг начал ссыхаться, оседать, и через пару мгновений леший уменьшился до роста обыкновенного медведя, только вместо шерсти – иголки еловые и сосновые да бурые старые листья.

Голос леса вокруг тоже заметно поутих, даже как будто немного посветлело над головой.

Алёна вздохнула свободнее. Да, он всё ещё был огромным и грозным, всё ещё злился, но всяко не великан, нависающий сверху. Успокаивался дух, остывал.

– Девуцу тебе, значит, отдать, – заговорил медведь спокойнее, раздумчиво, сел совсем по-человечески, сложил лапы на животе. –

Спасать пришла, живой огонь? Смелая ты, вижу, светлая душ-ша, - голос уже не гремел и не рокотал, но порой всё равно срывался на шелест, которому вторила листва над головой. – А знаеш-шь, чего хотела эта девица?

– Думаю, она сделала что-то очень глупое, - осторожно предположила Алёна, потому что леший ждал ответа.

– Командовать приш-шла, крас-сный алатырь-камень! Мной командовать! Травить как с-собаку!

Лес опять гневно загудел и заухал, медведь раздулся, а уголья глаз вспыхнули ярче. И алатырница почувствовала, как холод отступившего было страха снова обнимает плечи. Наверное, красный янтарь в Павлине был не очень силён, да и обучена она была плохо, так что пытаться повелевать лесным хозяином было и впрямь глупо. Но вот то, что янтарь её не защитил, пугало. Насколько же силён этот леший?..

– Травить? - растерянно переспросила она. – Чтобы ты кого-то заморочил и запугал? Надеюсь, не княжича?! – пробормотала встревоженно.

– Княж-шича? Дура, да не настолько! Девку пугать вздумала. Ленту принцесла. Твоим духом лента пахнет, ж-шёлтый алатырь-камень!

– Зачем ей это?! – опешила Алёна.

– А леш-ший знает, – проворчал лесной хозяин, и алатырница едва сдержала улыбку : не любили эти духи расхожего у людей прозвища.

А медведь тем временем ещё уменьшился в размерах и фигурой стал больше похож на человека – кажется, он почти смирил свой гнев и успокоился.

– Но откуда бы ей знать, что я в лес поеду? – пробормотала недоверчиво.

– Мои владения до самого дворца и озера, – не без гордости заявил леший. - Ну ш-што, передумала выручать? - Лес глумливо захохотал, заверещал тысячей голосов.

– Нет, лесной хозяин, теперь еще больше хочу забрать её. И спросить, что я ей дурного сделала.

– Ш-штош-шь, спроси, – проговорил он себе под нос и поднялся – уже совсем другим, высоким крепким старцем в бурой накидке с налипшими прошлогодними листьями, такие пластуны уважали, чтобы скрываться от чужих глаз. С сажени не поймёшь, что не человек, а с

двух – вовсе не увидишь. - Только пусть обе от моего леса подальше держатся, а сунутся – пеняют на себя. Уж не взыщи, второй раз не отпущу, тут и сгинут.

Не прощаясь, он развернулся и зашагал в лес, каждый шаг – в сажень длиной. И давившая сверху тьма покатила следом, быстро отползая, оседая, прячась в норы под корнями деревьев, в дупла, на дно глубоких ям и оврагов. Алёна длинно выдохнула, опустила напряжённые плечи, склонилась, опираясь руками о дрожащие колени, и одним только упорством не осела на землю.

Повезло, спасибо Матушке за заступничество! Хоть разгневан лесной хозяин был всерьёз, но добрым оказался, отходчивым, а то бы не совладала. Видать, мирно он живёт с людьми, никто его не гневил доселе. Даже нелепое чувство стыда появилось, что из-за неё такое случилось, но лёгкое, не всерьёз, и уж точно алатырница не собиралась себя в чём-то винить.

Где искать потеряшку, леший не сказал, а спросить напрямую Алёне не хватило решимости. Найдёт уж как-нибудь. Или нет, но там лесник явится и отыщет.

В поисках жёлтый янтарь плохой помощник, увы. Всё, что алатырница могла, это ощутить живое тепло в нескольких саженях вокруг, и должно было повезти, чтобы такой маленькой сетью поймать рыбку, но не сделать всё возможное она не могла. Всё же человек пропал. Аукать не пыталась : ясно, что Павлина напугана до смерти, забилась под какую-то корягу и трясётся, не веря ни единому звуку, да и голос уж верно сорвала.

Алёна неспешно брела через лес, вглядываясь в негустой подлесок, и щупала окрест себя чутьём, но никого, крупнее белки, не чуяла. А голова в это время была занята одним вопросом: чем она настолько не угодила Павлине? Или не ей, а Светлане, которая была тут с ней? Или вовсе – Людмиле, которая ими верховодила? И чего еще ждать от вздорных девиц?! Ведь ясно, на этом не остановятся! И, главное, что теперь с ними делать? Не гадости же ответные продумывать!

В конце концов решила не мудрствовать лукаво, а прямо спросить у Степаниды. Всё равно про попытку сговора дурных девиц с лесным хозяином ей стоило рассказать, молчать о таком глупо. Вряд ли всё это имело отношение к делу, но тут не ей судить, а Вьюжину.

ГЛАВА 11. Княжеский праздник

Прошло, наверное, с полчаса или побольше, когда Алёна услышала заливистый собачий лай позади, а вскоре – и конский топот. Первым вспомнился воевода со своим серьёзным кареглазым псом, но алатырница поспешила отмахнуться от этого предположения. Откуда бы ему тут взяться? Да и голос у неделянца явно пониже, не столь звонкий.

Алёна остановилась, обернулась, сосредоточилась на янтаре в своей крови, на всякий случай пряча его, как учила Степанида. Буквально через считанные мгновения между веток замелькало живым пламенем, а потом из леса выскочила пара тьякуш – ярко-рыжих длинномордых гончих псов. Раза в три меньше воеводиного здоровяка, они запрыгали вокруг, заливаясь лаем и виляя длинными лохматыми хвостами. Трогать их алатырница не рискнула, но протянула открытые ладони понюхать. Псы оказались добродушными, ладони облизали, и девушка приняла это как разрешение погладить улыбочивые морды.

Следом из леса показалась пара всадников на крепких низкорослых лошадках: коренастый мужичок в годах с вислыми усами и молодой парень, ровесник самой Алёны. Княжича среди них не было.

– Живая? - Старший осадил коня рядом с девушкой, и тот недовольно зафыркал и затряс головой, пританцовывая, когда собаки закружились у него под брюхом.

– Со мной всё в порядке, леший сам успокоился, – поспешила заверить Алёна.

– Ну дура девка! На кой тебя-то сюда принесло? – он сплюнул под ноги коня и, не дожидаясь ответа, бросил второму: – Ероха, пригляди!

Сам свистнул как-то по-особому псам и вместе с ними умчался дальше.

– Залезай, - дружелюбно улыбнулся парень и протянул руку. – Не сердись на дядьку, злится он, что хозяина леса расстроили.

– Понимаю, – кивнула Алёна, воспользовалась помощью и через мгновение сидела на крупе лошади, которая развернулась и зашагала в сторону дома. – А как он с собаками договаривается? Как они ищут?

– На людей натасканы, всех без разбора, - отозвался помощник лесника. – Тут нередко бывает, кто-то блуждает – то от охоты отобьётся, то из деревенских кто. Вот дядька и ищет. На кой тебя в лес то понесло? Местный хозяин хоть и незлой, но обиделся, по всему видать, люто, и тебя бы заморочил!

– Помочь хотела, – неопределённо отозвалась алатырница. Посчитают самонадеянной дурой – да и пусть, не жалко.

– Бедовая девка, а ещё княгиня! – хохотнул Ерофей. - Но Матушка тебя, видать, любит, коль дурного не случилось.

– Ты не знаешь, Уголёк в конюшню вернулся? – спросила о главном. За коня она переживала всерьёз: хоть и трусоватый, всё равно жалко. Зато добрый, красивый, да и не для того он тут, чтобы с нечистью сражаться.

– Откуда! Хочешь, я тебя к конюшне отвезу?

– Давай.

Путь занял довольно много времени, потому что гнать лошадь с двойным весом Ерофей не стал, но Алёна не очень-то об этом сожалела. Прогулка всё одно вышла неплохой, а болтовня с жизнерадостным и лёгким парнем скрасила дорогу. Говорили о всяком, в основном – о лесе, его хозяине, травили байки и былички о леших, кикиморах, водяных... Алёна знала их много, а Ерофей – того больше, словно ими одними и жил.

У конюшни дружины молодой лесник её ссадил и развернулся обратно, а сама алатырница попала в охапку встревоженного княжича.

– Живая! – обрадованно воскликнул он, поймал за плечи, оглядел радостно. – Напугала ты меня, – смущённо признался, опомнившись и разжав руки. - Уголёк вон один вернулся... Зачем ты вообще в лес пошла?!

– Думала помочь, – повторила она. - Да ничего толком не случилось, Уголёк быстро заартачился, пришлось спешиться, а пешком далеко ли уйдёшь! Погоди, я переоденусь пойду.

– Я тебя подожду. Хоть до дворца провожу, раз так всё вышло. Прости, кто ж знал... – Княжич явно чувствовал себя виноватым.

– Да ты тут уж точно ни при чём, не извиняйся! – легко отмахнулась алатырница. – А где Светлана?

– Во дворце. Она страху натерпелась, отдыхать пошла, а я надеялся тебя дождаться. Ни разу не видел, чтобы здешний леший так

на ровном месте взъелся, не в настроении, что ли, был...

– А он что, на ровном? И ничем они его не гневил? – спросила Алёна задумчиво.

– Да чем они его задеть могли? Цветы сорвали? Ветку случайно обломили? – удивился княжич.

– Матушка знает! – Алёна только пожала плечами и пошла к деннику Уголька за своей одеждой.

Она не собиралась обсуждать с княжичем подробности этого происшествия и упоминать о том, что ей рассказал леший. Вряд ли Дмитрий замешан и привёл алатырницу туда намеренно, по сговору с этими двумя девицами, а всё остальное и обсуждать не стоило, только Вьюжина наказ нарушать.

До дворца добрались спокойно, лишь княжич увлечённо гадал, что могло найти на лешего и отчего он так разгневался. А подле крыльца их неожиданно перехватил немолодой мужчина неприметной наружности. Алёна, если встречала его ранее, не вспомнила, Дмитрий же – узнал и явственно скривился, словно незрелое яблоко надкусил и ему оттуда червяк приветственно помахал.

– Ваше сиятельство, ваша светлость! – поклонился мужчина. – Великий князь Ярослав Владимирович велел вас обоих привести безотлагательно.

– С чего обоих-то? - нахмурился Дмитрий. – Девушка-то ему к чему? Отпусти!

– Не могу знать зачем, а только приказано обоих. Следуйте за мной, - велел незнакомец спокойно, развернулся и зашагал к крыльцу, ни мгновения не сомневаясь, что его послушались.

– Что случилось? – встревоженно спросила Алёна у своего спутника.

– Не волнуйся, ты просто под руку попала, отцу я нужен. - Он опять недовольно покривился, но нарушить приказ не попытался.

Дальше шли в молчании: обсуждать князя и задавать вопросы при постороннем язык не поворачивался, а другое в голову не шло. Перед дверью нужных покоев пришлось ещё и подождать, что добавило Дмитрию мрачности, а алатырнице – дурных предчувствий. Сопровождающий постучался, заглянул внутрь, подал какой-то знак и закрыл дверь, ничего не объясняя.

Но ожидание оказалось недолгим, вскоре дверь распахнулась и из покоев один за одним вышли четверо мужчин, среди которых, к изумлению Алёны, нашёлся и Рубцов. Остальных девушка не знала, одеты они были обычно, но по сложению, выправке и манере держаться – кажется, все были опытными воинами. Воеводы, что ли? Да и верно, не просто же так они тут все сидят.

Алатырница сдержала рвущееся с языка радостное приветствие, а вот улыбку – не смогла. Однако Янтарноглазый не ответил, отчего-то посмурнел, увидев девушку, и, хмурясь, отвёл глаза.

Алёна так опешила от неожиданности, что не услышала оклика княжича, тому пришлось взять её за локоть и потянуть за собой. Но разговор с великим князем уже вовсе не занимал девушку, она и думать о нём забыла, появились другие вопросы, куда более важные.

Неужели воевода на неё сердит? Но за что?! Успели в каком-то не том свете представить недавние события и её выставили виноватой в происшествии? Может, о том и князь хотел говорить?..

Покой был знакомым, именно сюда Алёну приводил Вьюжин, но уверенности и спокойствия это не прибавило. Наоборот, страшнее стало, когда девушка, глубоко поклонившись, осмелилась поднять взгляд на великого князя и когда тот коротким приказом велел писарю выйти. Сопровождающий внутрь вообще не заходил, и алатырница вздрогнула от хлопка двери за спиной.

Ярослав Владимирович был зол и не пытался это скрыть – серые глаза цветом сравнялись с грозowymi тучами, губы плотно сжаты в тонкую линию. Несколько мгновений он молча рассматривал обоих, потом – взглянул алатырнице в лицо. Та и единого вздоха не выдержала, опустила глаза, внутренне сжалась. Хоть на колени падай и милости проси! И не столько гордость от этого удерживала, сколько полное непонимание: за что виниться-то?!

– Что ты должен был делать сегодня? - прозвучавший в звенящей тишине ровный, холодный голос князя заставил Алёну с тоской подумать о двери за спиной – такой близкой, такой манящей!

– У боярина Хлестова казначейским подсчётам учиться, после – у Саввина судебным делам, - ровно ответил Дмитрий.

Алёна глянула на него искоса – княжич пустыми глазами смотрел на отца, но крепко стискивал кулаки и, кажется, едва держался, чтобы говорить спокойно.

– А ты? – гаркнул князь. Резко поднялся, стул скрежетнул по полу.
– Щенок! – Ярослав грохнул кулаками по столу. Алёна вздрогнула, а княжич только упрямо насупился. – Будущий князь! С девкой безродной по лесам таскаться – велика важность! Ты наследник, тебе у меня Белогорье принимать! Случись что со мной – всё, смута? Княжества между собой перегрызутся?

– Матушка не допустит, – буркнул Дмитрий.

Алатырница прикусила губу и ещё больше втянула голову в плечи. Да что ж он творит, мальчишка бестолковый? Намеренно, что ли, выводит?..

– Матушка?! – громыхнул Ярослав.

Крак! – отлетела в стену чернильница, сбита княжеской рукой, вспорхнули белыми птицами листы бумаги.

– За бабскую юбку спрятаться мечтаешь, щенок? Витязь великий, с нечистойю он бороться думает! Сопляк!

Алёна тоже вспомнила Матушку и про себя взмолилась, чтобы бурю мимо пронесло, боясь и бровью двинуть. Полбеда, если князь в горячке оплеухой наградит, она крепкая. А если всерьёз осерчает – не то что родного дома, света белого не увидишь! Это княжичу что, поругается да простит, а ей...

– Ты наследник!

– Выбери себе другого наследника! – вскипел и княжич, шагнул порывисто вперёд. – У меня вон брат есть, его и учи! Небось Софья только порадуется!

– Пререкайся вздумал? Ну хорошо, – сквозь зубы процедил князь и заговорил дальше, чеканя слова, словно гвозди заколачивал. – Коль доброго отношения не ценишь и сам с собой совладать не можешь – будет на тебя другая управа. Из дворца больше – ни ногой. Обязанности первого сотника я с тебя снимаю, не заслужил. Увеселений тебе тоже никаких не будет. На Озерицу уважение озёрной деве выкажешь, и довольно с тебя. Заработаешь забавы свои усердием в науках – значит, заработаешь. А ты... – Алёна лбом ощутила, что князь перевёл взгляд на неё, но глаз поднять не посмела. – Через седмицу твоего духа здесь не будет! Или сама найдёшь мужа, или я назначу. Поняла?

– Да, ваше сиятельство, – с трудом выдавила Алёна и поклонилась.

– Прочь пошла. А тебя боярин Саввин ждёт, проваливай.

Алатырница искоса тревожно глянула на княжича – боялась, что тот опять пререкаться начнёт, и тогда Матушка знает, чем это всё вообще кончится. Побелел, на скулах румянец лихорадочный, зубы от злости едва ли не скрипят... Но нет, сдержался, да и глаза отвёл. Видать, понял, что перегнул палку.

подавать голос Алёна не рискнула, поклонилась молча, поспешила выскользнуть наружу и только там сумела перевести дух и вздохнуть полной грудью. Следом шагнул и княжич, прикрыл дверь и двинулся вместе с девушкой к переходу на женскую половину.

Алатырнице очень хотелось спросить, зачем Дмитрий так ругается с отцом, зачем воюет? Не дурак ведь, может все науки постичь, да и разве бывают знания лишними? Но она поглядывала на спутника и не решалась заговорить с ним. Глаза ему явно застил гнев, и вряд ли княжич сейчас услышал бы слова, сказанные в поддержку его отца. Ладно бы она ещё была дружна с ним с колыбели, а то знают друг друга без году седмица!

А еще тревожили слова князя. Как бы он не решил и впрямь её замуж выдать! Спорить с разгневанным правителем она не рискнула, но на душе скребли кошки, и хотелось скорее бежать к Вьюжину за утешением. Или хотя бы побыстрее дойти до покоев и рассказать обо всём Степаниде.

– Извини, что так вышло, - нарушил молчание Дмитрий. - Ты же вовсе ни в чём не виновата, из-за меня пострадала...

– Зачем ты его злишь? – осторожно спросила она.

– Да он никого, кроме себя, не слышит, – огрызнулся княжич, останавливаясь возле перехода на женскую половину. - Я сказал, я приказываю, ты должен...

– Он же правитель, - Алатырница пожала плечами.

– Да и плевать. А ты отчего так спокойна? Неужели замуж хочешь за первого встречного? – зыркнул он на девушку. В серых глазах полыхнула гроза – один в один как у отца.

– Не хочу, - опустила она взгляд.

– Он не имел права так поступать! – княжич зло ударил кулаком по стене. Точно ведь, одна порода... – Это жестоко!

– Не сердись. – Алёна тревожно огляделась, но, к счастью, никого постороннего поблизости не было. – Всё обойдётся, я уверена.

– Из-за меня это случилось, мне и исправлять. Я с ним поговорю, как остынет, – заявил Дмитрий, и спорить с ним алатырница вновь не стала – ясно же, не услышит, он уже всё решил.

– Спасибо. Да и за прогулку тоже, – слабо улыбнулась она.

– До встречи, – так же криво ухмыльнулся наследник.

Алёна с тоской подумала, что горячее решение князя к лучшему, быстрее всё это закончится, так или иначе. Даже если Вьюжин не поможет и князь сговорит её замуж, всё одно принудить никто не сумеет. Жрица Матушки никогда не поженит против воли, и пусть это ещё сильнее разозлит князя, ничего по-настоящему плохого он не сделает, это Алёна понимала. В застенки не посадит, родных тоже не тронет – хоть и вспылчив сверх всякой меры, и упрям, но не верилось, что настолько. А остальное... да уж переживёт как-нибудь его гнев, дальше заставы не пошлют.

Взбодороженная Степанида встретила алатырницу едва ли не на пороге, вооружённая дошедшими невнятными слухами о происшествии в лесу возле дворца: откуда-то здесь уже знали, что сегодня леший буйствовал, но отчего – только гадали. Выслушала, подивилась, поругалась на дурных баб, пообещала разобраться. Поставленный князем срок в седмицу её отчего-то совсем не расстроил, Стеша только махнула рукой и велела не тревожиться. Легко ей было говорить...

Оставшееся время до праздника прошло тихо. На ужине после происшествия в лесу не было Павлины и Светланы, а на следующий день появились обе и делали вид, что ничего не случилось, только Алёны избегали. Павлина так и вовсе в её сторону не смотрела, а вот вдова порой бросала непонятные, задумчивые взгляды. Особой ненависти в них не чувлось, но всё равно лучше было бы без них.

Наладилось общение Алёны с Ульяной. Поначалу относиться к боярышне по-прежнему Алёна не могла, словно засела внутри заноза, но всё же пересилила себя. Тут больше стоило винить самого Ярослава, а не неискушённую девушку, которой наверняка льстило такое внимание. Если подумать, далеко не всякая бы решилась идти против воли великого князя, а Вяткина еще упиралась, вниманием его не кичилась и не пользовалась, наоборот таилась как могла. Ей и самой, кажется, несладко было от такой любви.

Ни княжича, ни воеводу она за эти дни не встретила. Первого – к счастью, потому что вновь вызывать гнев его отца не хотелось, а второго... Она бы и рада, да только случайных встреч не выходило, не бегать же за ним!

Зато никуда не делся тайный воздыхатель. Он по-прежнему оставлял только короткие бесполезные записки, по-прежнему не показывался на глаза и не называл имени, но не присылал ничего особенного или такого, что нельзя было бы принять из-за слишком большой ценности. Цветы, потом – платок с набивным рисунком, простой и красивый.

В день праздника тоже прислали незнакомые Алёне цветы – белокрылку, которая, по словам Стеши, славилась своим приятным нежным запахом, и ароматное масло для притираний на её же основе, в этот раз без записки. Да вот только алатырница порадоваться этому не могла: утром она проснулась с заложенным носом. Чары зелёного янтаря облегчили Алёне дыхание, однако вместе с этим начисто пропал нюх.

– Странное совпадение, – недовольно нахмурилась Степанида. – Не нравится мне это, – рассеянно заметила она, уронила на ладонь каплю подаренного масла, растёрла, нюхая.

– Ты думаешь, туда что-то добавили? – насторожилась Алёна.

– Я ничего не нахожу, но я не травница, – рыжая качнула головой. – Белокрылка ценится за то, что дурные запахи отбивает, и стоит такое вот масло немало. Самый дорогой подарок из всех, какие были. И Матушка знает, у чего хотели этим запахом отбить... Могли же гадость какую-то подлить. Вряд ли яд, такое я бы заметила, я опасность чую, но, например, заставили бы пятнами покрыться. Мне вообще этот безвестный даритель не нравится. Отчего имя скрывает? Ты девица незамужняя, ничего непристойного он пока не делает, так чего прячется? Если виды имеет – назвался бы, а если считает себя ниже по положению и недостойным княгини – так чего вообще лезет? Нет, нечисто с этими подарками. Видать, дурное замыслил. Я бы предложила тебе волосы белокрылкой убрать, но этот подарок трогать не хочется. А ну как и цветы чем-то измазали?

– И с носом у меня беда не просто так, да?

– Не случайно уж точно. Зелье тебе с вечера подлили, им как раз нос лечат. А чары сторожевые не сработали, потому что лекарство это

совсем безвредное. Вот так заложило с утра, потому что ты здорова, а что нюх пропал – так это после него всегда так, к утру следующему вернётся. Убрать можно, но непросто, и после будешь чувствовать себя куда хуже, так что я не стану. Переживём как-нибудь, чай, не голова.

– Это Светлана, - проговорила Алёна, разглядывая крупные белые чашечки цветов о двух больших лепестках, похожих на крылья бабочки-капустницы, и пояснила: – Светлана что-то подлила мне в морс вечером, она же рядом сидела. Ещё Ульяна могла, но вряд ли. И Светлана же в лесу была. За что она так меня ненавидит? За то, что я наследница Краснова?

– Наверное, – согласилась та. - Но если это и впрямь она, братьев её берегись.

– Думаешь, натравит? Они не алатырники?

– Вроде бы нет. Да их и травить не надо, она ими и так вертит, они в своей единственной сестрёнке души не чают. Их сейчас двое во дворце, старший Василий и младший Любомир, Сафроновы.

– Она сестра Василия Сафронова? - удивилась Алёна.

– А я тебе разве её девичью фамилию не говорила? – рыжие брови выгнулись. - Извини, моя промашка, о другом, видимо, заболталась. Что-то случилось?

– Да ко мне Василий Сафронов тоже цеплялся, так, по мелочи, я и забыла. А он вон отчего!

– Ты с ними поаккуратнее, семья очень сильная, а аппетит у Василия Евграфовича и того больше.

– О чём ты? – нахмурилась Алёна.

– Ну он лелеял мысль выдать Светлану за Дмитрия, только тот её на пять лет моложе, понимал, что надежда невелика, так что предпочёл синицу в руке. Зато вот князя Краснова уцепить сумел, только видишь как оно вышло. И наследника не появилось, и сам Краснов, хоть жену взял, но к отцу её благосклоннее не стал, а боярин Сафронов очень на него рассчитывал.

– Зачем? – не поняла алатырница. – Неужели ему денег с конезавода мало?

– Теперь, видать, мало, как количество застав сократили. С болотниками на лошадях не воюют, но ты лучше меня знаешь: и снабжать войско надо, и между заставами без лошадей никак, а Сафронов-то не только горячих верховых разводит. Он из самых ярых

противников новых планов Ярослава... Ай, ладно, не думай ты об этом! Просто будь с этой семейкой настороже, они всякое могут выкинуть. Небось он бы попытался кого-то из сыновей на тебе женить, не жёлая удачу упускать, но у обоих невесты есть сговорённые, и не из простых семей, побоится ссориться.

Праздничного настроения у Алёны после таких разговоров вовсе не стало, и идти ей к этим людям не хотелось, но искать лазейки и отказываться она не собиралась. Тут не только долг звал, но и собственное упрямство вмешалось, и появилось желание показать, что её так просто не испугать. Желание глупое, ребяческое, но если прибавить к нему твёрдое намерение Степаниды отправить подопечную на праздник – то и от него польза была: пусть не праздничный, но хоть боевой настрой.

Весь день прошёл в тревожном ожидании. Встречаться ни с кем лишний раз не хотелось, да и нежелательно было – мало ли что ещё удумает Светлана со своими подружками! Она и так удумает, но лучше бы дать ей меньше возможностей. Так что и завтрак, и обед алатырница ела в комнате, причём без особого удовольствия – без запахов еда, оказывается, вполнину теряла во вкусе и привлекательности. И весь день до вечера не выходила, коротала часы за книгой, рукоделием и разговором.

Последний, впрочем, не клеился, потому что Степанида готова была обсуждать всё что угодно, кроме того, что было интересно Алёне. Алатырницу беспокоили планы Вьюжина, угроза замужества, ход расследования, в котором она уже совсем перестала что-то понимать, но рыжая посмеивалась да обо всём этом помалкивала. Одно твердила: бояться нечего, всё идёт так, как должно идти, а куда – Алёны это совершенно не касается. Так что остаток дня и вовсе прошёл в молчании, пока не пришла пора собираться.

Наряд Алёне пошили очень красивый, яркий, праздничный, но уж больно странный и аккурат такой, о каких она со смущением думала у старой княгини.

Нижняя рубашка на совсем тоненьких, узких лямках, в которой Алёна неожиданно узнала подарок-оскорбление от Светланы. На вопрос о том, зачем, Стеша со смехом ответила, что не пропадать же добру, а вещица знатная, да и подходит отлично.

Верхняя рубашка тоже была из тончайшего белоснежного полотна, и даже вдвоём они мало что скрывали. Да ещё сидела она низко, присборенная на густо расшитую золотом и мелким жемчугом верхковой ширины ленту. Оголённые плечи зябли, и на груди хотелось подтянуть рубашку повыше, да и широкие рукава-крылья, разрезанные от этой самой ленты, беспокоили – они закрывали руки, только если опустить их вниз, вдоль тела.

Сарафан тоже смущал. Ярко-рыжий с золотом и багрецом, как всполох пламени, непривычного кроя, он тесно обнимал стан, снизу переходя в изящный колокольчик юбки, а сверху – накрывал грудь двумя лепестками, которые тянулись к самой шее расшитыми лентами и завязывались сзади бантом. Узкие ляпочки нижней рубашки спереди прятались под ними, а сзади, пришитые крест-накрест, были почти незаметны. Спина при этом оставалась открытой, и края завязанных лент щекотали лопатки.

Убирая подопечной волосы, Степанида вплела в них одну красную с золотом ленту, а вторую почти такую же аккуратно повязала поверх, ею предстояло перевить венок. Закрепила на плечах тонкую кружевную шаль, чтобы покрыть ею волосы после, пустив венки в воду, – не положено же простоволосой под чистым небом, пусть и праздник.

Разглядывая в большом зеркале собственное отражение, Алёна рассеянно думала, что в обычной исподней рубашке чувствовала бы себя куда более одетой, меньше стеснялась бы и уж точно не радовалась так прикрывшему плечи платку. Однако при том признавала, что выглядит сейчас красиво и очень соблазнительно. Хотя все девушки будут одеты похоже, и многие из них куда краше алатырницы, но она всё же позволила себе размечтаться, что первый княжеский воевода заметит её и выделит среди прочих. Ради восхищения в его взгляде она готова была переступить через смущение и скинуть где-нибудь платок, как советовала Степанида. А если он ещё и обнимет, то и вовсе наплевать на стыд...

Въяве представились его сильные, горячие, большие ладони на обнажённых плечах, и как бы они потом огладили голую спину... От этой грёзы Алёна прерывисто вздохнула, пытаясь успокоиться, и уже гораздо искренней поблагодарила Степаниду. А уж если сбудется, так и вовсе расцелует от благодарности.

Стеша глядела на подопечную с насмешливой улыбкой и словно бы точно знала, о чём та думала. Однако промолчала и только кивнула в ответ.

Венки девицы из свиты княгини плели здесь, на женской половине. Они считались вполне пристойными праздничными головными уборами, поэтому девушки предпочитали «одеться» сразу. Цветов слуги нарезали вдосталь, чтобы уж точно не возникло споров. Впрочем, некоторые и без того нашли бы повод, если бы за своими подопечными не приглядывала сама великая княгиня вместе со старшими женщинами. Со слишком уж явной насмешкой косилась Светлана, слишком задумчивым и цепким был взгляд красавицы Людмилы.

Выбирая для венка рыжие маковки янтарницы, Алёна радовалась, что они ей в цвет наряда и к празднику в масть, потому никто и ни за что не поймёт, о ком девушка думала в этот момент. Крупные жёлтые лютики – садовые, не дикие, – как благодарность Озерице за дар, несколько ярких алых маков – для себя, потому что любимые цветы. И россыпь мелкого белого звездопыльника, чтобы оттенить богатые, яркие цвета. С лентой же венков вышел до того ярким и нарядным, что Алёна и сама залюбовалась. А на чёрных волосах это такое живое пламя и вовсе должно было смотреться отлично.

Ульяна, сидевшая рядом, цветов, кажется, не видела, брала что под руку попадётся. Тихая, рассеянная, задумчивая, на вопросы снова отвечала невпопад. Алёна догадывалась, с чем это связано, так что разговорить и не пыталась, только поглядывала сочувственно. Помочь справиться с сердечной тоской она не могла, но зато следила, чтобы боярышня совсем уж ерунды не наплела. Это было несложно, главное было вовремя подкладывать ей подходящие цветы да остановить, когда плетение окажется достаточно длинным.

Столы к праздничному ужину накрыли в самой большой, Княжеской трапезной. Алёна с трудом сдержалась от того, чтобы не начать озираться, открыв рот: она сроду не видела таких огромных комнат. Высоченные сводчатые потолки с круглыми наборными окнами, толстые квадратные колонны. Белые стены, которые оттеняло благородное серебро. Отделки было совсем немного, богатый природный рисунок камня не требовал других украшений, а простор довершал картину.

Да и остальные гости в первый момент как будто притихли, и ужин за расставленными по кругу столами начинался под негромкие, стеснённые перешёптывания. Но потом люди освоились, заговорили, и трапезная ожила.

Алёна оказалась за столом между Ульяной и каким-то незнакомым пожилым мужчиной. Тот был сдержан, обходителен и неразговорчив, что девушку очень обрадовало. Ещё больше обрадовало то, что она взглядом быстро нашла Олега, который сидел за другим столом и разговаривал с незнакомым воеводой. В чёрном торжественном кафтане с алой рубахой и серебряным шитьём, какой полагался воеводе, он был хорош – глаз не отвести. Она и не смогла, пока сам Янтарноглазый не почувал чужое внимание, поймал её взгляд. Нахмурился, и Алёна поспешила смущённо отвернуться, ругая себя за навязчивость и опять гадая – на что он сердится?

Этот вопрос занимал её и дальше, и после ужина, когда начались игры. Лишь на минуту отвлёк от переживаний Дмитрий со своими вопросами, явно обеспокоенный настроением алатырницы – он по-прежнему винил себя за княжеский гнев. Да еще злился оттого, что смягчить отца не удалось, упёрся. Алёна про себя подумала, что князя, видать, совсем допекли сыновние капризы, но всё же попыталась Дмитрия утешить, ласково потрепала по плечу, заверила, что всё обойдётся и на всё воля Матушки. Вряд ли это всерьёз помогло, но он хотя бы перестал ругаться и попытался улыбнуться.

Алатырнице глядеть на этих двоих было досадно: умные люди, а друг друга слышать не хотят. Помочь она ничем не могла, но хоть постаралась отвлечь княжича, да и себя заодно развлечь и занять, чтобы не искать поминутно глазами воеводу. Она увела Дмитрия в круг веселящейся молодёжи, и тот как будто вправду ожил, засмеялся со всеми. Игры частью были привычные и знакомые, частью – попроще, но Алёне вскоре начал нравиться этот праздник. Она даже понадеялась, что обойдётся без тех гадостей, которые они со Стешей подозревали.

В какое мгновение всё поменялось, алатырница не заметила. Вот вроде бы и княжич смеялся, и знакомицы из княгининой свиты казались милыми и искренними, и совсем незнакомые девушки и парни, приглашённые на праздник, виделись хорошими, настоящими, правильными. Потом Дмитрий куда-то пропал, кто-то изобразил

лошадиное ржание, все засмеялись, заржал другой, и через пару минут Алёна поняла, что не она смеётся со всеми, а все смеются над ней. И она никак не могла понять, в чём причина?

После такого стало не до веселья, она отошла в сторону к столам, чтобы попить холодного морса и попытаться понять, что случилось. Но одежда вроде была в порядке, и волосы, и как будто лицо тоже... Отчаявшись разобраться самостоятельно, она попыталась отыскать взглядом кого-то хоть немного «своего». Но княжич не появился, да и Рубцов тоже вышел. Алёна лишь пару раз за вечер ловила его непонятно хмурый взгляд, в общем веселье воевода не участвовал. Ей хотелось, но не хватило решимости вытащить его в круг танцующих. Что он подумает? И вокруг что скажут? В станице бы никто слова дурного не сказал, только поддержали бы, а здесь можно ли вообще так поступать? А если откажется – позора не оберёшься...

Спасение явилось вдруг и само, к Алёне подошла румяная и радостная, с блестящими глазами Ульяна. Общее веселье развело девушек на разные концы зала, и до сих пор они обе этого не замечали, а тут – боярышнè тоже захотелось перевести дух.

– Ой, а чем так противно пахнет? - удивлённо спросила Ульяна, сморщив нос. – Ой, это же от тебя! Что случилось?!

– Не знаю, я запахов не чувствую, - вздохнула Алёна.

Настроение веселиться окончательно пропало, стало тоскливо и гадко. Но одновременно пришло облегчение: плохое, которого она ждала и опасалась, случилось, и хоть это обидно и противно, но зато – и бояться больше как будто нечего. А мерзкий запах – это ерунда, не смертельно.

– И чем пахнет? – спросила алатырница, рассматривая веселящихся придворных.

И насмешливые, злорадные взгляды знакомиц из княгининой свиты ей явно не чудились. Не маячила рядом в ожидании, как поведёт себя Алёна, только Павлина, которая после событий в лесу первый раз вышла в люди и охоты веселиться, кажется, не имела. Она сидела у стола с краю и косилась на людей странным, диковатым взглядом. Видать, здорово по ней встреча с лешим ударила.

Вот что она сделала этим девицам, за что взъелись? Нешто заняться больше нечем, только новеньких травить? Не столько горько

и обидно, в подруги она им не набивалась, сколько странно и непонятно. Ничего ведь дурного не сделала, откуда такая злоба?

– Не знаю, - сказала Ульяна. – Знакомо как-то, и не то чтобы совсем гадко, но неприятно. Может, тебе...

Но что именно – договорить боярышня не успела, к девушкам неожиданно подошёл сам великий князь.

– Весело ли вам, красавицы? - заговорил мягко, ласково, Алёна такого еля от него сроду не слышала. Да и сейчас было ясно, что обращался он не к ней, а к зардевшейся и потупившейся Ульяне.

– Спасибо, ваше сиятельство, весело, – отозвались обе в голос, и алатырница тоже отвела глаза, только с другим чувством. Таким горячим, алчущим взглядом ласкал князь лицо и стан боярышни, что Алёне неловко стало рядом находиться. И Ульяну жаль, и еще гаже – ну как же ему не совестно, ведь жена же смотрит! Да и весь прочий двор...

Только князю, кажется, плевать было, кто и что подумает.

– А что ж вы тогда в стороне стоите, скучаете? - спросил с мягкой насмешкой, кончиками пальцев мазнул по девичьей щеке, приподнял подбородок, чтобы в лицо заглянуть.

– Мы не скучаем, мы отдыхаем, – едва слышно проговорила Ульяна. На князя она смотрела с таким восторгом, что алатырнице сделалось ещё более неловко, и она, к стыду своему, начала придумывать повод, чтобы удрать отсюда. – Алёне кто-то гадость сделал, чем-то вонючим облил, – пожаловалась боярышня грустно.

– Вот как? – князь метнул на алатырницу неодобрительный взгляд, принялся. - Тебе бы проветриться, там и пройдёт, - бросил он.

– Благодарю за науку, ваше сиятельство, – поклонилась Алёна и поспешила исполнить княжескую волю.

Выйти на воздух вообще показалось хорошей мыслью. Она вдруг поняла, что ей трудно дышать в этой будто бы просторной и светлой зале. Белые стены смотрели свысока на то, что булькало и бурлило между ними. А когда, пробираясь к выходу на гульбище, Алёна услышала обрывок разговора двух кумушек, едва не сорвалась на бег. «Ишь ты, какую себе девку князь подобрал! Разнообразия, видать, захотелось, тощая жена совсем надоела».

Гадко. И слова все эти, и княгинина свита со своими мелкими подлостями из-за угла, и великий князь...

Последняя обида неожиданно оказалась самой острой. Издалека, с границы, Ярослав Владимирович представлялся хорошим правителем, почти былинным. Рачительный хозяин, надежда-государь, князь-батюшка... Его любили в войске, и девицы тоже вздыхали по чеканному, красивому профилю на монетах, и княгиню любили – заботилась о всех нуждающихся она искренне, и о красоте её сказки рассказывали. И о том, какая славная чета правит Белогорьем – Матушка троих детей подарила, здоровеньких, хорошененьких, да к ним ещё старший наследник от первой жены. Издалека картина княжеского двора представлялась светлой, сказочной. А вблизи...

Умом Алёна понимала, что князь – тоже человек. И то понимала, что хороший правитель – не обязательно и человек хороший, он может быть и гадким внутри, и совсем не благородным, как и любой крепкий хозяин. Но видеть это вот так, вблизи, своими глазами, было тошно. И отчаянно хотелось оказаться подальше от этого дурного места – на вид красивого, яркого, цветного, а внутри – гнилого да мутного.

Тёплая летняя ночь обняла за плечи, огладила по волосам слабым ветром, остудила щёки, и Алёна вдруг поняла, что на них – мокро. Досадуя на себя, достала из потайного кармашка платок, чтобы утереть слёзы, и попыталась вспомнить, в какой момент они потекли, не видел ли кто? А то ей и это припомнят, и не хватало ещё, чтобы связали с князем!

– Никак обидел кто? – прозвучал рядом знакомый голос.

Алёна вздрогнула, отпрянула от неожиданности, обернулась, непроизвольно чаруя себе светлый взгляд, а воевода тем временем приблизился.

– Нет, я... так... – пробормотала она смущённо. – В общем. Вы... извините, от меня пахнет дурно, облили чем-то, - выпалила вдруг. - Я сама-то не чувствую, но...

Рубцов глубоко вздохнул, принохиваясь, хмыкнул.

– Да не то чтобы совсем дурно, по-честному – так приятней многих иных запахов.

– То есть? – удивилась Алёна.

– Конюшной от тебя пахнет, - пояснил спокойно. – Не знаю уж, кто и зачем это сделал.

– Ах вот чего они ржали, – пробормотала алатырница. Отвела взгляд, прислонилась к ограде, обняла себя ладонями за плечи.

– Ты из-за этого?.. – спросил воевода неопределённо.

– Нет. То есть не совсем. Я так, в общем... Очень домой хочется, нехорошо тут.

– Да уж. Болото...

– Что?

– Да говорят – мол, за Хребтом болото, и в Моховом уезде твоём. Чушь, – сказал он – словно сплюнул. – Вот оно, болото, здесь, у княжеского трона. Ни с какой Великой Топью не сравнится.

– Пожалуй, – тихо пробормотала Алёна. Да и как не согласиться – уж очень созвучны были эти слова тому, о чём она сама только что думала.

– А что же княжич не вступился? – непонятным, как будто злым голосом спросил Олег.

– Он ушёл куда-то, – алатырница повела плечами и подняла удивлённый взгляд на воеводу. – А отчего именно он должен был?

– Ну как же? Вы же с ним так близки, – сказал он с неожиданным ядом в голосе. – Небось и князь уже благословил, а? Красивая пара, и верно...

– Какая ещё пара? – Алёна опешила. – Да ни за что князь не позволит наследнику на незаконнорожденной жениться!

– А, то есть о женитьбе у вас речи не идёт, так, для собственного удовольствия?

Воевода еще приблизился, навис, и вся его наружность выражала напряжение и непонятную, необъяснимую злость. Грозный, сильный мужчина, с сильным янтарём в крови, и его, наверное, стоило бы испугаться, отшатнуться, удрать.

Вот только у Алёны внутри в ответ на это и на недавние обиды вместо страха вскинулось злое жёлтое пламя, и вместо побега она лишь упрямо задрала подбородок, подалась вперёд.

– А хоть бы и так, ваше какое дело?

– Опять? – выцедил он гневно и устало, вдруг обхватил одной рукой её затылок, склонился близко-близко. – Всю душу ты мне вынула, чертовка! Зла не хватает...

Алёна замерла – и ярость в груди трепетала, и близость мужчины волновала, и добавляло растерянности странное его поведение. Он не

только говорил, но держался непонятно, и взгляд лихорадочный...

Размышления прервал поцелуй, о совсем не такой, как прошлый, – горячий, грубый и, как через пару мгновений с изумлением осознала Алёна, совсем не приятный. То ли сам по себе, то ли из-за противного кисловатого винного привкуса...

Опомнившись, алатырница мотнула головой, обрывая прикосновение и выворачиваясь из руки, а потом и вовсе не сдержалась, оплеуху отвесила. Матушка знает почему, но ладонь её воевода не поймал – видать, хмель в нём проворства поубавил. Алёна с брезгливостью утёрла губы запястьем, на них всё ещё ощущался мерзкий привкус, и впору было радоваться, что она запахов не чувствует. Или о том же переживать? Почуяла бы сразу – и, может, до такого бы не дошло, раньше бы поняла, отчего он столь странным кажется.

– Видать, княжичу я всё-таки уступаю, - криво ухмыльнулся воевода.

– Да вы... вы пьяны! – выдохнула Алёна.

– И что? Нет повода не выпить, праздник же, – отозвался он всё с той же неприятной ухмылкой. Однако продолжил стоять на месте и настаивать на поцелуе не стал – видать, не настолько ещё человеческий облик потерял.

Алатырница окинула воеводу взглядом и вдруг ощутила в горле колючий комок.

– Вы... Я думала, вы герой, вы настоящий, хороший, не такой, как... Я вами с детства восхищалась, познакомиться мечтала, а вы... Хорошо, дед этого позорища не видит! – выдохнула совсем уж тихо и, подобрав сарафан, припустила прочь, к лестнице, что виднелась в конце гульбища.

Душили слёзы, застили глаза, но в этот раз сдерживать их девушка не пыталась. Было гадко, нестерпимо тошно, и пьяный воевода стал последней каплей. Хотелось куда угодно, лишь бы подальше от всего этого. К простым, понятным, близким людям, которых знала хорошо, как облупленных. А лучше – к бабушке, уткнуться лицом ей в пахнувший сдобой передник, как в детстве, и выплакать все свои обиды.

Только бабушки рядом не было, вообще никого не было, с кем поговорить можно по душам, и оставалось лишь бежать через тёмный

парк куда глаза глядят. Да только от обиды и разочарования – разве убежишь?

ГЛАВА 12. Княжеский двор

Не надо было идти на этот дурацкий праздник. Сходил бы к озеру, поздравил Озерицу лично безо всяких выкрутасов да забился обратно в нору. Или того лучше, русалок погонял – они на праздник были незлыми, игривыми, одно удовольствие да веселье и никаких обид. Нет же, попёрся!

И хотелось бы задаться вопросом зачем, но ответ сам собой напрашивался. На чернявую Алёну полюбоваться, которая засела в голове занозой и никак не хотела оттуда идти. И вроде умом понимал, что дурь несусветную придумал и даром он не сдался молоденькой девчонке, когда вокруг неё сам княжич увивается, но... Явился вот – не запылится.

Нет, поначалу всё было неплохо. С воеводой Мухиным они были достаточно дружны, чтобы вести беседы к общему удовольствию, но не настолько накоротке, чтобы Олег мог ждать от него поучений и наставлений. Рубцов даже чувствовал, что настроение потихоньку выправляется, впервые за последние дни, и то и дело задумчиво поглядывал на чернявую княгиню. Она сидела поодаль от Дмитрия и как будто совсем им не интересовалась.

При виде этого в душе опять зашевелились сомнения. Может, зря он так уж сразу юную княгиню с наследником поженит? Она хоть и признанная дочь, но всё-таки внебрачная, а для высокородных это важно, уж всяко важнее влюблённости наследника. И на самом-то деле леший знает, зачем Ярослав тогда этих двоих к себе звал. Может, напротив, велел прекратить встречи?

Потом ужин закончился, молодёжь побежала развлекаться и играть в игры, а Мухин извинился и куда-то ушёл, и Олег остался один на один с собой. Не самая лучшая компания.

Пару минут он молча наблюдал за чужим весельем, чувствуя себя невероятном старым. Или не в возрасте было дело? Ему же подобное веселье казалось странным, чуждым. Не умел он вот так. За гуляющих и веселящихся радостно было, но никогда и в голову не приходило присоединиться, даже по молодости. И там, и тут. Ему не единожды доводилось оказываться на праздниках, всегда чувствовал себя глупо и

старался поскорее сбежать, особенно когда по местным простым обычаям кто побойчее пытался вытянуть всех скучающих в круг.

Сейчас никто не пытался, и это как будто было хорошо, но и порадоваться за других не выходило. Он вдруг отчётливо ощутил себя чужим здесь. Не во дворце, леший с ним, мелочи жизни; во всём этом мире. Ещё более чужим, чем был дома. Там хоть всё с детства привычно и пусть нехорошо, но понятно, а здесь...

Рука сама потянулась к кувшину с вином, Олег осознал это движение только на середине, но сдерживаться не стал. Опять стало маотно и паскудно на душе. Пришла знакомая мысль, что лучше бы ему, наверное, было сдохнуть тогда. Горы слева, горы справа, посередине – Хулхулау... Знатная бы могила вышла, а?

Да хрен там. Небось всех бы подобрали, опознали, разложили и в цинк запаляли. Из гранатомёта сработали, а там всё ж таки не в кашу, разобрались бы...

Олег залпом опрокинул чарку, поморщился, потрянул головой, силясь отогнать навязчивые мысли вместе с проклятой строчкой. Обвёл взглядом веселящуюся молодёжь, пытаюсь отвлечься, и невольно нашёл Алёну. Она стояла подле княжича, улыбалась ему и что-то говорила, а потом и вовсе ласково по плечу погладила.

Воевода скрипнул зубами, опять наполнил чарку.

Тупая и едкая ревность разозлила сильнее прочего. Ну чего он завёлся, что к этой девице прицепился? Да пусть гуляет с кем хочет, он ей ни брат ни сват и уж тем более не жених! И права никакого не имеет от неё чего-то требовать, нечего лезть к молодой девчонке...

Но менее мерзко от понимания этого не делалось. И из мыслей чернявая не шла.

На второй чарке он и вкуса почти не почувствовал, наполнил третью, за ней четвёртую. Если надо было, он вот так и напивался всегда – полкувшина, край – кувшин без малого залпом, и на час-другой хмеля хватало. Как раз довольно, чтобы упасть в кровать и отрубиться без снов.

Только тут на пятой чарке стало тошно, зал вокруг неприятно загудел, закачался. Свалиться под стол не хотелось, мало он позорился тут, так что посуду отодвинул, а потом и сам отодвинулся от стола, встал, на него опираясь. Чуть пошатывало, но ноги держали, и воевода побрёл к выходу на гульбище, опоясавшее трапезную по трём

сторонам широким балконом. В этот момент, к счастью, и чернявая алатырница, и княжич, и собственное одиночество занимали Олега мало. Цель вообще была очень хорошей – простой, ясной, однозначной. Дойти до выхода, ни на кого не налететь по дороге, не рухнуть и хорошо бы не расстаться прилюдно с выпитым.

На воздухе полегчало. Олег облокотился на ограждение, сцепив руки в замок, согнулся, ткнулся в них лбом. И несколько минут было хорошо. Свежий воздух остудил голову и унял подкатившую тошноту, а винные пары вытеснили решительно все мысли.

– Ну что, отдохнул – можно и домой, а? – пробормотал негромко не то сам себе, не то отсутствующему псу, с которым привык разговаривать больше, чем с другими людьми.

Он глубоко вздохнул, распрямился, прислушался к ощущениям. Хмель в крови еще гулял, но ноги держали твёрже. Чуть склонив голову к плечу, Олег поглядел на убывающую, но всё ещё большую жёлтую луну, снова глубоко вдохнул свежий ночной воздух и совсем было направился прочь, но отвлекли шаги и тихий прерывистый вдох.

Разглядеть выскочившую наружу девушку света не хватало, но воевода шестым чувством понял – она. Алёна. И уйти не смог. И не подойти – тоже, и с ревностью справиться, и вышло в итоге ещё хуже, чем было полчаса назад...

И догнать бы надо, извиниться, только Олег не сдвинулся с места – не мог поручиться, что скажет то, что нужно, а не пойдёт опять в дурь. И тут на хмель не свалишь, он и без него рядом с этой девушкой терял последние остатки здравомыслия. Наваждение какое-то. Сроду за девками так не бегал, и голову они так не занимали, и... много чего ещё «и», от каждого из которых становилось тяжелее и гаже.

Он почти уже собрался пойти к лестнице, но не для того, чтобы следовать за Алёной, а чтобы пройти к себе, минуя гуляющих. Хватит, напраздновался. Однако не суждено было воеводе спокойно добраться до покоев. Внимание привлекло какое-то движение в тени у двери, и на свет вдруг выступил молодой, нарядно одетый мужчина. Лицо показалось смутно знакомым, но Олег плохо знал нынешний двор и уж тем более тех, кто при князе бывал редко. В руке незнакомца был узорный ковшик, к которому он то и дело прикладывался.

Заговорил тот сам, не спеша приближаясь, и момент для ухода оказался упущен.

– Горячая девица, гордая.

– С норовом, да, – со смешком согласился Олег, выразительно потёр скулу и бросил взгляд вслед алатырнице.

Что у его позора имелись свидетели, было неприятно, но не больше того. В сравнении со справедливой обидой Алёны это меркло, и с незнакомцем воевода без труда мог держаться сейчас спокойно. Неясно, кой леший его сюда понёс, но, может, тот и не виноват вовсе: поручиться, что на гульбище никого не было, когда он вышел, Олег не мог, да и чернявая по сторонам не смотрела.

– Что ж не догонишь? – полюбопытствовал он.

– Зачем?

– Баба же, – пожал плечами собеседник. – Они настойчивость любят.

Олег только поморщился, не отвечая, а незнакомец тем временем продолжал:

– Да и всякую норовистую кобылку можно объездить, и станет она тогда кроткой и ласковой, – усмехнулся уверенно. – Чуть побрыкается да утихнет... Но всё же хороша. А что, поспорим?

– О чём? – мрачно спросил Олег.

Только собеседник его настроения, кажется, не заметил. А воеводе всё меньше нравился тон, которым говорил этот тип, и подтекст сказанного. Вроде ничего определённого, но запахок дурной. И слушал воевода больше не потому, что интересно было, а потому, что понять не мог, как к этому относиться. Может, это он лишнего выдумывает, а болтун о другом поёт спьяну? Дар Озерицы не обмануть, видно было – дрянь человек. Но за одно это всё-таки не судят...

– Кто из нас первый девицу завалит, – ухмыльнулся незнакомец, опять отпил. – Не будет она долго ерепениться, знаю я таких.

Да нет, всё Олег о нём верно понял. И, выходит, к добру он тут стоял, иначе ещё неизвестно, что бы этот тип попытался ей сделать, будь она одна. Сам-то воевода тоже ничего хорошего не сделал, но...

– А знаешь, пойду-ка я за ней прямо сейчас, коли тебе лениво. Хоть и зря. Девка-то из безродных, с опытом небось, чего ей ломаться!

Олег и не сообразил толком, как всё случилось. Вот стоит перед ним эта мразь, рассуждает – а вот уже влетела в трапезную, распахнув

собой дверь, а ковш по полу стучит. И кулак огнём жжёт, а в груди палом ярость бушует.

Воевода шагнул в дверь – твёрдо, хмельной шаткости как и не было.

– Ты сдурел, что ли? – выдохнул незнакомец, сплюнув юшку.

Говорить Рубцов не собирался, и противник это почуял, от следующего удара увернулся – не из слабых оказался, из дружины, видать. Махнул рукой в ответ, да только по волосам огладил да повязку сорвал. К лучшему, с двумя глазами всяко удобнее. Вокруг кто-то завизжал, закричал, окликнул драчунов по имени...

Но надолго выучки безымянного злодея против Олега не хватило. Тот хоть и бил, да только и других развлечений было немного, иначе как чучело дубасить да шашкой в воздухе махать. Без противника, но и этого, как оказалось, было довольно, и злость проворства добавила. Рубцов всегда, сколько себя помнил, в ярости только быстрее становился да бил жёстче. Новый удар пришёлся в лицо, отчего противника повело и чуть не срубило, в корпус – один, другой. Бесхитростно, прямо, а тот и не закрывался, и уйти уже не мог...

И хорошо, что упасть не успел, а то Олег небось не сдержался бы, добавил ногами – такое зло его взяло, какого давно не чувствовал. Не позволили. В лицо вдруг плеснуло красным, воевода отпрянул назад, утёрся рукавом; оказалось, брусничный морс. Надолго бы этого замешательства не хватило, но на том не закончилось.

– Довольно! – осадил резкий, злой голос великого князя. Ярослав и плеснул на драчунов, как на котов сцепившихся. – Оба глаза залили? Ладно Карнаков, но от тебя, Олег, не ждал!

Воевода слушал Ярослава краем уха, наблюдая за тем, как, кашляя, пытается распрямиться противник.

– Тронешь её – не встанешь, – веско проговорил алатырник. – Никогда.

– Из-за девки... да ты... – прохрипел побитый.

– Что у вас там стряслось? – спросил князь тише, приблизившись. Да мог не стараться, всё одно все вокруг глаз не сводили и шушукались тихонько, чтобы слышать.

– Этот за девицей пошёл, насильничать хотел. Ты знаешь моё отношение к такому.

– Да брешет он! – продышался Карнаков.

– Поговорим как проспишься, – хмуро ответил на это Ярослав, кивнул кому-то из стражей, стоявших поодаль, но без приказа не лезущих. Двое аккуратно подхватили побитого под локти и поволокли прочь. Тот не упирался.

Великий князь хлопнул воеводу по плечу, слегка сжал и проговорил уже вовсе спокойно, увещавательно:

– Пойди проветришься, охлони. У тебя глаза горят, неровен час янтарь полыхнёт.

– Добро, – отрывисто кивнул Олег и зашагал к выходу, а следом текли тревожные шепотки.

Давно о первом воеводе при княжьем дворе не болтали, а тут – вон какой повод.

Только самому Рубцову, как всегда, было на это плевать. И на потерянную повязку плевать, и на побитого. Да, было удовлетворение от верно принятого решения, потому что Олег бы этого и на трезвую голову не отпустил на своих ногах, но глухо, в отдалении. А в остальном снова было мутно, тошно и хотелось выпить. Так что прав князь, лучше на воздухе проветриться, чтобы опять не попытаться набраться. Ну а не поможет... Пить в его случае лучше бы одному.

Алёна шла по парку быстро, но совсем не думая куда. Хотелось уйти подальше, пусть бы к самому лешему – хоть и грозен, и страху она натерпелась, но он всяко проще, понятнее и... не такой.

Пока шла, алатырница плевалась и зло тёрла губы, пытаясь унять гадкий привкус и забыть мокрый, скользкий поцелуй. Уговаривала себя, что всё это из-за хмеля, напоминала другой поцелуй и другие объятия, убеждала, что не воевода сейчас с ней разговаривал, а вино. Почти получалось, но всё равно горько было и гадко.

Ноги в этот раз оказались мудрее головы. Алёна шла, шла да и пришла вдруг на высокий берег, от которого к озеру тянулся заливной лужок – гладкий, ровный, будто на картинке, затопленный лунным серебром. А на лужке том резвились простоволосые девицы в недлинных, выше колена, нижних рубахах. Колокольчиками звенел смех, потом одна затянула нежным голосом песню, другие подхватили...

«Не девицы, а русалки», - вдруг поняла алатырница.

Да и то верно, когда им еще праздновать? Они же тут не просто так, говорят, озёрной девы свита.

Алёна замерла в замешательстве, не зная, как быть. И вперёд не пойдёшь, не хочется чужой праздник портить, и назад поворачивать – куда податься?

Вот только, пока раздумывала, её заметили. Девушка лишь взвизгнуть и успела, когда земля под ногами просела, сложилась в узкий скользкий жёлоб, и Алёна съехала вниз, как по ледяной горке зимой. Внизу её мягко подтолкнуло в спину, заботливо поставило на ноги; алатырница пробежала несколько шагов, ловя равновесие, и растерянно оглянулась. Как раз вовремя, чтобы успеть заметить, как жёлоб рассыпается брызгами; не из земли он оказался, из воды.

А через мгновение перед ней стояла сама Озерица – белоснежная, с искорками в волосах и на коже, в такой же рубахе, что и русалки, но теперь бы Алёна её ни с кем не спутала.

– Ну здравствуй, Алёнушка, – проговорила озёрная дева с ласковой улыбкой. – Что же ты в стороне стоишь? Что с нами не празднуешь?

– Здравствуйте! Да я... – начала алатырница, хотела сказать что-нибудь вежливое и пустое, но не придумала. Помолчала пару мгновений и вздохнула честно: – Напраздновалась я сегодня, довольно с меня.

Озерица растерянно подняла брови, обвела девушку задумчивым взглядом. В уголках губ ещё пряталась улыбка, но глаза уже были серьёзными, внимательными. От озёрной девы не укрылись и следы слёз, и беспорядок в одежде от бега, и встрёпанная коса.

– Не дело это, одной в праздник куковать. Пойдём. – Она подцепила алатырницу под локоть и потянула куда-то вдоль берега, на ходу махнув русалкам – видимо, чтобы продолжали веселье без неё.

– Да ну что вы из-за меня...

– Идём, милая, идём, – оборвала Озерица невнятные смущённые возражения. – Меня, Алёнушка, не всякий человек встретить способен, а ты – уже второй раз ко мне выскочила.

– И что это значит? – всё же спросила Алёна, поскольку пояснить что-то спутница не спешила.

– А Матушка знает! – улыбнулась та. – Но я так думаю, значит это, что я таким людям впрямь нужна, да к тому же помочь могу. Так

что не спорь, расскажи, что за кручина приключилась, кто тебя обидел? Садись, - махнула рукой.

Путь вышел недолгим, и Алёна с удивлением узнала место, до которого добрались по берегу – то самое дерево, у которого они встретились первый раз. Но и не узнала тоже, потому что под ивой теперь расстился заливной лужок, а крутой высокий берег сгладился пологим скатом.

– Чудно, – тихо пробормотала алатырница, послушно усаживаясь на низко склонившееся дерево. Как будто в прошлый раз оно было выше, нет?..

– Что такое? – Озерица устроилась рядом.

– Когда тут трава успела вырасти?

– А вот сегодня и успела! – звонко засмеялась дева озера. – Колдовская она, трава эта, вода под ней. На траве плясать всяко удобнее, а по воде русалки ходить не умеют, проваливаются. Да ты рассказывай, что за печаль приключилась? – вернулась она к прежнему вопросу.

Алёна немного посомневалась, но долго упорствовать не стала: слишком хотелось выговориться, хоть с кем-то поделиться. И пусть не решение всех проблем найти, но хоть сочувствие и понимание...

Поначалу, правда, собиралась только о княжеском дворце рассказать да о самом князе, никого лично не касаясь и не очень жалуясь, но незаметно разболтала всё, даже о воеводе. Не только о том, как повёл себя сейчас, но как оказался таким же, как и все остальные здесь. Вот уж верно – болото...

Пока говорила о дворце, еще выходило сдерживать слёзы, а как дошло до Олега – сил не осталось. И после, кончив рассказ, она совсем по-детски ревела, лёжа на шершавой коре старого дерева и ткнувшись лицом в колени Озерицы. А та ласково, по-материцки гладила её по голове, глядя на озеро. Снятый с черноволосой головы веночек лежал тут же.

– Дети-дети, – тихо вздохнула дух озера. В устах вечно юной девы слова эти звучали странно, но тихая грусть в глазах была искренней. – Бедные глупые дети... – Вновь пригладила мягкие чёрные волосы, помолчала.

Спорить и иначе утешать девушку Озерица не спешила, терпеливо дожидаясь, пока сама успокоится. Да и слёзы тут к добру были, с ними

и обида выходила, и, как она надеялась, другие дурные мысли.

С четверть часа прошло, когда Алёна завозилась и села, смущённо утирая рукавом покрасневшие глаза и шмыгая припухшим носом.

– Я вам весь подол слезами залила, простите, – тихо пробормотала она.

– Пустяк. Что эти слёзы? Та же вода! – легко улыбнулась Озерица.
- Лишнее вышло, и легче стало. Стало ведь?

– Угу, – ответила Алёна, вслушиваясь в себя. И впрямь свободнее сделалось...

– Ну а коли так, и поговорить можно. Если пожелаешь выслушать, – серьёзно, спокойно сказала озёрная дева, и вот именно в это мгновение казалась она куда старше, чем обычно. А главное, куда строже, чем виделась прежде.

Глядя на неё такую, Алёна немного струсилась и подумала, что, наверное, обошлась бы без будущего разговора. Но малодушный порыв подавила и сказала тихо:

– Пожелаю.

– Ну ты уж так насупилась, выговор слушать приготовилась! – Озерица смягчила прежний взгляд улыбкой. – Не буду я тебя ругать, не бойся. Но правду скажу. А правда в том, что грустишь ты о пустяках, горе твоё дохлого ерша не стоит. Нет, что Олежка – дурак, так я с тем не спорю, и дурные его эти попытки в вине забыться тем хуже, что сам понимает – не прав. Ну а в остальном... А ты чего от дворца-то княжьего ждала? – со смешком спросила она. – Светлого князя, благодушных бояр да лубочных боярышень? Чудна девка!

Алёна под взглядом Озерицы почувствовала себя глупо, но кивнула и тихо добавила:

– Князя в народе любят. Да и воеводу я другим запомнила...

– Ещё бы ты его другим не запомнила! – рассмеялась Озерица. – Сколько тебе было лет от роду, десять? И долго ли ты с ним общалась тогда? Ой, не думаю!

Алёна ощутила, как горят щёки, и виновато опустила глаза. Возразить было нечего.

– Нет, он и впрямь хороший мальчик – честный, самоотверженный, надёжный, – продолжила рассуждать дева озера, словно не замечая стыда собеседницы. – И что-то в нём от того героя, конечно, есть, не на пустом месте слава возникла. Да только бараном

упрямым он всегда был, порывистым тоже, гордым в чём-то без меры. И в себе покопаться не меньше твоего любит, и такое там находит – жуть! Впрочем, не только в том дело. - После недолгого молчания она перестала улыбаться. – Досталось ему тоже немало, крепко досталось, не всякий сдюжит. И жизни мирной он знать не знает... Ну да довольно о нём, что там тебя ещё так поразило? Князь? Так князь он впрямь хороший, за Белогорье от души радуется, старается получше сделать. А что до баб охочий – есть такое, а кто не без греха! Он никого не неволит, и подружка твоя коль дурная и головой наперёд думать не приспособлена – её дело. Не так она юна, чтобы настолько жизни не знать.

– Жаль её... Ульяна хорошая, она правда влюбилась! Сердцу не прикажешь. А он...

– А отчего ты думаешь, что он не мог влюбиться? - насмешливо оборвала Озерица. – Нешто князю больше заняться нечем, чем так развлекаться? Уж больно нечестно у тебя выходит. Подружка твоя бедная, несчастная, влюбилась, а ещё она юная и наивная и устоять не могла, и это её как будто оправдывает, да? А что служба у князя – не чарка мёда, и обрыдли ему старые лица, а тут – юная, милая, ни на кого не похожая, такой глоток свежей воды, его не оправдывает? Тоже ведь как будто не было возможности устоять!

– Вы что, его оправдываете? – не сразу сумела справиться с изумлением Алёна.

– Вот ещё чего не хватало! – отмахнулась дева с пренебрежением. – Я тебе о том толкую, что оба они хороши. Князь гадко себя повёл, но гадко с Софьей, а не с девицей этой твоей. Чай, она и сама с глазами и головой на плечах, думать надо, прежде чем от женатого мужчины подарки принимать и ухаживания его привечать. Так что об этом вовсе не печалься. Ну а что девки во дворце злые и козни строят... Да будто в твоей родной станице люди другие! Разве только размах поменьше, оттого что возможностей не столько. Люди везде одни – есть в общем хорошие, есть дрянь, но у всякого, если поискать, тёмное и светлое в душе найдётся.

– Да, вы правы, - тихо вздохнула Алёна. - Я просто не думала, что здесь всё вот так, ждала иного. Глупо, наверное, но – да, думала, они чем-то лучше, зовутся же благородными. А потом княгиня, девицы эти злобные, и сразу всё как-то не заладилось. А ещё, наверное, дело в

том, что дома я ко всем привыкла, знаю, чего от кого ждать, и родня там есть, и друзья надёжные, верные, а здесь каждый – новая загадка, и неясно, кому верить можно. И я-то для них не своя, с чего им тепло встречать... – рассуждала она немного сбивчиво, но от этого тоже становилось лучше.

– Вот, другой разговор! – одобрительно улыbnулась Озерица. – Не зря ты мне понравилась. Идём, довольно тут тухнуть, праздник сегодня. Не любы тебе княжеские забавы – ну так попробуй русалочьи!

Поначалу Алёна дичилась и откровенно побаивалась веселящейся нечисти. Прежде ей доводилось сталкиваться с русалками, и добрыми те встречи не были, в лучшем случае – расходились каждая при своём. Однако здесь и сейчас русалки веселились. Искренне, от души, и вскоре Алёна почти забыла, с кем водит хороводы и играет в игры. Всей разницы – ладошки у новых знакомых были прохладными и влажными. Те же забавы, те же песни, гадания те же. И воск в воду лили, откуда только взяли всё нужное, и камешки бросали, и венки пускали...

Алёне не давала покоя мысль, на кого могут гадать утопленницы, так что она в один момент отвела Озерицу в сторону с вопросами. Неужели на водяных? Оказалось, и на них, и не только. Русалки уродённые жили как духи, но и почти как люди, тоже любить умели и тоже чувств искали. А вот с теми, что из утопленниц, по-разному бывало: иной русалке новый облик приходился по душе, выбирала она себе водяного по сердцу, и жила – не тужила, не вспоминая о прошлом, а если не получалось – рано или поздно то ли на алатырника нарывалась, который к Матушке на покаяние отпускал несчастную душу, то ли иным каким способом прерывалось такое вот её посмертие.

Сегодня здесь собрались всякие, не только духи, которые жили в озере, но и утопленницы с окрестных речек. Но сегодня – праздник Озерицы, старшей над всеми речными и озёрными духами, и нынче даже самые злые из утопленниц вспоминали светлые дни своей жизни и были куда добрее и веселее. Им сам дух праздника не давал грустить.

А в остальном русалочье гулянье оказалось Алёне гораздо больше по душе, оно почти не отличалось от деревенского. Разве что парней не доставало, но не настолько, чтобы всерьёз расстраиваться. Больше

печалило то, что предметы сплетен были ей незнакомы, да и во многом остальном непонятны разговоры новых знакомых. Однако говорили мало, и через некоторое время алатырница повеселела и думать забыла о своих недавних горестях. Права была Озерица, мелочи это.

В гадания Алёна никогда не верила, они не сбывались, но пыталась судьбу вместе с остальными, и нагадала в конце концов предательство, разочарование, дальнюю дорогу и сватов от любимого. Может, порадовалась бы, как радовались остальные девицы, да только оно каждый год выпадало – не на Озерицу, так на другой какой праздник.

Было глубоко за полночь, когда сама дева озера аккуратно подхватила алатырницу под локоть и потянула прочь от звонкой компании русалок.

– Что случилось? - удивлённо глянула Алёна на духа.

– К тебе пришли, – улыбнулась та в ответ и кивнула вперёд, продолжая вести девушку вдоль берега.

Увидев, к кому они идут, алатырница едва не запнулась на ровном месте и с трудом удержалась от того, чтобы упереться и не пойти. Сдержалась, понимая, что Озерицу ей всё равно не побороть, коли та не захочет, а потом спутница добавила, почувяв её смятение:

– Вам очень нужно поговорить. И не бойся, он тебе дурного не сделает. Да и я, коли надо, недалеко буду.

Алёна не боялась воеводу, а вот как говорить с ним будет – боялась. Неприятно было после последней встречи, неловко, и неясно, как держаться. И куда только былая лёгкость девалась!

Впрочем, известно куда. А вот как её вернуть?..

Воевода опять выглядел не так, как на пиру, а так, как при первых встречах, и оттого стало чуть спокойнее, словно это на самом деле были два разных человека.

Босой, в подвёрнутых штанах, рубахе навывпуск с расстёгнутым воротом и закатанными рукавами. Кажется, Олег только недавно выбрался из воды – одежда липла к еще мокрому телу. Сапоги, кафтан и пояс с кинжалом он держал в руках. Воевода стоял поодаль и до сих пор, кажется, просто любовался русалочьим весельем, а теперь – ждал, пока женщины подойдут.

– Здравствуй, Олежка, – первой заговорила Озерица.

– Привет. С днём рождения тебя, – ответил он, лишь на мгновение оторвав взгляд от Алёны. Смотрел пристально, внимательно, тяжело,

отчего той становилось всё больше не по себе.

– Спасибо. Ну, беседуйте, - легко напутствовала дева озера. Мгновение – и нет её рядом, уже опять среди русалок звенит её смех.

А в воздухе повисла густая, смущённая тишина. Алёну она тяготила, и девушка отчаянно пыталась придумать, о чём заговорить, но в голову ничего путного не шло. Олег тоже молчал – тяжело, хмуро. Но он нарушил молчание первым, предложил негромко:

– Давай отойдём, что тут стоять.

Алатырница только кивнула, и с прежним, а то и крепнувшим чувством неловкости зашагала рядом с мужчиной. Шутка духов или насмешка Матушки, а пришли они туда, где совсем недавно Алёна жаловалась Озерице на жизнь. Вот и теперь воевода молча постелил на дерево свой кафтан, жестом предложил сесть. Замешкался, не решившись подать руку и помочь, а там и поздно стало – девушка легко запрыгнула сама. И он остался стоять рядом, бросил сапоги на траву, сверху опустил сбрую с кинжалом да шашкой в незнакомых нарядных, праздничных ножнах.

– Алёна, я хочу извиниться, - наконец заговорил Олег, глядя прямо и открыто.

– За что? - тихо уточнила она.

– За поцелуй этот. А больше за то, что наговорил, – добавил воевода, еще сильнее хмурясь, отвёл глаза, уставился на озеро, словно любуясь. - Я не имею никакого права тебе что-то указывать, запрещать или уж тем более осуждать. Дмитрий... Хороший парень, немного бестолковый, но...

– И что? – не поняла Алёна.

– И это не странно, что он тебе понравился. А я, старый дурак, тебе весь праздник испортил спьяну с этой своей ревностью... - он поморщился, всё так же не глядя на девушку.

Алатырница несколько мгновений растерянно молчала, не веря услышанному и одновременно – коря себя за недогадливость.

– И точно – дурак, – пробормотала она наконец. – Княжич хороший парень, да только на кой он мне-то сдался?

Олег растерянно обернулся к ней, а Алёна тем временем соскользнула с дерева, одним коротким шажком одолела разделявшее их расстояние. Обняла, с удовольствием прижалась щекой к сырой рубашке на горячей твёрдой груди. Воевода замешкался на пару

мгновений, а потом стиснул её в ответ так, что рёбра хрустнули. Алатырница охнула на выдохе, мужчина опомнился и хватку чуть ослабил. Помолчал немного, потом спросил недоверчиво:

– Значит, прощаешь?

Она чуть отстранилась, чтобы заглянуть ему в лицо, и нахмурилась:

– Прощу, если губить себя этой гадостью прекратишь! – Запнулась на мгновение, но потом всё же продолжила, опустив взгляд со смущением: – И ничего ты не старый, не говори глупостей...

Олег тихо, с облегчением засмеялся, опять прижал чернявую голову к своей груди, зарылся пальцами в густые, свободно рассыпающиеся по голым плечам волосы.

Русалки ночью, особенно в мужских глазах, были невероятно хороши собой. Даже понимая опасность, воевода прежде не мог устоять, благо Озерица приглядывала. А вот сегодня, любуясь веселящимися простоволосыми девицами, ловил себя на том, что не может отвести глаз от одной, попавшей к ним случайно. Праздничный сарафан, открывавший точёные плечи, волновал воображение ещё в трапезной, а теперь на ней вовсе осталась одна только тонкая нижняя рубашка – короткая, полупрозрачная, на узких лямках, едва ли до середины бедра... Длинные густые волосы и то скрывали больше! Наваждение какое-то из лунного света, а не одежда, как тут удержать воображение?

Казалось низким и подлым подглядывать за девушкой, которую он только что обидел, и хотя всё никак не получалось отвернуться и уйти, но Олег чувствовал стыд и злился на эти грёзы. А вот сейчас сжимал Алёну в объятьях и не мог заставить себя отвлечься хоть на что-то. Пока одна ладонь тонула в шёлке волос и едва не дрожала от наслаждения, вторая огладила узкую спину, поднялась кверху, и кончики пальцев прошлись по нежной коже над вырезом.

Алёна от такого прикосновения зябко вздрогнула, прижалась крепче, почти впиваясь тонкими пальцами в его поясницу.

– Олег... – выдохнула тихо, просительно, запрокинув голову.

В ночной темноте глаза её казались чёрными, а взгляд... Вот где сущее колдовство, никакому янтарю не снилось!

И через мгновение он второй раз за этот вечер её поцеловал. Нежно, осторожно, пытаясь этим загладить вину за свою грубость. А

Алёна ответила охотно, жарко, и очень быстро неспешности не осталось места. Он легко подсадил алатырницу на низко склонившийся древесный ствол, на всё ещё лежавший там кафтан. Ладони мягко скользнули по стройным ногам и почти случайно оказались под рубашкой.

Жадный, горячий поцелуй на мгновение прервался, когда Алёна потянула вверх рубашку мужчины, стаскивая её. Олег не сопротивился, отбросил одежду в сторону, покрыл поцелуями белеющие в темноте плечи, шалея от медового запаха нежной кожи, от ласкающих прикосновений девичьих ладоней. Едва сдерживался, чтобы сорвать с неё одежду – тонкая ткань и не скрывала ничего, и ласкать позволяла, да только руки горели от желания коснуться безо всяких преград. И от того, как Алёна отвечала на эти прикосновения, как часто дышала, как тянулась навстречу, он совершенно терял голову. Целовал, и от поцелуев захватывало дух.

Однако в следующее мгновение, когда девушка потянулась к застёжке его штанов, попытался всё же прислушаться к слабому шёпоту разума. Обнял ладонью её лицо, слегка отстранился, пробормотал хрипло, севшим голосом:

– Алёнушка... У тебя же неприятности будут!

Она пару раз осоловело моргнула, не до конца понимая, о чём речь, а после тихо засмеялась и подалась ближе. Прижалась всем телом, так что он едва не забыл, о чём говорил, и ответила, пощекотав тёплым дыханием шею:

– Никто не узнает.

Она вновь потянулась к его штанам, а Олег вернулся к прерванному поцелую. Даже если в глубине души происходящее и казалось ему неправильным, сил противиться собственным желаниям не было. Да и не хотелось, что уж там!

Отбросив сомнения, он наконец стянул с Алёны постылую рубашку, и оба потерялись в ощущениях, забывая, где находятся, не думая ни о чём и желая только близости. С каждым новым поцелуем и прикосновением хотелось большего.

И, конечно, не странно, что явь оказалась слаще любого сна или грёзы.

ГЛАВА 13. Княжеское сердце

Во дворец Алёна возвращалась на рассвете, совершенно пьяная от счастья. Зацелованные губы приятно ныли, тело наполняла истома, и от тёплой, тягучей и сладкой как мёд усталости движения сделались медленными и плавными. На душе было легко и светло, все недавние переживания и проблемы казались далёкими, пустыми и немного смешными, словно мучили они её не пару часов назад, а давным-давно, в детстве.

Алёну окончательно захватило настроение самого светлого дня года, праздника Озерицы, славящего жизнь в самом простом и диком её понимании. Ту, которой чужды были ночные печальные мысли и пустые слёзы, которая не знала слов и доверяла только чувствам.

Короткая летняя ночь изменила что-то внутри.

Алёна отчётливо сознавала, что ей нравится Олег. Не яркий образ из детства, а вот этот живой, настоящий мужчина, с которым она познакомилась здесь, неподалёку, на тренировочном поле у конюшни. И он походил на того, которого она помнила, но... издалека и немного. И пусть у этого, в отличие от того, были недостатки, но всё-таки именно этот занимал в её сердце всё больше места, легко и быстро выживая оттуда прежнего.

У того не было веснушек, а у этого – были. Мелкие, светлые, незаметные издалека, и Алёне мнилась в них маленькая и только её тайна. Она почти не сомневалась, что никто из дворцовых обитателей не видел их и не обращал внимания, они прятались за тяжёлым взглядом и хмурой гримасой. Точно так, как за грубостью и нелюдимостью пряталась заботливость, нежность и вот эта мальчишеская, солнечная улыбка, от которой всё внутри замирало, и сама Алёна тоже замирала, любуясь.

Олег этой ночью вообще много улыбался. Непривычно много говорил, рассказывал какие-то случаи из своего прошлого, и она смеялась, и он смеялся вслед. Баюкал в объятьях, целовал и глядел так, что сердце заходило...

Алатырница бы так и слушала, и глядела с обожанием не то что до утра – кажется, бесконечно. Но небо стремительно светлело,

заливной лужок – скрылся под водой, и только одна из волн заботливо принесла на берег платье и рубашку, забытые на русалочьей полянке. Разложила ровненько на чистом да и схлынула, оставив сухим.

Алёна бы сделала вид, что ничего не заметила и ей никуда не надо, тем более что и воевода не торопился выпускать из объятий. Но вдруг одолела дрёма, она раззевалась, уютно пристроила голову на мужском плече, и Олег опомнился. Он бы с удовольствием послужил ей подушкой, но кстати вспомнилось, что они не в диком лесу, а в княжеском саду, и Матушка знает, кого утром понесёт на прогулку.

Алатырница нехотя позволила себя растормошить, умылась в реке и немного взбодрилась. С удовольствием приняла помощь в одевании, переплела косу, не заботясь о её аккуратности и не пытаясь расчесаться даже пальцами, а потом вложила ладонь в протянутую руку одетого уже воеводы и разрешила увлечь себя ко дворцу. Не спеша, словно Янтарноглазый тоже силился растянуть эти мгновения.

Шли молча, но тишина эта нимало не беспокоила и не смущала, напротив, грела душу. Олег довёл девушку до крыльца, возле которого они добрую минуту стояли, просто глядя друг на друга и не в силах сделать решительный шаг. Потом воевода и вовсе не удержался, притянул алатырницу к себе, чтобы поцеловать на прощание.

Конечно, увлёкся и долго не мог прервать поцелуй и разомкнуть объятия. Необходимость этого не только вызывала понятную досаду, но непривычно злила. Совсем не хотелось выпускать чернявую из рук. Подхватить бы, унести к себе в берлогу, зацеловать там снова... И не отпускать. Никуда. Никогда...

Последняя мысль оказалась настолько неожиданной, что отрезвила, встряхнула и всё же заставила сбросить наваждение, отпустить девушку и попрощаться, напомнив себе, что ему ещё на псарню идти за Шариком, видеть которого на празднике князь отказался наотрез. Впрочем, сейчас проветриться было кстати. Проветриться, хорошенько выспаться, и только потом – думать.

Олег опять отчётливо осознал, что относится к этой девушке иначе, чем ко всем другим, что встречались на пути. Околдовала, заморозила, лишила покоя и заняла собой все мысли. И на простой постельный интерес списать это не получалось. Да, женщины у него не было давно, но... не то. Не так. Страсть была, да еще какая, но ею одной всё не ограничивалось, тут Рубцов не пытался обманывать себя.

А если не ограничиваться ею, то... Влюбился он, что ли? И ревнует. К княжичу, да и не только. Вот же не было печали!

Олег недовольно тряхнул головой, безуспешно укладывая в ней эти мысли. Вышло неважно, и мужчина перешёл на бег, пытаясь использовать старый, привычный способ успокоиться и отвлечься. Да и... чем скорее он Шарика заберёт, тем скорее ляжет спать, а после длинного дня и бессонной ночи это было кстати. Может, на ясную голову всё станет проще и понятнее?

Алёна же в это время никакими лишними вопросами не задавалась и ни о чём не переживала. Она даже о завтрашнем дне не задумывалась, полностью занятая ощущениями и непроходящим чувством радости, даже скорее, счастья в груди. Проводила взглядом воеводу, пока тот скрылся за поворотом тропинки, и, улыбаясь самой себе, медленно поднялась на высокое крыльцо. Где замерла и несколько мгновений оторопело хлопала глазами, не веря им.

В углу у двери, привалившись спиной к стене и притулившись к ограде, дремала Ульяна. Сонного покоя на лице не было, напротив, хмурая тревога, а глаза казались припухшими, как от слёз.

Опомнившись, алатырница шагнула к девушке, опустилась перед ней на корточки, потрепала по плечу.

– Уля! Ты что здесь? Всё в порядке?

Боярышня вскинулась, уставилась на Алёну испуганно, схватила за руки и встревоженно огляделась. Не найдя больше никого, выдохнула со сна сипло:

– Я... Я его... Я его ударила!

И разрыдалась, не в силах и слова больше сказать. Алатырнице один только «он» в голову пришёл, но яснее оттого не стало. Как ударила, почему ударила? Почему из-за этого плачет? Всерьёз навредила? Ну нет, в такое не верилось, да и после покушения на князя боярышня бы не тут сидела, так что не в этом дело. А в чём? Что же он такое натворил?!

Выяснить у рыдающей Ульяны подробности сейчас не стоило и пытаться, так что Алёна силком заставила её подняться и под локоть потащила в свою комнату, благо слёзы не мешали шагать. Сидеть на крыльце – всяко не дело, а там она, может, выплачется, и легче станет. Или Стеша опять поможет, в тот раз же получилось.

Рыжая встретила Алёну недовольным ворчанием, но быстро осеклась, стоило заметить гостью. А оценив её вид и сонное лицо алатырницы, махнула рукой на попытки добиться ответов сразу и взялась за обеих. Получаса не прошло, как они сидели за столом с кружками травяного настоя, у каждой – свой, а для смягчения вкуса на подносе стояли мёд и варенье в плошках.

Средство это вкупе с лёгкими лекарскими чарами сделали дело, и вскоре Ульяна смотрела на мир уже почти ясными глазами. Царили в них тоска и тревога, но это сейчас было лучше, чем слёзы.

Алёна, которая от напитка немного взбодрилась, сама долго бы не решилась расспрашивать боярышню о подробностях, слишком уж мерзкие мысли лезли в голову. Однако повиновалась выразительному кивку Степаниды, которая сидела поодаль и с предвкушением блестела глазами. Она, кажется, ни о чём дурном не думала, только маялась любопытством.

– Ульяна, что с тобой случилось? – Алатырница так и не нашла, как подойти к вопросу окольным путём, и задала его прямо. Добавила осторожно: – Тебя князь обидел?

– Нет! – Боярышня глянула испуганно, затрясла головой. – Нет, что ты, он не такой, он бы никогда!

– Тогда кто?

– Это я его обидела. – Ульяна ещё больше скисла, сгорбилась, обняла ладонями кружку, словно мечтала за ней спрятаться. – Он меня поцеловал, а я... Ударила его по лицу и сбежала, – со вздохом призналась она. Потом испугалась больше прежнего, вскинула взгляд на Алёну: – Ты только никому не говори! Обещаешь? И об этом, и о том, что он... что мы...

– Не скажу, – заверила Алёна. – Вот только... Боюсь, особое отношение к тебе князя и без того не секрет. Я слышала, на празднике судачили, что вы... В общем, гадости говорили. И, наверное, еще будут.

Они немного помолчали. Ульяна глядела в полупустую кружку, хмурилась и вздыхала. Наконец Алёна не утерпела и попыталась продолжить:

– Почему ты его ударила? Мне казалось, он тебе нравится.

– Нравится, только... – пробормотала Ульяна. – Подло это, не полюдски, он же женатый! Гадко целоваться, если... Софья хорошая, как

так можно?!

– А подарки не от него были? – осторожно спросила алатырница.

– От него. - Боярышня тяжело вздохнула, шмыгнула носом. – Подарки... Я... Я такая дура! – всхлипнула она и принялась за сбивчивый, путаный рассказ.

Да, впрочем, говорить-то было не о чем. Всё сложилось за несколько седмиц, исподволь, и чем дольше Алёна слушала, тем больше жалости вызывала Ульяна. И на князя не получалось сердиться. И пытаюсь поставить себя на место боярышни, она всё меньше понимала, кто и насколько виноват. На её месте алатырница бы тоже, наверное, не сумела проявить благоразумие. Да и князь...

Ульяна тогда только приехала в столицу, во дворце никого не знала, и очень стеснялась, и оттого время больше проводила одна, несмотря на наказания и беспокойство родных. Вот и тем утром сидела на скамье в саду, грызла яблоко и увлечённо читала книгу, когда Ярослав по случаю шёл мимо. Боярышня его, конечно, не признала. А он сам и не назвался как следует – от неожиданности, да и без чинов в кои-то веки поговорить хотелось.

Он шутил. Поддразнивал. Смешил и сам смеялся. Называл её яблочком – мол, яблочко яблоком хрустит, – но выходило не обидно, а забавно. С полчаса они тогда проговорили – не заметили, как время пронеслось. Звонница напомнила, и князь поспешил вернуться к делам. Но условились встретиться на завтра там же.

Седмицу они встречались по утрам и просто разговаривали, обо всём на свете. Он рассказывал о дворце, о мире, и так интересно, и складно, что Ульяна заслушивалась. Потом так случилось, что она узнала, с кем вела беседы, смутилась, растерялась и долго от него бегала. А когда получила подарок, изумительной красоты резной гребешок из кости, пошла его возвращать. «Обидеть хочешь? Или я тебя чем обидел?» – хмуро спросил он тогда, и боярышня просто не смогла настоять на своём. Ну а потом... вот.

Она и не сразу поняла-то, что влюбиться умудрилась, а совсем недавно, буквально перед той вечеркой у князя.

– Но любовь любовью, а в семью я лезть не стану, - с тоской в голосе, но твёрдо подытожила Ульяна. – Но... что теперь делать? Как быть?..

Алёна не знала, что можно ответить, и только и придумала, что обнять девушку за плечи. Та склонила голову, уткнулась лбом в шею, слегка царапая шитым очельем. Алатырница бросила вопросительный взгляд на Стешу, но та выглядела задумчивой и лишь растерянно качнула в ответ головой. Даже её ехидничать не тянуло.

Повисшую тишину вскоре прервал стук в дверь. Не дёрнулась только Степанида, она нахмурилась и резко поднялась, с ворчанием двинулась открывать, не понимая, кого могла принести нелёгкая в такую рань. Ульяна бросила на Алёну испуганный взгляд, та в ответ утешающе пожала её плечо.

Рыжая с поклоном отступила от двери, и в покои вошла – вплыла – княгиня.

Девушки заполошно вскочили, чтобы поклониться. Ульяна вцепилась в Алёнину руку и заметно побледнела – ждала, что Софья пришла ругаться, и это в лучшем случае. Однако алатырница пожала её руку в ответ с ободрением, глянула с лёгкой улыбкой в глазах – она верила в лучшее. Не выглядела княгиня сердитой, только немного усталой и самую малость грустной, однако на девушек смотрела спокойно и без злости, с теплом.

Молча прошла, молча села на свободный стул, не оборачиваясь на Степаниду, которая тенью скользнула к двери, чтобы запереть. Жестом велела девушкам тоже вернуться на свои места, при этом разглядывая смятенную и испуганную Ульяну.

– Не смотри так тревожно, дитя, - заговорила она наконец. – Я не ругаться с тобой пришла. Напротив, спасибо сказать.

– Спасибо? – сдавленно ахнула Ульяна. - Но я же...

– Ты очень чистая и добрая девушка, – мягко перебила княгиня. - А Ярослав умеет увлечь, особенно если влюблён. Уж мне ли не знать.

– Влюблён? - недоверчиво пробормотала боярышня, и Алёна молча поддержала её в этом изумлении. Только её не чувства князя удивляли, а спокойствие, с которым говорила о них его жена.

– Князь влюбчив, – кивнула Софья. – Каждый раз искренен, пусть чувства эти быстро гаснут. Но мало кто может устоять перед его обаянием, – слабо улыбнулась она.

– И вы так спокойно об этом говорите?! – не выдержала Алёна, но тут же осеклась, напомнив себе, с кём разговаривает, и виновато опустила взгляд: – Простите.

– Князь справедлив, – всё с той же лёгкой улыбкой в уголках губ и тенью в глазах, поразившей алатырницу в первую встречу, тихо проговорила она. – Он не стал бы возражать, если бы я тоже нашла себе мужчину. Ярослав... не умеет любить. И не понимает, как можно прожить всю жизнь с одним человеком. Его тяготит невозможность для князя разойтись с женой.

Ульяна смотрела на княгиню широко распахнутыми в удивлении глазами, сочувствуя и, кажется, понимая, а Алёне с каждым словом делалось всё тоскливее и горше. А еще неуютней, потому что эти слова были не для неё, и, наверное, не для боярышни, с которой великая княгиня столь терпеливо и безропотно делила внимание мужа. Слишком личное, слишком выстраданное, слишком... Зачем великая княгиня всё это говорила, нимало не стесняясь не только Ульяны, но и алатырницы, и даже притихшей в стороне Степаниды?

И вдруг Алёна поняла: просто хотела выговориться. Поговорить с кем-то, кто и так всё знает, чтобы не выглядело как жалоба и не пошло гулять новой сплетней.

Больно было думать, как тяготит её такая жизнь, как тяжело сохранять спокойствие и благоразумие.

– Как же мне быть? – тихо проговорила Ульяна. – Князь рассердится на отказ...

– Он не сделает тебе дурного и мстить не станет, об этом не тревожься, - качнула головой Софья.

С минуту они помолчали. Тишина давила и звенела в ушах, Алёне хотелось что-то сказать, но одновременно страшно было двинуться, словно она стояла на крошечном шатком уступе над пропастью.

– Я уеду, – вдруг тихо, но твёрдо решила боярышня. - Домой, в поместье. Не хочу здесь больше, не могу!

– В этом, наверное, есть и моя вина. – Княгиня смотрела на Ульяну без радости и, кажется, впрямь чувствовала себя виноватой. - Это мой долг – приглядывать за девочками и не позволять им лишнего, а Людмила уж больно заигралась...

– Пустое, - смутилась Ульяна. - Я сама виновата. Не хотелось мне сюда приезжать, и здесь быть не хотелось, вот и не попыталась своё отстоять.

– Боярин Вяткин воспитал чудесную дочь, – вздохнула княгиня, поднимаясь. Девушки тоже повскакивали с мест. – Надеюсь, мои дочери

вырастут похожими. Желая тебе счастья и любви. Хорошей, настоящей. Взаимной.

Софья придержала Ульяну за плечи, легко, по-матерински поцеловала в лоб и, не прощаясь, двинулась к выходу. Махнула рукой дёрнувшейся Степаниде, сама открыла и тихо закрыла дверь.

– Как ты? - первой не выдержала вновь повисшей тишины Алёна.
– Полегче?

– Да. – Боярышня бледно улыбнулась. – Я знаю, я верно решила, не стоит тут оставаться. А дома небось и на сердце легче станет.

– Ты очень верно поступила с князем, – продолжила алатырница. - Я не уверена, что на твоём месте смогла бы так же...

– Ты хорошая, ты бы не пошла на подлость, – твёрдо ответила боярышня. Она с каждым мгновением, с каждым словом становилась больше похожа на себя-настоящую – круглую, румяную, тёплую. И впрямь – яблочко наливное... – И я сейчас точно понимаю, что правильно сделала. Княгиня, она... Такая красивая – и такая несчастная. Что ж это выходит, она его любит, а он – нет? За что Матушка её так наказала?!

– За гордыню, - неожиданно вставила Стеша. Выглядела рыжая совсем не такой расстроенной, как девушки, лишь самую малость задумчивой.

– То есть?

– Да она в молодости на Людмилу была похожа, - невозмутимо ответила Стеша.

– А ты откуда знаешь? – нахмурилась Ульяна.

– Так мамка моя при старой княгине Красновой была, пока та в столице жила, – не растерялась рыжая. – И про всех порассказала. Заносчива Софья была и самоуверенна, очень хотела великого князя на себе женить – мол, один он её достоин. Ну вот и исполнила Матушка её волю честно. Да вы по ней не убивайтесь, не так уж тяжело она живёт и не столь мила, раз среди свиты своей свары допускает. Только дозвольте, боярышня, честно сказать, что думаю о вашем поступке?

– Говори уж, – махнула та рукой.

– Всё вы верно сделали. Оттого, что княгиня с князем – два сапога пара, подлость меньше не становится. Да и счастья вам бы от него никакого не было, только себя бы погубили. Оно ж не зря в народе

говорят, что на чужой беде счастья не построишь. А вы красивая и добрая, дай Матушка вам мужа хорошего, любимого и любящего.

– Спасибо на добром слове, – улыбнулась Ульяна. - И тебе, Алёна, спасибо большое, - она подалась ближе, порывисто обняла алатырницу. – Мне, как ты появилась, настолько легче стало – словами не передать! Мне кажется, я не обману маменьку, если расскажу, что у меня тут подруга появилась... Можно я буду тебе писать?

– Я бы с радостью, но не знаю пока куда, – искренне отозвалась Алёна. – Не думаю, что тут надолго останусь. Вот как князь мужа подберёт, так и поеду... Давай лучше я тебе напишу, как устроюсь.

– Матушка! А я и не подумала об этом за своей тоской, а тебе ведь моего хуже... – пробормотала Ульяна. – Хочешь, я тут останусь, тебя поддержать?

– Не стоит, - отмахнулась алатырница. Она бы ей и правду о себе с лёгким сердцем рассказала, но при Стеше не стала. - Жениха любимого у меня нет, да и князь небось не обидит. А там авось стерпится – слюбится. Оно, может, и лучше так замуж выходить, чем по жаркой любви.

Однако вышло всё это не очень-то радостно, без того спокойствия, которое хотелось показать. Потому что был тот, от мыслей о ком сердце заходило, и даром что Алёна знала, никто её взаправду замуж выдавать не станет, да и не сумеет, всё одно не по себе было. И больше оттого, что невольно мысли всякие горькие возникали. Олег-то с ней ни о чувствах не говорил, ни о будущем. И так или иначе, а ей тут лишь несколько дней осталось, меньше седмицы, а дальше – обратно на заставу надо отбыть, так что с воеводой расстаться придётся насовсем.

– Как я надеюсь, что у тебя всё ладно сложится! – проговорила Ульяна, крепко сжав обе ладони Алёны.

– Матушка сохранит! – а вот это вышло странно уверенней всех прошлых заверений.

Ещё с четверть часа они поговорили о своём, стараясь не касаться грустных вопросов, а потом обе уже раззевались и распрощались, условившись, что Алёна непременно отпишет при первой возможности.

Выпроводив гостью, Степанида ни о чём расспрашивать подопечную не стала, а только отправила отсыпаться. Алёна, наскоро

ополоснувшись перед сном, завалилась в постель, и усталость почти мгновенно взяла своё, не уступив ни тревожным мыслям, ни радостным воспоминаниям.

Проснулась молодая княгиня гораздо позже полудня, между обедом и ужином, и первой мыслью было попросить Степаниду добыть перекусить, потому как разбудило её именно чувство голода. Но рыжей в покоях не оказалось, пришлось искать другую служанку и с ней договариваться, думая о том, что к прислуге ей, верно, никогда не привыкнуть: куда проще было бы самой дойти до кухни и приготовить что нужно.

Сейчас минувшая ночь виделась сном, и больше всего Алёне хотелось найти Олега и... наверное, взглянуть для начала, как он станет держаться. Потому что ночь Озерицы ничего не обещает и ни к чему не обязывает, это лишь малая толика бездумной радости. И пусть мечталось, что для воеводы это тоже окажется чем-то иным, важным и ценным, но также Алёна была готова и к дурному исходу. Да, эту ночь она станет вспоминать с тоской, и Олега не забудет, вот только... Если бы Матушка не свела их здесь, мало что изменилось бы для неё. Просто теперь она знает его лучше, и любить его легче. Уже всерьёз, по-настоящему.

Только никуда Алёна не пошла. Если бы ещё заведомо знать, где его встретить можно, а так – не бегать же за мужчиной по всему дворцу! А о встрече они не условились, как-то в голову не пришло.

Алёна постаралась отвлечь себя книгой, и это даже вышло. Дождалась, пока принесут еду, пообедала без спешки и задумалась, чем бы занять остаток дня. Пыталась понять, действительно ли ей хочется прогуляться или всему виной надежда случайно встретиться с Олегом.

Отвлёк быстрый, торопливый стук в дверь. Посуду одна из сенных девок уже забрала, и алатырница с удивлением пошла смотреть, кому понадобилась.

Однако на пороге никого не оказалось, зато нашёлся небольшой тугой снопок незрелого ярового овса и пучок немытой моркови. Алёна пару мгновений удивлённо всё это разглядывала, потом высунулась наружу, но никого там не увидела. Решив, что бросать всё это на пороге странно, она взяла снопок за перевязло и морковный букет за ботву, занесла внутрь и принялась одеваться. Единственное, что

придумалось сделать со странным подношением, отдать на конюшню, там-то найдётся применение и необмолоченному овсу, и уж тем более моркови.

Ответ на вопрос, что это, нашёлся быстро: из колосьев выпал обрывок бумаги. Короткая записка, знакомый почерк, только слова в этот раз злые, едкие, явно чтобы обидеть. «Прежние подарки, верно, были не ко двору. Жажду исправить оплошность и шлю кобыле дары, способные утешить.»

– Вот дураки!– удивлённо вскинув брови, пробормотала Алёна. - И нечем же людям заняться...

Морковка ладно, но это же надо было с утра собрать где-то сноп овса! Всяко боярские дети ездили не сами, слуг отослали, но и то – озаботились! А в том, чьих рук это дело, алатырница не сомневалась: Сафроновых шуточки, и не только Светланы. Это ведь её брат про лошадей тогда начал, небось и вчерашнее с его руки случилось.

А ещё Алёне было непонятно, зачем вообще понадобилась эта история с подарками, чего хотели-то? Ну ладно нынешний, это для обиды, а прежние? Там-то как будто никакого подвоха не было...

– Это ещё что такое? – вошедшая Степанида в удивлении остановилась над снопом.

– Подарок, - со смешком ответила Алёна и протянула рыжей записку, пересказав то, что надумала по этому поводу. – Как считаешь, чего они хотели прежними подарками-то добиться?

– Всякое бывает. Могли надеяться, например, что тебя тронет внимание загадочного мужчины, начнёшь выяснять, кто он, и получится тебя опозорить. Деньги-то невелики, кто из богатых бояр траты на ленты да прочую мелочь считает! Или гадость какую-то затеяли, даром, что ли, белокрылку тебе вчера прислали...

– Да, кстати о гадости! – опомнилась Алёна и рассказала, что случилось на празднике. Конечно, не про воеводу, а вот о том, что веселилась с русалками и Озерицей, упомянула. Надо же было как-то объяснить, где её носило всю ночь, а такая компания показалась довольно безобидной.

– Занятно, – проговорила Стеша. – Это что выходит, белокрылку и масло тебе с намёком послали или даже в помощь? Всяко же не от них к тебе запах этот прилип, небось в праздничной сутолоке кто чего брызнул – ты и не заметила.

– То есть кто-то знал и помочь хотел, а прямо не рискнул обратиться?

– Я на Павлину думаю, – через мгновение решила Степанида. – Она почти оклемалась от встречи с лешим и, уж наверное, задумалась, с кем связалась. Они не сознались, зачем на самом деле в лес пошли, а обвинять их в нападении пока не стали – тогда возникнут вопросы, как ты с разгневанным лешим так легко справилась. Но что ты ей на выручку без раздумий бросилась, это уж Павлина знает. Вот скоро кончится всё, можно будет с ней прямо поговорить. Да, кстати, я же с новостями! Князь для тебя жениха подобрал.

– Уже? – испуганно глянула на неё Алёна.

– Уже, завтра сговор будет к полудню. Да ты чего так побледнела-то? – Стеша удивлённо выгнула брови. – Никто тебя всерьёз выдавать замуж не будет, не бойся. Хотя для дела бы лучше, чтобы ты вот так и выглядела – несчастной и недовольной.

– Отчего же? И для какого такого дела? – спросила алатырница. – Кого вы вообще ловите так странно? Светлана вон лешего натравить собиралась, то есть на зло способна, а с ней и не поговорили об этом толком, как будто так и надо. Выходит, кого другого. Но кого? Что случилось-то? Не только ведь в смерти князя дело?

– Не только, – смерив её задумчивым, тяжёлым взглядом, кивнула Степанида. – Вьюжин заговор против Ярослава чуёт, – слова упали веско, обдали жутью.

– Как – заговор? – изумилась Алёна. – Кому такое вообще могло в голову прийти?! Да никогда Матушка не позволит великого князя извести!

– А вот так. – Рыжая пожала плечами. – И поймать Вьюжин хочет рыбку покрупнее, чем глупая вдовица. Смерть Краснова всяко не сама по себе случилась, из той же кубышки монета. Возьмём заговорщиков – и убийцу на ниточке вытянем. Только сам Ярослав в это не верит, тоже на Матушку уповаёт, вот Вьюжин и не стал пытаться его переубедить.

– Но при чём тут я? – совсем уж растерялась Алёна. – До меня-то заговорщикам какое дело?

– Не могу сказать, – честно призналась Стеша. – Не хочу всё испортить. Потерпи денёк, скоро уж всё разрешится. Ты, главное, не

скрывай, что расстроена и замуж совсем не хочешь, а там всё как надо повернётся.

Алатырница только вздохнула и кивнула в ответ. Беспокоила её не сама игра в сговор, беспокоили мысли об Олеге.

Рассказывать о нём Степаниде совсем не хотелось, тем более что и не было ничего такого: сватов он не засылал, любить до смерти не обещал и вовсе, наверное, не воспринимал Алёну всерьёз. Но может ведь и без этого глупостей наворотить! Пусть не из любви, так хоть из искреннего к ней расположения и желания уберечь от неприятной участи. Что он один из заговорщиков – эта мысль ей и в голову не пришла, и человек не тот, и к князю он слишком уважительно относится.

И непонятно, что ему вообще можно рассказать. Правду? Боязно, и даже не гнева Вьюжина боязно, а прямого равнодушия. А ну как скажет, что ему безразлично, за кого она замуж пойдёт? Что он её к княжичу приревновал – это ведь ничего не значит...

И не откажешься, тут Алёна тоже сомнений не допускала. Людей вроде главы Разбойного приказа не интересуется, чего хотят их игральные карты, и надо сказать спасибо хотя бы за то, что о её спокойствии вообще думают и хоть что-то рассказывают, утешают вот, обещают, что в самом деле выходить замуж никто не заставит. А ведь могли бы, что Вьюжину одна алатырница? Несложно принудить её к повиновению силой или угрозами, за себя не испугается – так у неё родни полно. Тут желание договориться миром, без угроз, можно добротой считать, а на большее и рассчитывать не стоит.

Да и не за страх, за совесть тоже помочь хотелось. Страшно было представить, что случится, если вдруг Матушка не доглядит и великого князя не станет.

– Что хоть за жених? – со вздохом спросила Алёна.

– Жених надёжный, – отмахнулась Стеша. – Боярин Светлов, тридцати восьми лет от роду. Князю верен безоговорочно, в нём можно не сомневаться, с Вьюжиным дружбу водит. Он тоже знает, что свадьбы взаправду не будет, и не против такого розыгрыша. Но если интересно – недурён собой, ладно сложен и крепок, нравом спокоен и незлобив. По мне, так неплохо бы чуть его рассудочности Ярославу подарить... Ладно, к лешему! Давай о деле. Посиди-ка ты сегодня у себя в покоях, и завтра до знакомства с женихом. Думаю, за

это время всё и разрешится. К княгине на ужин сходи, но только если сумеешь сохранить несчастный и расстроенный вид, ну знаешь, как обычно страдающие девицы делают? Витают в мыслях, никого не слышат, хмурятся, еду по тарелке размазывают. А нужные слухи есть кому разнести.

– А если Светлана ещё что-нибудь учинит этакое? Тоже внимания не обращать?

– Не учинит, - заверила Степанида. – Ну гадостей наговорит, но большего себе не позволит. Впрочем, если ты расстроишься, уж извини, оно только на пользу будет.

– Я поняла, – кивнула Алёна, и не думая обижаться на такую честность.

– И ни о чём всерьёз не беспокойся! Тебя охраняют, ты, главное, сама дров не наломай! – напутствовала рыжая, явно намереваясь уйти.

– погоди! – Алёна вдруг вспомнила еще одну важную вещь. - Если ты говоришь, что скоро всё закончится, могу я хоть теперь узнать, кто ты такая на самом деле?!

Стеша окинула её взглядом, насмешливо фыркнула.

– Страшная сила женского любопытства! Ладно, договорились, расскажу, но – после, как со всем разберёмся.

После этого она сразу упорхнула, и Алёна не стала спрашивать зачем и почему. Видать, наличие прислужницы в покоях могло нарушить стройный план. Или сплетни нужные распускать побежала.

Остаток дня прошёл беспокойно, Алёне и не пришлось изображать смятение и тревогу. Грядущее «замужество» волновало в куда меньшей степени, чем более насущные вещи. А уж на детские дразнилки свитских девиц она и вовсе внимания не обращала – ну ржут и фыркают по-лошадиному тихонько, кличут кобылой, так и Матушка с ними! Тут был очень кстати совет Стешки витать в мыслях, вот алатырница и пропускала эти глупости мимо ушей с чистой совестью.

И перед ужином, и после так и подмывало сбегать в другой терем, тем более где Моховой покой она запомнила отлично, но нарушить прямое распоряжение Степаниды не рискнула. Только оглядывалась в коридорах с надеждой, вдруг воевода сам навстречу попадётся, но – не сложилось.

А тишина собственных покоев давила. Алёна то шагала из угла в угол, то садилась с вышиванием или книгой, безуспешно пытаясь занять голову и руки. Зажигала весь свет во всех комнатах, вдруг пугаясь каждого шороха в темноте, а после с недовольством гасила его, оставляя один светец, потому что свет бил в глаза.

Она всё гадала – как? Как должны проявить себя заговорщики, что попытаться сделать? И при чём здесь всё же она?! Или не в ней дело, а в том, кого предназначили ей в мужья? Если он – доверенный человек князя, то это выходило больше похоже на правду, но опять не давало ответа на самый важный сейчас для неё вопрос: как именно они могут использовать в этом деле Алёну?! Приходил в голову только один ответ, убить, но он казался уж больно неправдоподобным, потому что порождал другой, безответный вопрос: а какой прок в смерти девушки, пусть она и наследница князя Краснова?

За окном стемнело, когда Алёне наконец надоело бегать по покоям, словно белке в клетке, она махнула рукой на своё тревожное ожидание и улеглась. Думала, правда, просто полежать, уверенная, что уснуть не удастся, однако густой сон без сновидений сморил как-то вдруг, в мгновение выгнав из головы всю сумятицу. Слишком быстро, слишком неожиданно, и, если бы могла, Алёна бы наверняка испугалась. Только не успела.

ГЛАВА 14. Княжеская беда

Сон прервался неожиданно. Качнулась постель, кто-то легко прикоснулся к щеке, и Алёна, вздрогнув, очнулась. Открыв глаза, в первое мгновение им не поверила: над ней склонялся Олег, не узнать которого в лучах одинокого светца в изголовье было невозможно.

– Привет. – Мужчина улыбнулся, ещё раз провёл кончиками пальцев по её щеке.

– Привет, – сонно пробормотала Алёна, улыбаясь в ответ. – Как ты здесь оказался?!

– Вообще-то это мой вопрос, – возразил он. – Вышел умыться перед сном, возвращаюсь – а тут такой подарок, и Шарик не шелохнулся, поганец.

– Подарок? – изумилась алатырница, приподнялась на локтях, огляделась...

Это действительно были не её покои. Довольно просторная тёмная комната с широкой кроватью, сундуками вдоль дальней стены и несколькими книжными полками. Девушка нашла себя на постели прямо поверх одеяла, в той самой ночной сорочке, в какой ложилась спать, а Олег сидел на краю в одних подштанниках. Огромный воеводин пёс низким меховым стожком лежал в другом углу, кажется на подстилке или тюфяке, было плохо видно, и действительно даже ухом не вёл в сторону незваной гостьи.

– А как же я сюда попала? – Алёна вопросительно выгнула брови. Хотя ответить было некому, уж всяко Олег или Шарик этого устроить не могли. – Не в рубашке же дошла во сне...

– Наверное, – согласился воевода, не очень-то вслушиваясь в её слова. Потом и вовсе наклонился ниже, обнял одной рукой едва прикрытый тонким полотном стан, поцеловал манящие, нежные губы, которые прошлой ночью забрали остатки его спокойствия. – Только совсем не хочется разбираться в этом прямо сейчас...

Алёна упала на спину, обняла мужчину, но всё же попыталась продолжить разговор:

– Но ведь не просто же так это случилось, наверное...

Однако договорить она не успела. Со своего места с рычанием взвился пёс, где-то рядом хлопнула дверь и загомонили голоса, а через мгновение в спальню ввалилось несколько мужчин, которых испуганно охнувшая Алёна знать не знала.

– Шарик, назад! – окликнул пса воевода, одновременно с тем рванул на себя одеяло, одним движением укутывая свою нежданную гостью. Резко поднялся. – Ты совсем оборзел, Шорин! – прорычал не хуже Шарика, зло глядя на стоявшего впереди остальных мужчину, который с изумлением рассматривал растерянную Алёну.

Рослый, широкий, немолодой и весь седой, с густыми вислыми усами, он походил на старого дружинника и еще очень напоминал пса, который сейчас стоял, молча скаля клыки и дыбя холку, но не нарушал хозяйского приказа. Наружность такая, увидишь – ни в жизнь не забудешь.

– Прости, Олег Сергеевич, старого дурака! – опомнившись, здоровяк низко поклонился прижав ладонь к груди. – Вспылил я. Донесли, будто тут у тебя дочь моя, ну я и помчался, а у тебя...

– Невеста моя, - оборвал Олег, не позволив закончить.

Шорина, старого вояку, который давно отошёл от военных дел и жил в тихом поместье, воевода знал хорошо, уважал и ругаться с ним не хотел, и уж тем более – драться. А если бы дал тому договорить, чуял, пришлось бы, ничего хорошего он ляпнуть не мог.

– Прости ещё раз, воевода, – вновь поклонился мужчина, а с ним одновременно – и трое спутников. – Давно пора. Счастья вам обоим!

Дольше торчать в проходе они, к счастью, не стали, вышли, аккуратно прикрыли за собой дверь.

– Зачем ты про невесту сказал? - спросила Алёна напряжённо, когда Олег опять сел на край постели. Сердце радостно затрепетало где-то в горле, но алатырница постаралась унять его и не поверить шальной надежде.

– Ещё не хватало, чтобы твоё имя почём зря трепали! – проворчал воевода. - Мне-то ничего не будет, а тебе и так от здешних болтунов достаётся.

Со всколыхнувшейся внутри горечью и глупой обидой получилось справиться и удалось не подать вида, как задели эти слова. Слишком сильно ей хотелось услышать иное, чтобы не так, не об этом. И наивно, и глупо, но разве сердцу объяснишь?

– Выходит, меня для того сюда и перенесли, чтобы опозорить? - тихо пробормотала Алёна. – Ждали, верно, что ты поведёшь себя как в прошлый раз, с той девушкой, не знаю её имени. И Шорина этого специально подослала, потому что горяч и вспыльчив и о дочери своей очень печётся...

– Выходит так, – согласился Олег, нехотя возвращаясь к серьёзному разговору. Хотя при виде сидящей на его постели Алёны хотелось совсем не думать или говорить. - Только как же тебя перенесли так незаметно?

– Ну да, вряд ли на такую глупость дорожник бы согласился, да и я бы, наверное, проснулась... А впрочем, уж больно вдруг я уснула, – припомнила алатырница.

И вновь они не успели ни до чего договориться, в дверь спальни торопливо постучали, и, не дожидаясь ответа, внутрь влетела встрёпанная и явно сердитая Степанида с ворохом одежды в охапке.

– Доброй ночи, - быстро поклонилась она. - Вас их княжеская светлость видеть желают немедля, гневаться изволят.

– Стеша, а... – неуверенно начала Алёна, но договорить ей не дали.

– Дозвольте я вам помогу, я вот всё с собой прихватила, – оборвала Степанида. – И пойдёте в соседнюю комнату, не явится же воевода князю в одном исподнем, ему тоже одеться надобно.

Кажется, столь неожиданное явление и уверенное поведение прислужницы не только алатырницу выбили из колеи, но и Олега, и Шарика, который молча слушал рыжую, склоняя голову попеременно вправо и влево и выразительно двигая ушами. Алёна выбралась из одеяла и прошла за Стешей, а хмурый Олег остался в спальне одеваться и про себя тихо ругать князя вместе с расторопной прислужницей. И когда ему только донести-то обо всём успели, уж полночь скоро! И о чём – обо всём?

– Стеш, ты чего такая сердитая? – тихо спросила Алёна, спешно натягивая исподнее и меняя рубашку.

– Это ты ещё Вьюжина не видела! – проворчала та. – Ну да ничего, сейчас встретитесь.

– Что случилось?! – ещё больше встревожилась алатырница, но рыжая только недовольно отмахнулась.

Дальше расспрашивать Алёна не стала – ясно, не скажет ничего. А там и Олег вышел вместе с псом, и пришлось спешить за Степанидой по тихим и сонным ночным переходам дворца. Порой навстречу попадались слуги, которых встретить в это время обычно было труднее, но вряд ли алатырница обратила бы на это внимание в ином случае. Интересно, это Шорин шум поднял и оттого во дворце так беспокойно? Или всё же случилось что-то ещё?

По дворцу шли быстро, с явной спешкой, и закончился путь всё в той же комнате, уже хорошо знакомой Алёне, - видать, в этом своим привычкам князь не изменял. Ярослав опять сидел за столом с какими-то бумагами, и видно было, что спать он еще не ложился. Подле него сидел и Вьюжин, который сердитым, вопреки сказанному Степанидой, не казался, скорее сосредоточенным и немного хмурым. А впрочем, Алёна не рискнула бы утверждать, в каком настроении пребывает и о чём думает этот человек.

– Наконец-то, - ворчливо поприветствовал их князь. – Скажи мне, Олег, какого лешего ты именно сейчас решил проявить благородство? Я понимаю, невеста завидная, аж целая княгиня, но какого же...

– И что на этот раз не так? – хмуро спросил Олег, без разрешения выдвигая один из стульев для Алёны и занимая соседний. Алатырница замешкалась, тревожно глянула на князя, но тот на самоуправство никакого внимания не обратил. – Ты мне в прошлый раз высказывал, что я грубо с девочкой себя повёл, и так нельзя, и вообще плешь проел тем, что пора наконец найти подходящую девушку и жениться. Ну вот, исполняю приказание. Хорошая девушка, чего бы не жениться-то?

– Слыхал, каким послушным стал? – качнув в его сторону головой, обратился князь к Вьюжину. - И что мне теперь со сговором предлагается делать?

– А ничего, – пожал плечами боярин, сквозь лёгкий прищур разглядывая притихшую Алёну. – Как решено, так и делай. Оно так лучше выйдет.

– С каким еще сговором? – нахмурился воевода.

– А с таким, что невеста твоя за другого просватана, – ответил князь. - Ну, что скажешь, княгиня молодая? Женихи вон косяками пошли! Одного аж Вьюжин сосватал, другой сам вдруг объявился...

– Дозволь мне, княже, с девицей этой тишком парой слов перемолвиться для начала. – Боярин не дал алатырнице и слова

вставить. – Пойдёмте, Алёна Ивановна, – кивнул он ей, поднимаясь. – А ты, воевода, посиди, ничего я ей дурного не сделаю.

Алёна с трудом поборола порыв ухватиться за ладонь Олега, заплакать по-детски, требуя защиты и утешения. Ну и пусть он ни слова про любовь не сказал, пусть из благородства, но всё же... Однако перечить Вьюжину не осмелилась, молча последовала за ним. Недалеко, впрочем, до соседней пустой горницы.

– Садись, – кивнул он на скамью, сам села рядом. - Надеюсь, мне не нужно тебя предупреждать, чтобы глупостей не творила?

– О чём вы, ваша милость? - спросила Алёна тихо, силясь унять взметнувшееся внутри пламя. Говорил боярин будто бы ровно, спокойно, но угроза явственно повисла в воздухе, и янтарь ярился, рвался защититься.

– Мне дела нет до того, отчего Рубцов вдруг так подобрел и чем ты его зацепила – красотой ли, нравом, огнём или постелью. Неповиновения я не потерплю, и пустить всё псу под хвост в последний момент – тоже не позволю. Поэтому сейчас ты заявишь князю, что не желала нарушить его волю, что очень сожалеешь, и что ты там ещё сумеешь придумать, чтобы Рубцов своими коваными сапогами не влез в и без того шаткий план. Поняла меня, девица Алёна?

– Поняла, ваша милость, - пробормотала она, не рискуя смотреть на боярина, взгляд которого жёг ледяными иглами.

Вот теперь она поняла, что Стеша сказала верно: Вьюжин зол.

– Умница, – смягчаясь, кивнул тот. - Ну, не горюй так. Дело сделаем, объяснишься со своим воеводой да и пойдёшь за него замуж, коли впрямь у вас там что-то сладиться успело, - подсластил он насмешливо горькое зелье. – И прежде чем горевать о нём и жалеть, ты ещё вот о чём подумай. Ты в него небось за просто так влюбилась, а? Герой же, собой хорош, да и тянет вас, юных девиц с сердцем горячим, к таким вот несчастным...

– С чего вы взяли? – вскинулась Алёна.

– Угадал? - усмехнулся Вьюжин. – Так невелика тайна, у тебя на лице написано. А вот он, любит ли? – спросил он вкрадчиво. – Или просто решил, что хорошенькая, молоденькая восторженная девочка рядом будет кстати? Про наследство твоё не говорю, о нём небось и не подумал, не тот воевода человек, его деньгами не купишь.

И Алёна, хмурясь, молча опустила глаза. Возразить ей на это было нечего. Умом алатырница понимала, что говорит так боярин намеренно, но уж слишком точно угадывал он её собственные страхи и сомнения. Видел насквозь и не стеснялся этим пользоваться.

– Олег хороший, – только и сумела вымолвить она. И сама поняла, как жалко и глупо это прозвучало.

– А вот тут я с тобой и спорить не намерен, человек он и впрямь хороший, отчего, может, и страдает, – усмехнулся Вьюжин уголками губ. – Нешто ты думаешь, что такой человек, как твой воевода, легко отдаст то, что ему дорого? Вот и проверишь заодно, насколько ты для него важна.

– А если он дров сгоряча наломает?

– Не успеет, – уверенно отмахнулся боярин.

– Ваша милость, но всё-таки как моё поддельное замужество поможет заговорщиков поймать? – осторожно спросила алатырница.

– Не заговорщиков, а одного-единственного дурака. Дурак, впрочем, оказался поумнее, чем мне виделось, но это ерунда.

– Неужели вы подозреваете, что Олег...

– Что? Рубцов? Заговорщик?! – Вьюжин искренне рассмеялся. – Да куда уж там, он же прямой как удар шашки!

– Но кто тогда?

– Ну вот и погадай, развлекись, а там и узнаешь, угадала ли. А как он к тебе явится – уж постарайся его не спугнуть. Идём, девица Алёна.

– А может, вы сами с князем договоритесь? – робко предложила она, не надеясь на согласие.

– Ступай, – резко велел он.

Алатырница шла до соседнего покоя медленно, нога за ногу, невольно оттягивая пугающее мгновение. Пыталась уговорить себя, что всё это ненадолго, просто маленький розыгрыш, и ничего непоправимого не случится. Что Вьюжин, хоть и использует её в своих интересах, всё-таки прав, и если Олег к ней впрямь равнодушен, то всё сладится, а если нет – то и к лучшему, считай, Матушка уберегла. Но вышло плохо, и в покои князя она шагнула на подгибающихся ногах, не глядя ни на кого.

– Всё, что ли? – со смешком приветствовал их появление князь. – Дозволено ли нам узнать, что вы там нарешали? Княгиня?

– Господин воевода проявил благородство, чтобы моё доброе имя спасти, - начала Алёна, чувствуя, как дрожит голос, и не в силах ничего с этим сделать. - Я не знаю, кто и как перенёс меня в его комнату, и сам он к тому не причастен. Нечестно пользоваться его добротой. И коли великий князь слово дал, негоже вынуждать забирать его обратно. Как обещано, за Светлова пойду.

Она и хотела, и страшилась глянуть на Олега, так что стояла, потупившись, и нервно мяла в пальцах ткань сарафана. Зато взгляд лежащего перед столом пса поймала, и столько в карих глазах почудилось обиды и укора, что пришлось и от собаки отвернуться. И вообще хотелось бы зажмуриться, но этого алатырница себе не позволила.

А воевода тоже промолчал – хотел ли возразить, нет ли, а заговорившего князя перебивать не стал.

– Ну и то ладно. Что с твоим добрым именем делать – это вон пусть Вьюжин решает. Он как раз собирался объяснить перед вашим приходом, как в нашем дворце такие чудеса случаются с будто бы охраняемым человеком, которому опасность грозит, послушайте и вы. Да ты садись, княгиня, в ногах правды нет.

Алексей Петрович взял её за локоть, подвёл к столу, усадил поодаль от воеводы. Сам соседний стул занял. Явно намеренно, стараясь держать их двоих подалее друг от друга.

– А всё просто, княже. Дворечника это проделки. Не самовольные, конечно, девица одна злобная княгине гадости устраивает, а при ней подружка есть – красный янтарь. Павлина, дочь боярина Самохвалова. О ней не тревожься, я найду, какое ей дело придумать для пользы Белогорья и без вреда девичьей чести, чтобы не тратила силы на всяческие глупости. И с отцом её договорюсь.

Алёна удивлённо глянула на Вьюжина, но тут же опять опустила взгляд. Сложно было поверить даже не в то, что Павлина сумела уговорить дворцовых домовых, которыми наверняка управлял красный янтарь куда более сильный и опытный, нежели эта девушка, сколько в то, что она опять попыталась сделать дурное. Неужели её как-то принудить сумели? Угрозами?..

– Твой прокол-то, Вьюжин. Кто у нас за охрану отвечает?

– А вот как раз потому, что алатырники, которые с дворцовой нечистью управляются, мне не подвластны, такое и случилось. Ты мне

что, княже, давеча заявлял? Что Сухов своё дело знает, и нечего мне к нему лезть, дескать, и так мне власти слишком много дано.

– Ну не ной, не ной, Алексей Петрович, как младенец! – ворчливо перебил его Ярослав. – Неправ я был, признаю. Власти много, так у тебя и порядок всегда, так что не ворчи, отдам я тебе Сухова в подчинение вместе со всей его малой дружиной. Но только ежели выяснится, что это твои происки специально ради того...

– Ты уж совсем чудовище из меня не делай, – отозвался боярин уже безо всякого недовольства в голосе.

– Из тебя и делать ничего не надо, – отмахнулся князь. – Только все приказы, что будешь ему отдавать, через меня пусть проходят по первости, пока не привыкнет. Знаешь же, Сухов гордый и упрямый и тебя недолюбливает. А с этим делом ты, надеюсь, разберёшься вскорости, как обещал. И с девками дурными, и с убийцей Краснова уже наконец.

– Думаю, не позднее завтрашнего дня всё прояснится.

– Я услышал. Ступайте, на том и закончим.

– Доброй ночи, княже!

Голос Вьюжина прозвучал словно бы с насмешкой, но Алёна бы не поручилась в этом. Сама девушка поднялась следом за ним, вразбой с воеводой невнятно попрощалась и вышла за боярином. Последним шагнул Олег, окликнул за порогом:

– Алексей Петрович, разговор есть.

– Утром, воевода, – отмахнулся тот. – До утра ровным счётом ничего не изменится ни в твоём деле, ни в моих ответах, так что обожди. Заодно, мой тебе совет, хорошенько обдумай то, о чём со мной говорить хочешь.

Даже не поднимая на него взгляда, Алёна знала, что Вьюжин добродушно улыбается, а глаза притом холодные, как у снулой рыбины.

Олег сначала вознамерился настоять, но запнулся взглядом об отводящую глаза алатырницу – и смолчал.

– Пойдёмте, Алёна Ивановна, я провожу вас до покоев, – продолжил боярин тем временем, и девушка лишь покорно кивнула.

– Алексей Петрович... – начала она робко через несколько шагов.

Но Вьюжин вдруг перебил и заговорил безо всякого повода резко, так, как начал наставлять её при недавнем разговоре наедине:

– Прекратите, княгиня, всё решено. Светлов достойный мужчина, и муж из него выйдет хороший, и князь. С землями и прочим он управится легко, и вас не обидит, будьте уверены. А чувства, про которые вевждии так любят рассуждать юные девицы вроде вас, дело наживное. Народ говорит, стерпится – слюбится, а народ – он мудрый. А нынешнее ваше чувство, которое вы так гордо любовью величаете, как справедливо сказал его светлость, это просто глупое увлечение юности, одно из многих. И плакать тоже довольно, вы же княгиня, в конце-то концов!

Слушая это, Алёна поначалу тревожно поглядывала на Вьюжина, удивляясь, зачем он столь откровенно лжёт, а потом наконец сообразила, что сказано это не для неё, а для тех, кто уши грел в едва заметно приоткрытых комнатах, тёмных закутках или бесхитростно в коридоре. За время недолгого пути и короткой прочувствованной отповеди алатырница насчитала пяток таких наблюдателей и даже немного развеселилась и отвлеклась, уж очень всё это походило на игру.

Вьюжин проводил её до покоев, зашёл, осмотрелся и вышел, ничего не объяснив и не сказав об отсутствии Степаниды, и Алёна осталась один на один со своими мыслями – сумбурными, тревожными.

Больше всего тяготила невозможность объясниться с воеводой. Взглянуть бы ему в глаза, услышать правду – любую, лишь бы не маяться здесь от тоски и неведения. Не думать, не грезить о несбывшемся, не жалеть, что им не дали и часа наедине.

Да и вообще, что у них было на двоих? Один час да одна ночь...

Стоило об этом подумать, и на душе стало пусто и горько. Даже если она ему нравилась, а она нравилась, иначе не пожалел бы и не назвал невестой, как можно было говорить о чём-то другом через такое короткое время? Но всё это понимал и принимал разум, а сердце отказывалось слушать его доводы, колотилось торопливо и – ждало.

Не добавляли покоя и радости и мысли о том, кого именно с её помощью собирались вывести на чистую воду, потому что предположение в итоге возникло всего одно. Слишком уж мало было во дворце людей, с которыми она вообще хоть как-то успела пересечься. И подозревать того было неприятно, но легко, и от этого – ещё более неприятно.

Когда после короткого и едва слышного стука открылась дверь, и на пороге появился княжич, она почти не удивилась. Но искренне разочаровалась – и в нём самом, и в том, что угадала злодея, и что её глупая надежда на появление воеводы вместо злодея не оправдалось.

– Дмитрий? - заговорила она, поднимаясь и шагая навстречу княжичу. – Ты?..

К счастью, закончить и тем всё испортить он сам не дал, оборвал:

– Прости за то, что явился вот так. Я так и думал, что ты не сможешь после всего этого спокойно уснуть. Как ты? – Он подошёл, взял её за плечи, хмурясь и глядя сочувственно. - Да что я спрашиваю, уж верно нехорошо! Но ты держись, я ожидал застать тебя в слезах...

– Слезами горю не поможешь, – тихо проговорила она, опустила взгляд.

– Я так надеялся, что князь хоть после этой шумихи одумается, а вы с Рубцовым пусть так, но вместе будете, а он вон чего! – проговорил наследник, едва зубами не скрипя от злости. – Действительно, как можно о чести и чувствах говорить, когда судьба княжества решается...

– Так это ты устроил? Ты с дворечником договорился, чтобы меня к Олегу перенёс?

– Не я, но среди людей Сухова есть верные, хорошие, надёжные, и красный янтарь тоже. Хочешь, я помогу вам сбежать?

– А проку? – Алёна повела плечами, выскользнула из его рук – врать в глаза не привыкла, боялась выдать себя. Да только и неуверенный, дрогнувший голос, и всё прочее играло на руку и лишь больше убедило княжича в его правоте. - Куда бежать? А если и сбежим, моим близким не поздоровится, - пробормотала она и испуганно замерла, лихорадочно пытаясь вспомнить, что успела рассказать княжичу про этих самых близких. Не возникнет ли у него каких-то вопросов?

Однако Дмитрий слишком увлечён был собственными мыслями, чтобы искать неточности.

– Не тревожься! – вдруг горячо проговорил он. Подошёл со спины, опять сжал её плечи. – Потерпи немного, недолго твой навязанный брак пробудет. Светлов и месяца не проживёт, а там за

Рубцова со спокойным сердцем пойдёшь. Уговори его только до поры уехать из стольного града и за князя голову не рваться сложить...

– О чём ты? – в изумлении обернулась она. – Он же воевода, он князю клялся. И с чего сейчас голову складывать, если войны никакой нет, болотники – и те поутихли!

Удивление было неподдельным: признаться, такой дальновидности от княжича она не ждала, а он вон чего придумал! Не только совесть свою успокоить, но и от опасного противника избавиться. А воевода-то силён, с ним не так просто сладить, особенно если бороться до последнего решится.

Или не сам он это придумал?..

– Я не могу всего сказать, - уклончиво проговорил Дмитрий, жадно вглядываясь в её лицо. – Но я обещаю, слово даю ваше счастье с воеводой устроить! Если он не ползет – его не тронут, будете княжить вместе. Я Олега Сергеевича очень уважаю, не обижу, обещаю!

– Но князь...

– Да плевать на князя! Недолго ему княжить осталось! – горячечно оборвал наследник и сам отступил на шаг, выпуская Алёну. - Он же не слышит никого, и на людей ему наплевать, зазнался князь, себя первым после Матушки считает, не указ ему никто! – заговорил зло, обиженно. - Может, хоть так поймёт...

– Что поймёт?

– Хоть что-нибудь! – выдохнул он.

– Отрадно слышать, ваша светлость, что вы хотя бы искренне верите в то, что отец ваш останется жив.

Голос Вьюжина, вдруг прозвучавший из тёмного угла, заставил Дмитрия буквально отпрыгнуть в сторону, да и Алёна испуганно дёрнулась, отпрянула, выдохнула недоверчиво:

– Что вы тут?.. – но тут же осеклась, потому что Вьюжин был не один, рядом с ним стоял незнакомый мужчина средних лет самой обыкновенной наружности, со светлыми волосами и аккуратной бородой, и женщина, чьи тёмно-рыжие с проседью волосы были собраны в косу. Правда, лицо её и внимательный, насмешливый взгляд в какое-то мгновение показались знакомыми, но алатырница тут же отвлеклась.

А княжич ничего не говорил. Стоял, в гневном бессилии стискивая кулаки, и с ненавистью смотрел на боярина, была бы его

воля – кажется, в горло бы зубами вцепился.

– Для дальнейшей охоты только лишь ваших слов, княгиня, будет недостаточно, а вот то, что мы тут все слышали – уже со счетов так просто не сбросишь, – неожиданно ответил на неоконченный Алёнищ вопрос Вьюжин. – Пойдёмте, ваша светлость, нам долгий разговор предстоит.

– Ничего я вам не скажу! – выцедил Дмитрий.

– А, то есть похвалить я вас поспешил и смерти отцу вы всё же желаете? – насмешливо поднял брови Алексей Петрович, отчего его и без того несерьёзный вид стал откровенно забавным. Вот только улыбаться не тянуло никого.

– Не желал, конечно! Мне поклялись...

– Ну полно вам, ваша светлость, – перебил Вьюжин. – Неужели вы всерьёз думаете, что князя оставили бы в живых, запланировав переворот? Живой правитель, которого не предадут очень многие, никому не нужен. Вам бы, думаю, сообщили, что погиб он случайно, небось и с остальными наследниками... А что вы так изумлённо на меня глядите? Дураком надо быть, чтобы в живых их всех оставить. Идёмте, Дмитрий Ярославович, нам с вами долгая ночь предстоит. Не будем девушку смущать, ей из-за вашего заговора и так настрадаться пришлось, пусть отдыхает.

Дмитрий замешкался, попеременно сверля взглядом боярина и Алёну, и Вьюжин кивнул безымянному мужчине. Тот подошёл к княжичу, тронул за локоть; наследник дёрнул рукой, отнимая её, и всё-таки шагнул к выходу. Мгновение, другое – и в комнате осталась только рыжеволосая женщина.

– Ну вот для тебя всё самое трудное и позади, – с улыбкой проговорила она.

– А мы... – начала Алёна, и вдруг сообразила: – Стеша?! Так вот как ты... вы...

– Да уж чего теперь-то выкать! Ну да, я это. Честно сказать, с личиной я не очень-то постаралась, – с улыбкой ответила она. Подошла, обняла алатырницу за плечи, повела к лавке. – Уговорил вот Алексей Петрович тряхнуть стариной, а я уже подрастеряла навык. Ну а себя молодую повторить куда проще, чем что-то новое выдумывать, благо меня тут и вспомнить некому.

– Ты же его жена, да? Вьюжина, - предположила Алёна, скорее ткнув пальцем в небо, чем действительно догадавшись. При этом она недоверчиво разглядывала рыжую алатырницу и удивлялась, отыскивая привычные черты в новом лице.

– Самая что ни на есть! – весело подтвердила Степанида. – Мы с ним в Разбойном приказе и познакомились, и дети наши служат. Да ты одного видела, он тебя тайной тропой привёл в охотничий дом. Повезло Вьюжину со мной, а? – насмешливо подмигнула она.

Стеша оказалась из тех женщин, которые с возрастом становятся если не краше, то уж благороднее точно. Юная Степанида была этакой рыжей пигалицей, взрослая – статной боярыней с лучиками морщин в уголках глаз и губ, тёплым и мудрым взглядом, гордой осанкой и округлыми плечами. Вьюжин рядом с ней казался смешным и нелепым, и если бы не его острый взгляд и привычка повелевать – был бы и жалким.

– Ему-то да, – задумчиво проговорила Алёна. - А тебе?..

– Эк он тебя застрашал! – рассмеялась Степанида. - Алёшка, он... Ну да, не ручной, да и какой из него сейчас Алёшка! – весело одёрнула она себя. – Но, знаешь, когда живёшь с мужчиной много лет, это всё и неважно, какой он для других и что за груз на сердце накопил. Главное, какой в делах, в детях. В горе и в радости, как говорят. Алексей Петрович строгий, и не добрый совсем, да при его службе иначе нельзя, но он верный и надёжный. И как бы жизнь ни повернулась, а он из шкуры вон вылезет, но семью из-под удара выведет, он это умеет и делает. Я же потому и во дворце не бываю, что врагов у него много, и лучше бы им вовсе не знать о семье Вьюжина. Он вот вроде твоего воеводы – грозный, но настоящий. Не сердись.

– Я не сержусь, я понимаю. Да и ничего столь уж дурного он мне не сделал, так, пугнул пару раз, но ведь не со зла, для дела. Только с Олегом вот... – пробормотала Алёна и умолкла, закусив губу.

– Вот уж чем ты меня удивила! Когда вы так сойтись-то успели, что этот бирюк жениться готов?

– Да я... Давай не будем, - начала она и решительно отмахнулась. Оно как будто и скрывать нечего, и Стеша вроде бы не чужая, но всё равно болтать о настолько личном не хотелось. – Расскажи лучше, как получилось, что Вьюжин так ловко всё подстроил? Неужто он с самого начала знал, что Дмитрий так тепло ко мне отнесётся?!

– Ну ты уж из него совсем правую руку Матушки-то не делай, – отмахнулась Стеша. – Поначалу на тебя и впрямь убийцу Краснова ловили, и в том, что заговор есть и что князь именно его жертва, никакой уверенности не было. Потом Вьюжин другие нашёл подтверждения и пару мелких сошек, которые проболтались, княжича проверил – окончательно убедился.

– Как проверил? Когда? - удивилась Алёна.

– Да вот судилище над твоей роднёй когда устраивал. Он же княжича проверял и пытался предостеречь, жаль, не вышло.

– И правда! – сообразила алатырница. – Про заговор он так рассуждал, и я еще удивлялась, отчего Дмитрий так помрачнел...

– Видать, недостаточно, – усмехнулась Степанида. - Ну а потом, когда княжич так тобой заинтересовался, решили попробовать его подловить. Ты не думай, у Вьюжина и другие обходные пути были, чтобы заговорщиков всех по счёту похватать, всё равно бы они от расплаты не ушли. Но княжича поймать проще оказалось, мальчишка горячий, в тебе своё отражение нашёл и побежал скорее справедливость вершить в своём понимании.

– А откуда ты знаешь, что он мной заинтересовался? И про отражение тоже? Я же тебе вроде не рассказывала так подробно, о чём мы разговаривали...

– Птичка на хвосте принесла, – усмехнулась Степанида. – Приглядывали за княжичем, есть умельцы. Во дворце опасно, заметить могут, мы осторожничали. И правильно делали, как видишь, есть заговорщики и среди дворцовой охраны. А в поле или в лесу подслушать кого-нибудь – легче лёгкого. С мрунами вот только промашка вышла, ну да костяной янтарь тем и опасен, что отследить трудно, не сразу спохватились.

– И за мной приглядывали? - спросила Алёна с опаской.

Если судить по Стешиним прежним словам, об их встречах с воеводой никто не знал, но всё равно неприятно было думать, что мог быть кто-то... Умом она понимала, что белопенному янтарю ветер послушен, а ветер всё слышит, да и у некоторых других алатырников есть свои способы подслушать. Но знать в общем и понимать, что это всё могли обратить против тебя, - всё же очень разные вещи.

– Не всегда, хотя теперь ясно – и стоило бы, может, не пропустили бы ваши с Рубцовым нежности, а то ведь чуть всё прахом не пошло!

Всё же Дмитрий неглупый парень, и князь бы из него потом хороший вышел бы... Да что уж теперь!

– Что с ним будет?

– А Матушка знает! – вздохнула Степанида. – Князь решит, да и от самого Дмитрия зависит. Ежели ему Алексей Петрович сумеет голову от той мути прочистить, какую туда заговорщики натолкали, и княжич сдаст тех, кто всё это затеял, то оно, может, легче выйдет, повинную голову меч не сечёт. А если нет... Не завидую я нашему князю, от сына удар в спину получить – в страшном сне не приснится, а уж карать его полной мерой – и вовсе врагу не пожелаешь! Но я не думаю, что Ярослав его хоть в каком-то случае казнит, помягче обойдётся. Ясно же, что не сам Дмитрий до такого дошёл, казнить тех надо, кто его за верёвочки дёргал.

– Главное, чтобы князь это услышал, а то он вон какой упрямый! – проговорила Алёна задумчиво.

– Куда он денется! Упрямый, но не дурак же.

– А как ты думаешь, кто всё-таки князя Краснова убил? И почему?

– Тут всё вилами по воде пока писано, – рассеянно проговорила Стеша. – Наследство ни при чём, другие дела князя – тоже, это проверили. А вот если его ссору с Ярославом заговорщики приняли за серьёзный разлад и попытались склонить на свою сторону, то это могло плохо кончиться. Князь не согласился, но, наверное, и большого значения сказанному не придавал, иначе бы с места сорвался и ночью. Ну а они испугались и решили, пока не начал разбираться, избавиться от него. Убивал-то, наверное, кто попроще, а вот разговоры разговаривать должен был человек близкий.

– Светлана? – неуверенно предположила Алёна.

– Это напрашивается, – спокойно согласилась Степанида. – Если так, то выходит, что прислужница её какое-то снадобье готовила в аккурат после того, как первый всадник должен был до дворца добраться. В седле дочь Сафронова держится отлично, с лошастью управится легко – заседлать, расседлать и почистить умеет, при доле везения мог никто не заметить. Дворцовые пристройки охраняются, но всё больше от посторонних, за отлучками «своих» никто особо и не следит. Ох как же Алексей Петрович ругается по этому поводу каждый раз! – Она со смешком качнула головой. – Что до Светланы, её пока не трогали, чтобы рыбку покрупнее не спугнуть, ну а сейчас встряхнут. И

её, и прислужницу-знахарку допросят, ну и того, кто приказ об убийстве отдал, тоже найдут.

– А что же за снадобье ей вдруг понадобилось?

– Да небось примочка от синяков, – отмахнулась Стеша.

– То есть как? Он её всё-таки ударил? – спросила Алёна. – Я думала, что она могла бы его за это убить, за жестокость, например, но...

– Не удивлюсь, если так. – Степанида спокойно пожала плечами. – А что ты на меня так глядишь? Князь Краснов был нравом крут, под горячую руку кого угодно мог приголубить, жене тоже могло перепасть. По секрету скажу, он иной раз и с Ярославом сцепиться пытался. В ту ссору, которая перед его отъездом случилась, так и вышло. Думаю, потому заговорщики и зашевелились. Ну да великий князь прекрасно знал, с кем дело имеет, и Краснова не за лизоблюдство ценил, а за острый ум и умение среди всяческого учёного люда не только подлинные яхонты и самородки находить, но ещё их придумки ловко к делу пристраивать.

– И всё-таки дико, – упрямо проговорила Алёна. – Я вот задумывалась, что интересно было бы с ним, коль уж он мой отец, познакомиться, а теперь знаю – ну его. К счастью, что мы так и не повидались. Если бы он...

– Если бы да кабы, да во рту росли грибы! – отмахнулась Степанида присказкой. – Какой был – такой и был. А если охота в его жизни покопаться, ты еще историю с его матушкой вспомни, да и его отец, твой дед, тоже был мужик суровый. А лучше не забивай этим всем голову, ложись спать. Ночь-полночь, а завтра уж всё прояснится.

ГЛАВА 15. Княжеская ноша

Поспать Алёне ночью толком не удалось, она всё ворочалась и рвалась идти на поиски своего воеводы. Понимала, что шарахаться по темноте глупо и до утра подождёт, но сон бежал, как бы ни куталась она в тонкое одеяло и ни пыталась спрятать голову под подушкой.

Не спала этой ночью, однако, не одна красновская дочь: лихорадило дворец, да и тишину спящего города то и дело вспарывала дробь копыт – вестовые и отряды дружины то и дело проносились по улицам, так что утром Китеж-град гудел, гадая, что и где стряслось этой ночью.

Вьюжин, который всё это затеял и всем этим верховодил, потратив чуть меньше часа на разговор с княжичем, запер того в его собственных покоях, выставив стражу, и принялся, как он это сам называл, частым гребнем вычёсывать вшей и гнид. За ночь ни дружина, ни сыщики, ни сам он не сомкнули глаз, Разбойный приказ никогда не видывал столько допросов разом, да еще среди ночи, однако наутро боярину было что сообщить князю.

Который ночью, к слову, спал спокойно, о чём особо позаботился не только Вьюжин, но и начальник дворцовой стражи Сухов. С последним Алексей Петрович и без княжеского приказа сумел договориться: двое бояр друг друга недолюбливали, но после того, что рассказал присмиривший княжич, им стало не до разногласий.

А заговор был. Под самым носом, да какой! Три княжеских рода, бояре и челяди без счёту. Многие для Вьюжина не стало неожиданностью, многих, вроде Сафронова, и без того подозревал, просто никак не мог ухватить, но кое-чье участие стало неприятной новостью и для него.

Вязать дворян без княжеского повеления он не спешил. Ночь глава Разбойного приказа потратил на то, чтобы всё подготовить, и постарался сделать так, чтобы никто из них не получил новостей раньше времени и не сумел удрать или оказать сопротивление, благо главные фигуры находились в предместьях столицы, а не в дальних уездах.

И чем больше Вьюжин вытаскивал на поверхность корней этих сорняков, тем сильнее он злился на строителей заговора. Причём не за заговор как таковой, а за самонадеянность, недалёковидность и сиюминутную жадность, которая непременно грозила обернуться кровавой междоусобицей.

Когда люди только пришли в этот мир и ещё не столкнулись с Великой Топью, они пару столетий увлечённо грызлись промеж собой, и единого Белогорья тогда не было, было множество мелких княжеств. Матушка и старшие дети её были без сил после долгого пути, который дался им ой как тяжело, люди жили без пригляда, и в историю человеческую то время вошло как Тёмное. Это потом уже пришлось объединяться перед ликом общего врага и под строгим взглядом Матушки. Воспоминаний о прежней родине люди принесли немного, но зато историю этих двух первых веков желающий мог бы изучить пристально. Алексей Петрович желал, и изучил, и очень много сделал для себя полезных открытий и важных выводов, предпочитая пестовать в себе мудрость и учиться на чужих ошибках.

Как показывал опыт прошлого, захватить власть – дело нетрудное, только чаще всего захватчик такой княжил даже не годы – месяцы. Вот удержать власть, укрепиться, установить свои порядки, это задача нешуточная, и по зубам она была немногим. И то в мелких княжествах, а что уж говорить про Белогорье!

Так вот, по выводу Вьюжина, нынешние заговорщики были если не дураками, то близко к тому. Он не сомневался, что удержать в руке всё великое княжество они бы не сумели, да и то, что имели, вполне могли бы потерять. Очень многое и очень многих они не брали в расчёт, и едва ли их планы простирались заметно дальше убийства Ярослава и вокняжения Дмитрия.

Или же все они и в мыслях не имели сохранять страну, а хотели урвать по куску, насколько пасть разинется, а там хоть трава не расти. Но Алексей Петрович всё же предпочёл бы недалёковидных дураков идейным сволочам: от последних у него случалась изжога.

И ещё одна мысль не давала покоя. Доказать и подтвердить её пока не выходило, но и отбросить никак не получалось. Потому что в голову приходил единственный человек, которому выгоден был именно такой вот заговор, провальный, с малой надеждой на успех. Остальные заговорщики, конечно, и сами с усами: нахальны, жадны,

самоуверенны. Но уж больно одно к одному, и в выигрыше от этой истории в первую очередь оказалась княгиня. И если обо всём остальном Вьюжин мог сказать Ярославу прямо, у него и доказательства были, то с какой стороны подходить к этому вопросу – понятия не имел.

Отношения у старшего княжича с мачехой сложились не как в народных сказках, вражды промеж ними не было. Дмитрию было шесть, когда отец взял новую жену, и хоть первенец поначалу ревновал и обижался, но потом привык. Учёба выручила, приличествующая мальчишке и наследнику – тут тебе и воинское искусство, и княжеские заботы. Да и тянулся сын больше к отцу, а тот не только не отгораживался от него, но напротив, стал больше участвовать в жизни подростка, находил время выслушать, помочь, поддержать.

Вот только и близости какой-то не сложилось, Софья вскоре родила дочку, и вся материнская любовь доставалась ей. Потом и сын появился, и старший, чужой, вовсе оказался без надобности. Ну а Дмитрий отвечал тем же. К младшему брату и сестре относился снисходительно, к матери их оставался совершенно равнодушен и её отношениями с князем не интересовался вовсе.

В общем, никакие родственные или дружеские чувства этих двоих не связывали. А своего сына Софья любила, была при этом женщиной хитрой и до власти охочей. И такая вот ошибка Дмитрия больше всего оказывалась на руку именно ей: первый наследник в опале, если вообще жив, а следующий по порядку – её собственный сын.

Великий князь имел обыкновение вставать рано. Не с петухами, как в деревнях, но тогда, когда большинство бояр ещё вкушали сладкие утренние сны. Распорядок дня его был известен: вставал, умывался один, одевался тоже, а потом звал слугу с завтраком, готовым к нужному моменту. В это время князь никого не принимал и очень злился, если кто-то пытался нарушить спокойный ход вещей.

Но сегодня вместе с завтраком и бледным, растерянным слугой в покои великого князя вошли Вьюжин и Сухов, смурные после бессонной ночи. Без того дурное с утра настроение Ярослава окончательно стухло от одного только взгляда на их лица.

– Кого убили на этот раз? – спросил он напряжённо.

– Пока никого, - невозмутимо отозвался глава Разбойного приказа.
- Мы как раз за этим пришли, княже.

– Убивать? – криво ухмыльнулся тот, отпустил слугу и сел к столу.
– Да садитесь вы!

– И верно, вряд ли разговор выйдет быстрым. - Вьюжин нехотя сел последним, уже по примеру своего спутника. - Нет, не убивать, похуже. Ты ешь пока, а я тебе рассказывать буду, что в Китеже стольном дееется под твоим носом.

Говорил он кратко и прямо и начал с главного и самого тяжёлого удара – с доказанного участия в этом заговоре княжича. Не обошёл и причины, подтолкнувшей наследника к такому предательству, – тот чувствовал себя запертым в клетке, злился на отца за муштру. И ладно бы воинскую, её княжич принять был готов, но вот к цифрам, истории и подробнейшему землеописанию питал глухую злобу.

А потом пошли другие обвинения, расписывались другие роли – кто пестовал в княжиче его недовольство и подвёл в конце концов к мысли о несправедливости Ярослава, кто и чего мог добиваться, кем и что, по вьюжинскому разумению, двигало. Упирали на то, что для доказательства слов одного только княжича и пойманной мелкой рыбёшки недостаточно, и нужен бы приказ великого князя, потому что применять силу к боярам и уж тем более князьям без него Вьюжин не осмеливался.

Только про княгиню ничего говорить пока не стал, чтобы не раздувать на пустом месте пожар. Тут дело тонкое, сначала бы разобраться аккуратно, одной только возможной выгодой сыт не будешь. А вот смерть Краснова, с которой всё началось, он вниманием не обошёл и подозрения высказал. И положил рядом с локтем Ярослава несколько исписанных листков в доказательство своих слов – молчание князя начало его беспокоить.

Только Ярослав этого и не заметил. Как начал Алексей Петрович говорить, он, забыв о еде, расставил локти, сцепил пальцы в замок, упёрся в них лбом, и зажмурился, и не шелохнулся за время рассказа, в который лишь изредка Сухов вставлял короткие замечания от себя. Говорить старый вояка не умел и не любил, так что с удовольствием уступил это дело Вьюжину.

А тот под конец уже всерьёз встревожился, умолк, выждал несколько мгновений, в которые Ярослав и пальцем не двинул, и

позвал осторожно:

– Княже, скажи уж своё слово! Так оставить их, что ли? Не веришь?

– Да делай что хочешь, - невнятно пробормотал Ярослав.

И всё же заставил себя разжать руки, провёл ладонями по лицу, словно умываясь. Откинулся на спинку кресла, вцепился в подлокотники – и вперил в боярина тяжёлый, тёмный, немигающий взгляд.

Вьюжин бодаться не стал, глаза отвёл, склонил голову, терпеливо дожидаясь более точного изъяснения княжеской воли.

– Бумагу, - через мгновение глухо уронил князь.

У расторопного боярина с собой нашлось всё нужное. Ярослав сдвинул рукой то, что стояло перед ним на столе, кубок и одно из блюд загремели по полу, рассыпая содержимое, но князь этого не заметил. Приказ был составлен в минуту – короткий, написанный злым, дёрганным почерком, но полностью развязывающий руки: он назначал Вьюжина Алексея Петровича глазами, устами и карающей дланью великого князя в отлове предателей земли Белогорской и установлении истины в той мере, в какой это возможно, и теми средствами, какие имеются в его распоряжении. И да восторжествует правда.

Писал это Ярослав своей рукой, молча, стиснув зубы, был бы алатырником – бумага бы вспыхнула под взглядом, и хорошо, если не сидящие тут же бояре. Приложил внизу палец – и вспыхнула на нём колдовская печатка с круглым янтарём, и из-под пальца побежала затайливая подпись, мерцающая живым огнём. Бумага сама собой разгладилась, покрылась тонкими бледными узорами; великокняжеский указ ни с каким не спутаешь.

– Дай свой перстень. – Ярослав протянул руку, и кольцо с тёмным лалом легло в княжескую ладонь. Он приложил кольцо к своей печати, камень сверкнул красным и успокоился. Теперь таскать с собой бумагу Вьюжину было не обязательно. – Разберись, Алексей Петрович, – велел князь, протягивая боярину бумагу и перстень. Рывком встал, вскочили и незваные гости. – Хочешь – выжигай калёным железом, милости моей эти... дворяне пускай не ждут. Недооценил я их, не верил, что осмелятся, ну да и сам дурак. Где он?

– В своих покоях, княже, – без труда понял, о ком речь, Вьюжин, уже шагая следом за великим князем к выходу.

Сухов тоже не отставал, у них обоих было слишком много дел, чтобы лезть ещё и в объяснения Ярослава с сыном. Сами как-нибудь договорятся, не дети. А не договорятся – так там и никакой миротворец не поможет.

У Дмитрия ночь выдалась тоже бессонной, он и ложиться не пытался. Как заперли его в спальне за полночь, так и метался по комнате от стены к стене, ругался сам с собой – спервоначала мысленно, а после и вслух, всё одно никто не подслушает.

Разговор с Вьюжиным дался ему тяжело, поначалу боярин ужасно злил – с наследником никто и никогда не позволял себе разговаривать в таком тоне. Холодно, властно, в лицо называл самонадеянным дураком и слепцом, и Дмитрий огрызался, и наговорил тоже всякого...

Вот только чем больше боярин спрашивал и чем больше говорил, тем глубже прорастали сомнения. Уже хотя бы в том, что князя оставлять в живых никто не собирался, он Дмитрия убедил. А тот пусть и был зол на отца, но никогда не желал ему смерти, и в конце концов подробно рассказал, кто, где, когда и что планировал – во всяком случае, то, что знал.

А что знал мало, стало понятно из множества вопросов Вьюжина, ответить на которые не получалось совсем не из желания что-то скрыть. И это, пожалуй, куда лучше всяких слов и увещаний показывало, что он – просто дурак, которого ловко использовали. Сознать это было тяжело и горько.

И оставшись наедине со своими мыслями, Дмитрий пытался то ли успокоить себя отсутствием выбора и слишком большим опытом тех, с кем пришлось столкнуться, то ли убедить, что Вьюжин намеренно наговорил гадостей, а на деле всё не так ужасно. Но и то и другое выходило плохо.

К утру княжич совсем извёлся, на душе у него было паршиво, а от одиночества и неопределённости грядущего хотелось лезть на стену. Он стоял у окна, глядя на сад, и из последних сил сдерживался, чтобы не начать ломиться в дверь и не потребовать у стражи позвать хоть кого-то – Вьюжина, жрицу Матушки или даже палача, когда дверь распахнулась сама. Дмитрий резко обернулся – и замер.

И впрямь лучше бы палача послали...

Великий князь стоял на пороге в затрапезном виде – простые штаны, рубаха без вышивки, – но всё одно с простым мужиком не

перепутаешь. Не из-за хорошей кожи сапог, которые с остальным видом не вязались; из-за взгляда – испытующего, властного, строгого.

Под взглядом этим Дмитрию еще гаже стало, стыд сдавил горло холодной ладонью. Ярослав тихо прикрыл дверь, бросив страже «никого не пускать», и всё это, а больше собственная робость, вспыхнуло внутри наследника злостью и обидой. Он выпрямился, упрямо поднял подбородок, встретил новый взгляд отца прямым, твёрдым взглядом. Великий князь медленно приблизился, и от этого холодом пробрало по спине, а в ответ – сильнее полыхнула злость.

– Пришёл приговор огласить? Как меня казнишь?

– В глаза тебе заглянуть пришёл, – выцедил тот, приблизившись в упор.

Стремительное движение, которого Дмитрий заметить не успел, – и княжеская ладонь вцепилась в волосы на затылке, собрав горстью. Сгрёб, как кутёнка за загривок, притянул ближе. Роста они были одного, да и слабаком княжич не был, вот только с отцом тягаться не осмелился, только ухватился за его предплечье обеими руками, набычился, упрямо глядя в лицо.

– Объясни, – с расстановкой, медленно заговорил Ярослав. – За что ты настолько меня ненавидишь, что нож в спину воткнуть готов? Своими руками убить?

Дмитрий мог бы возразить на любой другой упрёк и начал бы спорить, но здесь ему сказать оказалось нечего. Разве только признаться, что доверчивый дурак и ничего такого он не думал.

– Я не... – пробормотал он, но запнулся, смешался, опустил взгляд.

Князь разжал руку, отступил на полшага.

– Ругал. Учиться заставлял. Развлекаться запрещал. Ну ладно ты молодой ещё, без ума, не понимал зачем, злился. Но я не понимаю, неужели *насколько*? А если тебе власти захотелось – так что ты от неё бегаешь к своим лошадям?! – Он всё больше распалялся, говорил быстрее и жарче, взмахивал руками, и вовсе уже чуть не рычал. – Ну! Чего молчишь? Я дурак, не понимаю? Так объясни! За что?! – последний оклик стегнул звонко, как плёткой.

– Я не... – опять заговорил Дмитрий в повисшей тишине, опять осёкся, когда голос дал петуха. Но пересилил себя и всё же выдавил едва слышно: – Я не хотел. Не хотел твоей смерти. Ты не должен

был... Они мне обещали, что ты... – в горле встал колючий комок, не давая говорить.

Княжич стиснул зубы, сжал кулаки, отвернулся, чувствуя стыдную резь в глазах. Мечтал провалиться сквозь землю и даже шевельнуться не мог, будто и впрямь пол расступился и начал тянуть в себя. Как подошёл отец – не заметил, вздрогнул, когда на затылок опять легла тяжёлая рука.

– Дурень, – тихо уронил Ярослав, прижал голову сына к своему плечу.

Тот на мгновение замер напряжённо, а потом длинно-длинно выдохнул, обмяк, словно на том воздухе только и держался, обнял отца обеими руками, вцепился в полотняную рубаху и шепнул едва слышно в крепкое плечо:

– Прости...

– Какой же ты ещё мальчишка, а! – проговорил князь, обнял его в ответ крепче. – Только что вытянулся и на девок заглядываться стал, – добавил с тихим смешком.

Ярослав давно такого страха не чувствовал, как в те минуты, когда шёл в покои наследника. Мысль о том, что сын хотел его убить, иглой сидела в сердце – не продохнуть. Всё остальное, что Вьюжин говорил, он как будто слушал, как будто понимал и взвешивал, противоречия искал, но только мысли всё время об одном были. Да, боярин что-то такое говорил, будто княжича обманули и не столь уж он виноват, и хотелось бы поверить, что это всё не со зла, а по дури, но ждал всё равно худшего. И гадал, пытаюсь это худшее для себя объяснить.

Что он сделал не так? Да, бывал очень строг, что-то запрещал, но когда успел обидеть настолько?! Он не понимал, не мог даже предположить, и оттого делалось еще тяжелее.

И теперь князь чувствовал, что с плеч свалилась целая гора, и от облегчения даже ругаться не мог. Да оно, наверное, и к лучшему: княжич бестолковый, наивный, но сейчас, кажется, и сам понял, каких дров наломал, куда уж его ругать больше...

– Что мне с тобой делать, а, Мить? – заговорил Ярослав через некоторое время, взял сына за плечи, чуть отстранил, чтобы опять заглянуть в лицо. Смущённое, чуть помятое, глаза виновато опущены...

Наследник не ответил, только неопределённо повёл плечами, а князь продолжил раздумчиво:

– Ты же закон нарушил, ты понимаешь? И человеческий, и Матушки. Сгоряча ли, по недомыслию, но нарушил. Ну, чего молчишь? Изучал же законы, аж вон князем стать задумал прежде времени, значит, в знаниях своих уверен, – не сдержался он от лёгкого тычка, в ответ на который Дмитрий только покривился недовольно и ещё ниже повесил голову.

А потом вдруг вскинулся и уставился на отца выжидательно.

– По закону, если я смерть не заслужил, острог или ссылка полагается, да наследником ты должен Севку назвать. А поскольку я раскаиваюсь, что делом готов доказать, так дозвожь кровью искупить, службой воинской!

Ярослав слушал внимательно, кивнул один раз согласно, но в конце, уяснив, к чему тот клонил, расхохотался.

– Ну ты наглец! – протянул он почти с восхищением, качнул головой. – Рыбу наказать через утопление!

– Сам же про закон говорил, – возразил княжич и тоже не удержался от улыбки.

Отец больше не злился, и это, кажется, было лучшее, что случилось с Дмитрием за последнее время. А там он перетерпит, пусть князь хоть в клетку сажает и пытается своими умными книжками да разговорами с боярами...

– Ладно, – решил Ярослав, помолчав пару мгновений, крепко сжал плечи сына и отпустил. – Коль уж так, то езжай, искупай, авось там ума наберёшься. А чтобы точно с пользой было – книги с собой возьмишь, я отберу какие, и будешь учиться. Если же и так за ум не возьмёшься, и через год уроки из книг не выучишь – не взыщи, вернёшься под присмотр.

– Я не подведу! – горячо заявил княжич, просияв. – Я буду стараться, правда! Прости. Я, может, правда дурак, только... Одураченным быть больше не хочется, – он недобро нахмурился, отчего стал как будто взрослее и особенно похож на отца.

– Ну нет худа без добра, – одобрительно усмехнулся Ярослав и добавил задумчиво: – Да и то верно, Севке как раз самое время от мамкиной юбки отвыкать, чай, не девчонка.

– Отец, можно только одну просьбу! – опомнился вдруг Дмитрий.

– Ну попробуй. – Князь удивлённо поднял брови.

– Не выдавай Алёну замуж за того, на кого Вьюжин указал. Отпусти её!

– Эка новость, – растерянно пробормотал князь.

– Ей же плохо здесь, трудно, и роль княгини ей не по сердцу, – продолжал Дмитрий тем временем с неожиданной горячностью. – Не ломай ей жизнь, она хорошая! Я хоть сейчас и понимаю, что она Вьюжину помогала, но и верно делала – Матушка знает, чем бы всё обернулось, кабы не он! Но она же ведь другого любит, и крепко любит...

– Уж не тебя ли? – Ярослав слегка нахмурился, в ответ на что сын тряхнул головой и улыбнулся.

– Нет. Воеводу, Олега Сергеевича. Да и ему она дорога, не стал бы он иначе за её честь заступаться.

– Тоже мне, вестовой Люсерды! – хохотнул князь с облегчением – вот только не хватало ему, чтобы сын ещё и влюбился так некстати! – Не волнуйся за неё, никто её силком замуж не погонит. И княгиня она временно, Вьюжин через неё убийц Краснова ловил. Я Николая Остаповича княжить посажу, он мужик умный, надёжный, управится.

Вскоре Дмитрий раззевался и начал клевать носом, бессонная ночь сказалась, так что отец оставил его одного, а сам отправился обратно в свои покои, подробней вникать в то, что наплёл с утра Вьюжин, да и другие дела никто не отменял. Он сейчас даже радовался, что забот навалилось вдвое против обычного – некогда грезить о синих девичьих глазах, собственных неуместных чувствах и нежданном щелчке по носу. Теперь, разобравшись с сыном, он мог думать и об этом. Или вернее – не мог не думать.

Что Ульяна уехала, он ещё вчера узнал. И сердился на себя за горячность. Кой черт толкнул его под локоть, когда поцеловать решил? Ясно же, что с ней нельзя было как с другими, но посчитал, что один поцелуй ничего не изменит. А он изменил. Вот и остаётся забываться в делах, чтобы не вспоминать о ней лишний раз. Уехала – оно и правильно, для неё же лучше. Да и он не настолько ума лишился, чтобы за ней бегать, глядишь и вытравится из души, а то тоже выдумал... Девчонка же совсем, с его сыном вровень!

Несмотря ни на что, великий князь взял себя в руки и постарался начать день ровно так, как привык, пусть и несколько позже. Поначалу

это удалось – и поест спокойно, и всё то, что оставил Вьюжин, изучить со всем тщанием. Порадоваться, что вовремя всё вскрылось, и мысленно поблагодарить боярина, не иначе как самой Матушкой присланного оберегать непутёвого князя. Потому что сына-то он сегодня ругал и дурнем величал, только далеко ходить не надо, чтобы понять, в кого тот удался: сам-то тоже не поверил поначалу подозрениям Алексея Петровича, благо хоть копаться в этом деле не догадался запретить...

И видно, он слишком часто поминал за это утро Вьюжина, потому что через пару часов тот явился вновь. Уже один, задумчивый и загадочный, и не в спальню к князю, а в Солнечный покой, где тот имел обыкновение заниматься «тихими делами» – писать и изучать бумаги, читать всякое, принимать вот так отдельных людей.

– Неужто новости какие успели явиться? – спросил князь, когда боярин чинно устроился напротив.

– Да как посмотреть, – осторожно начал тот. – Ты только не сердчай, княже, на то, что я тебе сейчас скажу и о чём попрошу, и выслушай. А главное, сам подумай. И не горячись, потому что доказательств у меня никаких нет, и я не уверен, что выйдет что-нибудь доказать. Но промолчать не могу, тревожно мне. Хочешь – называй чутьём, хочешь – дурью, а беспокойно.

– Да хватит тумана нагонять, говори как есть! – нахмурился Ярослав.

– А если как есть, то я с главного начну. Дозволь, княже, за твоей супружницей пригляд осторожный и со всех сторон устроить. Сомнения у меня на её счёт имеются.

– Надеюсь, не в супружеской неверности? – хмыкнул князь. – А то, честное слово, взашей выгоню. Я в этом смысле тоже не образец, так что...

– Нет, княже, в это я бы не полез, больно надо мне в чужие постели заглядывать, если оно не ради нарушения законов. Хуже всё обстоит. Ты выслушай для начала.

Говорил Алексей Петрович обстоятельно, тщательно подбирал слова и постоянно особо подчёркивал, что это всего лишь догадки, но...

Жена Василия Сафронова, который из первых заговорщиков, из лучших подруг княгини, в рот ей заглядывает и во всём слушает,

обожает безмерно и преданна так, что другим дворянам поучиться бы такой верности. Жена князя Повалова, что в Железном уезде верховодил и один из глав заговора, – тоже из подружек Софьи, но та не преданная, та просто княгине вторит. И вдова Краснова туда же за своей матерью, и другие жёны заговорщиков.

Притом вдовица уже созналась, что о заговоре знала, и что мужа своего под смерть внезапную подвела сама, по своему почину кинулась его на сторону отца склонять. А вот к мысли этой её ненавязчиво подтолкнула именно великая княгиня. Дескать, разругались князья в пух и прах, и боязно ей, как бы разлад серьёзной беды в Белогорье не принёс, потому что доругались мало не до кровной вражды. И вроде комар носа не подточит: про заговор она будто не знала, а что у них в прямом смысле слова до драки дошло – так то весь дворец знал, и повод для беспокойства у неё как будто имелся.

Только это ей одной выгодно, чтобы заговор был, и был вот такой, чтобы старшего княжеского сына своим заменить на месте наследника. А уж удовлетворится ли она ролью матери наследника или пожелает при малолетнем князе после смерти его отца опекуной быть – вот тут Вьюжин сказать не мог. Но именно об этом беспокоился сильнее всего и именно из-за этого беспокойства решил с князем поговорить.

– Я, княже, с супружницей твоей знаком мало, но знаю, что женщина она умная, хитрая и упорная. Тебя-то вон окрутила на раз, а она же не одна такая подле тебя тогда вертелась. Другое дело, что она тебя как будто бы искренне любит, но любовь – штука непостоянная, непонятная и непредсказуемая, я бы всерьёз и надолго на неё не полагался.

– То есть ты хочешь сказать, что заговор этот – бабьих шепотков итог? – задумчиво протянул князь, не спеша поднимать Вьюжина с его подозрениями на смех, и того подобный настрой окончательно успокоил. Уж если не поверит, то хоть мешать не станет.

– Если только в малой мере, – возразил боярин. – Но вот что верно – так это то, что Софья о нём если не знала, то догадывалась. Может, вопреки воле заговорщиков. Знаешь же, есть у нас среди некоторых особо упрямых родовитых дворян такой обычай – жён, своих и чужих, полагать умом равными охотничьим собакам, и то в лучшем случае, того же Повалова речи вспомни. Не знаю, отчего Матушка на такое

сквозь пальцы глядит, ну да не о том речь. Повалов или кто другой из их банды мог от жены особо и не таиться, ну а та – княгине потихоньку донести. Это всё вилами по воде, и улики никаких нет, так что допрашивать княжеских да боярских жён всерьёз я не возьмусь: хай до небес подыметесь, а уж если мысль моя не подтвердится – сожрут с потрохами. Однако и бросить я всё это не могу, тревожно. Так вот и прошу: дозвожь тишком за княгиней приглядывать. Есть у меня подходящие люди на примете, а уж если не передумаешь и Сухова со всем его хозяйством отдашь – так и вовсе никто ничего не узнает.

– Делай, - уронил Ярослав через несколько мгновений, в которые мужчины молча мерились взглядами. – Ты верно говоришь, ей в таком исходе выгоды больше всего. И против меня она могла обиду затаить за девок всяко-разных, ну да ту вину я за собой знаю, – ровно проговорил он, досадливо поморщившись: опять вспомнились синие глаза и улыбка, от которой мёдом по сердцу тепло расходилось. - А уж Митька для неё – и вовсе чужой человек, никакой приязни она к нему сроду не питала. Пригляди, так спокойнее будет. Спешить в этом деле не надо, кабы хуже не вышло. Там не только тебя, но и меня заодно сожрать попытаются – мол, решил от старой жены избавиться и новую, помоложе взять.

– А что, отказался бы? – усмехнулся Вьюжин.

– Не подлостью, – серьёзно качнул головой князь. – Да и есть ли толк? Если ты прав и она что дурное задумала, я в третий раз жениться не стану. Довольно с меня, к лешему. Приказ для Сухова я сегодня же сделаю. Подумаю, как бы ладно это написать, чтобы он не обиделся и в бутылку не полез, и сделаю.

– Ты скажи, княже, что с Дмитрием решил? Говорил с ним?

– Говорил, – на этом вопросе Ярослав заметно расслабился, улыбнулся, и у боярина отлегло от сердца: дело явно кончилось миром. - Поедет в ссылку на границу, искупать кровью и продолжать учёбу, а я пока наследником младшего сына назову. Заодно за воспитание его уже самое время крепче взяться. Тем более после того, что ты тут про Софью наговорил. И она, глядишь, подуспокоится, и я заодно гляну, что она ему там напеть успела. Что он мать любит – так это понятно, но, по счастью, и мне пока радуется, так что, может, и не собиралась она меня изводить.

– И то хвала Матушке, – рассеянно проговорил Вьюжин. – Только вот еще что, княже. Ты кому-то сказать успел, что с княжичем, во что он влез?

– Кому бы? – озабоченно нахмурился Ярослав. – Суда над заговорщиками не было ещё, а так ты себя самого спрашивай, кто из твоих людей что знает. К чему ты клонишь?

– Ты только не сердчай, княже, а выслушай. Есть у меня мыслишка попробовать вывести твою жену на чистую воду, если подозрения мои верные. Или уж окончательно убедиться, что опасения эти – бредни старика, привыкшего всюду злой умысел видеть.

– Сыном рискуя, вывести? – мрачно спросил князь.

– Если она и впрямь дурное замыслила, угроза Дмитрию никуда не денется. Но одно дело сейчас, когда мы к тому готовы будем, а другое – через месяц, когда и злодей не сгоряча рубить станет. Ты не рассказывай пока никому правды, а я слушок пущу, что княжич не злодей и не жертва, а доброй волей в заговор влез, чтобы всех негодяев переловить, так что не наказывать ты его будешь, а хвалить. И под стражей он, дескать, пока только для собственной безопасности.

– Делай как знаешь, – махнул рукой Ярослав. – А про вину Митькину я и не хотел много говорить. Я верю, что он по дури, сгоряча в это влез и уже понял свои ошибки, стоит ли его еще ославлять на всё княжество? Ему этими людьми править потом.

– Однако на границу всё-таки отправишь? – насмешливо сощурился Вьюжин, а князь в ответ усмехнулся.

– Отправлю, пусть хоть живьём глянет, как на самом деле служба воинская выглядит, а не бирюльки его при дворце. И не гляди на меня как кот, ворованной сметаны обожравшийся. Верным твой совет был, стоило бы его раньше послушаться. Да только ты можешь поручиться, что там, на границе, не нашлось бы кого-нибудь, кто княжича с верного пути сбил? Вот то-то и оно, что нет. Как говорят – что Матушка ни делает, всё к лучшему. Да, вот ещё что, коли разговор зашёл! Нет ли у тебя на примете кого надёжного, чтобы Дмитрия к нему отослать? Чтобы и спуску не давал, но и приглядывал, мало ли кто и впрямь что дурное против княжича задумает.

– Да мне-то откуда знать, княже? – искренне озадачился боярин. – С воеводами своими говори, а я знать не знаю, кто там и где кем командует.

– Не скажи. Вот, например, эта наша княгиня с жёлтым янтарём в крови, что о ней думаешь? Десятник же вроде, и ты на неё полагаешься, и княжичу она симпатична. Под кем она служит?

– Не знаю, я службой её мало интересовался, – ответил Вьюжин. – Что думаю... Так-то девица неплохая, надёжная и верная, дурного княжичу не сделает, да вот только и как защита от козней слабовата, и как воспитатель – того хлеще, сама ещё девчонка. Из неё толкового командира не выйдет, простовата она для такого, да и не рвётся, как я вижу. Отслужит что положено алатырнице, да и домой, детишек нянчить. Разве что как охрана княжичу до места службы сгодится, янтарь в ней яркий, смелости тоже довольно. Но ты мне одну мыслишку путную подкинул, я тебе к вечеру скажу, что об этом думаю.

– Добро. Ко мне ещё сегодня кое-кто из воевод явиться должен, и их спрошу.

– Да, к слову об алатырнице! – опомнился боярин и предложил насмешливо: – Ты же нынче должен сговор устраивать, небось ждут все! Идти думаешь, нет?

– Проваливай, Алексей Петрович, – отмахнулся князь недовольно. – Лучше меня знаешь, для кого всё это представление было. Ты что, всерьёз всё это сегодня устроил?

– Честно сказать, я просто забыл Светлова предупредить, что нужды уже нет, – признался Вьюжин. – Я же не мог вчера поручиться, что княжич непременно явится девицу успокаивать! Он вон и с Рубцовым ловко придумал...

– Ты всё это заварил, ты и расхлёбывай, – велел Ярослав. – Только вот тебе моё княжеское слово: девицу, как и обещано, отпусти.

– Ну полно тебе, княже! – с укором протянул боярин. – Когда это я слово своё не держал?

– Знаю я, Алексей Петрович, твою натуру и домовитость, что к рукам прилипло – добром не отдашь. И исхитриться слово не нарушить, однако своего добиться, это вполне в твоём духе. Боярича Чеснокова прибрал, боярышню Самохвалову – прибрал, и всё это за одну седмицу! Ладно, ступай, не дело это, княгиню заставляя ждать, – со смешком кивнул он на дверь.

Вьюжин с улыбкой откланялся, не споря дальше о таком пустяке: у него тоже забот был полон рот, не до праздных разговоров. Отчасти

князь верно сказал, выпускать алатырницу из рук не хотелось, боярин не любил бросаться людьми, показавшими себя с лучшей стороны. Однако и способ привязать нужного человека он выбирал тщательно и грубого принуждения не терпел. Уж всяко не здесь. Такие вот горячие, простые и надёжные хорошо за совесть служат, а за страх от них ничего путного не добьёшься.

ГЛАВА 16. Княжеские смотрины

Ночь Алёна провела маетно и бессонно, задремала под утро, и то долго не проспала, вскинулась от какого-то шороха. Стало понятно, что пытаться спать сейчас, до разговора с Олегом, пустое, всё одно глаз не сомкнёт. Она ждала, что вот-вот появится Олег, и думала, что он скажет, а что – она, и чем всё это потом обернётся...

Однако хватило воли взять себя в руки хотя бы для вида и не помчаться на его поиски. Верно вчера всё сказал и Вьюжин, и Стеша после: надо будет – сам найдёт, а нет – так и не судьба, значит. Она заставила себя одеться и выйти к завтраку в общую трапезную, всё же пока еще Алёна называлась княгиней Красновой и должна была сопровождать Софью. С этим обязательством у неё с самого начала не заладилось, но сейчас это больше был повод не сидеть у оконца в ожидании чуда, а хоть немного развеяться.

Алёна поздно вспомнила, что её внутренние терзания и мысли о воеводе – не самое важное происшествие минувшей ночи.

Начать с того, что сама княгиня оказалась уже здесь, раньше многих своих «подружек», и алатырница замерла у порога в растерянности. Невесть сколько простояла бы, если бы задумчивая Софья не заметила её и не кивнула едва заметно. Только тогда Алёна опомнилась, поклонилась княгине и уселась.

А кроме того, женщин сегодня было заметно меньше, и остальные, как оказалось, не припозднились, а вовсе не пришли. И если отсутствие Ульяны было понятно, то куда пропала вторая её соседка, Алёна могла только догадываться и немного сочувствовать вдове в её глупости. Не было и нескольких старших женщин, которых алатырница, к стыду своему, не запомнила по именам, но которые действительно были ближайшими подругами княгини.

Те же, что явились, выглядели взволнованными, а кое-кто из старших – так и вовсе напуганными. Они шушукались, то и дело тихо обращались к Софье, но та больше слушала их, отвечала же односложно и нехотя. Даже Людмила, уж насколько всегда глядела на окружающих свысока, и то присмирела. Алёна ждала от неё и Яны насмешек, но обе помалкивали.

Последней из всех явилась Павлина. Поклонилась княгине, мазнула взглядом по Людмиле, однако к прежним своим подружкам не пошла, вдруг заняла место Ульяны, подальше от них, рядом с Алёной, и тихо проговорила, глянув искоса:

– Привет.

– Здравствуй, - вежливо ответила алатырница, отвечая таким же изучающим взглядом.

Она впервые за проведённое здесь время разговаривала с этой девушкой и рассматривала её вблизи. В первое знакомство Павлина показалась бледной и незаметной, такой и осталась теперь – обычной. Однако сейчас, в стороне от зачатой подружки Людмилы, было заметно и то, что подле неё терялось. Не отражение, совсем нет. Просто осеннее туманное утро против яркого летнего полдня. Красота неброская, незаметная, тихая.

А самое важное было в глазах. Не в том, что сейчас они казались глубже и краше; в них читалась сила, глядели они куда-то в недоступное простым людям, и это зачаровывало. Такой взгляд не пропустишь, он бывал только у алого да костяного янтаря.

Алёна засомневалась, но поняла, что дело совсем не в её наблюдательности, просто прежде Павлина и глядела иначе. Никто её прежде не учил управляться с янтарём в крови, небось и самой запрещали лишний раз прикасаться к силе, и если она что-то пробовала – наверняка украдкой, вот янтарь и таился до поры, только встреча с лешим всё перевернула.

И взгляд такой Алёне не мерещился, это наблюдение было сделано задолго до неё, и о нём даже в школе рассказывали. Объяснялась такая особенность просто: нечисть и нежить, равно как и природные духи – дети и внуки Матушки, - обитала в привычном мире, но в глубине его, терялась в стенах домов, в деревьях, болотных бочагах, озёрах, горах. Видимыми эти существа делались только тогда, когда сталкивались с обыкновенными живыми существами, нападая на них или же соглашаясь на беседу. Алатырник иного дара мог при желании отыскать нечисть или нежить с помощью чар и силком вытащить в привычный мир, а красному и костяному янтарю такое было без надобности, они просто видели.

– Я хотела сказать тебе спасибо, – заговорила Павлина вскоре. – Если бы ты не вступилась, леший бы меня уморил.

– Леший тебя так отпустил, я-то при чём? – Можно или нет теперь говорить о своём янтаре, Алёна не знала и на всякий случай решила следовать прежним указаниям Вьюжина. – Да и нашёл потом лесник.

– Он всё мне показал, – тихо, но твёрдо ответила боярышня. – Я помню. И... прости, что не осмелилась прямо тебе помочь. Мне сейчас больше всего именно за это стыдно, – добавила она, глядя в тарелку.

– О чём ты? – всё же спросила Алёна, хотя предположение Стеши вспомнилось тут же.

– Я знала, что они задумали на празднике, но не предупредила прямо. Прислала масло с цветами, дескать, подарок от прежнего ухажёра, да только не подумала, что ты можешь не поверить, – вздохнула она.

– А кто вообще это с подарками затеял? – любопытствовала Алёна.

– Общая идея, но больше Людмилы, – спокойно сдала Павлина бывшую подружку. – Она тебя невзлюбила сразу, потому что ты красивая и яркая, а ещё необычная для наших краёв и затмила бы её легко, а она к такому не привыкла. Ну а вдовица ей всё угодить пыталась. Все мы пытались, вот и придумали, что ты, дескать, влюбишься, любопытство проявишь, а там можно будет ещё какую-нибудь гадость сделать.

– Ты ври, да не завирайся! – резко заявила Людмила, которая прекрасно всё слышала. – Больно нужна мне эта... кобыла, тоже мне, соперница! – Она бросила на Алёну острый, злой взгляд.

– А с лешим? – спокойно спросила алатырница, не обращая внимания на недовольство красавицы.

– Это не знаю, кто из них придумал. Я тоже выслужиться хотела, о своём янтаре рассказала, – с тем же холодным спокойствием и всё так же негромко ответила Павлина. – Сама хороша, думала, это и впрямь забавно будет. Прости.

Под новым глубоким, всезнающим взглядом Алёне стало не по себе. Не только внешне эта боярышня изменилась, внутри тоже, впрок пошла лешего наука.

– Что мы придумали? – возмутилась Людмила. – И даром мне эта девка дворовая не сдалась! Не смей на меня наговаривать!

– Я не сержусь, – честно ответила алатырница Павлине и вопросительно уставилась уже на Людмилу. – Но неужели всё из-за

такой малости? Я думала, такое только в сказках бывает...

– Да ты мне не ровня, больше слушай эту сумасшедшую! – поджала губы красавица. И даже сейчас, с капризным и злым выражением на лице, она всё равно была чудо как хороша. – Это Светка тебя вон ревновала к покойному мужу, а мне ты не соперница ни в чём!

– Где уж мне! – улыбнулась Алёна себе под нос. – Да ты не волнуйся, я уж скоро уеду отсюда, глаза мозолить не буду.

– Вот и проваливай обратно в свой хлев, или где ты там живёшь? – продолжила в прежнем тоне Людмила. Она видела, что собеседницу обидные слова не трогают, и оттого сердилась еще больше – не привыкла она ни к взглядам таким, ни к насмешкам скрытым. Понимала, что незаконнорождённая княгиня издевается, а как ответить – придумать не выходило.

– В конюшне, наверное, раз уж кобыла, – подсказала алатырница и не удержалась от новой улыбки, уже вполне явственной и открытой.

– И верно, знай своё место! Как только Светлов на такое позарился-то? Не иначе из-за наследства да княжества!

Дольше продолжать пустой разговор Алёна не стала, бросила на боярышню сочувственный взгляд и смолчала, позволяя оставить за собой последнее слово.

Ругаться с девицей Людмилой не хотелось. Можно было бы выбрать слова позлее, нетрудно угадать, куда можно больнее ужалить. Алёна не так много людей встречала, как Вьюжин, и не так хорошо их знала, но зато учителя у неё были в этом хорошие, особенно бабушка. И накрепко запомнились её давнишние слова, сказанные после забытой уже ерундовой ссоры с одной из сверстниц: такая беспричинная, пустая злость в счастливых людях не живёт. Может, и сам такой человек не понимает, отчего ему хочется уязвить хоть кого-то, а это в нём своя боль занозой сидит и колет. И нащупать эту занозу вряд ли будет трудно.

Но ругаться не хотелось не из этой жалости, просто Алёна вдруг ясно ощутила себя взрослой рядом с маленьким ребёнком. Людмиле же, верно, лет семнадцать, а пять лет в этом возрасте – много. Да и росла девица в родительском доме, света белого не видела, где ей взрослеть? Так что ещё пяток смело можно сбросить, о чём и уколы её детские говорят, и попытки задеть – тоже. Подарки эти будто бы

загадочные, запах на празднике... Да, неприятно было, и обидно, но если бы не всё прочее – Алёна бы и внимания на это не обратила. С лучшим только серьёзное и по-настоящему опасное дело затеяли, так ведь не вышло, только себе хуже сделали.

Ну а с ребёнком собачиться, тем более обижать намеренно – последнее дело. Пусть её, повзрослеет ещё.

С этими мыслями Алёна закончила завтрак и тихонько выскользнула из трапезной прежде княгини, которая явно не спешила к другим делам. Всё одно Софья по сторонам не глядела.

Ноги норовили повернуть к Моховому покою, но алатырница сдержалась, да и робость вдруг одолела. Ну вот явится она к нему, и что скажет? А вдруг он опять в чарке с вином забыться пытался?..

Последняя мысль, хоть Алёна её и гнала, больно жалила. И вроде забылось за более свежими впечатлениями столкновение на празднике, но нет-нет да и выглядывало, вызывало беспокойство и тяжёлые, неприятные мысли.

До своих комнат Алёна в конце концов брела с четверть часа, замедляясь у каждого окна, выглядывая наружу в глупой надежде, а у перехода в соседний терем и вовсе простояла несколько минут, то замирая у ближайшего окна, то вновь сдвигаясь с места.

А на пороге своего покоя неожиданно попала в руки непривычной, взрослой Степаниды.

– Ну и где ты бродишь? – Рыжая упёрла руки в бока. – Собираться же надо!

– Куда? – опешила Алёна. – Что, мне уже нужно ехать?.. Прямо сейчас? – выдохнула испуганно. Как же она, ни слова не сказав...

– Какое ехать! С женихом-то знакомиться пойдёшь?

– С каким... С этим, со Светловым? – сообразила она. – Но я замуж за него не пойду, и Вьюжин говорил...

– Так я ж тебя не замуж зову! – рассмеялась Степанида. – Алексей Петрович ничего нового не сказал на сей счёт, так что на встречу идти надо. Он, верно, запомнил просто, забегался, но я уже не девочка за ним по всему дворцу резвой козочкой скакать, чтобы спросить, изменились ли планы или нет. Так что пойдём как задумано. Не на край света же, в соседний терем.

Алатырница вздохнула и спорить не стала. И впрямь не в храм к Матушке тянут, можно и познакомиться, отчего нет, тем более и

любопытно же, что там за друг такой у Вьюжина? Да и всяко лучше среди людей быть, спокойнее, чем одной по горнице метаться в зряшном волнении.

Для смотрин выбрали странную горницу, небольшую и сумрачную: окна её выходили на север, а всё внутри было тёмным. Но это не угнетало, наоборот, напоминало тенистую лесную прохладу и радовало, день обещал быть жарким. Тёмного дерева пол, из такого же три резных тяжёлых скамьи – две в дальнем углу и одна чуть в стороне, под окном. Стены синие, разрисованные бледными красными и жёлтыми цветами, а на сводах вверху – охотничьи картины. Тут три неделянских пса с медведем сцепились, рядом – свора борзых летит по-над заснеженным полем, а за ними следом три всадника к самым гривам приникли.

Алёна поначалу так залюбовалась работой неизвестного мастера, уж больно живо всё было нарисовано, что на липового своего жениха внимания почти не обращала. Поздоровалась вежливо, когда тот, заскучавший, радостно поднялся навстречу женщинам, но украдкой продолжала не его, а стены рассматривать. Разговор завела Стеша, они с боярином оказались хорошо знакомы и дружны. Заговорила о постороннем: о минувшем празднике и его приметах, каких в народе имелось великое множество и по каким можно было если не весь грядущий год, то уж остаток лета расписать наверняка – чего ждать, а к чему готовиться глупо.

Насчёт боярина Светлова Степанида не обманула, он и впрямь оказался приятен в общении и хорош собой, с крепко въевшимся в кожу загаром и хорошей, искренней белозубой улыбкой. Среднего роста, одет аккуратно, без крикливости и пестроты, однако же дорого и хорошо – рубашка светлая с шитьём, кафтан под цвет глаз синий, шитый чёрной и серебряной нитью. В пику своей фамилии, волосы он имел чёрные, коротко подстриженные. Густую бороду тоже аккуратно подстригал, как нынче принято было в столице.

Светлов дал понять, что знает и о месте рождения своей якобы невесты, и о службе её в Моховом уезде, и расспрашивал больше о тех местах. Алёна поначалу дичилась и насторожённо поглядывала на Шесту, но та и сама проявляла любопытство, так что алатырница потихоньку втянулась в беседу, а вскоре разговор её на самом деле увлёк. За минувшие дни она привыкла сдерживать янтарь в крови, не

вспоминать о службе и доме, чтобы ненароком себя не выдать, и теперь с радостью воспользовалась возможностью вернуться к себе настоящей.

Как и все бояре, Светлов в молодости успел послужить в княжеской дружине. Витязя из него не вышло, но зато он, по собственному признанию, был щуплым, лёгким и выносливым, а ещё лихо держался в седле, так что служил вестовым. Алёна сомневалась, что служба его была такой уж лёгкой и весёлой, как Степан рассказывал, но он обладал редким и счастливым даром – видеть в происходящем весёлое, запоминать и рассказывать так, что слушатели не могли не смеяться. Сама алатырница тоже вспомнила несколько забавных баек, и вскоре они болтали вполне приятельски.

– Я уж жалеть начинаю, что условился с Алексеем, что всё это понарошку будет, – признался наконец Светлов с улыбкой. – Таковую девицу искать будешь – не найдёшь. И красавица, и умница, и улыбочивая... Что, Алёна, а пойдёшь за меня взаправду?

Та всерьёз удивилась такому повороту и от неожиданности немного замешкалась с ответом, не сразу придумала, что следует сказать и как, а потом и вовсе поздно стало: распахнулась дверь, и на пороге возник Рубцов, а следом за ним в горницу и пёс его протиснулся, который тащил в пасти какую-то палку.

«Не палку, – не сразу сообразила Алёна. - Шашку в ножнах!».

– Алёна! – воевода нашёл её взглядом, шагнул ближе.

Алатырница невольно просияла улыбкой, счастливая уже оттого, что он вообще пришёл, что она его видит. Но одновременно с этим жадно вглядывалась в лицо, пытаясь по нему прочесть, с чем и зачем пришёл.

Выглядел Янтарноглазый взъерошенным, кажется опять с мокрыми волосами. Штаны, мятая рубаха – вся одежда, ноги босые, и повязки на лице нет в помине, а взгляд шальной, дикий, и в волосах длинные чёрные искры проскакивают – верный признак, что янтарь на волю рвётся, почти не слушаясь хозяина. Волей-неволей о худшем подумаешь, явно ведь не в себе!

Да он и был не в себе, потому что ночь у воеводы выдалась сложной. Конечно, он не смыкал глаз не как Вьюжин, ради службы на благо Белогорья, мучили его исключительно личные заботы, но легче от этого не делалось.

Когда боярин забрал Алёну и потребовал отложить разговор до утра, Олег так растерялся, что и не подумал настаивать. А потом растерялся ещё больше, когда Вьюжин огорошил своим советом хорошенько подумать, потому что как раз этого Рубцов поначалу и не сделал. И только после тычка воевода запоздало задал себе вопрос: а что ему вообще от боярина надо-то? И разумного ответа на него не нашёл, так что молча развернулся и, бездумно переставляя ноги, зашагал обратно к себе в покои.

Правильно сказал Вьюжин, правильно сказала тогда Алёна. Он её невестой назвал не думая, чтобы от злых языков защитить. Потому что девочка она хорошая, и тошно было представить, как её за глаза славить станут, и так вон обижают местные змеищи. А он не совсем одеревенел, чтобы равнодушно к такому относиться. Офицер же, а не хрен собачий, как говаривал капитан, вот и выдался случай об этом вспомнить.

А что раньше не особо-то он об этом думал... Так и повода не было! Алёна не такая, как все те жёны и вдовицы, с которыми он при дворце дело раньше имел. И вроде бы не девица, а всё равно было отчего-то стыдно за праздничную ночь. Обидеть-то он её вроде никак не обидел, и довольная была, и понимала прекрасно, к чему всё шло... А всё равно чувство, как будто он честную девушку попортил. Он потому и сторонился её неосознанно с праздника, что в глубине души не по себе было.

С таким чувством было не странно, что он её невестой назвал. Совесть, будь она неладна. А теперь вроде как полагалось облегчённо вздохнуть, потому что широкий жест этот оказался никому не нужен. И совести бы по этому поводу полагалось заткнуться и не берeditь больше душу. Однако с каждым шагом становилось всё более муторно и тревожно, а в покоях и вовсе...

Пропустив вперёд пса, Олег замер едва ли не на пороге. Шарик прошёл, тяжело плюхнулся на широкий зад и уставился на хозяина, вывалив розовый кончик языка. Он выразительно двигал ушами, поднимал брови и тихо, невнятно поскуливал.

– Ты-то чего ноешь, псина? – пробормотал воевода, опустившись на корточки.

Шарик метко лизнул в нос, а когда хозяин с ругательством отвернулся утереться – то и в ухо, а потом ещё звонко, с

подскуливанием, пару раз тьякнул. Олег от резкого громкого звука шарахнулся, опять ругнулся и встал на ноги.

– Ну чего ты орёшь? - проворчал недовольно. Обычно молчаливый пёс опять тьякнул, и Рубцов только махнул рукой.

На столе с ужища остался кувшин с вином, к которому мужчина отчего-то так и не притронулся – не хотелось. Плеснул в чарку сейчас, поднёс к губам... И со стуком поставил на стол. Привычное снадобье совсем не помогало, больше того – от вида и запаха вина еще более тошно сделалось.

Олег сел на край постели, и Шарик подобрался ближе, положил тяжёлую морду на колени, преданно заглядывая снизу вверх в лицо. Опять тихонько заскулил, словно и ему тоже было паршиво. Чувствовал хозяйский настрой?

– Что ж у тебя за хозяин, а, морда? Всё-то ему не нравится, и сам не знает, чего хочет... – заговорил он, почёсывая широкую квадратную голову. Длинный хвост выразительно застучал по полу.

Олег был отчасти несправедлив к себе: что хотел, он знал.

Алёну. И злился на Шорина за то, что явился не вовремя. И на князя злился, что пристроил чернявую алатырницу в надёжные руки, и вот за это сердился уже на самого себя. Собака на сене. Она же с самого начала говорила, что скоро выйдет замуж, она для этого сюда приехала, чтобы князь жениха подобрал. Да и подобрали вроде неплохого; боярина Светлова он знал шапочно, но ничего дурного о нём не слышал и сказать не мог. Уедут в поместье, будут жить счастливо. Так что же он, спрашивается, злится? Поразвлёкся – и будет, нечего девчонке голову морочить. Верно она выбрала.

Только чем старательнее он пытался себя в этом убедить, тем гаже делалось на душе. И лицо её перед глазами стояло – глаза тёмные, что твои омуты, улыбка лукавая, от которой внутри всё сладко замирало. Да ещё, как назло, взгляд зацепился за лежащий на краю сундука платок, который так и не вернулся до сих пор к хозяйке.

Олег подошёл, взял его, расправил рассеянно, сжал ткань. Глупость, конечно, но почудилось в ладонях живое тепло, а шёлк полотна напомнил о волосах своей хозяйки.

Мужчина ругнулся, бросил платок в сундук и принялся раздеваться. Как говорят, утро вечера мудренее, отоспится – авось полегчает.

Решить такое было легко, а вот исполнить не получилось. Лечь-то он лёг, свет погасил, но заснуть всё никак не выходило. Шарик на своей подстилке сопел и похрапывал, и сейчас мужчина злился ещё и на пса за это, хотя раньше внимания не обращал. А в голову лезли воспоминания, из прошлой и нынешней жизни пополам, лица и паршивые, бестолковые мысли – о том, насколько пустая и бессмысленная штука жизнь, и о том, что лучше было бы ему покончить с этим раньше.

Он долго так промаялся, но в конце концов сдался и встал. Не хочет тело отдыхать – тогда пусть работает! С этой мыслью воевода снова оделся, взял шашку в старых, потёртых и попорченных собачьими зубами ножнах, ткнул Шарика под рёбра носком сапога.

– Ну что, морда, гулять пойдёшь?

Морда широко зевнула, показав крупные желтоватые зубы, но принялась со старческим оханьем подниматься и потягиваться всеми лапами по очереди: против «гулять» он возражал очень редко, да и к тому, что хозяину порой не спится, давно привык.

Освоить благородное оружие так, чтобы не стыдно было показаться перед опытными витязями, Олег так и не сумел. Не дружилась с ним шашка. Вроде и хорошее оружие подобрал, по руке, и в ладони рукоять лежала хорошо, и вес не тяготил. Но, видать, тут как с лошадьми, раньше надо было начинать заниматься, чтобы появилась та лёгкость, какой могли похвастаться бывалые воины.

Однако понимание собственных недостатков не мешало Олегу тренироваться. Это с лошадьми сложно, одному тишком не справиться, а шашкой-то помахать и без противника можно. Пользы поменьше, зато и позора никакого. Тем более занятие это успокаивало, помогало вытряхнуть из головы лишнее, когда нет сил и настроения в воду лезть – самое то.

Ноги сами находили привычную дорогу через спящий дворец и тёмный сад, Шарик топал рядом. И невольно вспоминалось, как они этой же дорожкой шли, да и остальное...

До привычной, давно присмотренной поляны Олег добрался в конце концов взвинченным ещё больше, чем выходил из дворца. Здесь, на открытом месте, было уже почти светло, небо на глазах наливалось голубизной, хотя до рассвета ещё оставалось время. А воевода и не думал, что столько времени промаялся!

Он взмахнул шашкой, стряхивая ножны, прокрутил со свистом.

– Что за кручина тебя гложет? – мелодичный женский голос прозвенел из ветвей ивы так неожиданно, что Рубцов едва не подпрыгнул, резко развернулся, готовясь к бою. Но почти сразу узнал голос, опустил шашку.

– Ерунда, – буркнул он, вглядываясь в густую крону дерева. Сквозь ветви смутно белела девичья фигура. – Размяться пришёл.

– Ты правда меня обмануть думаешь, Олежка? – прожурчала Озерица с укором, не показываясь. – Или себя?

– Это называется вежливость, – отозвался он. – Я не хочу ничего обсуждать и вообще хочу побыть один, так тебе достаточно честно?

– Нет, – уронила дева озера и соскользнула между ветвей лунным бликом, не шелохнув ни листика. – Знаешь, о чём я жалею? – серьёзно спросила Озерица, беззвучно ступая по водной глади. От босых ног разбегались круги лёгкой ряби. – Что зеркало тебе не поможет.

– О чём ты? – нахмурился Олег и отвёл шашку, когда дева озера приблизилась вплотную.

– Дар мой даёт тебе в людей заглядывать, а вот в себя – нет. – Узкая прохладная ладонь ласковым материнским жестом огладила его щеку. – А тебе именно это и нужно.

– Ты к чему ведёшь-то? И зачем спрашивала, что меня гложет, если, кажется, сама лучше меня знаешь? – недовольно спросил он.

– Это называется вежливость, – светло улыбнулась в ответ Озерица. – Брось свою шашку, Олежка, пройди со мной.

Воевода смерил озёрную деву недовольным взглядом, но спорить со своей спасительницей не стал. Он вообще проявлял рядом с ней редкое благоразумие. Это сейчас притерпелся и привык к её поведению, талантам и порой забывался, что совсем не с человеком разговаривает, а поначалу побаивался. До того, как влюбился. Теперь страх прошёл, но понимание, что он ей не ровня, осталось, не позволяло совсем уж потерять берега. Так что он сунул шашку в ножны, повесил их на сук всё той же ивы.

– Ну идём, что ли? – спросил нехотя.

Озерица молча подхватила его под локоть и мягко потянула к озеру. К берегу поднялась пологая волна, позволяя хозяйке легко ступить на воду. Олег замешкался только на мгновение, но всё же последовал за духом. Озеро мягко пружинило под ногами, словно

толстая моховая подушка. Так ходить воеводе доводилось, но привыкнуть к этому он не сумел и ступать спокойно, не ожидая подвоха, не мог.

– Куда мы идём? – не выдержал Олег через несколько минут.

– Мы гуляем, – мягко ответила Озерица. – Но если нужна цель, то пусть будет вон тот остров. Там и рассвет встретим.

И замолкла, глядя по сторонам, на небо, но никак не на спутника. Олег хмурился, не понимая столь странного поведения девы озера, но первым заговорить долго не решался. Однако за одно это стоило сказать спасибо: новые вопросы и тревоги чуть потеснили старые, и будто дышать легче стало.

Небо было ясным и чистым, ни облачка, а по воде стелился тонкий, бледный туман. Он клочьями тянулся за ногами, брызгами разлетался в стороны. Где-то истаивал без следа, а где-то уплотнялся и густел, заливая тёмную воду парным молоком. Над безмятежной гладью переключка ранних птиц разносилась далеко и звонко, под ногами всплёркивала рыба, пуская по чистому зеркалу круги. Вилась какая-то мошкара, но путников не трогала.

Тишина и бесцельное шагание поначалу Олега сердили, но потихоньку душа начала успокаиваться, как будто эта тишь и безмятежность понемногу вытягивали из него беспокойство, унимали тревоги и безмолвно обещали что-то хорошее.

Однако до острова он всё равно не дотерпел, спросил насторожённо:

– Оззи, что происходит? Вот только про прогулки не надо, ты же не ради рассвета меня сюда ведёшь.

– Боишься? – искоса глянула она, не обратив внимания на почти привычное самоуправство с её именем.

– Разумно опасуюсь, – возразил он.

– Узнаёшь место? – тихо спросила Озерица, широко повела рукой, показывая на ближний берег.

– А должен? – огляделся он внимательнее, но Светлояр со всех сторон казался почти одинаковым. Кое-какие приметные места были, но не на этом заросшем камышами берегу.

– И то верно, ты же не помнишь небось, – протянула она. – Я вон там тебя подобрала, – она махнула рукой куда-то в сторону.

– Ага, то есть я тебе настолько надоел, что хочешь там же и притопить? - хмыкнул Олег.

– Дурак ты, Олежка, - тяжело вздохнула Озерица, не приняв шутку. – Хороший, но дурак такой... Садись, здесь остановимся, отсюда вот вид славный.

Вода вспучилась, поднялась выше, двумя такими пеньками. На первый, подавая пример, опустилась дева озера, на второй – осторожно присел воевода. Вода потекла опять, подстраиваясь, и через мгновение он сидел в глубоком, прозрачном и неожиданно тёплом кресле и пытался заставить себя расслабиться.

А вид и впрямь был хорош. Заря занималась над пашнями, которые стекали к Светлояру с низких пологих холмов. Там, у самого горизонта, тонкой паутиной золотились не замеченные ранее облака.

– Красиво, – похвалил Олег, не зная, что ещё сказать.

– Когда Светлояр кого-то приводит сюда, такие люди всегда приходят не напрасно, – заговорила Озерица, сосредоточенно хмурясь на рассвет. - Я говорила тебе, это он решает, кого и куда вести. Ты вот войну с болотниками утихомирил. Такой силы чёрного янтаря я прежде не встречала. А я, можешь поверить, многое видела. Тут, верно, дело в том, что ты не только воду прошёл, миновав Светлояр и Алатырь-камень, но и огонь. Там, у себя. Ты больше обожжённый был, чем раненый. Я всякий раз радуюсь, когда кто-то приходит, вы все мне – без малого как дети. Сквозь Светлояр проходите, а значит, сквозь меня тоже.

Она умолкла, не то переводя дух, не то пытаясь отыскать слова. Олег тревожился, не понимая, к чему весь этот разговор – так или иначе, но всё это он уже слышал и знал. И Озерица не могла об этом не помнить, она вообще ничего не забывала, а значит, решила зачем-то напомнить самому воеводе. А это, по его мнению, уж точно было не к добру. Но молчал, а куда ему было деваться!

Только бросил на небо взгляд, гадая, отчего солнце замерло? Или кажется ему и на самом деле до рассвета ещё время осталось?

А потом и по сторонам заозирался с насторожённой. Чудится, нет ли?.. И вроде берега те же самые, а только словно дымка какая в воздухе повисла. И чудно так дрожит, да и небо потемнело, а горизонт однако – всё ярче и ярче.

Он потрянул головой, протёр ладонью лицо – только хуже стало, мир зелению подёрнулся, будто сквозь бутылочное стекло виделся.

– Ты мне тогда очень глянулся, – заговорила вновь Озерица. - Яркий такой, чистый, я и дар тебе в масть поднесла. Из тебя сила так и пыхала, ты всё в драку рвался. И я решила, что оно кстати будет, защитит тебя, не дать опять погибнуть вот так, как дома. Знала бы, как ты даром этим распорядишься... – проговорила зло, но осеклась и рукой махнула. – Да всё одно подарила бы. Вы же как дети, глупые, но любимые.

Первый раз за этот разговор Озерица подняла на воеводу взгляд, и тот вдруг ощутил себя виноватым. Он и сам толком не понял в чём, но стыд кольнул остро и сильно, так что Олег не выдержал пронзительно-чистого взгляда озёрной девы и почти сразу опустил глаза. И всё-таки спросил, потому что пояснять что-то Озерица не спешила:

– О чём ты?

– А ты будто не знаешь, на что мой дар тратил последние годы?

– Знаю, - нехотя признал он. – Только мне непонятно, с чего ты именно сейчас об этом вдруг заговорила? Да еще вся загадочная такая, сюда вот притащила... Где мы? Почему тут всё так странно выглядит?

– В озере мы, – ответила с конца Озерица, вдруг поднялась – резко, порывисто. Олег тоже попытался встать, но не смог, словно примёрз к водяному креслу, и руки от подлокотников оторвать не сумел.

– Оззи? - спросил напряжённо.

– Зла я на тебя, Олежка, - призналась та, остановилась перед ним, скрестив руки на груди. – Ох как зла!

– То есть всё-таки топить? – усмехнулся он, чувствуя однако, что на душе становится спокойнее. Кажется, паузу свою озёрная дева наконец додержала, сейчас хотя бы расскажет, в чём дело.

– Дурак! – вновь зло воскликнула она, и голова воеводы дёрнулась от неожиданного подзатыльника. – На кой тебя топить, если ты только этим сам и занимаешься? – Озерица упёрла руки в бока, но выглядело это скорее забавно, чем грозно. - Гляди. Коль сам не можешь – я покажу. Гляди-гляди, что видишь?

По широкому взмаху руки духа в сажени впереди из воды вырос сам Олег. И такой как сейчас, и – другой. Штаны с сальным пятном на колене, рубаха, поверх – кафтан нараспашку, кое-где порванный и тоже

с пятнами. Воевода с досадой припомнил, когда в таком виде по дворцу проходил: три месяца назад, на Громовика праздник был. Набрался он тогда, да...

– Ты меня пристыдить решила? – мрачно спросил мужчина. – Так я тебе еще тогда говорил, что...

– Нешто думаешь, Светлояр тебя вот за этим привёл? – зло оборвала Озерица. – Чтобы ты жизнь свою на такое растратил?

– Да и забери, я не навязывался! – огрызнулся Олег. – И шанса второго не просил, сдох бы и сдох, тоже мне, трагедия! – Он рванулся, только кресло опять не отпустило. Пьяный морок потерял форму и обрушился в воду с плеском. – Тем более зачем меня сюда привели – исполнил уже, сама говорила. Третий раз говорю, не нравится – так притопи! И дар свой к чёртовой матери забирай! – Новый рывок, почти безнадежный, неожиданно увенчался успехом, воевода вскочил и чудом удержался на ногах. Едва не сбил озёрную деву, но та неуловимым движением ускользнула в сторону, и то, кажется, не сама, а озёрная гладь отодвинула. – Я тебе что, задолжал что-то? Ну так скажи словами! Сразу надо было объяснять, кому и что должен взамен, а не нервы трепать! Только не больно-то ты спрашивала тогда!

– Тогда ты таким не был, – тихо уронила Озерица, окинув его грустным влажным взглядом и отвернулась.

Запал ругаться схлынул сразу. Олег вздохнул, нервно стиснул кулаки, разжал.

– Ну ладно, ну извини, – сказал он наконец после короткого молчания. – Не сдержался. Я не должен был на тебя орать. Оззи? Ну хочешь, на колени встану? Чёрт вас разберёт, как с вами быть, никаких нервов не осталось...

– Я хочу, чтобы ты прекратил меня этой глупой кличкой звать, но ты же всё одно не слушаешь! – со вздохом проговорила озёрная дева, обернулась. – Ох, Олежка, ну что с тобой таким делать? – Она подалась ближе, ткнулась лбом ему в грудь.

Воевода осторожно приобнял прохладные белые плечи, неопределённо хмыкнул.

– Ты хоть скажи толком, чего ты от меня именно добиться хочешь. А я, может, подскажу, как.

– Я хочу, чтобы ты был счастливым. – Она подняла на него серьёзный, внимательный взгляд. – Чтобы жил, а не... вот это.

– Да, задачка, – вздохнул Олег в ответ. – А может, на фиг, а? Бесплезно же.

– Я тоже так поначалу думала, что помочь тебе нечем. Пока Алёна не появилась.

– А она-то тут каким боком? – Он нахмурился, улыбка скривилась в недовольную гримасу, а руки сами собой разжались. – Ей-то я чем насолить успел? Вроде не обидел, даже вон помочь пытался, да только жених её честным оказался, слухам не поверил. Ну или жадный больно.

– Жених! – передразнила Озерица, отступив на полшага, и с тяжёлым вздохом качнула головой. – Что ты в ней видел? Янтарём. Только очень тебя прошу, честно!

– Ну, не знаю... – Олег неопределённо пожал плечами. – Тёплая она такая, солнечная. Светлая, чистая. Искренняя. Я здесь давно таких не встречал, с ней рядом всё время улыбаться хочется.

– А почему ты её такой видишь, не задумывался?

– Наверное, она просто хорошая? – искренне удивился он вопросу. – В грязи здешней извозиться не успела.

– Точно. Дурак. – Озерица смерила его задумчивым взглядом. – Тут уж никакой дар не спасёт...

– Я не то чтобы спорю, – проворчал Олег, – но, может, объяснишь, что имеешь в виду?

– Любит она тебя, дурака! – не выдержав, заявила она в лоб. – Оттого тебе и тепло с ней рядом, и радостно, и всё остальное. За что – уж не спрашивай, самой не верится... Хорошая-то она хорошая, да уж всяко не одна такая. Тут и других хороших хватает, только ты им противен. И вот тут я уже могу...

– погоди! – перебил воевода, вскинув руку. – Стой. Ты что, хочешь сказать, этот твой янтарь показывает, как человек относится *ко мне*? Не какой он внутри, а только это и больше ничего?

– Ту грань души, что обращена к тебе. Я же говорила, нешто забыл?

Олег только сдержанно ругнулся себе под нос. Сначала хотел огрызнуться, что ничего такого не было, но понял, что уже и не помнит давно, о чём она тогда говорила. Чуть ли не с самого начала не помнит.

– Ладно. – Чтобы собраться, ему хватило нескольких мгновений. - И что с того? Тем более так лучше будет. Она вон себе нормального жениха нашла, как полюбила, так и разлюбит.

– А ты и согласен девочке жизнь испортить за-ради самолюбия своего да чтоб тебя в твоём уютном болоте не трогали?

– Да я-то тут при чём? – возмутился он. – Она сама же выбрала...

– А ты ещё и трусом ко всему стал! – зло протянула Озерица. – Воевода! Тоже мне, герой. Янтарноглазый! – голос её зашелестел ледышками, зашумел далёким водопадом. Глаза за мгновение выцвели до бледно-серого, белого почти, волосы приподнялись капельной взвесью. Олег отшатнулся – такой он Озерицу прежде не видел. Всерьёз разозлил. И вроде понятно чем, но неужто настолько?! – Жизнь тебе, значит, не мила? Ну что ж, изволь!

ГЛАВА 17. Княжеское слово

Воевода не то что возразить – понять не успел. Озёрная дева взмахнула руками, мир кувырнулся, завертелся, обнял холодом, закрутил...

Что он в воде и его волочит могучий поток, Олег понял не сразу. Его приложило о камень, и белая пена перед глазами расцветилась искрами. Потом что-то древнее, бессознательное заставило грести, и только потом очнулся разум.

О том, что он вообще-то умереть вызывался, Рубцов и не вспомнил. Вынырнул, хлебнул воздуха, но и моргнуть не успел, как вновь утянуло под воду. Вновь рванулся, вновь – лишь на полвдоха, чудом не нахлебался. Вода тащила куда-то вниз, в глубину, пыталась скрутить, прижать ко дну.

Захлестнула паника. Понял: не выгребет. Горные реки коварны, жестоки, затянет – не спастись.

А следом, с новой попыткой вдоха и новой волной пены, пришла злость. На себя, на Озерицу, на реку эту – горы слева, горы справа...

Силы в нём, говоришь, немерено? Янтарь чёрный? Ну ладно!

Нырнул, наплевав на чёрные мушки перед глазами, на холод, от которого отчего-то сильнее прочего сводило лоб. Не задумался, что река эта в другом мире. Пальцы зацепились за камень, соскользнули, ощупью нашли другой, и – земля отозвалась. Вздрыгнула, ударила камнями снизу, выбив остатки воздуха, толкнула кверху, к стылому ветру. Олег ещё успел увидеть незнакомые, крутые скалы вокруг и снежный пик где-то вдаль, успел с изумлением подумать – ведь не было же! И глубины такой, и потока, и камней, только широкое мелкое русло со множеством осерёдков...

А потом мгновение темноты перед глазами сменилось ярким солнцем, и Рубцов нашёл себя лежащим на спине у основания узкой песчаной косы, на берегу небольшого островка посреди озера. Закашлялся, повернулся набок, отплёвываясь – всё же хлебнул воды перед тем, как выбило на поверхность. Заозирался недоверчиво, приподнявшись на локте. Где бурный, вихрящийся поток, белый от пены? Горы где? И что там были за горы?..

Светлояр он узнал: вон княжеский дворец виднеется, вон там ива, у которой поляна и шашка его осталась. Солнце летнее греет жарко и высоко уже заползло, с рассвета часа три минуло, не меньше.

– Ладно, Оззи, я был неправ! – хрипло проговорил он, щурясь на искристую рябь на поверхности воды. Озёрной девы рядом не было, но он ни мгновения не сомневался, что она всё слышит. Уж здесь-то точно. – Умирать я точно не хочу, и пожить не против, и вообще спасибо тебе и низкий поклон за спасение! И за науку. Понял, осознал, и всё такое, – проворчал недовольно, сел.

Пошевелил босыми ступнями. Куда и когда делись сапоги – непонятно. Поморщившись, сжал и разжал руку, надавил большим пальцем на безымянный, разглядывая сорванный ноготь. Кровить тот перестал, тут подарок духа работал отлично, но – болел. Кажется, в назидание и напоминание: что бы там ни было, а было оно по-настоящему.

– Делать-то что? – пробормотал совсем уж тихо, себе под нос. И сам же себе ответил: – Ну, для начала на берег вернуться надо.

Откладывая на потом это важное дело не стал, вошёл в воду и погрёб. Это не горная река, и хотя спокойствие озёрной глади обманчивое, но всё одно – не то же самое. Можно и подумать по дороге. Конечно, только об одном.

Куда его Озерица подталкивала, долго думать не приходилось, дело ясное. Чернявую сватала. Видать, приглянулась чем-то. Да и могла ли она не приглянуться-то?..

Но то озёрная дева. А он сам что?

Одно, самое важное, в очередной раз вспомнил и с Озерицей согласился. Нельзя так жить. И ещё сильнее стало стыдно перед своей спасительницей – и за то, как кричал недавно, предлагая бесценный дар обратно забрать, и за то, как распоряжался им прежде.

И не про дар видеть души людей речь, не про здоровье и уж тем более не про глаз. Про жизнь. Ему дали второй шанс, дали прожить достойно. Дали то, о чём очень многие буквально умоляли и Матушку, и деву озера. А он с самой войны тут... Н-да.

Но это он и без неё понимал, и нередко возвращался к этому вопросу мыслями, но обычно на том и заканчивалось. А сейчас наконец решил, что менять что-то действительно надо. Он не мог поручиться, что в реку его Озерица швырнула за этим, однако голову

промыло знатно, выполоскав из неё упаднические мысли о том, что лучше было бы умереть. Не лучше. Это всегда успеется. Может быть, промыло временно, и еще через месяц прежней жизни всё вернётся на круги своя, но доводить до этого Олег не хотел. И крепко задумался: если так нельзя, то как – нужно?

«На границу ехать надо», – решил он. На ту самую заставу, пятую Моховую. Подальше от дворца, от его соблазнов и праздной скуки, чтобы некогда было за чаркой тянуться. Нежить и нечисть там шугать, пользы от него всяко больше будет. Силы в нём и впрямь полно, хоть на пользу пойдёт, а не стоячим болотом во дворце киснуть.

Да и вообще, а чего он на драках-то зациклился и прошлых своих умениях? Почему до сих пор не думал, что чёрный янтарь иную пользу принести способен? Хребет поднять Олег осилил, так, может, ещё что полезное где передвинет? К слову вот о болотах, например. Устроить на месте топей в Моховом уезде пашни. Сразу всё он, положим, не осилит, но потихоньку, полегоньку... Надо только спросить у кого-то толкового, а не выйдет ли хуже? Он смутно помнил, что поворот рек на родине закончился не очень хорошо, но никак не мог вспомнить, чем именно и почему. Слышал от кого-то, только за давностью лет забыл. А то и сразу же выкинул из головы, на кой ему эти реки-то?

Но это ладно, это с князем поговорить надо. Вдруг что путное присоветует. Сейчас с другим надо было решить. С Алёнкой.

Потому что, если подумать и быть с собой честным, Озерица и здесь права. Правда ведь струсил. Не самой чернявой алатырницы испугался, перемен. Неизвестности. Непривычных чувств. Ему же душу наизнанку выворачивало от мысли о том, что она с другим будет, но отмахнулся, охотно нырнул в привычное болото. Она, мол, сама выбрала!

А с чего, собственно, должна была другое-то выбрать? Что она от него хорошего видела? Чем он её заслужил?

Да и... Сама ли выбрала? Не просто так она это после разговора с Вьюжиным сказала, не просто так глаза прятала! А Олег и рад был воспользоваться поводом и сбежать. Хоть бы задумался, добром ли Алёна вообще замуж-то согласилась идти за незнакомца? Не такая она.

С этой мыслью он погрёб быстрее. Сговор – не свадьба и еще не конец, но лучше бы раньше успеть.

О том, как быть, что говорить, как убеждать и что делать после – согласится или нет, в обоих случаях, - он пытался думать, но от этих вопросов становилось тоскливо и не по себе, и на глазах таяла решимость. И это злило: Рубцов не считал себя особенно храбрым или тем более неустрашимым, но такая откровенная трусость была внове и тем более противна, что причина была уж слишком нелепой.

Злость оказалась очень кстати, придавала сил, так что уже и не вспоминалось ни ушибленное плечо, ни содранный ноготь.

На берегу, завидев его, зашёлся лаем Шарик, забегал вдоль кромки воды, подпрыгивая передними лапами, выражая волнение. Но навстречу не спешил: в отличие от хозяина, воду он не любил. Когда Олег выбрался на сушу, пёс засуетился вокруг, норовя поставить на плечи лапы и облизать лицо – переволновался. И как ни спешил, а оставить самого верного товарища без ласки Рубцов не сумел, обнял, почесал. Зажмурившись, позволил себя облобызать. Потом быстро умылся, всё одно весь мокрый, встряхнул и отжал сначала рубашку, потом и штаны, помянул тихим словом сгинувшие невесть где сапоги и, свистнув Шарiku, побежал ко дворцу.

Тратить время на расспросы слуг он не стал, на переодевание тоже махнул рукой. Взбежал по лестнице на крыльцо, прижал обе ладони к стене и сосредоточился. Земля не земля, а дворец – он тоже не из воздуха, и не летают по нему люди, ходят. Где-нибудь в лесу такие поиски дались бы легче, но сейчас Олег и не думал беречь силы, а выбрать нужный образ среди множества снующих по дворцу людей оказалось нетрудно. Уже через пару мгновений ощутил лёгкую тень шагов, а там как по ниточке и нужную горницу нашёл.

От бегущего, выглядящего еще более дико, чем обычно, воеводы и его громадного пса встречные шарахались и творили охранные знамения. А тот окончательно перестал обращать внимание на окружающих, он и о повязке-то который день не вспоминал.

Остановился только перед нужной дверью перевести дух и хоть немного унять сердцебиение. Запоздало нашёл у себя в руке ножны с шашкой и, не придумав ничего другого, сунул псу. Шарик глянул на хозяина с укором, но махнул хвостом и предложенное взял. Аккуратно, словно понимал, что с ним сейчас не играют.

Воевода ещё раз решительно глубоко вздохнул, нервным бесполезным движением пригладил волосы и решительно толкнул

дверь.

– Алёна! – окликнул, но замер, не решаясь приблизиться и не зная, что ещё говорить.

А когда она светло и радостно улыбнулась в ответ, растаяли последние мысли, осталась только головокружительная лёгкость и тревожно-звонкое чувство в груди, которому он и не пытался подобрать названия.

Алатырница медленно, нерешительно поднялась, но сказать ничего не успела: окружающий мир напомнил замешкавшейся паре, что они тут не одни. Вмешался Светлов.

– А что это вам, Олег Сергеевич, от моей невесты надо? – Он, хмурясь, преградил дорогу воеводе, чем показал себя человеком мужественным: не всякий алатырник против такого выступить рискнёт.

– Твоей невесты? – тупо переспросил Рубцов, с недоумением разглядывая неожиданное препятствие на пути.

– Именно так, моей невесты, – проявил упрямство боярин.

– Ну это ненадолго. Уйди, – резко велел он.

– Поди проспись сначала! – нахмурился Светлов, сделал короткий шаг, намереваясь оттеснить воеводу к двери.

Недооценил он, насколько Олегу было сейчас плевать на окружающих людей и насколько тот был не в себе. Да воевода и сам себе отчёта в этом не отдавал, а вот то, что боярин помешать пытается, понял.

Движение вышло настолько быстрым, что даже Алёна заметить не успела. Зато нельзя было не увидеть, как от удара Светлов с грохотом и руганью отлетел в сторону.

– Я тебе сейчас объясню, как на чужое зариться, никакой Вьюжин не спасёт! – пригрозил Олег, шагнул в сторону противника, который поднимался на ноги, держась за челюсть. Разжал и снова стиснул кулак, разминая руку.

Однако тут опомнилась Алёна, подскочила, заступила дорогу. Обхватила его обеими руками поперёк туловища – так просто не сбросишь.

– Олег, стой, не трогай его!

Рубцов замер на пару мгновений, словно закаменел, потом взял девушку за плечи и слегка отодвинул, пытливо заглянул в глаза.

– Значит, и впрямь он – жених? Верно, боярин тебе...

Дар Озерицы в правой глазнице тускло горел оранжевым – ни за что с обычным камнем не спутаешь, здоровый глаз заволокла чернота, но Алёна с пронзительной радостью поняла: не от хмеля он не в себе, иное кровь горячит. Да она и сама насилу сдерживала торжественно и яростно бушующее внутри пламя – от волнения, от предвкушения, от осознания. Это она умом никак поверить не могла, а сердце чувствовало, что уж о янтаре говорить!

– Дурак! – оборвала алатырница мужчину. - Никакой он мне не жених. Это всё Вьюжина охотничьи уловки. Не тронь его, он ничего дурного не сделал и не хотел...

– Плевать. Нечего на чужое зариться! – опять отмахнулся воевода, сгрёб её в охапку, только сдавленно охнула от неожиданности, приподнял.

Алёна крепче вцепилась в твёрдые плечи, обтянутые сырой рубашкой. Янтарноглазый выглядел жутко – бледный, глаза безумные, – но она не могла отвести взгляд, её эта буря заморозила, потянула за собой.

– Что это здесь чужое? Заладил тоже, - не до конца поддалась колдовству алатырница, но не удержалась от улыбки, а пальцы почти сами собой закопались в короткие волосы на затылке мужчины.

– Ты – моя. Никому не отдам, и думать не смей! – улыбнулся он в ответ, широко и шало.

– Вот ещё что придумал! – упёрлась Алёна, пытаясь совладать и с чувствами, и с янтарём в крови. - Ты меня замуж не звал, а я согласия не давала, да и отчего бы должна?

– Я... – заговорил он, но осёкся, глянул в сторону и, чуть нахмурившись, проговорил тише. – Я тебе попозже объясню.

Алёна обернулась, столкнулась взглядом со Степанидой, которая что-то чаровала над лицом боярина. И то верно, не при чужих о таком говорить надо, да и вообще...

– Поставь меня на место, ну куда ты, люди смотрят! – завозилась она, опомнившись, и хватка ослабла, позволив соскользнуть, коснуться ногами пола.

Девушка ощутила укол досады на нехотят подвернувшихся зрителей, да и на то, что Олег всё же послушался – тоже. Пусть и понимала, что так нельзя, но хотелось продолжать обнимать его,

ластиться, наплевав на все дворцовые приличия и чужие глаза, тем более и так уже насмотрелись. Заставила себя разжать руки, отступить...

Да так он и отпустит!

Воевода замешкался на мгновение, а потом, глухо ругнувшись себе под нос, нагнал, обхватил ладонями её лицо. Алёна ухватилась за его запястья – не в попытке отстранить, а для опоры, потому что сердце ухнуло в пятки и ноги подкосились от восторга и предвкушения. И Олег в следующее мгновение вправду поцеловал – жарко, коротко. Потом выпустил её лицо, но поймал обеими руками за талию, не давая сбежать.

– Я... – начал, запнулся, опять нахмурился и длинно вздохнул, после чего пробормотал со смешком: – А я думал, второй прыжок – самое сложное!..

– Какой прыжок? – не поняла Алёна.

– С парашютом. Не важно, – отмахнулся он, понимая, что вряд ли что-то этим объяснил, а подробно расписывать сейчас не хотелось. Опять запнулся, усмехнулся – уже не так жутко, по-человечески, и проговорил скорее для себя: – А вообще есть что-то общее. И тут и там кольцо... Леший! Кольцо!

– Какое кольцо?! – окончательно растерялась алатырница. – О чём ты?

– Да и пёс с ним, с кольцом, в конце-то концов! – проворчал он. Глубоко вздохнул, расправил плечи, слегка отступил назад, продолжая кончиками пальцев придерживать девушку за талию, словно боялся упустить, и преклонил колено – чётко, как на присяге.

– Олег, ты что?.. – испугалась Алёна, потянула мужчину за плечи, но тот только крепко перехватил её ладони.

– Не звал, это верно, ну так вот зову. – Улыбка вышла кривой, неуверенной, но хоть не оскал, на том спасибо! – Выходи за меня. Чёрт его, правда, знает, на кой тебе это нужно, и я придумать ничего не могу. Я в этом вообще мало что понимаю, но... Обещаю, не обижу. И пить брошу. И ну этот дворец псу под хвост, поедем на твою заставу, как её? Пятую Моховую...

Тут Алёна не выдержала, рассмеялась; не над ним, от радости. Олег ощутил мороз по коже, когда она высвободила ладони из его рук,

но тут же – громадное облегчение, когда ладони эти обняли его лицо, а губ коснулись мягкие, тёплые девичьи губы.

– Поедем, – шепнула она едва слышно. – Куда скажешь, туда и поедем. Ну что ты, Олежка? Встань, люди же смотрят...

Он тоже негромко засмеялся в ответ, обнял её обеими руками и попенял весело:

– Ты не ответила.

– Согласна я, согласна, ты только встань! Удумал тоже... Олег! – ахнула она, когда он послушно поднялся, продолжая при этом держать её в охапке. Должно было прозвучать возмущённо, а вышло – радостно.

Он снова рассмеялся и всё же аккуратно поставил её на ноги. Совсем не отпустил, продолжил придерживать одной рукой за талию, но оправить сарафан и рукава позволил. А после Алёна сама не смогла отойти, прильнула, уцепилась за рубашку, до конца ещё не веря в случившееся.

– Вечно твой Алексей в дело какое втянет плёвое, потом расхлёбывай, – отвлекло их недовольное ворчание Светлова. Боярин глядел на влюблённую пару с насмешливой задумчивостью и рассеянно ощупывал щеку и разбитую, опухшую, хотя и не кровавую, губу. Видать, лекарских талантов рыжей на многое не хватило.

– Коли у самого ума нет, нечего на Вьюжина пенять, – возразила та. – На кой ты воеводе поперёк дороги попёр, дурень? Жених...

– А я почём знал, что у них любовь и страдания былинные? – справедливо возразил Светлов. – Леший знает, зачем он к девушке явился! Ох, воевода, ну и тяжёлый у тебя кулак... – протянул, удостоверившись, что влюблённые всё же отвлеклись друг от друга.

– Это еще спасибо скажи, боярин, что я про янтарь не вспомнил, – отозвался Рубцов, и не думая извиняться. Он стоял, продолжая осторожно обнимать Алёну, и чувствовал себя совсем пьяным от радости и облегчения. По-прежнему не представлял, что будет дальше и как теперь изменится жизнь, но сейчас это почему-то совсем не беспокоило.

– Тут тебе, верно, весь Китеж-град спасибо должен говорить! – засмеялся Светлов, но прервался с болезненным вздохом и недовольно поморщился – губа хотя и не болела просто так, но зажить ей требовалось время.

– Так что Вьюжин удумал и во что Алёну втянул? – Олег постарался взять себя в руки.

– А ты, воевода, так увлёкся мыслями о молодой невесте, что вовсе перестал по сторонам смотреть? – с ухмылкой поддела его Степанида.

Рубцов недовольно нахмурился и точно бы сказал какую-нибудь глупость, но не успел: дверь распахнулась, впуская лёгкого на помине Вьюжина.

– Мнится мне, самое интересное я всё же пропустил, – рассеянно проговорил боярин, обводя взглядом остальных. Шагнул в горницу, поддел носком сафьянового сапога частью пережжённую труху, устилающую пол в доброй половине горницы. – Спасибо, терем княжий по камешку не раскатали....

Только теперь влюблённые обратили внимание, что вокруг них образовалось на полу чёрное пятно, и благо, что разошлось вширь, а не вглубь, ещё не хватало провалиться. И вот за это стало по-настоящему стыдно обоим: силу сдерживать алатырников приучают в первую голову, и так выплеснуть её было совестно. А ну как задело бы кого-то?

Однако эти мысли не помешали Алёне, насторожённо поглядывая на Вьюжина, теснее прижаться к своему воеводе, а тому – крепче обнять её обеими руками, будто невзначай отгораживая от главы Разбойного приказа.

От того перестановка не укрылась, вызвала насмешливую улыбку и полный весёлого укора взгляд.

– Вы еще в окно сиганите, от злого дядьки спасаясь! Не гляди так дико, Алёна свет Ивановна, я слово своё держу. Никто тебя неволить не станет – ни замуж гнать силой, ни на княжество сажать. Другие найдутся, не бойся.

– А княжич? С ним что? - спросила алатырница осторожно, почти успокоенная словами боярина.

– Княжич... не безнадёжен, - пряча улыбку в уголках губ, отозвался Вьюжин. – Отправится в ссылку на годок, на нечисть вблизи глянет, так книжки за счастье покажутся.

– А вдруг ему там понравится? – нахмурилась Алёна.

– Не понравится, - уверенно отмахнулся Олег. – Из упрямства и гордости прежде срока домой не попросится, но и дольше не

останется. А за что его в ссылку? Чувствую, многое я пропустил...

– Всего лишь заговор против князя, – с короткой усмешкой ответил Вьюжин. – Не хмурься, те, кто княжича в это дело втянул, пойманы, а там кого на плаху, кого на рудники – князь разберётся. Да он ещё с тобой и остальными воеводами говорить будет. Человек ему надёжный нужен, кто бы и не обидел наследника лишку, но и дури из него повыбил.

– Я знаю, кого посоветовать можно, – хмыкнул Рубцов. – Если он ещё от дел не отошёл.

– Интересно. – Вьюжин с непонятым выражением приподнял брови. – И кого же? Впрочем, нет, неинтересно. Матушка с вами, это князь решать будет. Раз здесь без меня разобрались, то я другим займусь, – он развернулся, шагнул к выходу, но на пороге обернулся. – Да, Олег Сергеевич, если хочешь просить князя отправить тебя к границе, советую сделать это поскорее. Лучше прямо сейчас, не тратя времени на смену одежды, чтобы врасплох его застать. А вот сюда заглянуть ему не советуй, это будет слишком, – подытожил он и стремительно вышел.

– И впрямь, чего дальше-то высиживать? – засобиравшись Степанида, с ней опомнился и Светлов, так что через пару мгновений новоиспечённые жёних и невеста остались в горнице вдвоём.

– Пойдём? – неуверенно предложила Алёна, запрокинув голову, чтобы заглянуть воеводе в лицо.

Олег хотел что-то сказать, но потом только кивнул и за руку потянул её к двери. Шарик, который всё это время пролежал в дальнем углу, сосредоточенно грызя и без того потрёпанные ножны, с недовольным вздохом поднялся, потянулся, подхватил свою игрушку. Шашка со стуком выпала, пришлось отвлекаться и подбирать, благо одна рука у воеводы оставалась свободна.

Кольнула совесть ещё и за это. Олег представлял, что бы сказал на такое обращение с оружием к месту вспомнившийся старый пластун, и твёрдо решил исправить и эту оплошность, раз уж за ум взялся. Сходить к оружейникам, новые ножны выбрать, авось что и подойдёт. Парадные ещё были, это верно, но их просто так не потаскаешь – красивые, только неудобные жутко.

Но для начала следовало переодеться, что бы там ни говорил Вьюжин.

– Куда мы идём? – тихо спросила Алёна вскоре. Ответ на этот вопрос она и сама знала, но так было проще завести разговор. А иначе – она отчего-то робела.

– Ко мне, одежду сменить, – подтвердил Олег догадку. – Тебя это смущает? – глянул искоса.

– Не знаю, – ответила она честно. – Я так надеялась, что ты придёшь, что ты... И теперь никак поверить не могу, всё кажется, мне это снится. Ты снишься. И что ты это всё совсем не из благородства, а потому что правда... – Она окончательно запуталась в словах и мыслях, поэтому замолчала. Счастье, волной накрывшее с головой, схлынуло, оставив тревогу и неприятные сомнения – в нём, в себе.

– Да уж, благородства... – Олег неопределённо хмыкнул себе под нос, но умолк – не хотелось продолжать этот разговор на ходу, когда на них с испугом и любопытством глазели все встречные.

Тем более идти осталось всего ничего: меньше минуты, и за их спинами закрылась дверь Мохового покоя. Всё та же темноватая горница, которую Алёна неплохо запомнила с прошлого раза, неприметная дверь в смежную комнату в глубине, служившую воеводе спальней.

Не к месту подумалось об изначальном назначении этих комнат. Они, кажется, и впрямь были жилыми, но уж больно странная отделка. Может, князь сюда неугодных селил, чтобы тосковать в вечном сумраке начинали? Кто же знал, что Рубцову это место по нраву придётся, а для жизни ему будет довольно пары светцев!

В горнице Олег девушку не оставил, потянул за руку дальше. А Алёна и спорить не стала, только вздохнула глубоко, силясь унять быстро застучавшее в горле сердце. Зачем он её туда ведёт? Просто не подумав? Или покоя не даёт прерванный появлением боярина Шорина поцелуй?

А самая большая сложность поиска ответов состояла в том, что Алёна и сама не знала, чего именно ей больше хочется.

Шарик вместе с ножнами взобрался на лавку в первой комнате, на что хозяин не обратил внимания. Прошёл, аккуратно положил шашку на сундук, только после этого выпустил ладонь Алёны. С удовольствием стащил тяжёлую от сырости рубаху, бросил её следом за шашкой, взялся за завязки штанов – и запоздало сообразил, что вообще-то не один здесь. Вряд ли он мог чем-то смутить алатырницу,

но... С уж больно напряжённым видом стояла она у двери, словно боялась чего-то. Не его ли?

Мысль заставила замереть, обернуться. Наверное, стоило что-то сказать, как-то успокоить, убедить в чём-то, но, как назло, опять не нашлось слов. Собственное косноязычие начало всерьёз злить Олега, но как с ним бороться – он понятия не имел. Всё же с войной гораздо проще...

Он тихо ругнулся себе под нос и, отвернувшись от девушки, полез в сундук за сменой одежды. Показалось, для начала лучше привести себя в порядок и только потом разговаривать. А то он лишь теперь заметил, насколько неприятно ощущается на теле сырая одежда.

Достал, бросил на постель, опять взялся за завязки штанов, но решил всё-таки предупредить:

– Если хочешь, можешь меня там подождать, - кивнул он на дверь.

Алёна качнула головой, глядя на него с непонятым выражением. Не дождавшись ответа, Олег всё же распустил завязки и почти не глядя сел на край постели, чтобы стащить штаны, отбросил мокрую тряпку в сторону. А вот взяться за чистые не успел, Алёна очнулась и шагнула к нему, нимало не смущаясь наготы. И он её не тянул, и она не примеривалась, но само собой получилось, что девушка оказалась у него на коленях, уютно пристроила голову на плече. На душе у обоих стало спокойнее.

– Только я не знаю, что дальше делать, – признался наконец Олег, не выдержав тишины. - Не помню, можно вообще служивым жениться? Я-то в любой момент уйти могу, а тебе еще небось нельзя. Да и не захочешь ты, наверное. Наверное, подождать можно? Как раз у тебя будет время передумать...

– И ничего я не передумаю! – возмутилась Алёна, подняла на него взгляд, ожидая увидеть насмешку. Однако был воевода странно серьёзен и хмур, словно впрямь ожидал от неё чего-то подобного. - Я тебя люблю, с чего мне вдруг передумать? – слабо улыбнулась она, погладила его по щеке.

Воевода перехватил её руку, прижал, на мгновение прикрыл глаза и сказал тихо:

– Ты же совсем меня не знаешь.

– А ты будто меня хорошо знаешь? – спросила Алёна с укором. – Зачем же тогда позвал, коли так не уверен?

– Не знаю, – вздохнул он и через мгновение повалился на спину, увлекая её за собой.

Алатырница упираться не стала, улеглась поудобнее, пристроила голову у него на груди. И вроде говорил он совсем не то, что хотелось слышать, но отчего-то это не волновало. Его руки, обнимающие крепко, словно боялся отпустить, вызывали больше веры и были откровеннее.

– Я никогда не был женат. И никогда не думал, что соберусь. Только как подумаю, что ты уедешь и я тебя больше не увижу, внутри что-то обрывается. Или это инстинкт самосохранения проснулся. Я понимаю, что без тебя, с твоим отъездом, меня уже никакой дар Озерицы не спасёт, по пьяни в петлю полезу. Странно, вообще-то, что до сих пор этого не сделал, но... наверное, я всё-таки хочу жить. Несмотря ни на что.

Слушать такие слова просто так, лёжа, Алёна не сумела. Приподнялась на его груди, оперлась руками, заглянула в лицо. Только Олег на это и внимания не обратил – лежал, неподвижно глядя в потолок, слегка хмурился, и от той безучастности, с которой он говорил о смерти, сделалось холодно. Ерунда, что некоторых слов она не понимала; главное-то слышала!

Тоску и одиночество. Это не она их придумала, желая оправдать для себя любимого мужчину. Были.

– А ты... – продолжил он, запнулся, перевёл взгляд на девушку. – Ты делаешь меня лучше.

Задумчиво обвёл её лицо кончиками пальцев, и уже Алёна прижалась щекой к его ладони. Потёрлась по-кошачьи, не обращая внимания на царапающие кожу мозоли. Он улыбнулся, и холодящий сердце девушки страх померк. Стоит ли горевать о том, что почти прошло? Она ведь точно не отступится.

– Только не смейся, это не я придумал, – вновь заговорил Олег. – Был у нас в части майор Грачёв, очень суровый и видный мужик – и бабам нравился жуть как, они к нему липли со страшной силой, и характер такой железный, его почти все побаивались, не забалуешь. А жена у него – учительница, директор школы, и гоняла она его точно так же, как своих учеников. Она его на полторы головы ниже, и такая... не то чтобы страшная, но очень некрасивая. Но он своей Ольге чуть ли не тапочки в зубах носил, на других вообще никогда не смотрел и

слушался её так, как никакое командование не слушал. Над ним за глаза посмеивались, а кто из друзей посмелее – то и в глаза подшучивали. Мы как-то на какой-то пьянке его начали расспрашивать, и он только одну странную фразу тогда сказал: «Она делает меня лучше». Ну мы над ним поржали, мол, она у него как некрасивая подружка у красотки. Идиоты были. Я только сейчас, кажется, понимаю, о чём он тогда говорил.

– И о чём? - спросила Алёна.

– Когда ты рядом, я как будто вижу себя со стороны, и смотреть на это тошно, - тихо ответил он. - И хочется если не стать, то хотя бы в твоих глазах казаться лучше. Ты с таким теплом смотришь, и сама такая... Хочется хоть немного соответствовать, что ли? Я понимаю, горбатого могила исправит и вряд ли из меня выйдет что-то путное, но...

– С янтарём управился, вон какие чары сложные плёл, а тут-то наука попроще! – с улыбкой уверенно оборвала его Алёна. – Всё у тебя получится. У нас. - И она подалась вперёд, чтобы совсем прекратить разговор поцелуем.

Конечно, одним только этим поцелуем дело не кончилось. Олег вскоре потянул с девушки сарафан, и та ни на мгновение не усомнилась, поднялась, сама стащила сначала его, потом и длинную верхнюю рубашку. А уж исподнее и вовсе не задержалось, и в глазах Олега, когда он развязывал ленты, горело такое восторженное предвкушение, что вопросам и всяческим тревожным мыслям вовсе не осталось места. Какие уж тут мысли, когда двое только друг другом дышат и никак поцелуями напиться не могут?..

Через некоторое время они лежали в постели, обнявшись, и недавние тревоги обоим казались гораздо меньше, чем несколько минут назад.

Алёна, уютно устроившись на широком плече воеводы, с облегчением думала, что Олег всё-таки на себя наговаривает, и со всем он справится, а что не привык и жизни человеческой толком не знает – мелочи это всё. Жаль только, бабушки с дедом рядом нет, они бы лучше сумели успокоить, притом не её, его. Дед бы мигом голову на место поставил.

Да и у Олега мысли были созвучны. Он тоже думал о том, что как-то же люди разбираются, ну и он вроде не дурак, придумает что-

нибудь – и как Алёне со службой устроиться, и как ему с ней не расставаться. Да и в остальном... Нашёл чего пугаться, в самом деле. Может, мать и свою семью и нельзя было в пример брать, не хотел он так, но были же сослуживцы, которые хорошо жили. Не в денежном смысле, конечно, не то время было, но в человеческом. Того же Грачёва вспомнить.

Так что к князю собирались в хорошем настроении. Алёна смеялась, представляя лицо старшины заставы, когда тот увидит такое пополнение, Олег – никак не мог поверить, что ему там могут обрадоваться, но не спорил. Он с каждым словом и каждым движением всё яснее понимал, что именно сейчас, наконец, поступает правильно. В жизни появились цели, а значит – смысл. В его жизни вообще любые перемены к лучшему, потому что хуже некуда: нет ничего хуже пустоты и полного безразличия. А уж в таких сомневаться и вовсе совестно.

К Ярославу тоже пришли очень удачно, он как раз собирался звать к себе нескольких воевод. Как и предупреждал Вьюжин, искал надёжного человека, чтобы присмотрел за Дмитрием. Предложение про старого пластуна Ивана Никаноровича Еманова выслушал с большим вниманием и явно заинтересовался. Можно было просто наследника на какую-нибудь заставу потише отправить, но как воин он не очень-то хорош, да притом горяч, обязательно в неприятности влезет. И янтаря у него в крови нет, значит, и опасность выше. А так – опытный старик и натаскает, и ума вложит.

Только Алёна на этих словах странно поглядывала на своего жениха, он и не понял почему. Но и значения не придавал. Мало ли, может, считает, что пластуна из княжича не выйдет? Ну не выйдет и не выйдет, оно и к лучшему. Потешится да успокоится.

А вот на заявление Рубцова о том, что он желает жениться и вместе с зазнобой своей отбыть к Граничному Хребту, князь ответил куда меньшим удовольствием.

– Да ты верно издеваешься? – проворчал он. – Меня дружина не поймёт. Как я тебя, первого воеводу, в глушь Мохового уезда сошлю?! В благодарность, что ли? Скажут, неугодных высылаю. Да ещё с заговором этим и вовсе болтать станут, что ты тоже был замешан. А если первый воевода против князя идёт – может, не так уж этот князь хорош?

– Я же всё равно уеду, - спокойно ответил на это Олег, ободряюще сжав ладонь сидящей рядом Алёны, которая недовольство князя приняла очень близко к сердцу и явно встревожилась. – Не привяжешь же ты меня тут!

– А давай зазнобу твою в княжескую сотню, а? - предложил Ярослав. – Наградим за помощь в раскрытии заговора против князя, ну и...

– Нет, княже. Мы уж оба сыты дворцовой жизнью, я так точно на всю жизнь вперёд накушался. Оно, может, не на службу туда определишь – так пошли болота осушать под пашни, чтоб янтарь не пылился. Или ещё куда подальше.

– Болота осушать?.. – задумчиво протянул князь. – А это дело. Ладно, несколько дней-то вы тут потерпите? Придумаю я, как тебя к делу пристроить, если так рвёшься. Видать, совсем ты застоялся, раз до такого дошёл. Заодно княжича сопроводите к месту службы, чтобы дурного не случилось. К вам ни одна нечисть или нежить на версту не подойдёт. Ступайте, мне ещё с другими воеводами поговорить надо, может кто из них что дельное предложит.

ГЛАВА 18. Княжеская милость

Ярослав сроду никогда не считал себя образчиком благородства и добродетели, да и от окружающих такого не требовал. Он понимал, что и среди самых близких подданных, среди тех, кто в лицо улыбается и как будто за совесть служит, есть и лицемеры, и недовольные, и те, на кого как дойдёт до дела – положиться нельзя. Однако вскрывшийся заговор ударил по нему сильнее, чем мог подумать кто-то даже из самого близкого окружения: показывать свои слабости князь с юности не привык.

В эти дни, пока Вьюжин рыл носом землю и душу из мерзавцев вытрясал, пока сам Ярослав вершил суд, без жалости отправляя кого на плаху, кого на каторгу, а кого, вроде дурной вдовицы Краснова, в бессрочную ссылку, его только одна мысль радовала: что сын в это всё влез по дури, не со зла. Он и думать боялся, как бы жил, если бы Дмитрий оказался злодеем. А так... как-то справлялся. В один вечер рука даже к вину потянулась, но тут князь на себя рывкнул. Знал он примеры, до чего доводит попытка забыться в чарке, один вон Рубцов чего стоил. Только у воеводы дар Озерицы был, а князя бы кто вытаскивал – неизвестно.

Новость о том, что воевода всё-таки взялся за ум, оказалась одной из немногих приятных вестей в эти дни. И пусть отпускать его от себя не хотелось, но больше из жадности, а не от ума. Умом Ярослав прекрасно понимал, что от этого сидения на одном месте старый приятель и дуреет, так что мешать его отъезду он, хоть и ворчал, не собирался.

И может, закончив с судом над основными заговорщиками и переговорив с их наследниками, Ярослав бы успокоился, отвлёкся на другое, но одна еще мысль не давала покоя. Насколько виновна Софья? Она что задумала? Вправду со свету сжить пасынка? А его самого как, тоже? Или не сейчас – так потом?

Против того, что князь серьёзнее взялся за Всеволода, она как будто не возражала, даже радовалась. Севка так и вовсе гоголем ходил: то он малышом при мамке был, а тут в мужской терем перебрался, как взрослый. Всё равно к матери постоянно бегал, но этому Ярослав

препятствовать не собирался. Во всяком случае, пока не прояснится её роль в заговоре.

Однако Вьюжин на все вопросы только разводил руками, княгиня сидела тихо, и никакие его уловки не помогали. Тянуть с высылкой Дмитрия надоело и ему самому, и княжичу, запертому в четырёх стенах, так что Ярослав решил пару дней до конца седмицы выждать, а там уж в любом случае отправлять всех с Рубцовым во главе, этот точно доведёт.

Завтра князю опять предстояло весь день просидеть на престоле, судебный день как-никак, а сегодняшний он коротал в одиночестве, разбирая донесения от всех приказов и те тяжбы, просителей по которым предстояло принять. И здесь, сейчас, за простыми делами и привычной вознёй, он отдыхал душой. Приятно было побыть наконец одному, подумать о чём-то постороннем и отдохнуть перед муторным днём.

Он не любил этот посох, это здоровенное жёсткое кресло и работу предпочитал тихую, когда не надо сохранять торжественно-грозный вид целый день, да ещё неподвижно, а нужно внимательно прочитать что-то, подумать. Вот праздники любил, это да, праздничная толпа его не утомляла, а судебные дни были самой большой ложкой дёгтя в его бытии, и то, что последняя седмица наполовину состояла из них, радости не добавляло.

Однако дворец Ярослав любил, и о побеге отсюда никогда не думал – хватило ему свободы в юности, когда в дружине послужил несколько годков, как положено было всем наследникам. И мягкая перина нравилась ему куда больше лесной подстилки, блюда с княжеского стола были всяко лучше походной каши, и самые нудные и мерзкие придворные – приятнее нежити. Заговорщики вот выбились из общего ряда, но то редкий случай. Потому он и пытался своего сына от этого уберечь. Может, напрасно.

И горницу эту светлую князь любил, которую много лет назад определил себе для «тихой» работы, здесь он с куда большим удовольствием принимал отдельных просителей и вёл разговоры с нужными людьми. Сейчас Ярослав, правда, никого не ждал, так что сидел в самом затрапезном виде – портки да рубаха с закатанными рукавами, сапоги по жару сбросил, а на краю стола возвышалась большая кружка холодного кваса. Окна были распахнуты настежь,

впуская в горницу то чьи-то невнятные голоса, то собачий лай, то птичьи трели.

Когда дверь тихонько скрипнула, открываясь, Ярослав и мысли не допустил, что это кто-то, кроме дьяка Осипа Хмельного, который для всяческих поручений сидел под дверью горницы.

– Чего там, Осип? – окликнул, не поднимая головы.

– Это не Осип. Дозволишь войти, княже, или дьяк должен был доложить?

Услышав и, конечно, сразу узнав женский голос, Ярослав вскинулся, с удивлением глянул на свою жену. Княгиня, в пику князю, одета была по чину – зелёный сарафан, богато шитый золотом, тончайшего полотна рубашка, неизменный венец в смоляных волосах. Софья носила его часто и с гордостью, это князь не любил всяческие «побрякушки», считал бабьими развлечениями, и если надевал свой, то только тогда, когда избежать не выходило.

– Да нет, отчего же, проходи, – через мгновение опомнился он. – С чем пожаловала?

– Нешто я не могу к мужу своему просто так зайти?

– Можешь, – спокойно кивнул Ярослав. – Только последний раз ты это делала лет, почитай, пять назад.

Княгиня смолчала, опустив взгляд, села через стол против мужа. Возразить было нечего, а к тому, зачем пришла, переходить она не спешила. Не торопил её и Ярослав; отложил бумагу, которую читал, сцепил пальцы на столе и молча рассматривал. Что хотел увидеть – и сам не знал. Но видел только то, что женат он на очень красивой женщине. Необычной, непохожей на остальных, чем она его тогда и привлекла. Яркая, броская, гордая. По виду больше княгиня, чем он – князь, даром что вышла из скромного, без малого захудалого боярского рода.

Но больше он не видел ничего. И не чувствовал ничего. К другой – чувствовал; к той, которая простая, неяркая, которая сбежала от его интереса. А к этой, что ему троих детей родила, уже нет.

Эх, Люсерда, жестокая шутница... Чем-то, видать, обидел её князь. Или напротив, порадовал, вот и забавляется?..

– Вели своему Вьюжину меня в покое оставить. – Софья не стала ходить вокруг да около, заговорила твёрдо, глядя мужу в лицо. – Не

знаю я и знать не хочу, чего он со своими псами от меня добивается, а только мочи уж нет все эти сказки выслушивать.

– Какие такие сказки? – с искренним интересом спросил Ярослав, скрестил руки на груди, откинулся на спинку кресла.

Отчего-то севший в лужу Вьюжин развеселил, хотя стоило бы расстраиваться или даже сердиться – плохо сработал глава Разбойного приказа, неуклюже. Видать, и он устал.

– Например, о том, что княжич с твоего ведома в заговор полез, чтобы злодеев на чистую воду вывести.

– И что же с этим слухом не так? – продолжил любопытствовать Ярослав.

– Твой наследник, может, и не глуп, но лицедей из него... – Княгиня умолкла и не стала продолжать, только рукой махнула. – Да и тебя я знаю, не стал бы ты сыном рисковать.

– Отзову Вьюжина, но при одном условии.

– Свободу тебе дать, чтобы жениться мог? – спросила Софья холодно, пронзив его пристальным взглядом. – Сама, мол, ушла, а ты добрый, отпустил?

Такого князь не ожидал, да и заметил, как побледнела на этих словах княгиня. Потому с ответом замешкался, тут стоило аккуратнее. Кажется, исхода такого она боялась всерьёз.

Ярослав обвёл её задумчивым взглядом, едва заметно поморщился.

– Вот мне больше заняться нечем, как с новой женой возиться и очередные склоки при дворе терпеть, пока она свои порядки устанавливать станет.

– Отчего бы не потерпеть ради зазнобы? – одними губами улыбнулась Софья.

Злила её новая любовь князя, ох злила. Тому подумалось, что, может, и не без её помощи Ульяна решила удрать в родное поместье.

Подумалось, да и ушло. И впрямь у него как будто других дел нет, только за бабами по городам да весям скакать! Верно в народе говорят, с глаз долой – из сердца вон. Так что всё к лучшему. Выставила княгиня боярышню из дворца миром, без шума, да и Матушка с ними обеими. Всем от того только лучше.

– Сейчас милый, назавтра постылый, – недовольно отмахнулся он народной присказкой. – Честно Расскажи, что о заговоре знала и чего

хотела. Честно, Софья.

Она медленно кивнула, а Ярослав верить на слово не собирался. Была у него игрушка одна, как раз для таких случаев: золотого янтаря шар с перепелиное яйцо, так зачарованный, чтобы ложь чувствовать. Не всегда рядом были алатырники, на это способные, зелёный янтарь обычно другим промышлять любит, мало кому интересно в чужих краях копаться, вот и завёл себе князь такую игрушку.

Софья о ней знала, и когда князь достал из ящика резной ларчик, а из него – камень, подобралась и посерьёзна. Но на попятную не пошла, и это Ярослава отчасти успокоило. Были способы обмануть и эту игрушку, но о том он решил пока не думать. Вот если что из сказанного подозрения вызовет, тогда и вопросы задавать станет Вьюжин в другом месте.

– Я случайно об этом заговоре узнала, - тихо заговорила Софья, держа на ладони ясный, чистый янтарь, испускающий мягкий тёплый свет, как маленькое солнышко. - Недавно. Вдовица Светлана проболталась. Можешь не верить, но смерти твоей я не хотела. Никогда. Ни тогда, ни теперь. Девкам твоим – да, порой желала, да и то... Со зла, не всерьёз.

Янтарь оставался чистым, и у Ярослава от сердца отлегло.

– Однако ж и не рассказала никому?

– Не рассказала, – эхом откликнулась княгиня, глядя на камень на ладони с брезгливой опаской, ожидая укуса. Болтали, будто камешек такой жжётся, если ложь чувствует, и проверять на себе не тянуло. – Иначе мне бы веры не было среди моих подружек. Но и просто так оставлять не стала, коль твой Разбойный приказ мышей не ловит. Ещё не хватало мне по их дури вдовой остаться! Это еще если бы пожалели, а то бы и меня, и детей моих... И Светлане с мужем поговорить посоветовала. Краснов языкаст был сверх всякой меры и кулаками помахать любил, но на предательство бы не пошёл, это верно. Только не знала я, что он над женой своей лишь посмеётся да оплеухой отдарится. Ну да сам дурак, смертный приговор себе сам подписал. Приехал бы сразу к тебе – жив бы остался. А потом мне и вмешиваться не пришлось, Алексей Петрович твой крепко за дело взялся, рано или поздно прищемил бы им хвост. А не прищемил – так я бы еще что-нибудь придумала. Но с княгиней этой он ладно придумал, не знаю уж, где такую достал и как

родство подстроил. – Софья искренне улыбнулась. – Или не подстроил, а оно так вправду повезло?

– Какую – такую? – полубопытствовал Ярослав. Он уже давно заинтересованно подался вперёд, облокотился о стол и слушал исповедь княгини примерно так, как обычно выслушивал байки того же Вьюжина о ловле хитрых душегубов.

– На дружинника похожую больше, чем на девицу, - усмехнулась Софья. - Вот уж глупость какая, сказать, что девица эта в дальнем поместье росла... Да у неё походка ровно как у твоих дружинников, кто постарше, да и взгляд такой же. И змейкам моим маленьким она зубки только так обламывала, и держалась с ними уж всяко не как скромная девица из глуши после домашнего обучения. Старалась как могла, но шило в мешке не утаишь. Я подала Светлане мысль к ней присмотреться, чтобы поиски Вьюжину с его засланной девицей облегчить, но не сложилось вот. Тоже та ещё лицедейка оказалась, навроде Дмитрия. Верно, не из Разбойного приказа она, а то была бы погубче да похитрее.

Рассказывая об этом, она заметно повеселела, ей явно нравилось делиться своими наблюдениями. Да и слушал Ярослав внимательно, и так засмотрелся, что едва не забыл, кто тут кого расспрашивает и о чём.

– Что девицы твои тебе бы после предательства верить перестали – это ты ловко сказала, - с задумчивой улыбкой проговорил он. – Да только единственная ли в том причина, что ты смолчала? Тебе бы хватило хитрости обставить всё так, что на тебя никто не подумал.

– Не единственная, – через силу ответила Софья, явно не желая опять возвращаться к прежнему вопросу. - А ты бы поверил? Сказал бы, что оболгала я твоего наследника...

– Не поверил. Но исхитриться и подать верную мысль непрямо – могла. Однако не стала. Почему? От Дмитрия ведь хотела избавиться, так? Надеялась, что, поймав его в последний момент, разозлюсь и на плаху отправлю?

– Не на плаху, – всё же заговорила она. - Ты бы своего сына не убил, да ещё отмерив не по вине. Дмитрий бестолковый, но незлой. Ты бы в ссылку его отправил, а там...

– Там бы он мог и сгинуть? Этого хотела?

– Хотела или нет, да только устраивать не собиралась, – всё же постаралась она увильнуть от ответа, но таким Ярослав тоже удовлетворился. – А вернее, он бы распробовал вольной жизни и возвращаться не захотел. А ты бы тем временем рассмотрел, что из Севушки князь куда лучше выйдет.

– И как я должен это понять в шестилетнем мальчишке? – искренне озадачился Ярослав.

– У него к наукам склонность, он книжки любит куда больше, чем все эти железки и лошадей, и сообразительный не по годам...

Великая княгиня осеклась, потому что на этом месте супруг её рассмеялся.

– Умная ты баба, Софья. Но всё-таки баба. Свой ребёнок всегда лучше других, да? Ответь мне вот на какой вопрос. Ты прямо или косвенно помогала устройству этого заговора? Мысли такие кому-то подавала, подстраивала?

– Нет, – хмурясь, твёрдо ответила она. – До того, как узнала о нём от Светланы, и не думала о таком. Подвинуть Дмитрия хотела, это верно, да только не стоило ради этого огород городить, он бы сам справился. Я бы иначе сделала.

– Как? – спросил Ярослав, не скрывая облегчения.

– Нашла бы ему девицу вроде этой вашей Алёны – чтобы из простых, смазливая, бойкая. Он бы с ней сам сбежал, а ты бы ему такой дури не спустил. Чтобы из-за бабы?.. – она кривовато усмехнулась.

Ярослав молча подвинул ларец по столу, и Софья с облегчением и поспешностью положила туда камень, украдкой достала платок и обтёрла ладонь

– Отчего ж ты сразу с этими вопросами и этим камнем не явился? – спросила княгиня, мигом вернув себе обычное своё самообладание.

– А ты бы отказалась отвечать, оскорбилась вопросами, и тем бы дело кончилось, – спокойно отозвался Ярослав. – Не тащить же тебя в острог и, больше того, не пытаться безо всяких на то оснований, из одних только пустых подозрений.

– На том спасибо, – усмехнулась Софья. – Что мне за это будет? – спросила ровно, со всем возможным достоинством. – Сошлешь?

Князь неопределённо повёл плечами в ответ – он и сам не знал, что делать. Добрую половину разговора об этом думал, но так ничего и

не придумал путного. Она, конечно, не без вины, но как вину эту мерить?

Они несколько минут посидели в тишине. Софья не спешила уходить, а Ярослав – возвращаться к прерванным делам. Поглядывали друг на друга, молчали. Княгиня рассеянно расправляла на коленях платок, князь невидящим взглядом блуждал по лежащим на столе бумагам.

Первой нарушила тишину Софья. Глубоко вздохнула, смяла платок и тихо спросила:

– Ярк?, как же у нас всё вот в такое вылилось? Когда до этого дошли? И можно ли ещё исправить?..

– Не знаю, - в тон откликнулся князь, без труда догадавшись, о чём речь. Давно она не называла его этим кратким именем.

Иначе и не скажешь – дошли. Он же тогда голову потерял от неё, а она – часто смеялась, и он с ней вместе. На день расстаться не могли. Сейчас же и видятся не всякий день. Хуже того, он её допрашивает, в предательстве подозревает, а она от него заговор скрыла. Не то он виноват, не то она, не то оба вместе...

– А мы хотим изменить? - Голос не дрогнул, но взгляд с лихвой выдал волнение.

Она – точно хотела. Может, на это и надеялась. А он?..

– Не знаю, – повторил Ярослав.

А он толком не понимал, что и как можно изменить. Со скисшего молока сливок не снять, и не получится уже всё так, как было пять лет назад. Но с другой стороны, и простокваша в хозяйстве полезна, и, может, не стоит рубить с плеча? Раз уж он решил в третий раз не жениться, а от второй жены избавляться как будто и причины нет.

Любовь не любовь, но, может, соратница из неё выйдет? Раз запоздало обнаружилось, что пронцательность княгини с лихвой бьёт хитрости Вьюжина, небесполезно её к делу какому-нибудь важному приставить, коли со школами и лекарнями у неё ещё остаётся время на всю эту возню.

– Но что нам мешает попробовать? - продолжил Ярослав задумчиво.

– За ужином? Не хочется отвлекать тебя, дел, погляжу, невпроворот...

– Хорошо, – не стал он возражать. - Вечером обо всём поговорим. Я к тебе после заката приду, раньше вряд ли выйдет.

– Хорошо, – с явным облегчением улыбнулась княгиня.

Поднялась, замешкалась на несколько мгновений, словно что-то хотела сделать, но так и не решилась, только склонила голову и пожелала хорошего дня.

Ярослав проводил её взглядом, подался к столу, взялся за бумаги, но долго еще сидел, глядя сквозь ровные строки. И Вьюжина он к себе сегодня звать не стал, отправил только дьяка сказать, чтобы княгиню в покое оставил, подозревать её больше не в чем. Конечно, боярин не утерпит, сам сунется за подробностями, но после, когда время найдёт. А дел у него пока ещё ой как много.

А с женой своей князь сам разберётся. Раньше надо было, но тут уж лучше поздно, чем никогда.

Как ни странно, хуже всего тяготы пути переносил не княжич, а Шарик. Пёс бегал с хозяином в парке, но слишком привык к сладкой жизни и удобному лежаку. Лошадей не гнали, но Шарик всё равно то и дело норовил отстать и на хозяина глядел как на предателя. Только брать здоровенного кобеля в седло Олег и не думал, посмеивался.

Путь предстоял не такой уж и долгий, несколько дней. По приказу главы Разбойного приказа их вывели не в знакомом Алёне поместье, а в столице родного ей уезда. Боярин расщедрился настолько, что даже Свечку ей туда дорожник привёл. Застоявшаяся кобылка первый день дурила, пришлось найти подходящее поле, чтобы дать ей порезвиться.

Алёна вздохнула с облегчением, что не пришлось опять встречаться со старой княгиней. Больше всего ей хотелось, чтобы новоявленная родня вместе с великим князем и, главное, Вьюжиным, разом о ней забыла и не вспоминала больше никогда.

Ей нравилась эта дорога. Да и как не нравится, когда рядом ехал Олег? Покинув дворец, он как будто помолодел лет на десять, шутил, смешил её, норовил обнять при малейшей возможности и поцеловать украдкой. А самое главное, улыбался той самой солнечной, живой улыбкой, в которую она и влюбилась много лет назад. И Алёна была счастлива и даже благодарна князю и всей этой вьюжинской возне за то, как сблизилась она с Янтарноглазым. Желания никогда не видеть всех других придворных это, впрочем, не умаляло.

Одно только портило Алёне эти дни. Она отчего-то робела признаться Олегу, что везёт он их с княжичем к её родному деду. Как-то так вышло, что за всё это время о её детстве разговор не заходил. О службе они друг другу рассказывали, об учёбе, о приключениях всяких. Олег нехотя вспоминал свою прошлую жизнь в ином мире, и девушка не навязывалась с расспросами. А воевода, зная о сиротстве своей избранницы, тоже осторожничал, не хотел расстраивать. Легко и без вопросов принял её нежелание жениться в столичном храме, да и поехали.

Из необходимости отослать первого воеводу в глушь, да еще с пользой для дела, князь выкрутился и легко, и ловко, и честно. Дескать, пожелал воевода, пока надобности в нём большой нет, отдохнуть в тиши, утомившись столичным шумом. Поместье близ Китежа, в котором Рубцов отродясь не бывал и думать забыл, пожалованное вместе с дворянством после войны, показалось Ярославу недостаточным, земли мало и воли тоже, вот и решил исправиться, так что пожаловал его князь поместьем с обширными землями в Моховом уезде. А что в землях тех глушь и болота да пяток деревень – это мало кто разбираться станет. Для самого Олега куда важнее было, что земли лежали вплотную к Хребту и пятой Моховой заставе, а также четвёртой и шестой. И от господского дома, который располагался близ одной из деревень, до нужной крепостишки было час езды.

Что дом наверняка в упадке, если вообще стоит, а сам воевода понятия не имеет, что с княжеским подарком делать, не волновало его вовсе. Ярослав обещал подсобить, прислать толкового управляющего, да и казна у Рубцова за годы жизни на полном воинском довольстве безо всяких трат, как выяснилось, накопилась изрядная. Выкрутится как-нибудь.

Опальный наследник же ссылку свою встречал с настолько живой и искренней радостью, что даже воевода уже усомнился в том, что через год Дмитрий вернётся в отчий дом с радостью. Может, дело было в новизне впечатлений, и, пообвыкшись, княжич опять заскучает. Но пока ночёвки на земле и походные обязанности самого Олега утомляли сильнее. Отвык он от такой жизни, размяк на княжеских харчах. Но не жаловался, останавливаться в деревнях не предлагал, и по старой привычке пытался опекать обоих спутников. Княжича меньше, ему учиться надо было, невесту свою – больше. Как ни

старался он с самого начала привыкнуть к неожиданному местному равноправию, когда женщины-алатырницы служили наравне с мужчинами, а так толком не сумел.

Алёна встретила такое отношение со смесью удовольствия, всё же забота была приятна, и насторожённости и украдкой спросила на второй ночёвке, уж не собирается ли жених также её и на службе сопровождать? Воевода честно признался, что он бы и рад, да кто ж ему позволит? Да и как, не ходить же за ней след в след с утра до ночи! Алатырница посмеялась, пожалела воеводу, искренне пообещала по возможности беречься, на том и порешили. Оба понимали, что служба – есть служба.

Путь вышел безоблачным во всех смыслах. Оно, может, и к худу, потому что кругом золотились поля, разбитые редкими перелесками, не было и намёка на тень, а солнце палило нещадно. Благо ещё с водой проблем не возникало – и колодцев хватало, и каналы оросительные тянулись тут и там. И рыжего янтаря было в достатке, нередко в полях попадались водные алатырники, занятые поливом. Одни из самых «мирных» чародеев, они свою службу после учёбы несли вот так, в полях и садах, потому что в бою против болотников проку от них не было никакого, что многих молодых да горячих очень обижало. Так что уж кто поддерживал новое увлечение великого князя кораблями, так это рыжий янтарь, в морских путешествиях незаменимый.

Под конец даже Шарик вполне освоился. Днём держался в тени лошадей и шагал нехотя, зато по утрам приловчился мышковать, добывая себе завтрак, чем явно гордился, и собственную добычу лопал гораздо охотнее, чем порцию каши из общего котла.

Но чем ближе была родная станица, тем сильнее становилось волнение Алёны. Благо две соседних, где её узнали бы легко, объехали краем, не желая тратить время, чтобы прибыть засветло, а то объясняться пришлось бы раньше. Но когда до первых домов оставалось рукой подать, уже и воевода заметил странную тревогу невесты.

– Ты чего так затравленно озираешься? – не выдержал он. – Не съедят же они тебя!

– Да уж конечно, - пробормотала она. – Ты не думай, я не специально не сказала, просто как-то так к слову не пришлось...

– Не сказала что? – удивился Олег. – Что ты замужем?

– Матушка с тобой! – обиженно глянула на него алатырница. -
Нешто ты думаешь...

– Не думаю я, пошутил неудачно, - оборвал он. - Ты такая серьёзная и загадочная, что мне почти страшно. Ну-ка, Мить, подсоби, держи кобылу, – попросил он, приблизив своего коня едва ли не вплотную. Княжич, весело ухмыляясь, перехватил Свечку под уздцы.

– Олег, ну ты чего?.. – запротестовала Алёна, когда тот потянул её к себе на колени.

Однако всерьёз не сопротивлялась, даже на жару пенять не стала – день клонился к вечеру, поднялся лёгкий ветер, и в воздухе заметно посвежело. Усевшись боком на холке коня, приникла к плечу своего воеводы. От нагретой солнцем рубахи пахло дорожной пылью, потом и отчего-то горькой прелой листвой, наверное, с ночёвки в перелеске. Запах этот уже казался родным, успокаивал и лишний раз напоминал о том, какая глупость её сейчас волнует.

– Я осмотрюсь поеду, – не скрывая насмешливой улыбки, предупредил понятливый княжич и подбодрил своего коня, на ходу привязывая повод Свечки к седлу.

– Так что у тебя за беда?

– Я не сказала, но, в общем... Это моя родная станица, – тихо призналась она.

– Вон оно что, - задумчиво протянул Олег, по-своему истолковав это признание, и пустил коня неспешным шагом. – Не волнуйся, никто тебя теперь обидеть не посмеет. Нешто думаешь, позволю кому-то тебя цеплять? И с роднёй твоей разберёмся. Ты из-за них не хотела в храм в столице идти? Думала, обозлятся?

– Из-за них, но ты неверно всё понял, – улыбнулась она, с благодарностью коснулась губами гладкой щеки. На душе стало спокойней и радостней от такой его готовности заступаться и оберегать. – Меня никто не обижал. Я у бабушки с дедушкой росла, люблю их очень, и хотела, чтобы они тоже на обряде были, раз так сложилось, что мы сюда едем...

– погоди! – опомнился Олег. - У бабушки с дедушкой, сирота, дочь покойной алатырницы... Так ты что, Еманова внучка? Вот та чумазая чернявая девчонка?

– И ничего не чумазая, я тогда просто... А ты что, меня запомнил?
– Она отстранилась, чтобы заглянуть ему в лицо.

– Да я вообще на память не жалуясь. – Олег усмехнулся и пожал плечами. – Забавно, конечно, кто бы мог подумать... Только я всё равно не понял, отчего ты так тряслась. Думаешь, дед твой разозлится? Да он вроде понимающий мужик был.

– Нет, я... Просто стыдно было, что я тебе не сказала, - призналась она, обняла его за талию, прижалась щекой к плечу, прикрыла глаза от удовольствия. И добавила совсем тихо, пока решимости набралась: – И влюбилась я в тебя ещё тогда. Кто же знал, что Матушка так распорядится?

– Выходит, мне вдвойне повезло, - заметил воевода негромко. Той рукой, которой обнимал девушку, провёл по её по спине верх, до шеи, погладил с лёгким нажимом вдоль линии роста волос, очертил ухо.

– В чём?

– Сначала – что полюбила, а потом – что не разочаровалась, встретив.

– Я пыталась, да ты не дал, – с улыбкой проговорила она.

А дальше разговор прервался, потому что они проехали первые дома станицы, и идущие с речки босоногие мальчишки и девчонки их мгновенно узнали, обступили, загомонили наперебой, а один и вовсе сорвался с места с криком:

– Баба! Ба! Там Янтарноглазый Алёнку нашу везёт!

Алатырница только теперь сообразила, как они въехали в станицу, но что-то менять было поздно, а Олег, подобрав повод, уверенно вёл коня в сторону нужного дома. Хотя он тоже волновался, пусть и не показывал, Алёна это чувствовала.

Впрочем, беспокойство Олега впрямь было меньше. Ивана Никаноровича Еманова он прекрасно помнил, мужик это был спокойный, терпеливый и насмешливый, молодых пластунов гонять – другой так хорошо и не справится. А к женитьбе простой люд всегда относился проще, особенно станичники, у них вообще почти не женились по сговору – вольнолюбивый народ. Беспокоился он больше для порядка, от общей непривычности происходящего. Что впрямь пугало – это он преодолел, а остальное уже мелочи. Не станет старик за внучку сердиться.

А вот на то, как Олег в седле сидит, Еманов завтра ругаться будет от души, когда потащит его со своими ребятами «в поля». И на то, как неловко с шашкой обращается. Это хорошо ещё, воевода новые

ножны для неё справил взамен потравленных Шариком, да и не видел старый пластун, до чего Рубцов во дворце дошёл, пока Алёна там не появилась. А видел бы – небось, в сердцах так нагайкой отходил, что без дара озёрной девы не на первый день встанешь.

Да Олег и сам о той части своей жизни чем дальше, тем больше дурного хотел сказать. О себе в основном. Стыдно было и странно – как докатился? И в мыслях благодарил Матушку и Озерицу за то, что всё-таки вывели на правильный путь, буквально пинком. И радоваться, что ему встретилась Алёна, потому что без неё...

Хорошо всё, в общем, повернулось. И после этого бояться, что скажут другие люди, было глупо, всё равно это ничего не изменит. Так что по станице он правил уверенно, с интересом вглядываясь в подзабытые улочки и выживая из памяти нужные повороты. И на людей смотрел, удивляясь всё больше.

Что каждый встречный знал Алёну, это было не странно, всё же она здесь выросла. Дети наперебой расспрашивали её о службе, и она пыталась отвечать, но, конечно, не успевала – она одна, а вопросов полтора десятка за раз. Да её и не слушали, кажется, им было важнее спросить и вблизи посмотреть.

А вот то, что и самого Олега так легко признали, для него стало неожиданностью. Правда, его расспрашивать рисковали гораздо меньше, больше здоровались да поглядывали с любопытством и, как со смущением отметил мужчина, с восторгом. Искренняя приязнь к нему, тёплое отношение со всех сторон оглушало с непривычки. К настороженности и недовольству во дворце он давно привык и перестал обращать на него внимание, а здесь...

Чувствовал он себя так, как будто слегка выпил в хорошей компании по доброму поводу, и мир оттого представляется дружелюбным и радостным. Умом понимал, отчего так – станичники хорошо помнили добро, а с появлением Хребта гораздо меньше стало гибнуть что алатырников, что простых воинов, что мирных жителей в приграничных деревнях. Но то умом, а на деле такой приём оказался неожиданностью. Ну да ничего, к хорошему привыкаешь быстро, вот и он успел обвыкнуться, пока доехал.

Евдокию Семёновну Еманову Олег помнил гораздо хуже, чем её мужа, и больше характер, чем наружность: строгая, спокойная, волевая, под стать мужу. Сейчас женщина вышла встречать гостей,

открыв низкую калитку, аккурат тогда, когда кони подошли к нужному двору, и воевода отлично понял, отчего она не запомнилась. Самая обычная станичница: крепкая, загорелая, с аккуратно убранными под косынку волосами – не поймёшь, они всё ещё чёрные, как были в молодости, или уже поседели. Одета тоже как все: рубаха из небелёного полотна с закатанными и подвязанными выше локтя рукавами вышитый передник, тёмная юбка по местному обычаю – недлинная, на пядь ниже колена. Самым приметным был взгляд – прямой, лукавый. Очень он Озерицу напомнил.

– Ишь ты какие гости! – с улыбкой проговорила она, пока пара спешивалась. – Здравствуй, милая. – Алёна с ходу попала в крепкие родные объятия, разулыбалась, мигом забыв все свои тревоги. – И ты иди сюда, жених, не чужой.

Олегу тоже достались объятия и материнский поцелуй в лоб. А Алёна глядела на это с растерянностью и смущением:

– Ба, а откуда ты про жениха знаешь? – всё-таки спросила она. Хотя они так приехали, что...

– Да Ване, почитай, с две седмицы назад весточку один дружок из Китеж-града прислал, что внучку без нашего ведома просватали, – огорошила Евдокия и рассмеялась над вытянувшимся от удивления лицом Алёны. – Ну а потом и от князя вестовой прибыл, что воевода ученика нового привезёт, так что дед уже и отворчатся успел, что ему с перестарком возиться, да еще гонористым. Хотя про то он, кажись, поспешил... Это вон, что ли, княжич у лошадей мнётся, робкий такой? Марфа! – позвала она через плечо, и по ступенькам крыльца скатилась шустрая девчонка лет десяти, а за ней следом – тот мальчишка, что поспешил новость донести. – Коней примите, сведите к Хромому, дед с ним договорился. А вы вещи берите да пойдём в дом, заждались уж вас, не больно-то спешили. Куда?! Пса на дворе оставь, не пущу я эту шубу на порог! Ишь, разбаловал...

Двор у Емановых был большой и небедный, так что нашлась и для княжича отдельная комната, и для Алёны с женихом. Вместе их селить или порознь, Евдокия спрашивать не стала.

Такой простой, свойский приём успокоил всех. Даже княжича, что бы ни успел подумать о нём старый пластун. Больше всего Дмитрий боялся, что встретят его так, как положено встречать великокняжеского

наследника, и что из учёбы его выйдет полная ерунда, а всё остальное готов был принять, остальное ему интересно было.

Помимо бани в отдельном срубе, в доме имелся и закуток мыльни. Не как в княжьем тереме, а один на всех, но зато и воды было вдосталь, так что дорожную пыль все по очереди смыли с удовольствием – сначала Алёна, а потом мужчины, для быстроты вместе. За это время Евдокия Семёновна собрала на стол. Не одна, помощниц у неё хватало – и невестки, и внучки. Большая семья и без того вскоре собиралась ужинать, дождавшись возвращения деда, так что гости прибыли как нельзя вовремя.

Явившийся дед поздоровался и с внучкой, и с остальными гостями буднично и спокойно. Между делом велел мужчинам к рассвету быть готовыми, он их, мол, на сутки заберёт поглядеть, кто на что годен. Никто не возразил, только жена попеняла ему:

– Всё тебе неймётся! Дал бы хоть жениться сначала, у нас уж всё почти готово, жрицы ждут.

– Подождут, – невозмутимо отмахнулся Еманов. – А я своего слова еще не говорил, может и не отдам внучку, если этот в княжьем тереме совсем опустился и заплыл. Хотя, погляжу, всё не так дурно, как мне писали, и то хлеб, – расщедрился он на похвалу, задумчиво поглядывая на воеводу. – Что, Рубцов? Пил, гулял да девок портил при дворе княжьем, а больше и ничего? – спросил с недобрым прищуром.

– Поклёп, – усмехнулся в ответ Олег, не придавая значения сварливому тону. – Ни одной девки не испортил, княжич вон не даст соврать.

– Точно, – разулыбался Дмитрий. – Зачем девки, если вдовицы да жёны есть?

– Ишь какой пряткий отрок, – усмехнулся Иван Никанорович. – Вот завтра и узнаем, по бабам ты только али ещё на что годен.

Княжич смутился и умолк. Он вообще скованно чувствовал себя среди непривычной обстановки. За большим столом было тесновато, собралось пятнадцать человек, половина дети, причём двух младших, года по три-четыре, мамы держали на коленях. Два сына с жёнами, ещё две невестки помоложе – их мужья, внуки Еманова, сейчас служили. Большая семья, дружная. Княжич, который прежде из малышей только своих брата и сестёр видел, да и то редко, посматривал на них с опаской, а они в ответ – разглядывали без

малейшего стеснения. И хотя некоторые из детей словно на иголках сидели, ни минуты покоя, но всё равно за столом не было шумно. А уж когда заговаривал хозяин – негромко, спокойно, – и вовсе все притихали.

Иван Никанорович Еманов, как и положено, сидел во главе стола, по левую руку от него – хозяйка. Алёну с воеводой усадили рядом с ней, а вот княжича – по правую руку от старого пластуна. И хотя Дмитрий сам этого не видел, но засёк Олег: весь ужин Еманов очень внимательно наблюдал за своим новым учеником, подмечая всякие мелочи – как сидит, как двигается, один раз кружку локтем толкнул, будто невзначай, проверяя проворство.

Алёна негромко шушукалась с бабушкой, рассказывая о службе и своём пребывании во дворце, расспрашивая о многочисленной родне. Олег слушал краем уха, хотя и старался не подслушивать, но когда звучало его имя – удержаться не мог. Но всё же он больше разглядывал собравшихся за столом. Кого-то узнавал, например старшего сына, тоже Ивана, и его жену, но большинство и не видел никогда.

Впрочем, если встречал, не узнать кого-то из Емановых было трудно, одна порода. Старый пластун, например, за минувшие годы почти не изменился. Как было ему на вид около сорока, так и осталось, разве что морщины стали глубже. Невысокий, вровень с женой, худощавый – на вид плевком перешибёшь, почти лысый, пропечённый солнцем до бронзового цвета. И сыновья похожие, разве что младший бороду носил.

Только несерьёзным видом старика Олег и с самого начала не обманывался, повидал он таких в жизни, двужилых. Знал одного сержанта, такого же вот склада, который очень любил длинные маршброски в полной выкладке. И когда здоровые лбы вроде самого Олега обливались потом и спотыкались от усталости, этот только посмеивался да подгонял, как будто и не бежал наравне со всеми.

– А что, Олег, баню-то ты ещё уважаешь? Как оно с этим делом у князя? – спросил Еманов-старший под конец ужина, уже и самовар почти весь выпили.

– Да какая там баня, слово одно, – охотно отозвался Олег. – И веников твоих нет, и попарить хорошо некому.

– Добро. Значит, затопим, как вернёмся, – удовлетворённо кивнул старик. – А пока пойдём-ка дров наколем.

Олег без возражений выбрался из-за стола, осторожничая, чтобы не толкнуть соседей и ничего на столе не уронить, без привычки покинуть длинную общую лавку было не так-то просто. Это Еманову хорошо, он на стуле со спинкой сидел, ну да на то он и глава семьи.

Шарик встречал у двери. Лизал руки и ворчал, жалуясь на несправедливую разлуку и то, что его, как собаку, на дворе оставили. Хотя до этого, воевода узнавал, дрых без задних ног в тени между сараями. Но не потрепать пса за ушами не мог. Остановился поговорить, извинился, что чужой дом – чужие порядки, а вот как в свой новый приедут, так никто его притеснять не станет...

– Никогда я к этому не привыкну, - насмешливо проговорил Еманов, когда они через минуту стронулись с места. - Тетёшкаться с собакой, как с ребёнком... Испортил пса, избаловал. Он у тебя небось к охоте уж и не годен, а какой кобель был!

– А я тоже к охоте не годен, так что мы с ним друг друга понимаем, - отмахнулся от этого ворчания Рубцов.

На двор опустились сумерки, но дорогу к дровяному сараю и колоде под навесом Олег и без хозяина нашёл бы легко – всё это тоже как будто не изменилось за десять лет, а он до странности ясно помнил эту станицу и весь этот двор, как будто не десять лет с лишком минуло.

Старик сел на поленце в стороне, Шарик прихватил один из чурбачков поуже и улёгся разбирать его в щепы, а воевода без слов и уточнений скинул рубаху и взялся за топор.

– Жениться, значит, надумал. – Еманов не стал долго тянуть с разговором, за которым гостя сюда и привёл. – А что ж раньше-то не сподобился?

– Видимо, Алёну ждал, – легко ответил Олег, не вдаваясь в подробности.

Вряд ли старику интересно выслушивать всё то, что пару седмиц назад спутанной паклей забивало голову первого княжеского воеводы. Рубцову и самому-то это уже было неинтересно.

– Любишь? - спросил Еманов через несколько мгновений, проводив взглядом топор, коротко и точно опустившийся на берёзовый чурбак.

– Люблю, – в том же тоне спокойно отозвался Олег. Подобрал одну из половинок, поставил на колоду, ударил. Чурки разлетелись на стороны со слабым звоном – хорошие дрова, сухие.

– Бедовый ты мужик, Рубцов. Непокойный, – заметил Иван Никанорович с глубоким вздохом.

– Я над собой работаю, – улыбнулся тот в ответ, бросая чурки в приличную кучу колотых дров чуть в стороне. – Землю вот князь пожаловал в Моховом уезде близ пятой заставы, – заметил между прочим, ставя новый чурбак и примериваясь. – Буду учиться мирному применению янтаря, пока жена службу несёт.

Разговор этот и торг его забавляли. Ясно же, не станет старик всерьёз препятствовать свадьбе, если уже и со жрицами сговорено. Да и разговор бы он тогда завёл другой и не здесь. Но и в стороне остаться не мог, небось еще и обидно, что без него всё решили, вот и пользовался случаем поворчать, волю свою показать и то, что внучку абы кому не отдадут. И Олег это понимал, и Еманов знал, что Олег понимает, но оба делали вид, что всё серьёзно и не о том. А что он не «абы кто», Рубцов готов был доказать на деле, если понадобится.

– Хитро устроился, – одобрительно крикнул Еманов. Помолчал пару чурбаков, а потом вдруг заговорил вовсе о другом – то ли ответами успокоился, то ли наблюдением за чужой работой. – Про княжича что скажешь?

– Лучше, чем можно ожидать, – подумав, ответил Олег. – Бестолковый, но это по молодости. Зато незлой и умеет нос не задирать, когда надо.

Еманов ещё немного поспрашивал об опальном наследнике – чему учился, как в дороге держался, чего всё-таки князь хотел добиться от него этой ссылкой. В какой-то момент старик запалил лучину, потому что света под навесом перестало хватать. Намного виднее не стало, как раз только и достаточно – дрова в потёмках разбирать. А вот выражения лица Еманова Олег не видел и понять, как тот принимает его слова, не мог. Но в это он решил не лезть, опытному старику всяко виднее, как молодняк воспитывать.

Вопросы кончились, и Еманов опять умолк, задумавшись о чём-то. Тишину нарушал только звук топора, стук падающих чурок и резкие выдохи воеводы на махе.

– Ты, гляжу, повязку носить перестал? – вдруг спросил старик. – Давно?

Олег, растерявшись, коснулся своей щеки, словно повязка была, да потерялась, и неопределённо хмыкнул. Ответил только после

нового удара.

– Да как-то... Я и забыл про неё. Нет, недавно. На Озерицу потерял, а там как-то и не до неё стало.

– Это хорошо. Ладно, довольно топорам махать. Идём. Заждалась, поди, невеста, думает, я тебя тут догрызаю.

– Догрызал бы ты меня дома, при ней, – возразил Олег со смешком, закончив с очередным чурбаком. Вогнал топор в новое полено, поставил его на колоду и взялся за рубаху. Но надевать не стал – спина успела вспотеть, не хотелось запачкать. – А ты про повязку-то для чего спросил?

Еманов, не спеша подниматься с места, смерил Олега взглядом – тот видел, как двинулась голова и сверкнули глаза, но опять не разобрал выражения.

– Дед? – окликнул он, потому что молчание затягивалось.

– Да я вот думаю, как оно тебе покороче да попрямее сказать, но всё с приподвывертом выходит, издаля. Сядь. Давно я с тобой о том поговорить хотел, еще когда в прошлый раз прощались, но думал – чего лезть. А тут раз сам спросил...

Олег снял чурбак с колоды и сел на его место, с интересом приготовился слушать. Еманов не любил долгих рассуждений, пускался в них крайне редко, но зато если уж пускался – не попусту.

– Небось встречал таких типов, которые считают себя хорошими да пригожими, только народ вокруг них всё злой, не ценит никак, не видит, что за сокровище тут ходит?

– Бывало, да, – подтвердил воевода, окончательно заинтересованный – уж больно неожиданно старик начал.

– Если разбираться, то такое едва ли не про всех людей справедливо – у кого меньше, у кого больше, от характера зависит. Себя-то всякий любит, всякий себе добра желает, всякий себя плохим не считает. Но только в глазах того, кто на тебя смотрит, можно увидеть то, какой ты в самом деле есть, а не каким себя мнишь, и если внутри гниль да труха, оттого тебя люди и сторонятся, – признать это мало кто способен. Вот и плачутся, что не ценят. Ясное дело, не в одни глаза смотреть надо, а по всем вокруг. К примеру, если враги тебя боятся – значит, противник ты грозный, опасный, а вот если родные дети – то не взыщи, значит, жесток без меры, а то и трусоват, раз слабых обижаешь почём зря. И вот сколько я живу, а ни одного, кого

бы ни за что все окрест шпыняли, не встречал. Чтобы внутри был и хорош, и честен, и надёжен, а все бы кругом его сторонились. Так чтобы совсем – все. Что, не согласен?

– Да спорно как-то. Бывает, от людей из-за суеверий каких-то шарахаются. Или по воле кого-нибудь, кто остальных убедить умеет.

– Ну ладно, – со смешком согласился Еманов. – Ты уж совсем крайности говоришь, и не встречал я такого ни разу, но отчего бы и не быть. Давай тогда так: в большинстве-то случаев я прав?

– Пожалуй, – не стал спорить Олег, догадываясь, к чему старик клонит.

– Ну так вот. Мало кто из людей умеет угадывать, что о нём взаправду думают окружающие и каким его считают. Я не жрица и не могу сказать, что у Матушки на уме было, когда она людей делала, но вряд ли что дурное, и небось намеренно так устроила. Трудно это, всегда точно знать, как к тебе относятся, а значит – какой ты есть. Я не стал тебе тогда говорить, когда ты про янтарь этот рассказывал, но по мне, так Озерица тебя одной рукой одарила, а другой испытание назначила. Уж не знаю, намеренно, или оно у богов само собой всегда получается, или уж вовсе случайно вышло – они-то небось нас и так насквозь видят, им такой сложности, может, и не понять. Судить тебя за то, что пытался от этого увильнуть, не мне. Я на твоём месте, может, струхнул бы еще сильнее, кто знает! Но одно точно сказать могу: если ты про повязку свою забыл, это точно добрый знак. Я потому и заметил. И что на Озерицу – тоже хорошо. Видимо, чем-то ты её порадовал, раз в этом помогла.

– Да при чём тут Озерица? – пробормотал Олег и ответил, не дожидаясь вопроса: – Алёна. Я из-за неё про повязку эту забыл.

– Ну, добро! – после недолгого молчания решил Еманов, поднялся, хлопнул воеводу узкой и твёрдой, как доска, ладонью по плечу. – Идём, ночь уже, надо отдохнуть с дороги. Оно, конечно, дело молодое, понимаю, что спать вы не больно-то будете, но всё одно до рассвета подниму.

– Да уж как-нибудь поднимусь, не ворчи, – отмахнулся воевода.

Он так и не понял почему, но после этого разговора со стариком, особенно последней его части, на душе стало так легко и спокойно, как не было на его памяти никогда. Может, чего-то он не понял в сказанном и многого не понимал в жизни, но одно знал точно: вот

теперь, именно теперь, он в этом мире свой. Если помощью в войне он заслужил право здесь жить,то сейчас, наконец, научился им пользоваться.

ЭПИЛОГ

– Олег, а что такое «буратина»? - спросила Алёна задумчиво. Лошади не спеша шагали через чахлый перелесок, отмахиваясь хвостами от насекомых.

– Ну это был такой деревянный мальчик, его Папа Карло вырезал из полена. Сказка такая, - рассеянно отозвался тот, больше сосредоточенный на собственных ощущениях.

Ездить без седла он более-менее приноровился и потому на прогулку согласился не без удовольствия. Однако хребет у этой кобылы с вроде бы широкой на вид спиной оказался таким высоким и острым, что о принятом решении Рубцов пожалел очень быстро. Но не возвращаться же.

– Какой ещё деревянный мальчик?! – изумилась Алёна.

– погоди, а ты вообще о чём? И где это слово услышала? - опомнился отставной воевода.

– Так ты же сам говорил, что на твоей прежней родине так алатырников огнечных называют.

– А-а, ты про эту буратину! – рассмеялся он. – Почему ты вспомнила об этом и почему только сейчас?

– Ты порой такие странные слова говоришь, повторишь не в раз, – улыбнулась Алёна в ответ. - Вот сейчас про миолиразию эту сказал, и что алатырников там не было, и вспомнилось вдруг. Тогда что это?

– Это такая большая машина, которая огнём швырнется, – пояснил он. – Не как ты живым огнём, а чем-то вроде сосудов с горючим маслом. Это если очень грубо. Грозное оружие, серьёзное.

– А почему в её честь назвали деревянного мальчика из сказки?

– Да скорее наоборот, сказка-то постарше будет, – опять засмеялся он. - Почему – не спрашивай, я тут сам связи не понимаю. Наверное, пошутили они так.

– Давай у озера остановимся умыться? Жарко, - предложила алатырница, и Олег с удовольствием согласился: наконец будет возможность слезть с этого четвероногого забора!

Алёна только улыбнулась украдкой его воодушевлению. А то она не заметила, что муж ёрзает, как на иголках, и то и дело на шагу

приподнимается, на коленях стоя! А спросишь прямо – не сознается ведь, упрямый.

Но у озера и впрямь оказалось хорошо. Олег сразу сбросил сапоги и рубашку и впрямь пошёл умыться, а Алёна не удержалась, подошла к нему тихонько сзади, чтобы обнять, уткнуться лицом в широкую спину, с удовольствием зажмуриться, наслаждаясь ощущениями. Соскучилась она, очень. Седмицу целую не виделись – он по полям разъезжал, она по горам, и всё встретиться не выходило.

В управление помещьем Рубцов втягивался тяжело, с руганью и угрозами. Грозился, конечно, не жене, а в её отсутствие управляющему – дотошному, сварливому и страшно занудному мужику лет пятидесяти, присланному князем. Дело своё тот знал крепко, воеводу безо всякого почтения гонял в хвост и в гриву, буквально вбивал в него свою науку, словно в дитяню неразумного. Олег понимал, что правильно делал, уважал опыт и умения наставника, но отношения у них как-то сразу не заладились, и тот год, который управляющий прожил в поместье, вспоминался сейчас с содроганием. Но зато наука пошла впрок, и за три года поместье заметно преобразилось – и земля, и дом, и ближние деревни воспрянули духом. Рубцов хотя удивлялся резкому жизненному повороту, но в роли землевладельца вполне освоился, и хозяин из него вышел, может, не самый умелый и прозорливый, но крепкий и ответственный.

Хозяйка вот только у него беспокойная оказалась, о чём регулярно ворчали деревенские старосты, но от них он только отмахивался. Пусть тоже предпочёл бы, чтобы жена была рядом, но неволить он её, как и обещал с самого начала, не собирался. И хотя разлука каждый раз давалась всё труднее, но зато и встречи – радостнее.

Олег накрыл обнявшие его руки жены своими, холодными от озёрной воды, а через пару мгновений уже обернулся и жадно поцеловал, а там и вовсе стащил с неё рубаху. Потом опустился на траву, потянул Алёну за собой – аккуратно, бережно, усаживая сверху. Ему-то ничего не будет, а её по холодной мокрой траве валять – дурное. Алатырница это заметила, засмеялась тихо, радостно – не оттого, что было смешно, а просто так, от счастья, и охотно, без стеснения, поддержала этот порыв. Она вечером приехала, и хотя без малого всю ночь миловались, всё одно никак насытиться не выходило.

Некоторое время спустя Алёна расслабленно лежала на груди любимого мужчины, наслаждалась медленными, успокаивающими прикосновениями и чувствовала себя совершенно счастливой.

То есть почти. Было одно, что портило ей настроение: необходимость уже совсем скоро, на рассвете следующего дня, возвращаться на заставу. И хотя тут рядом, и Олег нередко приезжал сам, но всё равно за прошедшие три года такая жизнь успела надоесть. И ей, и ему тоже. Но молчал, хотя порой явно хотел высказаться, и за это Алёна была благодарна, и любила его, кажется, с каждой разлукой и каждой встречей больше прежнего.

Не сказал ничего даже тогда, когда их небольшой отряд после землетрясения и обвала пропал в горах. Олег тогда словно почуял что, явился на заставу без какой-то причины, а когда ясно стало, что произошло – именно он их и нашёл, одного убитым, двоих, включая Алёну, ранеными. Нашёл и тропу к ним сам сделал, потому что не подобраться было. И потом только глянул дико да сжал жену в объятьях так, что едва рёбра не переломал. Командир заставы потом диву давался и никак поверить не мог, что воевода заставу не разнёс за то, что чернявую его не уберегли.

В тот раз Алёне стало перед ним нестерпимо стыдно. Особенно потому, что не ругался, не требовал ничего и всё понял. Её дальнейшую, после окончания обязательного срока, службу они никогда не обсуждали – кажется, Олег просто боялся обидеть и давить не хотел, - но именно тогда алатырница твёрдо решила, что на заставе не задержится. И с тех пор только укрепились в этом решении.

Два месяца с небольшим осталось подождать, и тогда уж они не расстанутся. А позже, как в полях урожай соберут, можно будет наконец к деду выбраться. Письмовная шкатулка есть, и новости все алатырница знала, но это всё равно не то. И даже, может, до Китежа добраться. Во дворце делать нечего, а вот Ульяну с её мужем Алёна бы с удовольствием проведала, та давно звала.

Вышла замуж боярышня недавно, меньше года назад, и, к удивлению Алёны, за знакомого ей княжичева дружка – Владислава Турова, соседа своего. Оказалось, тот давно на Ульяну с интересом поглядывал, а потом, после её отъезда, дослужил положенный срок и отправился следом. Боярышня, тосковавшая о великом князе, поначалу с радостью встретила старого знакомца как способ отвлечься. А тот

показал себя настойчивым и терпеливым и помаленьку, полегоньку, не нахрапом, а долгой старательной осадой, но своего добился.

Как писала Ульяна, она и сама не заметила, как так вышло, что знакомый молчаливый парень потихоньку стал своим, родным, любимым. Зато Алёна очень хорошо это всё видела по письмам, в которых поначалу то и дело мелькал великий князь и мысли подруги о нём, но постепенно его стало всё меньше, пока вовсе не пропал, уступив место Владу, который и то, и это, и с братьями подружился, и матушка при нём всегда улыбалась, и в Навь ушла счастливой, без малого через месяц после свадьбы. Но писать об этом алатырница не стала, только порадовалась за подругу, которая переболела первой любовью и нашла своё счастье совсем рядом. И не странно, что семейство Вяткиных оказалось на стороне соседа и с лёгкостью благословляло все их встречи и прогулки. Надо думать, они вздохнули с облегчением, когда любимая дочка и сестра забыла свою тоску и у молодых всё так удачно сладилось.

Хотелось Алёне и на переменившегося, повзрослевшего княжича Дмитрия поглядеть. О том дед порой писал, и она знала, что пластуна хорошего из наследника не вышло, но без малого два года княжич отслужил честно. Поначалу ему везло, обходилось без серьёзных трудностей, но везло до поры. Нарвался их отряд на болотников с сильным колдуном во главе. Дмитрий получил возможность показать себя, и показал, кроме шуток, достойно, геройски даже, вот только совсем не возражал, когда отец под предлогом лечения вернул его назад. На ноги княжича поставили, но он по сей день, говорили, хромал. Зато за ум взялся крепко. Повзрослел.

Впрочем, ей и на великого князя с княгиней было любопытно глянуть. Впрямую не спросишь ни у кого, перестал ли он по бабам бегать, неловко, да и не верилось в такой исход. Но однако же не просто так у него два года назад третий сын родился. Алексеем назвали, по всему Белогорью праздник был.

– Скорей бы осень, – тихо пробормотала Алёна, бездумно очерчивая кончиками пальцев белую вязь шрамов на боку мужа. Откуда они взялись, она теперь знала. Одного только не понимала, для чего Озерица их оставила? На память, что ли?

– Да ну, сырость опять... Что тебе эта осень? – рассеянно спросил Олег. Он лежал, прикрыв глаза, чувствовал, как по ноге ползёт какая-то

букашка, но ленился не то что встать и стряхнуть, а даже ногой дёрнуть.

– Так осенью как раз служба моя заканчивается, – проговорила она. Муж на этих словах замер недоверчиво, а она продолжила негромко: – Наконец-то не надо нам с тобой будет друг за дружкой по полям да горам мотаться, сил моих больше нет.

– Не пожалеешь? – всё-таки нашёл в себе силы спросить он.

– И не подумаю! – уверенно отозвалась, приподнялась, опираясь ладонями о его грудь, чтобы заглянуть в лицо и поймать напряжённый, взволнованный взгляд. – Может, если бы тебя не было, ещё осталась бы, но – не хочу. Каждый раз уезжать – нож острый, – вздохнула, дотянулась до его губ, чтобы легонько поцеловать, и добавила совсем уж тихо, почти смущённо: – Я сына тебе хочу родить. Чтобы такой же вот рыжий был, с веснушками.

Олег как-то странно улыбнулся в ответ – кривовато, дико, – но промолчал и только погладил её по щеке.

– Ты чего? – нахмурилась она тревожно. – Я... не то что-то сказала?

– Нет, не в том дело. Просто не могу представить себя отцом. Как-то... страшновато, что ли? – усмехнулся он нервно. – Не представляю, каково это. Что я с ним делать-то буду?..

– Разберёшься! – легко, с облегчением засмеялась Алёна в ответ. – Сказки, например, рассказывать будешь. Про буратину. – И она потянулась к расхохотавшемуся мужу за новым поцелуем. Алатырница была уверена, что отец из него выйдет замечательный, но доказывать это на словах не собиралась, сам увидит.

Об авторе

Страница автора: <https://feisovet.ru/Авторы/Кузнецова-Дарья?ref-book=190287>

Книги автора в магазине: <https://feisovet.ru/магазин/Кузнецова-Дарья/?ref-book=190287#books>

Все книги автора

«Во имя Чести. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Во-имя-Чести-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Спасителей не выбирают. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Спасителей-не-выбирают-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Симфония для пяти струн. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Симфония-для-пяти-струн-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Мастер оружейных дел. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Мастер-оружейных-дел-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Не кричите в тёмном лесу. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Не-кричите-в-темном-лесу-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Железный регент. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Железный-регент-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Голос Немого. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Голос-Немого-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Заведите себе дракона. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Заведите-себе-дракона-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Уездный город С***. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Уездный-город-С-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Абордажная доля. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Абордажная-доля-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Слово императора. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Слово-императора-ДарьяКузнецова?ref-book=190287>

«Эпилог к концу света. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Эпилог-к-концу-света-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Чистый лист. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Чистый-лист-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Мастера особых поручений. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Мастера-особых-поручений-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Образцовый самец. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Образцовый-самец-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Змееловов больше нет. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Змееловов-больше-нет-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Холодная, хрупкая, нежная. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Холодная-хрупкая-нежная-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Функции памяти. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Функции-памяти-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Цена ошибки некроманта. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Цена-ошибки-некроманта-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Шешель и шельма. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Шешель-и-шельма-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

«Антитело. Дарья Кузнецова» : <https://feisovet.ru/магазин/Антитело-Дарья-Кузнецова?ref-book=190287>

**КНИГА КУПЛЕНА В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЕ
WWW.FEISOVET.RU**

**КОПИРОВАНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЕКСТА
ДАННОЙ КНИГИ В ЛЮБЫХ ЦЕЛЯХ ЗАПРЕЩЕНО!**

Уважаемый читатель! Обращаем Ваше Внимание! Данный текст является коммерческим контентом сайта feisovet.ru. Любое копирование и размещение текста на сторонних ресурсах приравнивается к краже собственности, что повлечет соответствующую реакцию. А именно:

Обращение в арбитражный суд о воровстве коммерческого контента и/или его использовании в целях нелегальной наживы (нарушение федерального закона N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации")

Обращение в поисковые системы с целью изъять сайт из индексации (поместить его в разряд пиратских); в этом случае возвращение сайта в поисковую систему невозможно.

Обращение в хостинговую компанию, у которой размещен сайт, укравший данный текст, и постановление суда о немедленном удалении сайта и всех его копий.

notes

Примечания

1

Чернук – злой пакостливый дух, который толкает под локоть, заставляя ронять вещи, и под колено, отчего конь или человек спотыкается. Сам, говорят, крайне ловок.

Алатырники, иначе, янтарники – волшебники, одарённые всевозможных талантов. Янтарь считается чародейским камнем.

Прокуды – мелкие вредные домовые духи, поселяются там, где много детей, и любят хулиганить вместе с ними.